



ВАДИМ БУЛАЕВ

ДВА
ШАГА
НАЗАД

Annotation

Оставшийся без товарищей Вит Самад поступает в добровольческую бригаду "Титан", организацию насквозь прагматичную и не знающую жалости. Не забывают про него и спецслужбы.

Глава 1

Грузовик, дернувшись, остановился. Водила, вместо приветствия подав звуковой сигнал, приоткрыл окно и шумно сплюнул на бетон разгрузочной площадки.

— Маяк, хватит спать! — не поворачиваясь, он ткнул меня ладонью. — Приехали. Бери Хлюпу и топайте выгрузку контролировать. Груз по описи сдавайте.

Крепко зевнув, я оторвал голову от бронежилета, который использовал вместо подушки, выглянул в боковое стекло. Безрадостный, изученный вдоль и поперёк, пейзаж. Рампа, кладовщик, хмурые грузчики, распахнутые ворота склада, приспособленная под мусорный бак железная бочка.

За последние три месяца это зрелище уже примелькалось до тошноты.

Наша фура приезжает сюда почти каждый день. Из расположения выдвигаемся после завтрака, а к разгрузочной рампе добираемся во второй половине дня. Сдаём материальные ценности, и тут же обратно. По возвращении — короткий сон. Дальше — водилы сменяются, они у нас личности привилегированные, а мы, сопровождающие, снова в путь. Потому и досыпаю на задней полке кабины армейского грузовика, добираю недостающее.

Бодрствующий Хлюпа, угреватый детина лет тридцати, при виде встречающих оживился. Кладовщику радуется. У них ведь «бизнес», как он называет тёмные делишки с хитроватым мужиком, отвечающим за склад. И хотя он думает, что никто ничего не знает — это до поры, пока не зарвался. Медикаментами банчить — поступок на грани. Даже знаю, где берёт. У армейцев, на складах. Дружба у него там с интендантами. В наркоту вроде бы торговля пока не скатилась, однако толкать дорогое обезболивающее и прочие недешёвые таблетки — стрёмно, особенно если учесть, что прибыль там вряд ли большая. Интенданты себя точно не обидят, кладовщик — тоже. А рискует всем Хлюпа, за скромную маржу.

Я считаю его идиотом. Попадётся по мелочи — начальство, может, и промолчит, но кто по мелочи долго работать станет? Всегда хочется большего... Рано или поздно подведёт жадность Хлюпу, только... не моё это дело.

— Выплёвывайтесь, — торопит водила. — Попробуем засветло вернуться.

И так каждый раз. Все хотят побыстрее свалить отсюда и все пытаются проделать обратный маршрут до захода солнца. Не получится из-за расстояния и убитых, перемолотых танками дорог, но надежда, как говорится, умирает последней.

Выбрался под жаркий, сухой воздух. После салона с работающим кондиционером — премерзейшее ощущение, будто кто-то бегает вокруг с тепловой пушкой и сознательно обдувает. В знак приветствия помахал рукой стоящим на рампе, повёл плечами, затёкшими от разгрузки и броники, от нечего делать стукнул ботинком по колесу грузовика.

Медлительные грузчики, не спеша, распахивали створки прицепа. Пора туда, считать коробки гуманитарной помощи и контролировать, чтобы их складывали на выставленные вдоль стен поддоны в том же количестве, что и вынесли. Ушлый тут народец. Зазеваешься — мигом хоть что-нибудь, да сопрут.

Электропогрузчика на складе не имелось, поэтому все работы производились вручную. Из исправной механизации присутствовала лишь старая складская тележка, остальные валялись кучей в углу двора. Сломанные и ржавые.

Я как-то спросил, почему нельзя из множества поломанных собрать одну целую, в дополнение к имеющейся, и получил простой и незамысловатый ответ:

— Потому что тогда придётся несколько человек уволить. А им жрать будет нечего. В прифронтовой полосе с работой плохо.

Осознав причины, заткнулся и больше вопросов не задавал. Двухсоткилометровая зона от линии соприкосновения ограничивала местных во всём. В поставках продовольствия, в нормальном медицинском обслуживании, в передвижении, да просто в элементарных гражданских правах.

Здесь царили военные администрации, ставящие в приоритет дела армейские и воспринимающие досадное недоразумение в виде гражданских как обузу. Люди болтали, свидетельство о рождении грудничка иные штабисты по месяцу выдавали, лишая новорожденного налогоплательщика страхового обслуживания в убогих муниципальных больницах и прочих, положенных благ.

От такого счастья молодёжь, да и те, кто постарше, всеми правдами и неправдами стремились свалить куда подальше, вот только обжиться на новом месте получалось не у всех. Многие, устав платить непомерную аренду за жильё на чужбине и пахать за мизерную плату возвращались назад, под родную крышу. И выживали, как умели, хватаясь за любую работу.

Ну а то, что комендантский час вокруг, проверка документов на каждом шагу и частенько постреливают — можно привыкнуть.

... Взобравшись на рампу, уставился в нутро прицепа, откуда уже выносили первые коробки. Процесс контроля у меня отработан до автоматизма, да и Хлюпа внимательно следит за трудящимися. Он знает — гешефты с кладовщиком — это одно, а приём-сдача груза — другое. Пугать нельзя.

Разгрузка пошла своим ходом, и я, наблюдая за монотонными действиями работяг, даже не заметил, как углубился в воспоминания...

... Вербовочный пункт добровольческой бригады «Титан» встретил меня равнодушно, даже нехотя.

Когда я, полный самых неопределённых ожиданий, пришёл по адресу, указанному в планшете Ежи Брока, то с удивлением обнаружил третьесортный офисный центр в не самом престижном районе города.

Не сразу нашёл и нужную дверь, притаившуюся в угловом аппендиците здания. На ней, кроме номера — ничего. Даже пояснительная табличка отсутствовала.

Постучался, и, дождавшись приглашения: «Открыто», шагнул в бюджетно отремонтированное помещение, более подходящее бухгалтерии или администрации магазина, чем вербовочному пункту. Напротив входа, за столом сидела полная девушка и красила ногти.

И снова ни рекламных постеров на стенах, ни гербов, ни лозунгов.

— Мне назначено, — робко сказал я, предполагая, что вижу секретаршу. — Собеседование.

— Вторая дверь, — она кивком головы указала направление. — Постучаться не забудьте.

Мои имя, фамилия и прочие атрибуты человека, пришедшего кардинально менять свою жизнь, её не интересовали. Даже в монитор не взглянула — есть я в списках или нет. Ногти важнее.

В нужный кабинет пригласили сразу, едва я побарабанил костяшками пальцев по

дверному полотну.

Подтянутый мужчина лет сорока, одетый в пляжную рубашу, шорты и лёгкие шлёпки, тоже не стал смотреть в монитор. Указал на стул напротив себя, предложил минералки. Я согласился.

Пока он ходил к холодильнику, пристроившемуся в углу помещения, осмотрелся. Обстановка конторская — шкафы, офисный стол с монитором, стулья вдоль стены, за дверью — шведская стенка с турником. Из всей милитаристики — средних размеров стенд с эмблемой в виде стилизованной рыцарской перчатки и аббревиатурой «ДБТ».

Такую же я видел на сайте бригады.

Протянув мне запотевшую бутылочку с водой, мужчина, назвавшийся Махао, по-свойски спросил о цели визита, а когда я ответил, начал меня пугать, ни о чём более не спрашивая.

Говорил о том, что меня наверняка убьют, что жалованье у бойца крохотное, что нагрузки подорвут моё здоровье. В красках расписывал все тяготы и лишения войны, упирал на здравый смысл, завуалированно намекая, что даже в тюрьме лучше и спокойнее.

Устав трепаться и промочив горло, он перешёл ко второй части. Задрав полу рубашки, демонстрировал безобразный шрам через всё брюхо и радовался, что легко отделался; спрашивал о том, что я умею и смогу ли я это делать, к примеру, одной рукой — ведь качественный бионический протез никто не выдаст, а за свой счёт покупать — слишком дорого. С протеза ненавязчиво перешёл на внутренние органы, ремонт или замена которых стоят совсем уж запредельно для рядового бойца.

Я помалкивал и, в редкие паузы, вставлял пару слов о твёрдости своих намерений и уверенности в выбранном пути.

Человеку по имени Махао такое упорство не нравилось. Развернув монитор, он в два клика включил заранее подобранное слайд-шоу и передо мной замелькали картинки с изувеченными трупами, сгоревшей техникой, жирными (аж блевать потянуло) червями в глазницах неизвестного воина со снесённой частью черепной коробки.

Речь же его стала из простецко-добродушной жёсткой, злой.

— А ты сможешь, — почти кричал вербовщик. — Спать в одном помещении с людьми, которые могут убить за косою взгляд? И ничего им за это не будет! Прилетит пуля в затылок — пикнуть не успеешь! А если по пьянке они тебя всем взводом отсасывать заставят?! Руки скрутят, передние зубы выбьют, чтобы не грызанул, и будешь чмокать змей одноглазых. По очереди, у каждого! Потом что?! В суд побежишь? К офицеру?.. Как думаешь, сколько тогда проживёшь? Стукачей нигде не любят... Разобраться решишь? Сам? С винтовкой? И нахрена ты, такой психопат, бригаде сдался?! — мне в лицо брызнуло слюной — мужчина почти впал в ярость. — Что делать будешь?! Что?..

— Ничего, — с каменной рожей выдохнул я. — Не стану до такого доводить.

— Да кто тебя спрашивать будет?! — ярился Махао.

Он не скрывал подвоха. Ответить на этот вопрос однозначно невозможно, и вербовщик это знал.

— Вот когда случится, тогда и буду думать, — исподлобья бросил я, отдавая должное его артистизму.

Разозлить меня ему не удалось, как и вывести из себя.

А на что злиться? На то, что человек выполняет свою работу, отсеивая непригодных кандидатов на подступах? Так правильно это, одобряю. Чем больше народу испугается сейчас, в этом кабинете, тем меньше возни с трусами в последующем.

... Пошумев ещё немного, он прошёл к столу и достал упрятанный в пластик буклет с рыцарским кулаком на первой странице. Небрежно бросил мне на колени.

— Читай. Официальная позиция бригады по основным вопросам.

Чтиво оказалось занимательным. В нём, без всякого официоза, расписывалось, что с момента подписания контракта я перестаю принадлежать себе и всецело становлюсь имуществом «Титана», с которым он волен делать всё, что вздумается. Что я стану пушечным мясом, бесправным куском дерьма и что так лелеемая мной мечта о новых документах откладывается на неопределённый срок. Что, оказывается, пять лет оттрубить — мало. Потребуется ещё и положительные характеристики от сослуживцев, и разрешение отцов-командиров.

— По факту, — мужчина в шортах тонко подметил момент, когда я изучал раздел о смене личности, — новые ID ещё не получил никто и как это будет происходить — неизвестно. Бригада существует только четыре года, а по правилам надо минимум пять лет отслужить. Переменят парламентарии завтра законы, отменят нужные пункты, и все твои потуги насмарку...

Продолжение текста тоже нелучилось оптимизмом. Через слово шло упоминание о смерти, слепом подчинении приказам, казарменном положении, жесточайшим карам за провинности и просто по настроению начальства, вплоть до вылета со службы или трибунала. Отдельным пунктом уточнялось, что жалование в полном объёме боец получает только в конце контрактного года, до этого довольствуюсь пятнадцатью процентами от ежемесячных начислений. Красивый ход. Этот год ещё прожить надо. Сплошная экономия.

Вернув буклет, я вновь настоял на своём:

— Подходит.

Махао передёрнуло, а на лице образовалась гримаса отвращения. Поджав губы, он указал на турник.

— Умеешь?

— Немного.

— Покажи.

Допив воду, выполнил указание. После десяти подтягиваний от меня потребовалось изобразить уголок, затем подтянуть носки кроссовок к перекладине. Ничего сложного для того, кто со спортом хоть немного дружен.

— Хватит, — раздражённо пробурчал вербовщик. — Отжиматься не будем. Вижу, ты не полная размазня. Поехали...

— Куда?

— К врачам. Посмотрим твоё физическое состояние... Да не бзди, при мне тебя копы не тронут. Про то, что ты под защитой бригады, пока мы с тобой валандаемся — чистая правда.

... Дальше он отвёз меня на собственной машине в больницу, где доктора всесторонне изучили мою персону.

Медицинское заключение, выданное под вечер, вконец огорчило Махао.

— Здоров, суставы в норме. Не наркоман, зрение стопроцентное... Ну, твой выбор, парень... Завтра приходи. Продолжим.

Задумался. Новость не радовала. Последнюю ночь я провёл на замороженной стройке, почти за городом, и возвращаться туда совершенно не хотелось.

— Чего насупился? Некуда идти? — понимающе усмехнулся вербовщик. — Совсем?

— Да.

— Эх... Ну, поехали обратно. Помогу.

Вернувшись в офис с уже отсутствующей секретаршей, он провёл меня к дальней двери.

— Пересидишь тут. И чтобы был порядок! Завтра выпущу.

Вербовочный пункт оказался подготовлен и к таким рекрутам, как я. За дверью оказалась чистая комнатка без окон с койкой, санузлом, тумбочкой и визором на стене. Имелись и пищевые рационы.

... На следующий день, после обеда, состоялся крайне неприятный разговор.

— Парень, — негромко начал Махао, устроившись поудобнее за рабочим столом. — Ты же понимаешь, что вся эта политика конфиденциальности — полная туфта и подноготную всех кандидатов проверяют досконально?

— Угу.

— Радует. Поэтому позволю себе несколько нарушить правила бригады и спрошу: кто ты такой? За правым ухом — чип-синхронизатор Федерации в состоянии активной маскировки, анализ твоей мочи и крови показывает набор микроэлементов, присущих добавляемому в воду коктейлю из набора пехотных подразделений всё той же Федерации. Полезный, кстати, для здоровья коктейльчик... Но его мы обсуждать не станем. По заключению врачей, в последний раз ты принимал это пойло примерно месяц назад, плюс-минус неделя. На гражданке такой не продают... А по полицейской базе ты — Готто Ульссон, разыскиваемый за серию мелких краж и грабёж. Вот только Готто Ульссона никогда в природе не существовало. Человек в картотеке есть, а прошлого у него нет. Ни в школе, где он учился, о нём ничего не знают, ни в родном городе.

Что-то подобное я и подозревал...

— Ты же понимаешь, — продолжал вербовщик. — Мне проще дать тебе пинка под жопу и прогнать восвояси, чем заполучить комок проблем.

— Понимаю.

— Тогда расскажи мне что-нибудь такое, чтобы я расплакался и заорал: «Верю».

Эх... была не была!

— Я дезертир. Родом не отсюда. Готто Ульссон — придумал, чтобы людям представляться. Подобрал через здешний шуточный сайт, генерирующий случайные имена и фамилии. Про якобы родной город и прочие сведения ничего не знаю. Может, копы вписали, когда личность устанавливали. Чтобы начальство меньше орало. А заодно и чужие грехи повесили для повышения статистики.

Последнее звучало бредово, однако я боялся запутаться во вранье и предпочёл выдавать правду по максимуму. Отступить мне некуда, вся надежда на продуманность покойного Брока. Ему бы тоже задавали аналогичные вопросы, и других вариантов рассказа о пережитых злоключениях я не видел.

Буду верить в политику бригады по защите своих питомцев и кандидатов в их ряды. В крайнем случае — выгонят, но копам не сдадут. Принципиально, ради поддержания имеющейся репутации.

— Ой, как интересно, — притворно удивился Махао, пуча глаза и прижимая ладони к щекам для пушшего эффекта.

Но я на издёвку не повёлся.

— Нёс службу на маяке Федерации. Том самом, который расколошматили при

вражеском налёте. Вместе с выжившими отступил, после сбежал.

— Почему?! — тут же уцепился за этот факт мужчина.

— Из-за возможного второго налёта. Мы на грузовой платформе уходили. По открытой местности. Я предпочёл отстать. И не жалею. Парни никуда не доехали... Искал инфу по новостям — глухо... Чипы в активную фазу сержант перевёл при выезде. Считал, что мы на войне. По инструкции.

Последнее можно проверять до посинения. Знакомый с устройством и правилами охранных подразделений поймёт всё правильно, а незнакомый — выяснит, если совсем припечёт.

Про клинику умышленно не упомянул. Если официальные СМИ промолчали о солдатах Федерации, то событие явно засекречено. Ну и список выживших тоже нигде не публиковался. Мы этот момент с Ежи и Сквочем много раз обсуждали.

— А в посольство пойти не судьба? — прищурившись, поинтересовался Махао и откинулся на спинку стула с таким видом, будто бы меня раскусил и поймал на детских нестыковках.

— Закрыто. До окончания войны.

Не поверив, он припал к клавиатуре, торопливо вбивая запрос.

— Хм... действительно. К властям пойти? Они бы помогли.

— Посадили бы. Я немножко закон нарушил. Жрать хотел... засветился мордой и отпечатками.

— И чего же ты такого натворил? — как бы случайно поинтересовался собеседник.

Промолчал. Потом нехотя заметил:

— На первую степень тяжести чуть-чуть не дотянул.

— Ого! И сколько вас, таких хитрых, драпануло?

Проверяет. За себя рассказывать — моё полное право, а вот за товарищей... Я постарался состроить невинную рожу и уставился в окно, всем видом демонстрируя, что вообще не представляю, о чём идёт речь.

Меня поняли правильно, но не отвязались.

— Твой акцент... Откуда?

Захотелось рассмеяться. Лови, вербовщик, кусочек школьной программы для постановки правильной речи:

— Жужжит жужелица. Жужжит, кружится... Жужжит жужелица, жужжит, кружится произнёс на подзабытом родном, с выделяемой «ж» и усугубил другими, непроизносимыми на здешнем диалекте, звуками. — Или вот... Даже шею, даже уши ты испачкал в черной туши. Знаем, что защищаем, Зараза, заезд, завоз, зазор...

Проговаривал все буквы чётко, как положено, чем сильно удивлял собеседника. После ещё десятка заковыристых для местных слов он сдался:

— Верю.

Больше Махао не произнёс ничего, усиленно обдумывая полученные сведения. Параллельно он что-то искал в сети, хмыкал, изредка вскидывал брови от удивления, ходил по комнате, снова копался в мировой паутине.

Мне оставалось лишь тихо ждать результатов.

— Это самая странная история, которую я когда-либо слышал, — вздохнув, заговорил со мной вербовщик, устало глядя поверх монитора. — Всяких видел, всякое враньё в уши

получал, но такое... И ведь ты мне почти правду рассказываешь... Иди к себе. Я позову.

«Иди» прозвучало утрировано. В комнатку-гостиницу у меня не было допуска. Замок открывался и закрывался только отпечатком ладони владельца. Разумеется, он меня туда отвёл и запер.

День закончился, в свои права вступил вечер. За дверью, в коридоре, изредка слышались шаги, периодически пиликал звонок коммуникатора. Трудящаяся у входа девушка шумно собралась, пощебетала с подружкой о планах на выходные и, попрощавшись с шефом, свалила с рабочего места.

А вот Махао задерживался.

Ближе к полуночи он вновь позвал в кабинет и велел сесть за его стол, напротив монитора.

— Расскажешь всё то, что рассказал мне.

Пожав плечами, я плюхнулся на довольно удобный стул и поздоровался с лысым, плотным мужчиной в форме без знаков различия, проницательно наблюдавшим за мной с экрана. Представляться неизвестный не посчитал нужным.

— Ты с маяка?

— Да.

— Там все погибли.

— Нет. Некоторые выжили.

— Имя командира?

— Сержант Бо Мид.

— Личный номер?

— 23050807, - можно назвать любой, доступа в секретные файлы Федерации у него однозначно нет, но предпочитаю говорить правду.

Человек в мониторе, похоже, откровенность ценит. Впрочем, допрос продолжается.

— Где располагались боксы с техникой?

... Спрашивает, явно сверяясь с каким-то планом. Местным вход на охраняемую территорию категорически воспрещался...

— У ворот. Казарма и столовая — дальше, — я продолжил заочную экскурсию по изученным вдоль и поперёк краям, не дожидаясь уточняющих вопросов. — Вышка маяка с обиталищем гражданского техника — сзади, левее — стрельбище и полоса препятствий.

Глаза вопрошающего слегка скосились влево, на невидимое мне изображение прежнего места службы. Затем последовал утвердительный кивок.

Дальше он спрашивал, спрашивал, спрашивал... Общий вывод — незнакомца больше интересовал я, нежели военные тайны Федерации.

Под конец мужчина в форме громко сказал, обращаясь к вербовщику.

— Махао! Молодой человек тестирование проходил?

— Ещё нет.

— Пусть проходит. Завтра, с утра результаты сбросишь на почту.

На том беседа и закончилась.

Хозяин кабинета прошёл к шкафу, извлёк оттуда планшет.

— Держи. В графу «Имя» впишешь любые данные или кличку. Придумаешь сам. Дальше отвечаешь по пунктам. Идеализировать себя не рекомендую — психологи в два счёта раскусят. Так что выбирай правдивые ответы. Всё. Иди в гостевую.

Получив понятные вводные, я вернулся на койку, а мужчина с облегчением покинул

офис, напевая под нос весёленькую мелодию.

Через два дня меня встречала тыловая база «Титана» — здоровенная, огороженная территория с собственным автопарком, множеством складов и переоборудованными под жильё административными помещениями. Раньше, до заварушки, здесь располагался логистический центр крупной торговой сети, реквизированный впоследствии для нужд бригады.

Как мне думается, смена владельцев произошла по общему согласию сторон. Бизнесмены избавлялись от дорогого в содержании комплекса, волей судьбы оказавшегося в тридцати километрах от передовой, а добровольцы принимали на себя все расходы по уходу и поддержке имущества в нормальном состоянии, попутно пристроив к делу его функциональные возможности. Даже часть гражданских сотрудников оставили, из числа самых опытных в складском деле.

Но обо всём по порядку.

Добрался я к новому месту службы более чем прозаично — на вольнонаёмном фургоне, везущем партию спальных мешков и нижнего белья для бойцов. У водителя имелись все пропуска и лицензии, потому военная полиция, чьи патрули встречались всё чаще и чаще по мере приближения к театру военных действий, даже не пыталась остановить транспорт, ограничиваясь сканированием номерных знаков.

По прибытии, представившись и получив дешёвенькое обмундирование с койкой в отдельной казарме, где, помимо меня рвалось в ряды бригады ещё одиннадцать сорвиголов, потянулись раскрашенные наставниками будни. Бег, стрелковка, марш-броски, ежедневные обследования во врачебном отделении, оборудованном, кстати, по последнему слову техники; тесты, беседы с психологом, полоса препятствий, хозяйственные работы.

Казалось, нам здесь не рады. Старослужащие нас игнорировали, командиры всячески унижали и задирали нормативы до небес. Не пройди я учебку и школу сержанта Бо, не выдержал бы. А так — терпимо.

Через неделю ушло двое. Их никто не останавливал, не требовал заполнить какие-либо формуляры. Лишь равнодушно проводили взглядами до ворот расположения и сразу забыли, будто их тут и не было.

Еще четверых выгнали весьма иезуитским способом.

На территории имеется палатка, в которой можно приобрести различные житейские мелочи, вплоть до пива. Ограничения на продажу отсутствовали — бери, сколько хочешь, имелись бы деньги.

В один из особо жарких дней, приперченный двадцатью кругами вокруг складских ангаров на время, мои новые сослуживцы не выдержали и перед отбоем прогулялись «промочить горло». Они не напились, нет. Вели себя прилично и пустые бутылки в стену штаба не бросали.

Прокол случился в другом. Один из наставников, заметив жаждущих расслабиться, терпеливо дождался, пока они допьют, и немедленно устроил всем рекрутам дополнительные десять кругов. Опять же, на время.

Парни и скисли. Плохо бегать после нескольких бутылочек хмельного.

Как следствие — им указали на ворота, мотивируя тем, что «боец всегда обязан находиться в подобающей физической форме», и повернув дело так, чтобы остальные догадались — турнули не за то, что пили, а за то, что после употребления с нормативом не

справились.

Меня с пивком пронесло. И денег местных не имелось, да и чуял я что-то этакое... Уверен, не расслабься тогда ребята — бригадные погонялы придумали бы другую каверзу по отсеиванию неблагонадёжных.

... Посчитав оставшихся рекрутов относительно адекватными, с нами начались индивидуальные занятия. Учили многому и понемногу, без заточки под конкретную специальность: работе и обслуживанию пулемётной турели, оказанию первой помощи, стрельбе из основных видов вооружения бригады — винтовок, пистолетов, гранатомётов. К более сложной технике не подпускали. Там другие специалисты требовались, с профильной подготовкой.

Отдельно задалбывали метанием гранат и сапёрным искусством, хотя и несколько однобоко, делая упор на обнаружение взрывных устройств и их постановку. Про разминирование объясняли мало, навязчиво рекомендуя самим не соваться и звать профессионала.

К этим занятиям я подходил особенно тщательно, усердно запоминая всевозможные приметы и принципы обращения с вражескими «подарками».

Через месяц нам устроили что-то вроде экзамена. В полной выкладке прогнали на тридцать километров, заставив в финале штурмовать полуразвалившийся ангар.

Отвоевались лихо. По завершении каждый подмахнул годовой контракт, получил воинский ID (я свой попросил загнать под кожу, рядом с чипом), и шеврон «Титана».

Ещё нам поставили ящик пива, разрешив употреблять безбоязненно, и перевели из учебной казармы в общую, выделив отдельную комнату.

С утра же ничего не изменилось: побудка, кросс, хозработы, физподготовка, и только во второй половине дня пришла разнарядка по подразделениям.

К чести руководства, необстрелянных новичков в атаку никто посылать не стал. Всех временно оставили при тыловых службах. Меня и Хлюпу занесло в конвойный взвод...

Вот и катался я, сопровождая грузы, по раздолбанным дорогам Нанды.

... Вообще, организованность «Титана» заставляла себя уважать. Немногочисленное, продуманное подразделение, названное бригадой ради звучности и «на вырост». Оно, по сути, и на полнокровный полк не тянуло.

В состав входило три батальона: тыловой, размером с роту, куда я и угодил к собственному удовольствию, ремонтный — отвечающий за технику, и первый, самый многочисленный — находящийся в непосредственной близости от врага. Воюющий.

Оттуда регулярно приезжали пропахшие дымом, почти поголовно небритые люди, получали на складах различные припасы и убирались восвояси, особо ни с кем не общаясь.

Дважды к нам привозили закрытые гробы. Тогда все строились в каре, произносилась прощальная речь, на крышку ложился флаг бригады. По завершении траурной церемонии отдельный, похоронный микроавтобус увозил павшего в тыл, к семье.

Прикинув несложную математику, я понял, что количество рекрутов не соответствует количеству выбывших. Приехало нас двенадцать вместе со мной, контракт подписали шестеро. И новичков что-то не видно, а в то, что бойцы перестанут гибнуть — я не верил.

И в то же время, при вопиющей нехватке личного состава, отбор в ряды бригады происходил жесточайший, нацеленный на избавление от случайных людей. При этом, не морочили голову идеологией, не пели в уши о высоких целях.

Народ подбирали рассудительный и толковый.

Те же бойцы, из старослужащих, с опытом и авторитетом, без скандалов, деловито отработывали на занятиях положенное и выглядели так, будто они на работу пришли. Спокойные, уверенные, сказали делать — делают, потому что им за это платят. Нет команд — мирно отдыхают. Они даже по вечерам вели себя тихо. Брали пиво в палатке, усаживались в беседке рядом с их казармой и чинно, без ставок, играли в настольные игры, более всего предпочитая шахматы.

При необходимости они отправлялись в первый батальон, заменяя павших или помогая дотащить до мастерских покалеченную технику. Но, в основном, выполняли функции сопровождения, передвигаясь не в кабинах грузовиков, как мы, а на армейских внедорожниках.

К нам они относились без снисходительности, как к пустому месту и предпочитали свой круг общения.

Второй взвод, куда меня угораздило попасть, состоял из людей попроще, по разным причинам задержавшихся в тыловом подразделении. В основном — из-за возраста. Три четверти служивых разменяли шестой десяток и, хотя они исправно выполняли все возрастные нормативы, в бой особо не рвались, предпочитая ездить в качестве сопровождения. Ну и рукастые они поголовно — при запарке всегда в ремонтном батальоне помогут, если начальство прикажет, или на складах.

Понемногу вникая в жизнь бригады, я понял — война охренеть какой прибыльный бизнес. Мудрое командование, не без покровительственной лапы на самом верху, подмяло под себя добрую половину всех грузоперевозок в районе конфликта. За охрану платили и гуманитарщики, доставляющие коробки с просроченной жратвой для местных, и всевозможные мутные фонды взаимопомощи, под шумок, называя вещи своими именами, вывозящие дорогостоящее оборудование из полузаброшенных предприятий и фабрик, и рискованные водители автобусов, на свой страх и риск организовавших пассажирские перевозки через армейские блокпосты вглубь страны и обратно.

Но это была только верхушка пирамиды.

Неподалёку, будто назло всем, функционировал завод по переработке металлолома. С подведёнными железнодорожными путями, со стопроцентной рабочей нагрузкой, с отлаженным сбытом продукции на металлургические заводы. Лом железа принимали там же, не спрашивая о происхождении, лицензиях и сертификатах. Заполонившие округу охотники за металлом, не разбираясь, резали всё, что могли продать и свозили добычу на тягачах к приёмному пункту. Бывал там разок — перед воротами — уходящая едва ли не за горизонт очередь из тягачей с нагруженными выше бортов прицепами.

Разумеется, без бригады дело не обошлось. Заместитель командира по хозяйственной части, руководивший тыловой базой, в открытую катался туда через день, решая производственные вопросы и по-хозяйски следя за работниками. А чтобы не торчать там круглосуточно, с согласия вышестоящей инстанции создал охранно-управляющую фирму «Титан» со слегка изменённой рыцарской перчаткой на эмблеме.

Вроде как они, а вроде как и нет. По документам, естественно.

Перепадала доля и от поставок топлива для бронированной техники, не способной передвигаться за счёт электричества, и многое, многое другое...

И никто ничего не боялся.

Об этом я узнал от всё того же Хлюпы — проницательного малого с длинным языком. Случаются такие люди, которым всё обо всех поверхностно известно и которые всегда владеют самыми свежими сплетнями. Ну и поболтать любят, напустив ореол загадочности и корча причастность ко всяким таинственным тайнам.

Оно как получилось — ненароком разговорились перед выездом, в ожидании застрявшего где-то в администрации водилы. Сослуживец ко мне доверительно относится — через день вместе, складывается так. Потому треплется не стесняясь.

— Народ в бригаде мирный, — зачем-то ляпнул я. — А в сети пишут — головорезы и убийцы. С безопасниками якобы воевали.

Особого секрета в этом нет. Погибший Брок информацию черпал из открытых источников, а значит, найти её может каждый.

— Так то больше года назад было, — знающе отозвался Хлюпа, состроив плутовское выражение лица. — Не поделили потоки. Наши, — он выделил это слово, будто имел к событиям самое непосредственное отношение. — Закусились с СБшниками, отвечающими за данный регион. Те операцию по проверке завода устроили. Наехали, ворота заблокировали. Наши решили для начала поговорить — те ни в какую. Кто-то пальнул. Наши ответили... После через столицу разбирались. Через самый верх. Но порешали нормально. Утёрлись СБшники.

Время, упомянутое говорливым сослуживцем, примерно совпадало с датами, указанными в файлах. Но верить ему... надо делить на три.

— Ты откуда знаешь?

— Хе! — с некоторой надменностью ответил рассказчик. — У меня в первом батальоне знакомый служит. С гражданки. Он и рассказывал, — и добавил, напустив авторитетности в голос. — Ему можно верить. Не балабол.

Сколько в этом ответе присутствовало правды, а сколько вранья — я даже не предполагал.

Лучше вообще не знать.

Истолковав мою задумчивость как сомнение, Хлюпа дополнил:

— Все буйные и беспокойные в окопах сидят. Воевать ведь тоже кому-то надо. Мы — в тылу, при обслуге — тут уравновешенных предпочитают, и понятных... Жду не дождусь, когда на передок переведут.

— Зачем? Тебе что, тут плохо?

— Там платят раз в пять больше, чем мы сейчас получаем. Боевые, наградные, за особые условия... А мне бабло нужно. Хочу после службы коммерцией заняться.

Я с сомнением посмотрел на будущего финансового воротилу, но своё мнение оставил при себе. У каждого свои цели в бригаде. Моя — пересидеть смутные деньки, его — деньги.

Нормально и понятно.

С оплатой он тоже всё верно разложил. Жалование рядового бойца складывается из множества надбавок к весьма скромной тарифной ставке. Я получаю в два раза меньше, чем солдат Федерации, однако бонусом немного капает за каждый выезд в составе конвоя. И так по нарастающей.

— Тогда чего в первый бат не попросишься?

— Не пустят. Гуманитарку тоже кому-то сопровождать надо. Молодые придут — тогда да, переведусь.

— А если флагом накроют? — намекнул я на возможный исход событий.

— Меня? Вряд ли. Я везучий, — засмеялся Хлюпа, лишний раз демонстрируя собственную ограниченность.

Будто погибшие себя неудачниками считали!

Про взвод старшаков я не спрашивал. К ним проситься бессмысленно. Команда спаянная, проверенная, у руководства на особом счету, что-то типа «взвода для особых поручений». Все тёртые, опасные. Живут по своей программе.

— ... Всё! Удачи! — начал прощаться со складскими Хлюпа, удостоверившись в получении цифровой подписи за принятый груз.

Водитель, отдыхавший в кабине, засобирался, лично закрыл двери прицепа и придирчиво осмотрел колёса.

— Маяк! Твоя очередь бдеть. А я вздремну... — сослуживец взобрался на заднюю лежанку, пристроил винтовку в изголовье.

Ну да, справедливо.

По правилам, в движении спать или отдыхать строжайше запрещено, однако на практике происходит несколько по-другому. В салоне всего два кресла: одно водительское, другое — пассажирское, между ними моторный отсек. Ну и куда деваться третьему? На покрытой жёстким пластиком выпуклости долго не посидишь, элементарно свалишься на кого-нибудь при попадании грузовика в колдобину, а спальное место для нормального сидения не приспособлено. Там лежать хорошо.

Потому нарушаем. Кто-то бодрствует, наблюдая за дорогой и окружающей обстановкой, кто-то дрыхнет.

Усевшись поудобнее, без интереса уставился вперёд. Километров двадцать, до армейского блокпоста, можно не напрягаться. Тут всегда тихо. Расположенная поблизости часть противовоздушных сил здешний кусок неба держит на замке, у них с этим строго. Для диверсионных групп противника — далеко, да и делать им тут особо нечего. Полупустые гражданские склады на краю некогда большого посёлка стратегическим объектом назвать крайне сложно.

А вот потом придётся понервничать — дорога пойдёт вдоль линии соприкосновения. И артиллерия достать может, и ударные беспилотники показываются. Сто с лишним километров «счастья», которые мы преодолеем со скоростью пешеходного бегуна. Часов пять — шесть, не меньше, по рытвинам и выбоинам. В иные человек по пояс помещается. Объехать по обочине — не вариант. Там тоже всё перемолото-перепаханно и уставлено сгоревшей техникой, наскоро убранной армейскими тягачами с условно-проезжей части.

Я весь этот путь предпочитаю держать руку на рычаге дверного замка. Если с воздуха шарахнет, толку от моей винтовки — ноль. Лучше попытаться выскочить из кабины, поискать укрытие. На одиночек летуны не охотятся. Хлюпа поступает так же. Боится, как и я. Водила же будет орать благим матом и проклинать всех и вся, а особенно наших нанимателей — волонтерские объединения и Фонд Помощи Пострадавшим при Локальных Конфликтах. Они хитрые, деньгами отмазываются. Платят бригаде за логистику и экспедирование, а сами в безопасности прохлаждаются, раздавая интервью с сердобольными мордами.

Открытых боестолкновений здесь, как таковых, не было, но вот проходящие колонны поначалу утюжили крепко. Сейчас — тихо. Со слов водителя — в последний раз шумели месяца четыре назад, при обострении конфликта. Только один хрен боязно.

По графику выходим на связь, сообщая в штаб координаты и обстановку.

Второй КПП, третий... Выбираемся на нормальную дорогу уже в темноте. Водиле злится. Никак не могу понять — для его племени вернуться засветло — дело чести? Или некая высшая цель? Чего с ума сходить — знал ведь, что не успеем...

Вот и ворота. Въезжаем, здороваемся с дежурным, покидаем опостылевшую кабину. Грузовик направляется дальше, в отстойник, а мы топаем к ответственному по батальону — доложить и получить разнарядку на завтра.

Нас уже ждут. Лейтенант Дью, по прозвищу «Болт», и два незнакомых офицера в общевойсковой форме с нашивками военной полиции.

Приняв рапорт, Болт (он сегодня в роли ответственного) обращается к гостям:

— Эти?

— Да.

— Кто именно? — непонятно уточнил он.

— Левый.

Левый — это Хлюпа. Я стою справа.

— Маяк, выйди, — холодно приказывает ответственный.

Что-то будет... Полицейские не зря притащились. Наверняка повод у них такой, что бригада предпочтёт не отмахиваться.

Возвращаюсь в коридор, не забыв поплотнее прикрыть за собой дверь. Отхожу подальше, к окну в торце. Не хватало ещё чужих секретов наслушаться.

... Хлюпа выходит через полтора часа. Понурый, на меня не смотрит. Первое, что отмечаю — он без винтовки. Становится у стены, рылом от меня. За ним из кабинета высовывается голова Болта.

— Маяк! Зайди.

Пожав плечами, послушно возвращаюсь. Вины за мной нет, потому особо не нервничаю.

— Присаживайся, — лейтенант указывает на отдельно стоящий посреди кабинета стул. — Расскажи, у кого собирались покупать гранаты?

Вопрос меня огорошил. Какие гранаты? О чём вообще речь?

Видя моё замешательство, он демонстративно указал на копов.

— Вы предлагали гранаты кладовщику. Сегодня. У кого собирались брать?

... Ну, Хлюпа, бизнесмен недоделанный. Ухитрился-таки измазать меня своим дерьмом.

— Я не при делах.

— Угу... А кто при делах? — Болт нахмурился.

— Понятия не имею. Прибыл на точку, проконтролировал выгрузку, уехал. С местными не общался, ни к кому не подходил.

— Ты хорошо подумал над этим ответом?

— А чего мне думать? — вполне искренне удивился я. — Вы спрашиваете о том, что мне неизвестно.

— Отрицаешь?

Я никак не мог понять, за кого лейтенант. За нас, своих сослуживцев, или за полицейских. Тогда куда подевалась хвалёная присказка «из бригады выдачи нет»?

— Что отрицаю?

— Причастие к незаконному обороту оружия.

— Шутите?

— Нет, — вмешался один из полицейских. — Ваш сослуживец показал, что вы помогали ему в налаживании контактов по сбыту оружия и приносили медикаменты для реализации. Можем продемонстрировать признательную запись.

От такого наглого поклёпа меня передёрнуло. Ай да, Хлюпа... Ай да гнида парашная... Сам попался — других топит. Врёт, изворачиваясь, напропалую. Надеется отмазаться, кретин.

До одури захотелось проломить ему череп.

Наблюдавший за мной лейтенант хмыкнул, задумчиво провёл ладонью по гладко выбритой щеке.

— Маяк, до конца разбирательства сдай оружие.

Сдай так сдай... Отсоединил магазин, извлёк патрон из патронника. Протянул винтовку прикладом вперёд.

— Пожалуйста.

Приподнявшись с места, Болт перегнулся через стол и принял за приклад мою М-32, более раннюю версию стоящей на вооружении заштатных подразделений Федерации М-35. В принципе, начинка в них одинаковая, за исключением пластика магазина, слегка изменённой эргономики и параметров износа ствола. Последняя характеристика, разумеется, условная. Многое зависит от пользователя и грамотного обращения.

После повторной проверки на предмет безопасности, винтовка отправилась за кресло, составив компанию оружию Хлюпы.

— Покажешь мне свой личный шкафчик, — потребовал начальник.

Ого! А вот это уже серьёзно. Единственное место, где боец бригады мог хранить личные вещи, не опасаясь посторонних глаз и воровства — узкий ростовой пенал с кодовым замком, открыть который мог или он сам, или командир подразделения, составив необходимый акт.

И это хранилище, по неписаной батальонной традиции, считалось чуть ли не священным местом. Туда даже входить старались поодиночке, чтобы не мешать друг другу.

... Теоретически, у лейтенанта не имелось полномочий интересоваться шкафчиками подчинённых, но стоит ли закусываться? Если он настаит — наш главный однозначно даст «добро» и в моих пожитках покопаются. Возможно, без меня.

Зачем обострять?

— Как скажете, — согласился я. — Без проблем.

Болт поднялся, вышел из-за стола. Следом встали копы.

— А вам я ничего показывать не буду, — шкурой почуял — пришла пора показать зубы. — Или предъявляйте документы на обыск, или справляйтесь о результатах осмотра у господина лейтенанта.

Мне показалось, что тот одобрительно подмигнул.

— Подождите. Мы быстро, — бросил им Дью, подходя к двери и игнорируя рассерженные рожи полицейских. — Маяк, на выход.

В коридоре нас по-прежнему ждал Хлюпа. Затравленно посмотрев на ответственного по батальону, он совсем поник головой.

— К шкафчику!

Сослуживец вздрогнул, съёжился, как-то весь обмяк. Недолго думая, начальник выдал ему мощнейший тычок в загривок.

— Толай!

В комнате с личными хранилищами я отогнал болтливого ушлёпка в угол, набрал код. Дверца открылась, демонстрируя вешалку с гражданской одеждой, ниже которой стояли кроссовки, прикрытые пустым рюкзаком. Почти всё моё имущество. Однако Болта заинтересовала только коробка, лежащая на верхней полочке.

— Открой.

Слегка посомневавшись, всё же выполнил указание. Достал, снял крышку, продемонстрировал содержимое: сорок тысяч триста семьдесят кредитов Федерации. Моя доля от двух ограблений из недавнего прошлого.

Лейтенант внимательно посмотрел, кивнул.

— Убирай.

Когда дверца шкафчика захлопнулась, он обратился к Хлюпе:

— Показывай.

Я предусмотрительно отошёл. Нехорошо подглядывать, свои же осудят.

— Господин лей... — начал было сослуживец, но осёкся. Слишком нехорошо взглянул на него Болт.

Щёлкнула замком дверца, лейтенант заглянул внутрь и... ударил Хлюпу в челюсть.

Наотмашь.

Бить Болт умел.

Сослуживца отбросило на стену, отчего та глухо отозвалась коротким стуком, образовавшимся при соприкосновении двух твёрдых поверхностей: непосредственно стены и безмозглой башки Хлюпы. Выхвативший помордасину хекнул, дёрнулся, нелепо взмахнул руками и осел, царапая бронезилетом шпукатурку. Глаза у него пугающе закатились, явив из-под полуопущенных век красноватые, в прожилках, белки.

Нокаут.

— Маяк. Подойди, — лейтенант не смотрел на поверженного подчинённого, вернувшись к изучению содержимого шкафчика. — Поможешь.

Стараясь не удивляться, я приблизился к начальству.

— Держи раскрытой, — последовал новый приказ. — Барахло на пол вываливай.

Из недр личного пенала моего сегодняшнего напарника появилась сумка. Обычная, дорожная, средних размеров, с потасканными краями. Приняв её, я раскрыл застёжку, перевернул и без сожаления принялся усердно вытряхивать содержимое.

Какие-то пожитки, скомканные, несвежие носки, кожаная сумочка, в каких обычно носят мелкие личные вещи, гражданские шмотки. Закончив, вернул сумку в нормальное положение. Растянул ручки, так, чтобы получше виднелось пустое нутро, доложил:

— Готово.

Тяжело вздохнув, лейтенант принялся извлекать из шкафчика-пенала ручные гранаты. Одну за другой.

Он мрачно складывал их в сумку, а я, по намертво въевшейся экспедиторской привычке, принялся их считать: семь... одиннадцать... двенадцать. Все новенькие, все единого образца. Отдельно шли взрыватели, перекочевавшие в боковой карман служебной куртки начальства.

Вот и подтверждение подозрений. И меня коснётся... Накатила ярость от того, что из-за этого мудилы все мои прятки, ухищрения, старания затеряться и исчезнуть могут пойти прахом. Ох, сука...

Чтобы не сорваться, закусил до боли губу.

— Успокойся, — произнёс Болт, не поворачиваясь. — Нам важнее правда, чем назначение виноватых. Я в курсе, что ты ни при чём. Этот деятель сам нарвался.

Закончив с изъятием, он захлопнул дверцу личного хранилища, окинул гадливым взглядом валяющегося в отключке «бизнесмена», и забрал у меня сумку, распорядившись:

— Его в камеру. Доложишь дежурному о происшествии. Выполняй.

Армейские «так точно» и «слушаюсь» в батальоне были не в особой чести. Руководство предпочитало более человеческий язык общения, однако никогда не скатывалось в панибратство, чётко давая понять, кто есть кто в иерархии «Титана».

— Потом что? — всем видом выражая понятливость, поинтересовался я у лейтенанта. Очень хотелось выпить чего-нибудь горячего, вкусного, и завалиться на койку. Устал. В ушах до сих пор шум дороги стоит.

На Хлюпу — плевать. В настоящий момент он лишь раздражитель, своей придурью отделяющий меня от отдыха. А с его болтовнёй о причастности к торговле запрещённой

завтра разберусь. Болт вроде против меня ничего не имеет, да и вряд ли камень за пазухой держит. Он проще. Заподозрит — без всяких объяснений в камеру закроет, до окончания разбирательства.

— Отдыхай, — обрадовал лейтенант. — С утра — ко мне. В сопровождение не едешь.

Определив моё предназначение на ближайшие восемь часов, ответственный по батальону покинул комнату, оставив меня в одиночестве разбираться с этим валяющимся недоумком.

Первоначальную мысль — пойти и попросить помощи у свободных от несения службы бойцов — я отмёл как несостоятельную. Пока буду шпаться — сослуживец вполне может прийти в себя и попытаться задать стрекача. Изъятые гранаты — это не банка ананасов, за них жёстко спросят. Бежать Хлюпе из расположения некуда, но он может и рискнуть...

Прошёлся пятернёй по короткой полоске волос, пытаюсь придумать, как привести в чувство нетранспортабельную тушу. Он же в полтора раза тяжелее меня, ещё и обвешан всем, чем можно — от подсумков до прикреплённой на груди каски.

Раздосадовано цыкнув, пнул Хлюпу в затянутую ботиночным голенищем щиколотку.

Ого! Зашевелился!

Пнул снова.

Веки поползли вверх, задёргался кадык, в движениях появилась осмысленность.

— Ты чё, Маяк? — пробубнил будущий арестант, пялясь на меня и осторожно прикладывая ладони к подбородку.

Хорошо его Болт приложил. За челюсть переживает.

— Поднимайся. Тебе в дежурку. Амуницию там сдашь.

Несмотря на пришибленное состояние, Хлюпа всё понял.

— В камеру идти?

— Ага.

— Ты это... — бормотал неудавшийся оружейный барон. — Ты не подумай... Я про тебя ничего не говорил...

А вот в глаза посмотреть стесняется.

Мне жутко хотелось повторно приложиться носком крепкого, армейского ботинка к организму Хлюпы. Только не в голень, а по почкам, для начала. Но драки в расположении строжайше запрещены. Категорически. Допускаются только учебные спарринги под присмотром инструктора.

Потому, сжав от злости зубы, спросил:

— Зассал?

Он правильно прочёл подтекст коротенького слова, в котором смешались и моё искреннее недоверие к его лепету, и накопленная агрессия, и усталость, и презрение.

— Да я... Ты не...

Вот же тупорез. До него ещё не дошло, что всё, вляпался, конечная станция! Стоит на своём, пытается мне что-то доказать, наплесть такого, чтобы самому поверить. Неужели не хватает мозгов просто заткнуться, а не сотрясать воздух пустыми отмазками?

Сам не заметил, как снова пнул. В то же самое место. Зло, под косточку. Из горла сослуживца, с которым я так долго делил тесные кабины грузовиков, жрал с одного стола, вырвался скулёж.

— Шевелись, падла!

Пинок его задел. Не столько физически, сколько морально. Хлюпа поднялся, расправил

плечи, сощурился, всерьёз намереваясь дать сдачи. Окончательно чердак поехал, или решил, что ему терять нечего? Тогда может и броситься. В рукопашке он наравне со мной, даже малость поопытнее будет. Мои навыки, надо признать, имели определённые пробелы в разделе «подлых ударов, используемых в уличной драке», а его — нет.

Или гранату подорвёт? У него их на разгрузке три пришилино, как и у меня. С дурака станется... Забыл их изъять лейтенант, выкручивайся теперь...

Но на попятную я не пойду.

— Ты, Хлюпа, берега попутал. Я крикну — люди прибегут. Скажу, что ты пытался напасть. Тогда сгноят.

Глас здравого смысла всё же достучался до разума будущего арестанта. Я продолжил нагнетать, втайне примеряясь повторить удар Болта. Иногда добрая плюха в тысячу раз эффективнее красноречивых увещаний:

— Хочешь на всю бригаду прославиться? — он нехорошо зыркнул, но в драку не полез. Похоже, я пробился к куцему сознанию. Отлично! Теперь можно и надежду подарить, сгладить напряжение. — Кто кому что сказал — после разберёмся. За складами.

Умышленно уточнил. Имелось там местечко, где никто не помешает двух простым парням выяснить отношения. Если небесные силы защитят проштрафившегося сослуживца и отведут от него грозу — приду туда с удовольствием и посчитаюсь за наговор. Начальство не узнает. Если нет — ему и без моих разборок херово будет.

Криво усмехнувшись, Хлюпа протянул:

— Уболтал. За складами — так за складами.

На преимущества свои надеется. На большой вес, на крупные кулаки и силу, а, главное, на то, что прозвучало обнадёживающее «потом». За последнее он и уцепился, разом переменившись в лице и скорчив дружелюбную гримасу:

— Что лейтенант говорил? Про меня?

— В камеру проводить приказал. До завтра.

— А завтра что?

— Понятия не имею.

Приободрившийся сослуживец довольно заметил:

— Копам Болт не сдал, а в батальоне — порешаем.

Откуда у него такая уверенность? Служит без году неделя, а корчит из себя старожилу. Ну точно, идиот.

— Иди, Хлюпа. Надоел.

В дежурке о распоряжении лейтенанта уже знали. Приняли у помещаемого под стражу носимое имущество, проверили карманы. Убедившись, что ничего в них нет, провели к железной двери с небольшой решёткой, за которой располагалось пустое, метр на три помещение, служившее ранее комнаткой для хранения инвентаря уборщиков. Окна отсутствуют, из мебели — матрац на полу.

— В сортир захочешь — постучишь, — напутствовал его дежурный, малознакомый здоровяк со смешным позывным Гуля.

— Ужин дадите?

— Обязательно. В завтрак получишь.

Дверь за Хлюпой закрылась. Я с облегчением прошёл в оружейку, где сдал всё тому же Гуле имеющийся при мне боезапас, и, попрощавшись, вразвалочку побрёл к своей койке. По

пути в казарму, позёывая, наткнулся на лейтенанта, провожающего полицейских. В руке один из них держал знакомую сумку и, судя по форме, не пустую. В чужие разговоры не вслушивался, предпочитая остаться в неведении, обогнул троицу по дуге.

Тем не менее, заметив мою персону, они умолки, дали спокойно пройти, а потом продолжили путь в сторону ворот, что-то обсуждая в полголоса.

Да ну вас... спать хочу.

Утром, позавтракав и насладившись свежим кофе, прибыл к Болту. Доложившись, вместо разнарядки на день получил указание ждать у выхода из здания штаба.

Скучать пришлось недолго. Через пятнадцать минут лейтенант вышел на воздух. Не сбавляя темпа ходьбы, он бросил:

— Прогуляемся. Тебе будет интересно и познавательно.

Плохо понимая, чего от меня хочет начальство, я прошёл следом за ним к выездным воротам, где из озорства подмигнул дежурному — неплохому парню, пришедшему в бригаду немногим ранее меня. Тот кивнул из окошка КПП, обозначив приветствие, украдкой покосился на лейтенанта. Шныряющее поблизости командование не любит никто, нигде и никогда.

— Вот он, — движением подбородка Болт указал на двери медчасти, из которых показался угрюмый Хлюпа. В гражданской одежде, зажав какой-то свёрток под мышкой, он потирал предплечье правой руки. Той, куда обычно вставляли ID.

— Выгнали?

— Естественно. Дегенераты бригаде не нужны. Потом расскажу... — пресёк информирование лейтенант. — Сначала с ним попрощаемся.

... Мой, теперь уже бывший сослуживец выглядел подавленно. Сгорбленный, даже сутулый, он еле передвигал ноги, шаркая подошвами гражданских кроссовок по бетонному покрытию въездной площадки, по совместительству служившей в бригаде и парковкой, и плацем.

По сторонам не пялился, лишь подёргивал шей, будто простудил её и хочет размять ноющую мышцу.

— Лично проститься с товарищем не хочешь? — лейтенант явно на что-то намекал. — По-свойски, на долгую память?

Кажется, я догадался. Проверим.

— Хочу.

— У тебя две минуты, — уведомил он и пошёл в помещение КПП, на ходу требуя предъявить ему регистрационные файлы движения транспорта за последнюю неделю.

Проницательность не подвела, посыл определила верно. Нас с Хлюпой сознательно оставляли наедине. Проверка дежурного — так, повод... Болт всю эту документацию может вполне легко и с личного коммуникатора посмотреть. Для этого ему даже ходить никуда не надо: извлёк из кармашка, вошёл в местную сеть, и порядок. Доступ у него имеется.

Между тем, Хлюпа поравнялся со мной, старательно не замечая моё присутствие.

— Ничего сказать не хочешь? — вид стукача не то, чтобы бесил, однако напрягал неимоверно. Сон не принёс всепрощения и кротости.

— Нет, — он и не подумал поворачиваться в мою сторону, целенаправленно двигаясь к воротам.

— А придётся.

— Да пошёл ты!

Дальше триндеть я не стал, как и громогласно обвинять в наушничестве. Рванул к нему наперерез и с наслаждением, как учили, провёл два удара в угреватую рожу. Первый — в скулу, второй — в ухо.

Ничего, Хлюпа теперь не боец «Титана», а гражданское лицо, по недоразумению оказавшееся на закрытой территории. Не свой — чужак. А с чужаками у нас разговор короткий...

Оба удара достигли цели. Не ожидавший такого поворота Хлюпа растерялся, вскинул руки, прикрывая голову, отчего переносимый им свёрток упал на бетон.

Теперь в пузо, в печень... Излюбленное — носком ботинка под коленную чашечку.

... Что, красавец, думал, я забыл, как ты, за здорово живёшь, меня дерьмом поливал, свою шкуру спасая? Ошибся... Я всего лишь отложил разборки. Потому что понимаю, где и что можно, а где нельзя...

— Маяк! — рык Болта выдернул меня из сладостного мордобития. — Успокойся! Пусть валит на все четыре стороны!

Чего это он? Две минуты ещё не прошло!

Однако подчинился, оставив в покое скрючившегося подлеца. Ого! Сильно я его отделал. И ещё больше перепугал. Он даже не защищался.

Отошёл в сторону, давая Хлюпе подняться. Болт смотрел на нас из окна КПП и прихлёбывал из внушительной чашки быстрорастворимый, отдающий химией кофе. Со вкусом расположился, ничего не скажешь.

Как по заказу, ворота зашумели включившимся приводом, и створка отъехала немного вбок, предоставляя проход бывшему бойцу «Титана».

— Уходи, — потребовал лейтенант, неторопливо выходя из караулки на улицу. Кофе он взял с собой. Приблизился, прихлёбывая, ко мне, улыбнулся. Но обратился снова к Хлюпе. — Пшёл вон отсюда!

Резкость, брезгливость, зычность полученной команды шокером подстегнула уволенного из рядов бригады. Побитый с трудом собрал валяющиеся поблизости пожитки, едва их не выронил, чертыхнулся, скомкав, прижал к груди, и побрёл в открывшийся проход.

Там его уже ждала та самая, ночная парочка военных копов. Они в открытую лыбились, опёршись на неказистую штатскую легковушку, призывно махали руками. Не забыли и благодарно кивнуть видимому в приоткрытые ворота Болту.

Ошарашенный встречей Хлюпа замер на самом краю выхода, не решаясь сделать шаг вперёд.

— Ускорь, — не приказал, попросил лейтенант.

Что же, просьбы начальства тоже надо неукоснительно исполнять...

Быстро пройдя метры, отделявшие меня от угреватого уволенного, я постеснялся отвечать ему добросовестный, солдатский пендель. Ограничился тем, что грубо взял его за шиворот и вытолкнул прямо в объятия полицейских.

Сам, впрочем, границы владений бригады не пересёк.

Грюкнув, ворота поползли назад, отделяя «Титан» от внешнего мира. Лейтенант окликнул:

— Маяк, доволен?

— Нет.

— Как вариант... Маршируй сюда, просвещать буду.

Торчать на нарастающем солнцепёке показалось не лучшим решением, поэтому мы переместились под навес у медчасти.

— Как ты понимаешь, он тебя слил, — поделился очевидным Болт, опускаясь на прохладную скамейку возле входа в здание. — Оболгал. Но дело не в этом. Присаживайся...

Устроившись рядом, превратился в слух. Но Болт молчал, любуясь чашкой. Затягивающаяся пауза в его намечающемся монологе намекнула, что изредка отвечать мне не повредит.

— А в чём дело?

— В поведении. Хлюпа, из-за неспособности быстро соображать в стрессовой ситуации, что, кстати, недопустимо для бойца «Титана», нарушил целый ряд негласных правил: своих не сдавать, при посторонних молчать, в откровенный криминал не лезть. Про его пашни с интендантами мы, конечно, были осведомлены, однако всему есть грань. Он её преступил.

Я припомнил разговор в кабинете, при копах.

— Вы же его сами спрашивали.

— В напоминаниях не нуждаюсь, — поморщился лейтенант. — Это нормальный порядок действий при визите полиции. Они — власть, и всем тут заправляют... Все должны соблюдать закон, и наша бригада тоже. Мы не пиратская вольница, а воинское подразделение... Только я Хлюпу за язык не тянул. Помалкивал бы он, отпирался от всего — могло бы и по-другому получиться. Хотя вряд ли, — признался Болт, делая очередной глоток. — Слишком глупо попался. Кладовщик, которому он лекарства толкал — агент, провокатор. Предложил привезти ему гранаты, пообещал прилично заплатить. Наш дурак и повёлся. Нагрёб боеприпасов, обсудил цену. А дальше сыграл свою роль авторитет «Титана» и элементарный прагматизм. Копы, рассудив, решили урегулировать вопрос мирно, без скандала. Приехали ко мне, поделились сведениями. Мы давно знакомы, потому друг другу верим, до определённой степени... Им интендантов нагнуть интереснее, а он так... пустяк. Отказать полиции в такой малости, как допрос, я не мог. Про то, что стукачи в бригаде не приветствуются, разумеется, промолчал, но в военной полиции ребята толковые — сами обо всём догадались и умно перевели сглаженный инцидент в копилку хороших отношений. Но твой бывший напарник всё гениально испортил и раззявил рот там, где достаточно было промолчать... Теперь мы копам должны услугу из-за этого жадного дегенерата.

Услышанная предыстория многое объясняла. Но не всё.

— Почему Хлюпа пытался приплести меня?

— Тебя? — вздёрнул бровь лейтенант. — Потому что больше некого. Вы же в сопровождение вместе ездили. Кого ему в подельники назначать? Меня? Командира батальона? Не то спрашиваешь. Сдаётся мне, тебя больше заботит, для чего Хлюпа это сделал.

— Точно.

— Трус он по натуре. Физически сильный трус... И паникёр с претензиями на интеллект. С испугу наворотил. Когда копы дали ему послушать запись разговора с кладовщиком, показали видео — он запаниковал. Сначала хорохорился, а после поплыл. Его никто и не допрашивал толком. Так... разбирались. Хлюпа, не от большого ума, сначала признался, а после возомнил себя самым умным и вознамерился всё переиграть. Попытался выкрутиться, свалить вину на кого-то, пожелал самостоятельно переквалифицироваться из

подозреваемого в свидетели или в запутавшуюся жертву, — Болт осуждающе покачал головой. — Полицейские еле сдерживались, чтобы не рассмеяться... Логику улавливаешь?

— Не очень.

— Чем больше бойцов в дерьме измазано, тем больше вероятность вмешательства командования ради сохранения чести и достоинства подразделения... Слишком наш бывший товарищ на бригаду надеялся. Верил, что она всегда отмажет только потому, что он тут служит. Вот и решил процесс подтолкнуть. Но ошибся. «Титан» заботится только о действительно своих бойцах, прошедших огонь и воду, проверенных и надёжных. Тех, от кого не нужно ждать бездумных поступков. Барыги и случайные люди в эту категорию не попадают. Понятно?

— Да.

Лейтенант вроде и грамотно раскладывал историю с Хлюпой, но то, что его встретили копы, никак не вязалось с общей концепцией круговой поруки. Я бы понял и нормально отнёсся, если бы дело ограничилось изгнанием и мордобоем, а не откровенным сливом полиции. Не особо задумываясь о последствиях неудобных вопросов, спросил:

— Сдавать тоже часть уговора с копами?

— Ты как маленький. Фантазия у тебя богатая... Но нет, бригада тут ни при чём. Господа военные полицейские его спозаранку ждали. Им наши порядки известны, как и правила... Да и куда ему идти в прифронтной полосе? До первого блокпоста? Или патруля? Это, Маяк, минус твоего нового положения. Вылетишь — по умолчанию получаешь старую личность со всеми вытекающими... — он прервался, в несколько глотков допил подстывший кофе. — Мы и так Хлюпе королевский подарок на прощанье сделали — изъятым гранатам официального хода не дали. Всего лишь выгнали... Так что теперь пусть сам свои проблемы разгребает, как частное лицо. Нам ради него и дальше влезать к властям в долги неохота... Зато ты молодец. Повёл себя по уму, копов вежливо послал. В комнатке личного хранения тоже не сплеховал... Я через камеру наблюдения смотрел... Красиво успокоил приятеля.

Захотелось сплюнуть от досады. Он, получается, гранаты умышленно не изымал? Поглядеть, как новенький выкрутится? И тут же, вместе с обидой, пришло и понимание — а чего это я возбудился? Вокруг полно людей с оружием, все разные, у каждого в голове свои закидоны. Любой может что угодно отчебучить... Так что, с точки зрения Болта, ситуация абсолютно рядовая, будничная.

— Спасибо.

— Не за что... Иди на склад. Поможешь с погрузкой. С твоим командиром вопрос согласован.

... Бывают такие дни, когда всё ладится. Сегодня именно такой. Не успел я дойти до склада, как меня вернули в штаб и велели собираться.

— Куда?

— Машина с грузом опять поломалась, — ответили мне. — Возьми пищевые рационы, спальник и подтягивайся к боксам. Отвезут.

Опять... Так это же отлично!

... Военное положение, отравляющее жизнь местным жителям, попутно предоставляло широкое поле деятельности для более-менее грамотного человека. Лишь бы соображалка работала. Как пример — водители, доставляющие из глубины страны разные второстепенные грузы. Не имея к армии никакого отношения и выполняя обязательства по

госконтрактам, они резво придумали способ пожить на ровном месте, да ещё вполне официально.

Суть оказалась в прифронтовой зоне. По трудовому законодательству, время, проведённое в определённой близости к театру военных действий, оплачивалось по двойному тарифу. И с данной нормой никто не спорил — решение исходило с самого высокого уровня.

Из-за этого «удобного» закона автомобили с завидной регулярностью начинали неожиданно выходить из строя, едва пересекали условную административную линию. У них заклинивали колёса, выходили из строя узлы и агрегаты, лопались подушки прицепов.

Изобретательность шофёров не знала границ, а на особо крупных фирмах-перевозчиках даже составлялись тайные графики, кто в какой рейс ломается.

Особо среди этой братии ценились старенькие грузовики, доживающие моторесурс. К ним меньше придирались всевозможные проверяющие и страховщики. Да и придирались они больше для приличия. Подавляющее большинство доставок оплачивало государство, и вынужденный простой входил отдельным пунктом в заключённые договора.

... Бригада тоже получала подобную подпитку от властей, да и в качестве логистического оператора принимала изрядное количество грузов, потому на осторожные ухищрения водителей смотрела сквозь пальцы, при необходимости давая бойца для охраны, если «сломался» не у стоянки или населённого пункта, а прямо на трассе. Так у дальнебоев считалось умнее и надёжней. Запчастей дольше ждать и ремонтные мастерские далековато. Особо наглеющих среди них не водилось — владельцы грузовиков быстро снимали таких с поездов, отдавая маршрут другим, более адекватным сотрудикам.

Дня на три еду, минимум. Быстрее водила ни за что не починится. Будет ходить вокруг, вздыхать, лениво перебирать инструменты, зевать без передышки. Мне тоже неплохо. Оплата идёт с командировочными, делать ничего не надо. Знай себе, сиди в тенёчке или спи днём в кабине. Ночью — вокруг тягача с прицепом гуляй, грозным видом отпугивай возможных воров.

Местные иногда шалят... Обычно они в конфликт не лезут, завидев вооружённую охрану, но зазеваешься — сорвут пломбы, и свистнут не меньше половины содержимого. Помалу воровать тут не умеют.

— На каком километре? — расстояние отсчитывалось от блокпоста у передовой.

— На сто тридцатом, — сверкнул улыбкой новый ответственный по батальону, заступивший на место сменившегося Болта. — Заклинило у него что-то. Или проводка заискрила.

Знакомые края. Бывал уже, только на сто двадцать восьмом. Второй по длине пустой перегон от метрополии в нашу глухомань. В обе стороны — часа три пешего хода до ближайшего строения, а заодно удобные парковочные карманы вдоль дороги. Съехал, чтобы другим не мешать, и чинись на здоровье. Днём безопасно. Трафик похлеще, чем в городе. В обе стороны снуют автомобили, как гражданские, так и военные, регулярно мелькают дорожные патрули. Ночью тоже не особо одиноко. После 21.00 наступает комендантский час и патрулирование усиливается. До самого рассвета катаются общевоинские бронемашинки отдельного батальона охраны.

Нагломордые там ребята, но, в принципе, адекватные. В бой не рвутся, предпочитая следить за порядком в тылу. Обожают проверять пропуска на передвижение штатских и ловить подгулявших солдат.

Общался с ними. Нормально.

— Я в оружейку.

Распрощавшись с ответственным, получил винтовку, сданную туда Болтом, комплект гранат, боезапас. Забежал в столовую, где выпросил, помимо стандартных упаковок с сухим харчем, пачку сладкого печенья и банку с консервированными персиками. Ананасов не нашлось.

Утрамбовав добычу в рюкзак, нашёл наш разъездной пикап, вечно стоящий на подхвате и готовый отвезти куда угодно по первому требованию руководства.

Легковоз(*) меня уже ждал. Не вступая в долгие разговоры, он дождался, пока я заберусь в салон, и выкатил за ворота.

Часа через три добрались до места.

Водитель фуры, полный мужчина средних лет, долго и сбивчиво молотил чушь о проблемах с проводкой под скептическим, полным понимания взглядом нашего пикаповода. Меня придуманные причины не интересовали. Зайдя сзади, я проверил наличие пломбы на дверях прицепа, потребовал предъявить накладные.

Опытный «страдалец» сунул мне под нос коммуникатор с подсвеченным нужным бланком и цифровой печатью.

Угу... гигиенические принадлежности...

— Уточни.

— Бумага для сортиров, — весело заржал он, будто в самом существовании пипифакса было что-то скабрзное.

Ну бумага и бумага. Без неё никак. Задницу вытирать полезно для здоровья.

Пожав на прощанье руку водилы батальонного легковоза, приступил к освоению нового обиталища. Не спрашивая разрешения, залез в кабину и положил на пассажирское сиденье рюкзак.

— Вот только перед выездом проверял, — донесся снаружи голос, на всякий случай вливавшего мне в уши трагическую небылицу. — Работало без запинки...

— Переигрываешь, — я не стал имитировать приличия и сочувствующие вздохи. — Успокойся. Кроме нас, тут больше публики нет.

Подействовало. Отбросив драматизм, мой новый компаньон принялся инструктировать:

— Под задней полкой вода, овощи. Я с запасом взял. Спагетти есть, колбаса... Бери сколько хочешь. Воду вскипятить — электрочайник имеется. Работает от отдельного разъёма. Вон там, над твоей головой, за козырьком... Стульчик возьми. Припас... — он наверняка хотел сказать: «заранее, для служивых», но постеснялся.

— Подходит.

Складной стул, выглядывающий из-за спинки сиденья, действительно очень к месту. Нарезать круги вокруг машины, не имея возможности с комфортом присесть — мука мученская. А так хоть посижу.

— Слышь, — не унимался водитель, — а что у тебя за акцент? Никак не разберу, откуда ты родом.

— Сильно слышно?

— Так себе... Только я много где бывал, вот и интересно.

— На другой планете долго жил. С родителями, — выдал я чистую правду. — Там и подхватил.

— Везёт. И на космическом корабле летал?

— Телепортировался.

Произнёс без угрозы, однако с вызовом. К чему этому типу моя биография? Лучше сразу обозначить дистанцию, иначе задушевной словоохотливостью изведёт.

Обидевшись, он отстал и занялся бесцельным копанием в моторном отсеке, напоказ разложив внушительный набор ключей.

Мне оставалось лишь поддержать скептицизм легковоза. Проводка у него накрылась... как же!

Устав наблюдать за чужой симуляцией работы, я извлёк коммуникатор, завязанный на номер воинского ID, и отвлёкся на головоломки, скаченные из сети как раз для таких вот случаев. Звонить мне всё равно некому, кроме начальства.

Припомнил покупку этого аппарата и то, как радовался, заимев персональное средство связи. Полноценным себя почувствовал, настоящим. Однако эйфория быстро прошла, общаться оказалось не с кем. Друзьями не оброс; знакомые всегда поблизости, в расположении бригады.

Изредка тянуло потрепаться со Сквочем, да только у него свой путь. Ну и номера не знаю. Надеюсь, не сгинул приютский.

... К наступлению комендантского часа дорога опустела. Проезжающий мимо патруль проверил документы у водилы, считал мои, выдал частоты для общей связи по радиостанции и краткую комбинацию цифр экстренного вызова для коммуникатора.

Я поблагодарил, поделился печеньем, чем заработал дружеское похлопывание по плечу. Это регуляры нас, добровольцев, не любят, считают зажравшимися адреналиновыми наркоманами, а дорожный патруль — с понимаем. Потому что их тоже никто не любит.

В ответ меня угостили газировкой.

Постояли, пожевали, пошутили, разгоняя рутинную обыденность. Водила, устав страдать фигнёй, убрал инструментарий и что-то кулинарничал на маленькой газовой плитке, убравшись на обочину. То ли овощи жарил, то ли кашу варил. Пахло так себе, я не подходил.

Отзвонившись в бригаду, сообщил о том, что сижу, бодрствую, охраняю вверенное имущество.

— Принято, — коротко пробасил динамик и про меня все забыли до следующего контрольного созвона.

Через час, набив брюхо, водила уполз в кабину, а я остался один. Совсем один. Редкое чувство в последние месяцы моей жизни. Приятное, свободное, тягучее, как пастила. До службы я и не предполагал, что значит быть в полном одиночестве.

Не уйдя в свою комнату и врубив музыку погромче или залипнув в соцсети, а по-настоящему, выстрадав это желание и смирившись с вечной суетой вокруг тебя, глазками камер видеонаблюдения, запахом мужского пота, скрипом коек, ощущением постоянного присутствия посторонних на каждом метре пространства.

И вот всего этого нет. Только я, звёзды, дорога, ветер, да остывающая после жары громадина грузовика.

Переставив стульчик к дверям прицепа, с удовольствием сел, рядом поставил бутылку полученной газировки, и привычно впал в полуотрешённое состояние часового, пограничное между явью и сном.

Звонок коммуникатора запиликал после полуночи, чем весьма удивил. Достал, посмотрел на дисплей — дежурка. Что им надо? Не особо задумываясь, нажал на приём.

— На связи.

— Маяк, к тебе едет наша машина. Людей ты не знаешь, но они тебя сами позовут. Бросай всё и поезжай с ними.

— А груз?

— Что там? — нетерпеливо рыкнул далёкий собеседник голосом ответственного по батальону, которому я в настоящий момент подчинялся.

— Туалетная бумага.

— Маяк, иди на хер. Не утомляй тупостью. Выполняй приказ.

(*) Легковоз — военный водитель легкового автомобиля. Армейский сленг.

Неброский минивэн семейного типа остановился напротив грузовика примерно через час. Из него вышел широкоплечий мужчина в гражданской одежде. На вид — лет сорок, может меньше. Весь из себя такой основательный, кряжистый, с густой бородой и стрижкой «под ноль».

Приехал он не один. На пассажирском сиденье, залипнув в коммуникатор и не обращая абсолютно никакого внимания на происходящее вокруг, мирно сидел ещё один тип, как две капли воды похожий на вышедшего — такая же волосатая рожа и босая макушка.

Все эти подробности, необычные для тёмной ночи, я смог разглядеть только потому, что в салоне предусмотрительно включилось освещение и никто не делал резких движений.

— Маяк! — позвал меня широкоплечий. — Грузись.

Но я и не подумал двигаться с места. Правда, и в ночного гостя не целился. Так, держал винтовку в руках, готовый ко всему.

Громко спросил:

— Ты кто?

Представляться мне никто не стал. Вместо этого бородач, почти не поворачиваясь к спутнику, распорядился:

— Набери дежурку. Пусть этого параноика успокоят.

Тот кивнул и, почти сразу приложив аппарат к уху, пробубнил в него пару фраз.

Со мной связались менее чем через пять секунд.

— Ты чего чудишь? — сходу наехал ответственный. — Приказа не понял?!

— Прекрасно понял. Однако кто приедет — не уточнялось. Передо мной двое гражданских в гражданской машине. Я при исполнении. Мне что, к каждому притормозившему подбегать и исполнять все его желания?

Динамик, помолчав, поражённо протянул:

— Ну ты и зануда, Маяк... — А после добавил, командно. — Перебирайся к этим людям. Делай, что скажут. Усёк?!

— Полностью, — покладисто согласился я, выходя из-за фуры, где оборудовал себе временный пост, и убирая звонилку в карман разгрузки. А что? По ночам кто угодно шляется, потому торчать на открытом со стороны дороги пространстве как-то не хочется. Взял у водителя одеяло, улёгся примерно посередине прицепа и спокойно посматривал из-под днища на дорогу.

Сборы у меня армейские: поставил винтовку на предохранитель, подхватил заранее вытащенный из кабины рюкзак. Напоследок стукнул кулаком по кабине тягача, дождался, пока высунется заспанная физиономия хитрована-водителя.

— Я уезжаю.

— Куда? — спросонок, почти не соображая, брякнул он первое, что пришло на ум.

— Куда надо. Ответственность за сохранность груза на тебе. Пломбы в порядке. Проверь.

Покидать тёплую кабину симулянт-ремонтник не пожелал, отделавшись широченным зевком. Его выбор.

Посчитав все формальности улаженными, я перешёл через дорогу к минивэну.

— Минус, — дожидаящийся мужчина протянул руку для знакомства. — Он, — кивок в сторону пассажира, — Стан. А ты хорош... По первому свисту не прыгаешь. Жизнь научила или свои подсказали?

Про «своих» я не очень понял, однако в подробности вдаваться не стал. Ответил коротко:

— Жизнь.

— И то дело. Назад усаживайся, — проговорил мой новый знакомый, забираясь на водительское место, и с одобрением добавил. — Паранойя — наше всё. Узнай парни, что ты людям доверяешь — в батальоне бы потом и за человека не считали. Даже к психологу не повели бы.

А вот это интересное замечание... Психолог — личность полуполюгендарная, практически никому не подчиняющаяся. В свободное время ходит по расположению, бродит почти бесцельно, изредка парой слов с кем-нибудь перебросится. Больше наблюдает. В служебное — сидит в кабинете, периодически выдёргивая бойцов и общаясь с ними о разном. О чём конкретно — без понятия. Кто ходил — молчат, а сам я лишь раз удостоивался чести посетить штатного мозгоправа после официального принятия в ряды бригады.

Ничего особенного, визит получился без ярких впечатлений. Прошёл несколько пустяковых тестов, рассказал о музыкальных вкусах, о половых предпочтениях, угостился предложенным соком. В конце получил напутствие служить исправно и при малейшей необходимости обращаться к нему. Больше он от меня ничего не требовал.

И, вместе с тем, психолога многие побаивались или относились к нему с опаской. Внешне тихий, неторопливый мужчина в чине лейтенанта обладал внушительной властью над рядовым и сержантским составом. Сочтёт бойца неподходящим для бригады — и с ним легко могут разорвать контракт в одностороннем порядке, без объяснения причин.

К заключениям о психическом здоровье начальство относилась всерьёз, так что привычный образ всепонимающего, доброго дядюшки рядом с удобной кушеткой — несколько не тот случай. Припишет какую-нибудь «повышенную агрессивность» — и обратного не докажешь, хоть обвешайся медицинскими справками от его гражданских коллег.

Но, при всей должностной обособленности, привилегированной персоной психолог не был. Как и прочие, мотался в командировки по служебным делам, ходил в наряды наравне с другими офицерами, сдавал положенные нормативы, в общем строю имел своё место.

Как по мне — нормальный чел. В душу, против обычая его племени, почти не лез, с лишними расспросами не приставал, в друзья не набивался.

Устроив рюкзак на дальней половине сиденья, я влез в салон минивэна. Винтовку положил на колени, с наслаждением снял каску, отрегулировал подголовник. Вспомнив про вежливость, назвался второму из приехавших:

— Маяк.

— Угу, — тот даже не повернулся, предпочтя знакомству игру в коммуникаторе. — Спи. Ехать долго.

Страшно тянуло узнать, куда и ради чего меня сорвали с поста, однако вполне уместное любопытство с треском проиграло холодному расчёту. Надо будет — скажут. Не надо — не скажут. Просто покатают. Вот только в последнем я сомневался. Им, наверное, и без меня

неплохо ехалось, сухо и комфортно.

Беспокоило другое. По окончании прифронтовой двухсоткилометровой зоны нахождение с оружием без специальных разрешений запрещено, а при мне ни увольнительной, ни командировочного удостоверения. Зато имеется полный боекомплект с винтовкой, из-за которого у полиции могут возникнуть неприятные вопросы.

Словно почувствовав возникающее замешательство, Минус уведомил:

— Ты в сопровождении. Файл с необходимыми пометками у тебя в коммуникаторе. Посмотри. Если не пришёл — перезвони ответственному.

Торопливо проверив личную почту, я действительно обнаружил копию приказа на сопровождение «имущества добровольческой бригады», распоряжение о трёхсуточной командировке и, отдельно, инструктаж по нормам обращения с огнестрельным оружием при небоевой обстановке, в конце которого требовалось приложить палец вместо подписи. Всё оформлено по правилам, с QR-кодами для проверки на блокпостах.

— Если в прошлом нагрешил, — продолжал просвещать Минус, — копов не бойся. Ты не в их юрисдикции. Прицепятся — в конфликт не вступай, требуй представителя военной полиции. Но обычно это ничем не заканчивается, и все это знают. Сканирование лица им сразу покажет, кто ты и где служишь. В их учётной базе особые опознавательные пометки имеются. Исключение — вляпаешься по-новой. Тогда плохо, репрессивный каток заработает на всю катушку... В общем, рекомендую быть законопослушным.

Посчитав, что сказал достаточно, он сконцентрировался на ночной дороге и больше в разговоры не вступал, а я, памятуя наставление Стана, пристроил голову на рюкзак, обнял винтовку и заснул.

Как проходили дорожные проверки, да и были ли они вообще — не помню. Срубил меня знатно.

— Держи!

Дверь с моей стороны открылась, и в образовавшийся проём я увидел кусок кафетерия, заправочные станции для подзарядки автобатарей, легко одетых людей, яркое солнышко и Минуса, протягивающего мне свежий хот-дог.

— Подкрепись.

— Спасибо, — яркий свет заставлял щуриться и часто моргать. — Сколько сейчас?

— Утро. Толчок в здании. Сходи, если надо.

— Не хочу.

Хот-дог переключал в мою ладонь, обдав её жаром свежеразогретой булочки.

— Как знаешь... Скоро получишь автомобиль, перегонишь его в батальон. Водить не разучился? Ответственный сказал, что рулить ты умеешь.

Верно, в анкетах, заполняемых на вербовочном пункте, целый раздел посвящался навыкам управления транспортными средствами и правилам дорожного движения. Отвечал честно, лишнего не приписывал. С легковушкой управлюсь легко, с фургоном уже сложнее. Никогда не пробовал. К грузовикам даже не подходил, а привычный, тихоходный фермерский трактор или комбайн мне вряд ли предложат.

Впрочем, чего это я расхотелся, да ещё со стёртой личностью?

— У меня водительского удостоверения нет.

— Забей. В воинском ID есть отметка о подтверждённых навыках. Вполне сойдёт.

Какая у меня в шкуре полезная штука рядом с чипом Федерации... На все случаи жизни.

Но удобно, не отнять. Узнать бы...

— А что там ещё есть? — поинтересовался я, ощутив успокоение от наступившей конкретики и, соответственно, осмелев.

— Особо ничего, — расстроил меня Минус. — Основные биометрические данные, коды подразделения, номера закреплённого за тобой оружия, позывной, перечень воинских специальностей, как основных, так и вспомогательных. Хочешь, перечислю?

— Ага.

— Водитель, ну это ты и сам догадался... Стрелок, гранатомётчик — второй номер или «принеси-подай», на первый тебе рановато. Ещё экспедитор. Не парься, поначалу всем такие ставят.

Неожиданно захотелось пошутить. Собеседник вроде адекватно выглядит, лёгкий юмор оценит.

— Ты кое-что забыл, — улыбнулся я, откусывая изрядный кусок от подостывшего лакомства.

Минус заинтересовался:

— Что? Если скажешь, что именно — с меня, — он подбоченился, — полный завтрак в этой рыгаловке. Если нет...

Дослушивать умышленно не стал, предполагая, что чем дольше будем обсуждать, тем суровее станут условия навязываемого пари и тем больше шансов, что он сам вспомнит про упущенное. Лихо выдал:

— Кошелёк. Имеется такая опция. Жалованье же надо тратить.

От раскатистого хохота широкая грудь Минуса заходила ходуном. На нас стали оборачиваться недоумевающие посетители заправки, выискивая источник столь безудержного веселья. Некоторые даже робко улыбались, глядя на расхоронившегося здоровяка.

— Сделал... Пошли, проставлюсь. Только винтовку разрядить не забудь и магазин извлеки. Вещи тоже не оставляй. Украдут ещё...

Подкрепился я знатно. Новый знакомый оказался честным парнем и набрал всего и по многу. Устроившись за столиком у большого, панорамного окна с видом на трассу и начинающийся неподалёку город, дождались вернувшегося из санузла, молчаливого Стана, после чего вдумчиво отдали должное фастфуду.

Моя форма и оружие никого не пугали, никто не тыкал в меня пальцем и не требовал вызвать полицию.

Привыкли люди к военным, всем пофиг.

Я не стеснялся, ел так, что аж за ушами трещало, попутно запивая проглоченное колой. В разговоры не лез, держался воспитанно. Моим временным спутникам это явно нравилось.

— Мы из первого батальона, — насытившись, начал знакомиться плотнее Минус. — В отпуск едем, ну и по делам. Тебя, вот, попутно захватили. По просьбе наших...

— Надолго?

— Посмотрим, — уклонился от прямого ответа бородач, но без подозрительности. — На передке сейчас перемирие, да и бат отводят на ротацию... Вместо нас вояки хозяйствовать станут. Если ничего не случится, то деньков двадцать, я думаю, поваляемся на домашних кроватях.

Продолжавший жевать Стан одобрительно промычал с набитым ртом:

— А то и больше.

Смутно понимая, о чём спрашивать уместно, а о чём нет, я неопределённо брякнул:

— Ну, и как там, у вас?

— Нормально, — отозвался проигравший мне завтрак, как более склонный к общению. — Мы стреляем, враг стреляет. В гости друг к другу не ходим. Сидим, ждём.

— Чего?

— Жалованья.

Я хихикнул. С его слов война представлялась чем-то рутинным, словно смена в поле, где с рассвета и до заката занят пусть и тяжёлой, но однообразной работой.

— Дождёвывай, — внезапно бросил Стан, пристально выглядывая кого-то в окно. — Пора.

Наскоро проглотив остатки вкуснейшей картошки с бургером, не забыл поблагодарить угощавшего меня Минуса и всё-таки сбегал в туалет.

По возвращении в зал кафетерия я увидел пустой столик. Попутчики уже вышли на улицу и без спешки шли к человеку, сидящему на капоте у простенькой легковушки, припаркованной почти на выезде с заправочной станции.

Махао.

Бодрый, свежий, он доброжелательно улыбался бойцам, приветственно раскинув руки. Те тоже изображали радость.

Догоняя сослуживцев по бригаде и чуть не сбив в дверях зазевавшегося мужчину с целым выводком шумных, юрких детишек, я почти выбежал на улицу, где сразу сбавил ход.

Спешить оказалось некуда. Вербовщик неспешно обнимался со своими, как я понял по развязным манерам, старыми товарищами, справлялся о здоровье, об общих знакомых. Грубо, солёно шутил.

Минус со Станом в долгу не оставались, отвечая в той же манере, с казарменным юмором. Темы для зубоскальства касались каких-то прошлых, совместных воспоминаний и ко мне отношения не имели.

— О! И ты здесь? — изумился Махао, когда я вежливо остановился в паре метров от обрадованной троицы. — Как там тебя...

— Маяк.

— Точно! — он хлопнул себя по лбу. — Старею, брат, старею. Память никудышная стала. А ты, значит, прижился? Отлично... Где?

— В третьем батальоне.

— Коробки охраняешь?

— Их.

— Тоже надо... Принимай, — вербовщик хлопнул ладонью по автомобилю. — Перегонишь в распоряжение. Еда, вода, пустая тара для отлить — на переднем сиденье... Угадай, что повезёшь?

— Что положили, — беззастенчиво ответил я, обходя машину и визуально проверяя состояние колёс.

— Экий ты правильный, — делано насупился Махао, открывая багажник. — Смотри, какая красота!

Не удержавшись, сунул нос в горячее от разогретого на солнце металла, пахнущее чистым автомобилем, отделение для перевозки барахла. Минус и Стан тоже заинтересовались.

— Вот!

На дне лежал кожаный, вытянутый футляр длиной в метр с изрядной четвертью. Закрытый на блестящие замочки, новый, с оббитыми декоративным железом уголками. Дорогая вещь.

Дав нам как следует налюбоваться, вербовщик бережно, даже нерешительно, щёлкнул замочными крючками, поднял крышку, под которой, в бархате, точно повторяющем контуры содержимого, лежал меч. Настоящий, стальной, обоюдоострый, с эффектной, перевитой замысловатым узором гардой и шероховатой рукоятью, заканчивающейся шарообразным навершием.

— Твоему комбату на День рождения, — сообщил Махао. — Крутая штука! На заказ делали!

Мне жутко захотелось подержать столь навороченную игрушку. Ощутить её вес, баланс, проверить заточку, да и вообще, попробовать — как это, когда в руке меч? Тяжело или терпимо? А если взмахнуть?..

Хотелось, судя по сопению бойцов первого батальона, не мне одному. Но вербовщик, предвидя такое естественное для любого мужчины желание, захлопнул футляр, защёлкнул замочки, излишне порывисто закрыл багажник.

— Нельзя, — прокомментировал он свою поспешность. — После мастера первым взять его в руки должен хозяин. Иначе неуважение.

С ним все согласились.

— Маяк! — мне в ладонь ткнулся автомобильный ключ-карта. — Документы на меч я тебе перешлю. На тачку тоже. Выезжаешь немедленно, — вербовщик повернулся к Минусу и Стану. — Парни! Собирайтесь. Я молодого напутствую, и к вам! Поболтаем немного.

— Не вопрос.

— С меня пиво.

Живенько простившись со мной, едущие на отдых бойцы отправились к минивэну, а Махао, войдя в роль наставника, перекинул на мой коммуникатор необходимые файлы и принялся бубнить прописные истины...

Пакет с едой рядом, рюкзак тоже, винтовка пристроена прикладом в пол, опирается на пассажирское сиденье. Магазин, конечно, вставлен в штатное место. Бронежилет и разгрузка на мне. Так положено. Случись что, и все проверки начнутся с наличия средств индивидуальной защиты. Был в бронике — промолчат. Был без него — автоматически подвергал свою жизнь и исполнение приказа необоснованному риску, что чревато...

Автомобиль также принадлежит «Титану», и от этого, несмотря на внешний гражданский вид, считается вполне военным транспортом, живущим по армейским законам. Ну а я — его водитель, с полной материальной ответственностью и обязан сделать всё для сохранности вверенного мне имущества.

Надо отметить, управлялась машина отлично. Кондиционер исправно гонял прохладный воздух, а навигатор большой жирной линией демонстрировал проложенный маршрут. Ехал бы так и ехал...

Останавливаться без крайней необходимости запрещено, да и зачем? Заряд аккумуляторов полный, дорога гладкая, светофоров почти нет. Километры сами под колёса ложатся, отзываясь лёгким шелестом покрышек. Занятая мной правая полоса позволяла держать стабильную скорость и не мешать всем любителям обгонов, а мягкая подвеска

глотала редкие неровности, создавая максимум комфорта.

Уютная служба. Приятно вот так катить, представляя, что путешествуешь по неизведанным краям, и ни о чём другом не думать. Впереди почти никого, сзади тоже, по бокам — живописная природа, изредка перемежаемая уходящими вдаль полями с до боли родными злаковыми культурами.

Постепенно, по мере приближения к прифронтовой зоне и удалению от города, перегоны между населёнными пунктами становились всё больше и больше, а следов цивилизации всё меньше и меньше. Эта особенность меня не тревожила. Планета колонизирована относительно недавно, каких-нибудь лет триста назад — народ попросту не успел как следует размножиться. Так и рассортировались обыватели — кто в полисах с городишками кучкуется, кто наоборот — подальше от всех, на фермах или вообще, дикарём живёт по идейным убеждениям.

Количество транспорта на дороге тоже заметно снизилось.

Короткий взгляд на дисплей навигатора сообщил, что до разделяющего социальные зоны блокпоста осталось каких-нибудь семьдесят километров, а дальше — я практически дома, рулить буду по сплошь знакомым местам. Даже жалко немного, что всё закончится. Может, в водилы попроситься? В легковозы? Кататься себе, куда пошлют, и наслаждаться дорогой?

Нет, вряд ли возьмут. Все должности давно заняты, а машинка, скорее всего, дальше поедет, в другой батальон. Рембат её посмотрит, возможно, подкрутит, сделает совсем конфеткой, и через время с матом примет обратно раздолбанной, мятой развалюхой. Отремонтирует, а затем цикл повторится снова, и снова... пока легковушка не найдёт себе вечную стоянку на одной из обочин или пойдёт на металлолом, принеся бригаде последнюю пользу.

Мерцая светодиодным табло, показалась заправочная станция с двумя припаркованными седанами бюджетного класса, и приятный, женский голос бортового компьютера, сверившись с геолокацией и картой, оповестил: «Зарядка батарей восемьдесят два процента. Запас хода...»

Это так обо мне навигационная система заботится, напоминая о возможности тормознуть и пополнить запас хода.

— Да иди ты, дура... — ответил я навигатору, и не подумав останавливаться. — Лучше бы анекдот свежий рассказала.

... Электронную болталку можно, конечно, отключить. Но кто откажет себе в удовольствии поспорить и немножко поругаться с навигатором? Тем более, настройки тут ненавязчивые, обо всех столбах по пять раз не напоминают. Я, лично, оставил для разнообразия...

Боковое зеркало отразило стремительно нагоняющий меня автомобиль через пятнадцать минут после того, как заправка осталась позади. Тот самый, бюджетник с парковки. Пёр он уверенно, по левой полосе, заставляя удивляться мощности движка этой, в общем-то, неброской техники. Скрестили спорткар с седаном, как иногда делают нечистые на руку уличные гонщики? Так это хитрость разовая, поймают — побьют. Или...

В зеркале отобразился второй торопыжка, приотставший от первого метров на двести, совершенно плёвое расстояние при их технических данных.

Первая машина почти поравнялась со мной, но обгонять не стала, а ловко сбросила скорость, пристраиваясь параллельно, с отставанием в полкорпуса.

Из пассажирского окна показалась рука с пистолетом.

Дальше я перестал размышлять, отдаваясь примитивным инстинктам и отводя сознанию роль стороннего наблюдателя. Ударил по тормозам, истово надеясь на умную противоаварийную автоматику; отклонился вправо, так, чтобы голова оказалась ниже уровня сидений. Аж в шее скрипнуло от усердия, а грудь сжало натянувшимся ремнём безопасности.

Захлопали выстрелы. Щёлкнуло по боковому стеклу, по двери, по... левую ногу обожгло в районе бедра, неистово завывли рёбра под бронезиловым.

Передо мной кривовато, со свистом от трения колёс по дорожному покрытию, возник седан со стрелком. Его водитель тоже тормознул, но из-за скорости и более поздней реакции тормозной путь позволил мне оказаться позади нападавших.

Теперь вперёд!

Я ни на мгновение не забывал про вторую тачку, в которой тоже не подарки везут. Разогнулся, попутно прикидывая траекторию движения, и вжал в пол педаль акселератора, разгоняя бригадную ехалку до предела конструктивных возможностей. С сожалением кинул взгляд на винтовку, съехавшую от всей этой дерганины к двери; с неудовольствием, почти кожей, ощутил вес закреплённых на разгрузке гранат. Кинуть в окно? Но на таких скоростях радиус поражения критически мал. Промчатся — и не заметят.

Приотставший из-за моего маневра седан ускорился, намереваясь снова повторить трюк со стрельбой или попросту сбросить меня дороги, а второй пристроился сзади, демонстрируя высунувшегося через люк в крыше смуглого мужика с чем-то, что прикладывают к плечу и что стреляет далеко и больно.

Выбора нет, придётся импровизировать. Эти не отстанут...

Вывернув руль на пятнадцать градусов вправо, я сжал зубы покрепче и буквально всем телом навалился на спасительную педаль. В поле мне надо, в поле. Там мои шансы выкрутиться здорово повышаются. Оторвусь, залягу в укрытии, отстреляюсь.

Осталось не запаниковать и удержать автомобиль при съезде с трассы.

... Обочина, придорожный откос, неуправляемая машина, как-то боком приземляющаяся в разнотравье, треск, удар, подушка безопасности в морду, подушка в бок, взрыв...

И ещё один, почти синхронный с первым.

Я даже осознать ничего не успел. В ушах зазвенело, в глазах запрыгали зайчики, а приятный женский голос равнодушно уведомил:

— Покиньте автомобиль. Если у вас нет такой возможности, не впадайте в панику. Необходимые службы уже оповещены, тревожный сигнализатор включён. Сохраняйте спокойствие...

Именно так я рассказывал о происшедшем сначала дорожным копам, оперативно примчавшимся на сигнал бедствия, после — прибывшему детективу, затем — их общему начальству. Все слушали, кивали, и никто мне не верил.

Но и во лжи никто не обвинял.

Ситуация вырисовывалась двоякая. С одной стороны — я, мирно сидящий на кочке при помятом автомобиле, с другой — две взорванные, напрочь сгоревшие машины с трупами внутри.

После небольших препирательств мне пришлось сдать на ответственное хранение винтовку, штатные гранаты, предоставить эксперту-криминалисту руки для взятия мазков с кожи, и только по окончании всех этих формальностей удалось показать подпорченную ногу прибывшим парамедикам. Оказалось — ничего существенного, пуля зацепила по касательной, оставив даже не рану, а глубокую борозду. Бронежилет же спас туловище.

В общем, я остался относительно цел, зол, и с раскалывающейся от сотрясения мозга головой. Госпитализацию мне не предложили, посчитав такую роскошь излишней, а моё состояние удовлетворительным. Обошлись уколom с таблеткой. Нормально, могло быть и хуже.

— Со своими связался? — прицепился ко мне полицейский начальник, до этого с удручённым видом обходивший по кругу останки сгоревшей техники, как следует залитой огнегасительной пеной пожарных.

— Конечно. Иначе я бы хрен вам оружие отдал. А вы с военной полицией связались?

— Связались, — скривил рожу коп. — В участок приедут. У нас пока посидишь, до выяснения.

Коммуникатор у меня никто не отбирал, и я вновь набрал бригаду, чтобы сообщить о том, где буду находиться. В ответ получил наставление вести себя хорошо, запастись терпением, выдержкой, а заодно не портить нервы окружающим.

Отдельно проконтролировал, чтобы подарочный меч не исчез в неизвестном направлении. Я ведь за него отвечаю...

Полицейский ещё несколько раз пытался завести со мной разговор на тему о сегодняшних дорожных разборках с трупами, но я предпочёл отделяться однозначным:

— Только в присутствии адвоката или представителя командования «Титана».

Когда ему надоело это однообразие, меня усадили в полицейский автомобиль и с эскортом из разнообразных служб привезли в безликий, бедновато выглядящий посёлок, где без лишних прений определили в комнату для задержанных, на прощанье искренне пожелав нажраться говна из-за случившейся бучи с моим участием. Будто я во всём виноват!

Вспомнили про меня через пару часов...

Допросная комната выглядела классически: стол, привинченные к полу табуреты, зарешёченный плафон освещения на потолке и противоударное стекло в одной из стен. С моей стороны зеркальное, с другой — прозрачное, позволяющее наблюдать за находящимися в помещении.

Всей разницы с художественными фильмами — в коридоре никто не шлялся, не подглядывал, силясь по движению губ догадаться, о чём общаются задержанный с представителем власти, и за дверью не бурлила жизнь полицейского участка.

Такое отступление от канонов вполне объяснимо — это счастье никому и даром не сдалось. Конфиденциальность важнее. Потому комнатка располагалась в отдельном, глухом коридорчике при зарешёченных клетках для арестованных и доставленных за правонарушения. Тихое местечко, со спёртым воздухом и дежурным копом неподалёку.

Меня уже ждали. Неброский человек с лицом заурядного клерка и в удивительно подходящем ему мешковатом костюме с мягкими туфлями прохаживался по периметру

допросной, напевая нечто вроде: «Пум-пурум-пурум-пум-пум». Мотивчик звучал по-детски, вдобавок оказался привязчивым. После первого же прослушивания он прочно осел в моей голове и норовил пуститься в отвлекающий от всего круговорот.

— Присаживайтесь, — мне указали на дальний от дверей табурет. — Как самочувствие?

Сказано было с некоторой долей участия, но без особой заинтересованности, как при обмене пустыми любезностями между малознакомыми людьми. Пофиг ему на моё здоровье, и на меня пофиг, во всех отношениях. Но в бутылку лезть пока рано. Военная полиция и иже с ними ещё в пути.

Придётся поиграть в тактичность с политесами.

— Нормально.

Дверь за спиной закрылась, донеслись удаляющиеся шаги. Человек тоже вслушивался и довольно покачивал рукой в такт отзвукам обуви полицейского.

— Давайте знакомиться, — тоном записного добряка предложил он, глядя, как я усаживаюсь на указанное место. — Меня зовут Майкл, я представляю Службу Безопасности Нанды.

— Маяк.

Его передёрнуло.

— Юноша, не надо кличек. Меня вполне удовлетворят ваши привычные данные: Вит Самад. За то, что это имя и фамилия, до конца не поручусь, но вам так явно привычнее... Насколько помню, в армии Федерации предпочитают производные от них, именуемые небоевыми позывными.

Если безопасник и рассчитывал меня поразить, ввести в замешательство, то у него это не получилось. Я и не надеялся, что, став неким Готто Ульссоном, сбежавшим под защиту добровольческой бригады, автоматически избавлюсь от прошлого. Ждал чего-то подобного. Ещё тогда, в кабинете вербовщика Махао. В тот раз пронесло, в этот — нет.

Однако неприятный холодок по спине пробежал.

Отбросив личные впечатления, я переключился на сторонний анализ услышанного. Назвавшийся Майклом не зря демонстрирует свою осведомлённость и бравирует знанием особенностей войск Федерации. Будет шантажировать раскрытием личности? Да клал я на это... При приёме в бригаду данную тонкость моей биографии всесторонне изучили все, кому следует, и махнули на неё.

Вербовать? Бессмысленно. Что могу выведать я, который в «Титане» без году неделя и которого дальше охраны гуманитарки или сортирной бумаги не пускают?

Попытается пришить соучастие в гибели кого-то там при взрыве маяка? Сильно сомневаюсь. В этом случае я бы уже сидел не в обычном отделе полиции, а в специализированном заведении с более строгими порядками.

И вот тут кольнуло. Чем я лучше других? Того же сержанта Бо Мида и парней, оставшихся в клинике и обложенных со всех сторон? Их же там похватили не за исполнение устава и не за нарушение законов, а чтобы правда не всплыла. За то, что вообще были.

Узкий момент...

— Не гадайте, — мужчина присел напротив, положил руки на стол, сцепив пальцы в замок. — Я не буду вам делать предложения, от которого нельзя отказаться. Не буду и склонять к сотрудничеству. Мне необходимо лишь ваше внимание, просто слушайте. Где непонятно, уточняйте.

— Внимаю.

Ему показалось, что я ответил с сарказмом или другой завуалированной издёвкой, из-за чего безопасник нахмурился, дёрнул щекой.

Пришлось поправиться:

— Что вы хотите мне сказать?

— Многое, — Майкл мгновенно убрал недовольную гримасу, давая понять, что считает моё поведение приемлемым. — Начну издалека, постепенно выкладывая карты на стол... В жестокие застенки вас не увезли отсюда из-за бригады, да и не собирались, если честно... Однако я слегка отклонился от канвы беседы. Репутация «Титана» не позволяет отдавать своих бойцов кому бы то ни было без их персонального разрешения. Принципиально, как гарантия стабильности внутренней атмосферы подразделения и краеугольная основа перспектив выслужить новую жизнь.

... Слова этого господина лились убаюкивающей песней. Подобранные, витиеватые, демонстрирующие отдалённость от простецко-местечковой речи патрульных. Этаким интеллигент на защите государства. Ему бы ещё холодно-пристальный взгляд — и образ разведчика получился бы идеальным. Но нет, с глазами всё в порядке. Ни добрые, ни злые, а так... не поймёшь. Клерк и клерк, монотонно делающий свою работу и всегда профессионально корректный.

— Политических покровителей у них хватает, чтобы поддерживать текущее положение вещей, — продолжал он. — И это, думаю, объясняет многое... Вы под их защитой, господин Самад.

— Радует, — не сдержался я, вставляя ремарку.

— Охотно верю. Потому и разговариваю с вами, как с осознающим расклад человеком. Но мы снова уходим в сторону от основной темы... Как считаете, почему именно вас послали перегонять автомобиль, на который было совершено нападение?

Пожал плечами.

— Не представляю.

— Вполне допускаю... И могу поделиться соображениями, — ответа безопасник не ждал, говорил без передышки. — Вы психически устойчивы, не любопытны, в определённой мере подготовлены, в рядах «Титана» относительно недавно, дисциплинированно подчиняетесь приказам, вам некуда идти. Последнее считаю основным... Если объединить вышесказанное в одну-единственную фразу, то звучать она будет так: «Вас не жалко», — Майкл развёл руки в стороны, будто делился настолько банальным и очевидным и что он недоумевает, как я сам не додумался до столь элементарной истины. — Сомневаюсь, что вы являлись основной кандидатурой в смертники, скорее, звёзды сошлись. Ну, сами посудите: остались без пары для экспедирования грузов, находились в удобной точке для задействования. Молодого пополнения почти нет, а бывалых никто посылать не станет из-за их ценности... Возможно, имелись и другие соображения, но я о них не осведомлён. Нда... — озадаченно протянул представитель СБН, подозревая, что перегрузил примитивный разум собеседника умножками и допущениями. — Нужны пояснения?

— Не повредили бы, — я осторожно поддержал занимательный разговор.

— Не спешите. Всё по порядку, — ухмыльнулся мужчина. — Выгнанный Хлюпа в своих показаниях упомянул род занятий в бригаде, и кое-что иное... Не забыл и о вас. Гнилой типчик, стукачот природы... О его трескотне сообщили в моё ведомство, отсюда и такая

осведомлённость.

— Про охрану фуры он не знал.

— В вашем коммуникаторе, изъятом при личном досмотре перед помещением в комнату для задержанных, хранятся все необходимые документы, — отбрил меня представитель СБН. — И из бригады пришёл официальный ответ с указанием полученных вами приказов... Не волнуйтесь. Ваши действия признают законными; применение оружия, если оно имело место, обоснованным. Спишут на личную самооборону или повесят на копов очередное нераскрытое преступление. Как пойдёт... Пребывание в этих стенах, — он обвёл взглядом помещение допросной, — вынужденная мера. Дань существующему порядку. К вечеру покинете.

Упоминание Хлюпы заставило почувствовать себя неудобно. Для чего он угреватого придурка приплёл? Мог бы и промолчать... Мы находимся в участке, где косвенных свидетелей нашей беседы более, чем полно. Кто-то видел, как безопасник заходил, кто-то провожал его сюда, регистрируя событие в положенных журналах. Ситуация скользкая... Майкл же со мной общается, будто нарочно провоцируя начальство «Титана» на некие действия.

Ладно, будем посмотреть.

— Хватит ходить вокруг да около, — собеседник расправил плечи, потянулся до хруста в суставах. — В общем, юноша, дела ваши полная Дрянь. С большой буквы. Вам хоть известно, что вы везли?

— Подарочный меч, — к чему скрывать? Он на виду лежал, в багажнике.

— А должны были везти? — вкрадчиво, тоном змея-искусителя осведомился Майкл.

Я промолчал.

— Деньги, — веско объявил он. — Около семидесяти тысяч кредитов Федерации. Вас использовали как приманку. Живца. Тут остановлюсь подробнее, потерпите уж мой нудёж... Бригада имеет обыкновение работать с наличными. В частности, оплачивать некоторую контрабанду технологий и вооружений. Подразделение, всё-таки, боевое... Мы, Служба Безопасности, относимся с пониманием к столь мелкому проступку — война требует гибкого подхода к определённым нормам, но отслеживать подобные операции — наша обязанность. А теперь перейдём к конкретике, — безопасник щёлкнул пальцами, как бы акцентируя. — «Титан», если вы ещё не догадались, структура глубокая, продуманная и к регулярной армии относится постольку-поскольку. Частные наёмники, перекрашенные в патриотические цвета... Их эмиссары в городах, более известные как вербовщики, обеспечивают деловую сторону всевозможных финансовых операций, выступая в роли представителей на местах. Поиск валюты — одна из их многочисленных обязанностей.

— В банках закончились наличные кредиты? — я неверяще усмехнулся и положил руки на стол. Надоело сидеть чуть ли не по стойке смирно.

— Отчасти. Военное положение здорово мешает работе финансовых учреждений. По особому указу, все поступления в средствах межпланетарных расчётов приоритетно выкупаются государством, невольно создавая дефицит наличной денежной массы. Поэтому на поверхность и повсплывали всевозможные частные обменники с мутными источниками средств для работы и ещё более мутными владельцами, почти поголовно выходцами из криминала. И, как любые жулики, они мечтают не просто заработать на сделке, а заработать по самой верхней шкале. Не гнушаются и разбоем. Согласитесь, послать вдогонку крупной сумме толковых ребят со стволами — идея рискованная, но прибыльная. Ищи потом, откуда

утечка информации произошла, особенно если свидетелей нет.

Мне оставалось лишь согласно кивнуть.

— Но, как говорится, есть нюанс, — Майкл довольно хохотнул, — Новоявленные торговцы деньгами не учли основательности «Титана» и того педантизма, с которым так называемые «добровольцы» подходят к любой задаче. Им в ослеплённые возможной прибылью мозги даже не пришла мысль перепроверить, с кем они связались. Ограничиваются выпиской из налоговой инспекции, не вникая в тонкости. А зря! Расчёты, конечно, ведутся через доверенные фирмы, но все концы, так или иначе, ведут к не особо афиширующей себя бригаде. Да если бы только это! В определённых кругах не секрет, что региональные представители «Титана» — люди с прошлым. Как правило, или контрразведка или, — тут он вздохнул, — мои бывшие коллеги. И, прежде чем начинать вести бизнес, они досконально изучают подноготную будущих партнёров. Среди наиболее перспективных заводят агентуру. Кстати, от агента эмиссары «Титана» и узнали о готовящемся нападении, отчего только обрадовались. Подготовили контрмеры, организовав «утечку» информации с маршрутом следования автомобиля, через третьих лиц подсказали, где удобнее напасть.

— Даже так? — скрыть удивление не получилось. — И меня, по вашим словам, отправили на убой? Ради чего?

— Ради денег, разве не понятно? Теперь у твоих, — он вроде как незаметно сбился на «ты», — командиров появился чрезвычайно веский повод предъявить организаторам счёт за уничтоженный автомобиль, за ранение бойца, за доставленное беспокойство. В случае твоей смерти цифра компенсации только бы подросла. Значительно! И поверь, отвертеться у инициаторов акции не получится. Воротилам дешевле замять конфликт, чем нажать себе такого врага. Пока они ещё не понимают, во что вляпались, но через несколько дней сильно удивятся и сумме откупа, и принятым мерам. Говоря языком гетто, это — кидалово, за которое придётся ответить, как минимум, сотней тысяч федеративных кредитов. Им это обоснуют и разложат по полочкам. Те, конечно, пошумят, крутость попробуют продемонстрировать, но заплатят... В этом мире законы жёсткие, подкупленные судьи и столичные адвокаты не помогут.

Что он несёт, этот человек? Какие торги? Какие обоснования?..

— Я вам не верю! — реплика вырвалась без всякого обдумывания и чересчур эмоционально для того, кто хранит напускное хладнокровие. — Такого наворотили... Нападение на пустую машину, продуманная операция по отправке меня на тот свет, какие-то деньги...

— Твоё право, — скупое бросил безопасник. — Оправдания тому, что тебя расстреливали как мишень, придумаешь сам. В мою задачу не входит убеждать узколобых юношей в их глупости.

Уел... Накидал полную горсть сомнений, а теперь — разбирайся в них сам.

— Перефразирую. Для чего вы мне это рассказали?

Майкл прищурился и стал весь какой-то собранный, пружинистый. Словно на стартовой линии стоит, отмашки ждёт. И в то же время с ответом не спешит, паузу тянет для значимости.

Похоже, вся эта эпопея с долгой болтовнёй затевалась исключительно ради моего последнего вопроса.

Я не ошибся.

— Чтобы ты думал. Не больше, — представитель СБН сменил тон на лязгающий

жѣсткий, даже жестокий. — Пользовался разумом. Просчитывал перспективы. Осознавал свои выгоды... И, в качестве довеска, скажу — в «Титане» нет никакого боевого братства, Вит. Есть бизнес, основанный на войне и предоставляемых ею возможностях. Есть математический расчѣт тех, кто стоит у руля. Есть целесообразность, причѣм у каждого своя. Всегда об этом помни, даже когда станешь о нашем разговоре докладывать. А ещѣ вот, — прервавшись, он порылся во внутреннем кармане пиджака и извлѣк оттуда белый прямоугольничек визитки. — Передашь командованию. Захотят пообщаться — номер здесь указан. И ты выучи его, наизусть, Самад... А хочешь, расскажу, что произошло? Там, на трассе?

Стало интересно, что этот человек мне ещѣ наплетѣт.

— Хочу.

— Тогда слушай, поправлять необязательно... Ты ехал один, никого не трогал. На заправке за тобой прицепились два автомобиля, догнали, стрелки или стрелок открыл огонь. Точного заключения по калибрам и типам использованного оружия у меня пока нет... Желая выжить, ты свернул в поле, где надеялся оторваться, выбраться из салона и приступить к обороне с использованием личной винтовки. Но не успел. По преследователям ударили два беспилотника-камикадзе. Маленькие такие, на дистанционном управлении. Запустить их можно откуда угодно, хоть через люк в крыше автомобиля. Тем более, их по умолчанию почти везде вставляют, включая базовые модели. Модно... Впрочем, я в третий за сегодня раз отвлѣкся. Долгие монологи уводят, знаешь ли, в рассуждения... За тобой следили, Вит. Твои товарищи, и их было минимум трое. Один за рулѣм, двое управляли беспилотниками. Когда ты съезжал с дороги, они направили начинѣнные взрывчаткой аппараты в машины бандитов, чтобы те не успели разбежаться. Наверное, следующие в отдалении титановцы думали, что ты погиб или сильно ранен. Их устраивали оба варианта. Основания для разборки так и так, более чем весомые. А ты выжил... — рассказчик потѣр переносицу, как бы разгоняя усталость. — Отрезок для нападения, я упоминал, выбран крайне удачно. Ни дорожных сканеров, ни жилых объектов. Поблизости — минимум четыре грунтовых съезда, укатанных до каменного состояния. Просчитать, кто ехал в данном направлении, труда, конечно, не составит, однако, что им предъявить? Неподалѣку есть красивейшее озеро, о котором в любом путеводителе написано. Свернули — и можно вдохновенно врать, что ничего не видели, не слышали, природой любовались. Ничего не докажешь. Что твоим сослуживцам, что бандитам... Об этой маленькой хитрости давно известно, — собеседника словно выворачивало от такого перспективного алиби. — Про визитку не забудь.

Только сейчас заметил, что она по-прежнему зажата в пальцах Майкла. Рассудив, что это меня ни к чему не обязывает, взял протянутый мне пластик с цифрами. Ни имени, ни звания, лишь в углу оттиснут небольшой щит с аббревиатурой внутри «СБН». Покрутив, убрал визитку в нагрудный карман.

Цифры запомнил. Зачем — и сам пока не отдавал себе отчѣта. Безопасник это заметил, потѣр подбородок, имитируя лѣгкую задумчивость. После закончил:

— В завершение. Если добудешь достойную информацию для торга, мы готовы рассмотреть способы оплаты. От билета на другую планету до увесистого вклада на твой банковский счѣт. Это не вербовка, это так... на будущее. Никогда не знаешь, что пригодится.

Резко оборвав разговор, он поднялся и, не прощаясь, покинул допросную, оставив меня в полном душевном раздрае. Признаюсь, повод для этого имелся более чем весомый. Только

не тот, на который рассчитывал этот человек.

— Пум-пурум-пурум-пум-пум, — и сам не заметил, как принялся напевать подслушанный у Майкла мотивчик.

А что, помогает.

Глава 4 Интерлюдия № 1

— Ну, как успехи? — спросил с экрана коммуникатора старый товарищ, давно перебравшийся в столицу и выслуживший серьёзное повышение.

— Пообщался, — ответил человек, недавно представлявшийся Виту Самаду как Майкл. Впрочем, он и был Майклом. В общении с фигурантами имя предпочитал не менять, чтобы не разводить секретность на ровном месте. — Твою визитку передал.

— Что ты ему рассказал?

— Предоставленную тобой информацию. Во всяком случае, ту часть, которая касалась его лично.

— Хорошо... И как он воспринял?

— С недоверием. Но это пока. Постепенно проникнется. Толковый паренёк. И скрытный.

— Думаешь, можно использовать?

— Только втёмную.

— Про сослуживцев он спрашивал?

— Даже не обмолвился. И мне это нравится. Выживальщик.

— Уверен?

— Нет. Я же с ним плотно не работал. Озвучиваю первое впечатление.

— Ты редко ошибаешься. Можешь навскидку охарактеризовать?

— Разве что поверхностно... Ошпаренный.

— Что? — не понял собеседник. — Какой?

— Ошпаренный, — повторил Майкл. — От всего шарахается, никому не верит. Ощущение, будто ему в прошлом сильно досталось и теперь он весь в себе. Натянутый, как струна. Надавишь посильнее — или порвётся, или озлобится и вразнос пойдёт.

— Точнее не скажешь, — с уважением протянул столичный товарищ. — Виту слегка не повезло с... не важно. Как считаешь, о разговоре он доложит?

— Конечно. И те, кто будет слушать, всё поймут. Вряд ли перезвонят, — тут оба рассмеялись, — но прыть, надеюсь, поумерят. Дураков в «Титане» нет.

Лицо на экране скривилось.

— Наглеют, сволочи. Совсем страх потеряли. С начала года четвёртая подстава с машиной. Валютчики потом кровавыми слезами умываются и последнее отдают. Кто выжил... Видишь, до чего дошло, уже мы подключаемся.

— Сами же лезут, — не выразил сочувствия Майкл. — От жадности и самоуверенности. Бригада вроде бы первой не бьёт.

— До поры. Размах пока не позволяет.

— А укоротить аппетиты?

— Как? В открытую к ним не придраться, да и любят их очень в верхах. Для кое-кого из наших с тобой работодателей бригада — палочка-выручалочка, приберегаемая на крайний случай. Так что пока собираем информацию. Файл к файлу. И про Самада — молчок. Всем, включая твоего шефа. Это наш маленький секрет.

— Я помню. Ты предупреждал.

— Тогда присмотри за ним. По своим каналам.

— Выполню.

Связь прервалась, и человек, негласно исполнивший просьбу товарища, выбросил сегодняшнюю встречу из головы. Попросили посмотреть на паренька — он посмотрел, благо, недалеко пришлось ехать. Намёк передал, зерно сомнений посеял. Дальше — не его дело, не его полёта уровень.

Дверь за Майклом закрылась. Я не стал оборачиваться ему вслед или выглядывать в приоткрываемый проём, чтобы выяснить, что происходит там, в коридоре, а, пока не пришёл дежурный коп, решил воспользоваться свободной минуткой и наскоро переосмыслил своё положение.

Итак, что мы имеем?

Обо мне знают спецслужбы, однако руки не крутят и вообще, делают вид, будто я им не слишком интересен. Враньё. Посёлок, в который меня привезли — не того пошиба, чтобы иметь отдельного безопасника, а уж тем более целый отдел СБН. Тут — периферия задворки, окраина, о которой вспоминают только во время выборов, край простоватых реднеков(*) и безамбициозных людей. Прочим здесь душно и тесно.

Получается, Майкл сюда приехал сознательно и целенаправленно, едва прослышав о происшествии на дороге и узнав из сводок мой позывной. Имя и фамилию я никому не называл, в воинском ID они не фигурируют, а этот гражданин прекрасно осведомлён, кто прячется под кличкой «Маяк».

Крот в «Титане»? Вряд ли... Иначе бы так открыто со мной не общались. Крот — это первое, на что можно подумать. Ну или провокация. Ладно, оставлю эту загадку бригадным умникам. Майкл прав — о разговоре я однозначно доложу, в подробностях...

Перейдём к следующей непонятности: зачем он упомянул Хлюпу? Продемонстрировать информированность? Намекнуть, что факт избиения незадачливого торговца оружием зафиксирован, задокументирован и ждёт своего часа? Использовать рычажок, чтобы подтолкнуть несговорчивого Вита Самада к нужному выбору? Завуалированно поугрожать?

Скорее всего, всё вместе. Сказано по принципу: «умный поймёт».

Я понял, спасибо. Намёк оценил, возможные последствия учту обязательно.

Дальше ход его рассуждений вывернул к тому, что меня могли подставить свои же. На это безопасник особо упирал, разжёвывая, нагнетая, анализируя, и делая, в общем-то, верные выводы по одним лишь косвенным данным. Их всего-то — расписание моей службы за последние сутки да хронология телефонных переговоров с ответственным.

По логике Майкла, торчание у якобы поломанной фуры, как и краткие беседы с начальством, не позволяли мне получить достойного инструктажа и все мои действия происходили вслепую, основываясь исключительно на полученных приказах. Взяли ублюдки-титановцы молоденького новобранца, посадили в машину безмозглой наживкой, и принялись творить злодейство, провоцируя неизвестно кого на нападение.

В пользу этой версии говорило и то, что ехал я в полной форме, с шевроном подразделения на плече, который прекрасно просматривался в боковое стекло. Кому надо — разглядел бы без особого труда.

Можно, конечно, приплести в качестве контраргумента Стана с Минусом. Будто бы они передали мне распоряжение на словах и всё такое, но я бы на подобное не рассчитывал. Ранее мы знакомы не были, служим в разных батальонах, общего — ничего. С какой радости Маяк их должен слушаться? Потому что они так сказали? Нет, такие схемы работают по-другому, и Майклу об этом известно.

Опять же, безопасник бил практически вслепую. Ничего не утверждал, ничего не

требовал, просто освещал происшествие слегка предвзято, стремясь посеять сомнения в моей душе. Верить или нет — моё право и мой выбор. Однако красиво разложил, не спорю. Стройно, без пробелов.

Но не полностью... Кое-чего он не смог узнать и просчитать.

Только я ему об этом не расскажу.

... Закончив инструктировать, Махао подобрался, пристально посмотрел мне в глаза.

— Маяк, — необычно серьёзно начал он. — На машину могут напасть бандиты. Ты можешь погибнуть. Это не шутка, не проверка и не плод моего воображения. Потому предупреждаю честно и заранее. Боишься — не садись. Уходи из «Титана».

Я опешил.

— Мне сказали...

— То, что можно говорить по коммуникатору, — перебил вербовщик. — А я передаю подробности. Да, по подписанному тобой контракту ты обязан прыгнуть в эту тачку и ехать в расположение. Да, бригада тебе ничем не обязана и да, имеет все основания требовать безоговорочного подчинения. Всё так. Но мы — не уроды, людьми не разбрасываемся. Честно предлагаем отказаться, если не готов собой рискнуть.

— Кто нападёт?

— Могут напасть, — поправил меня Махао. — Могут. В соотношении два к трём.

— То есть, с большой вероятностью?

— Да. Поэтому спрашиваю — ты готов? Если нет — то едешь с нами, сдаёшь мне оружие и валишь ко всем чертям. Если да, то забрасывай барахло в салон.

Вилка... Уходить мне некуда, но и в машину лезть не хотелось до трясущихся поджилок. И о подробностях не спросишь. Сказано предельно чётко — от меня ждут или "да", или "нет". Остальное потом, в зависимости от озвученного ответа.

Из минивэна, напоминая о себе, посигналил Минус. Убедившись, что привлёк внимание, он призывающе взмахнул рукой, рекомендуя вербовщику поторопиться.

— Маяк, определяйся, — потребовал Махао, игнорируя пожелание моих бывших попутчиков.

Спокойно потребовал, без давления. Будто устал ждать.

Куда я денусь... С момента подписания контракта я себе не принадлежу, да и сбежать всегда успею. Переклинит в пути — брошу машину, и в поля. Винтовку утоплю. А скрываться — мне не привыкать, кое-какие навыки приобрёл.

В полном молчании закинул рюкзак на заднее сиденье. Повернулся к вербовщику. Тот прищурился с непонятным выражением на физиономии — то ли одобряющим, то ли разбойничьим, но, в общем, однозначно бодрым.

— Запоминай. Наша машина поедет следом, слегка приотстав. Камера заднего вида и регистратора твоей тачки связана с моим коммуникатором, так что при попытке тебя догнать или подрезать — заметим, примем меры. Если такое случится — не вздумай гонки устраивать. Уводи автомобиль в поле. На его сохранность забей. Твоя задача — уцелеть и отдалиться от преследователей. Хоть на колёсах, хоть бегом. Начнут палить — постарайся пригнуться, а лучше до этого не доводи. Сваливай сразу.

Тогда я не понял, для чего мне нужно отдалиться. Дошло позже...

— Самый опасный участок перед прифронтовой линией. Но бдительности не теряй, всякое может случиться и на более раннем отрезке... Двигаться будешь со скоростью сто —

сто двадцать, больше системы безопасности автомобиля разогнаться не рекомендуют. После ста пятидесяти рискуешь потерять управление на съезде. Дальше постарайся спрятаться за кузовом. Остальное — наше дело. Главное, следи, чтобы не подрезали и не вели прицельный огонь. Ну и выживи. Вроде бы всё... Удачи!

Дружески хлопнув меня по плечу, Махао уже сделал шаг к минивэну, когда я поинтересовался:

— Это из-за меча?

— Нет. Но так надо, — ограничился он невнятным полулозунгом и рыкнул, давая понять, что более я ничего не добьюсь. — Поезжай, Маяк. Жарко становится.

О ходе поездки я честно рассказывал всем заинтересованным лицам. Ни капли не соврал, особенно в эпизоде, когда неподалёку от меня начали взрываться машины. Страху натерпелся — не передать...

Но упустил ещё кое-что, незначительное. Всего лишь две минуты из моей жизни.

... В носу пекло от шваркнувшей по нему подушки безопасности, на губы струйкой побежала солоноватая, тёплая кровь.

— Покиньте автомобиль. Если у вас нет такой возможности, не впадайте в панику. Необходимые службы уже оповещены, тревожный сигнализатор включён. Сохраняйте спокойствие... — умная программа, убедившись, что движение транспортного средства закончено, сама отстегнула ремень безопасности и разблокировала двери, давая водителю дополнительную возможность выбраться из салона.

— Ё... — вырвалось из лёгких, когда я боком выпал на траву и на всех парах пополз за спасительный кузов, создавая защитную преграду между собой и проезжей частью.

Про винтовку не забыл. Однако, несказанно обрадовавшись, что моя попорченная легковушка стоит как ей и положено — на колёсах, предпочёл извлечь оружие с пассажирской стороны, а не маячить филеом в чужих прицелах, рыская по салону.

Для успокоения зажал одну из гранат в ладони. Теперь можно и голову от земли поднять, и с особо надоедливými в войну побаловаться. Кидаю я неплохо, кого-то да задену осколками.

— Маяк! Цел?!

Кричали от дороги, но кто — не разобрал. Да и не особо старался, если честно, сконцентрировавшись на оставшемся внутри оружии.

Пассажирская дверь, как и водительская, оказалась открыта согласно какому-то из аварийных протоколов автомобиля. Едва взялся за ручку, и на меня практически упала моя винтовка, пристрелянная и надёжная. Гранату — в карман, приклад — к плечу. Не высовываясь, попробовал осмотреться из-под днища автомобиля. Чепуха получилась. Дорожное полотно выше уровня земли, потому через ограниченное по высоте пространство удалось разглядеть лишь гравий откоса.

Перекатился, опасаясь подолгу задерживаться на одном месте.

— Маяк! Ты живой?! — снова донёсся голос. — Это я, Махао!

Сомневаясь, я осторожно высунулся из-за багажника. Действительно, он. Рядом с незнакомой, большой машиной с тонированными стёклами. Стоит, смотрит в мою сторону, напряжённый.

— Не вздумай стрелять! — вербовщик развёл руки в стороны, и, заметив меня, с

облегчением добавил. — Жди копов! Про нас — молчок! Про нападение — рассказывай! Требуй руководство! Побольше скандаль! Медицинская помощь нужна?

— Нет!

— Тогда мы валим! — выкрикнул он, впрыгивая в автомобиль.

Кто сидел за рулём, сколько народу скрывалось внутри — я так и не узнал.

— Проходите, — дежурный полицейский впустил в помещение двух лощёных мужчин в великолепных костюмах, белоснежных рубашках с галстуками в тон, и с кожаными, дорогими портфельчиками в руках. — Если что-то понадобится — зовите.

— Разумеется, — мило улыбнулся один из визитёров, по-хозяйски занимая свободный табурет и доставая навороченный планшет с выдвижной клавиатурой.

Второй остался стоять, изучая мою потрёпанную фигуру.

— Мы представляем адвокатскую контору, обслуживающую интересы добровольческой бригады «Титан», — назвалса сидящий. — Для начала предлагаю устроить сеанс видеосвязи с вашим командованием, где вы получите все необходимые подтверждения для дальнейшего ведения нашей деятельности.

Пока он проговаривал это, на экране повёрнутого ко мне планшета появился лично комбат, кратко подтвердивший полномочия людей в костюмах.

А дальше началась невообразимая карусель из официальных заявлений, умных формулировок, ссылок и отсылок на законы, инструкции, подзаконные акты, уставы, правила, дополнения, параграфы, подпункты, и прочие невообразимые порождения юридического крюкотворства. При этом адвокаты запретили мне даже чихать без согласования с ними, настойчиво рекомендовав сидеть в уголке и не отвечивать. Я слушался.

После прибыла военная полиция, на которую сходу накинулись платные защитники, требуя справедливости с признанием невинности для вполне конкретного меня. Те сомневались, но потихоньку шли на попятную. Пара в костюмах своё дело знала на «отлично» — не давала никому продохнуть, засыпая всех вокруг сложнопроговариваемой казуистикой и беспрестанно тормоша уточнениями да придирками.

Особенно доставалось полицейским экспертам.

Расходившиеся мужчины чуть ли не силой вытряхнули из них заключение о том, что в смывах с моих рук остатков, а равно и следов, пороховых и взрывчатых веществ не найдено; что оружие не применялось и что боекомплект по численности и наименованиям соответствует цифрам в справке, полученной из штаба бригады. С этим документом они, словно с флагом, допекали всех и каждого. Выбили и протокол осмотра моего бронежилета, осатанело тыкая пальцами в след от пули. Их обличительные, безапелляционные голоса заставляли ёжиться весь участок.

Даже задержанные сидели в своих камерах, боясь лишний раз вздохнуть.

— Откуда наш клиент может знать, почему сгорели чьи-то автомобили?! — возмущались адвокаты. — Вот документ, что он к этому не может быть причастен! Он к ним и близко не подходил! Ведите следствие! Ищите!.. Мы не допустим!.. Что значит «мог видеть»?! Кого? Каких нападавших? Вы, господин полицейский, наверное, плохо понимаете, что случилось! Откройте протокол осмотра автомобиля «Титана», посчитайте количество пулевых отверстий!..

От их кипучей деятельности разыгрывалась мигрень.

... Ближе к обеду меня перевели в один из рабочих кабинетов полиции, угостили кофе из стоящего в холле автомата.

Ну а ещё через часок, к всеобщему удивлению, прибыл командир батальона. Суровый, подтянутый, решительный. Переговорив с адвокатами, он наведаясь к начальнику здешних копов, вскользь пообщался с военными представителями правопорядка, внимательно осмотрел мою подлеченную ногу и почти матом, на грани приличий, высказался по поводу отказа в госпитализации раненому бойцу.

Вокруг словно торнадо бушевал. При этом я находился в самом его эпицентре, целый и почти невредимый. «Титан» добросовестно отрабатывал постулат «своих не бросаем и не сдаём». Я, похоже, свой.

В расположение вернулись к самому ужину. Ехали с комфортом, на командирском внедорожнике — большой и угловатой машине с пулемётным куполом на крыше. Мой автомобиль самостоятельно добраться не смог — что-то повредилось в ходовой, и его должны были потом притащить на эвакуаторе.

В прошлом остались и адвокаты, прибывшие, оказывается, на дорогом частном вертолёте (эта новость только подняла градус моего уважения к бригаде), и протоколы, и прочая суета. При явном давлении юристов и неявном «Титана» меня отпустили «под личное обязательство», согласно которому я был обязан примчаться в полицию или к судье по первому требованию.

Ага, всё брошу и побегу. Наплевав на приказы со службой. Об этом, похоже, подумали все, подсовывая мне документ на подпись, но вслух никто ничего не сказал. Исполнили обязательную процедуру — и с облегчением избавились от меня, точнее, от защищающих меня сил.

С мечом, правда, некрасиво получилось. Вместо торжественного вручения подарка, вместо приличествующих моменту поздравлений и пожеланий всё свелось к тому, что начальник местечковых копов, плюхнув на стол перед командиром батальона футляр, для протокола вытребовал у него подпись о получении. Комбат в положенной графе оставил автограф, молча забрал презент и, едва взглянув на него, приказал убрать оружие в багажник автомобиля.

Даже мне стало обидно за подобную несправедливость. Полицейский, сука, знал ведь, кому предназначается подарок. Мог бы и мне отдать, по-тихому. Тем более, что изымал он меч как раз у добровольца Маяка. Мстил за то, что руки коротки и не может спихнуть дурно пахнущее, бесперспективное дело военным коллегам? Наверняка. Вооружённые нападения в немилитаризованных зонах — чистой воды уголовщина, подследственная полицейскому ведомству.

Визитку, полученную от Майкла, я передал, едва забрался в командирскую машину. С пояснениями. Выслушав краткий доклад о беседе с безопасником, комбат молча убрал карточку в карман, активировал рабочий терминал и погрузился в текущие дела, сосредоточенно морща лоб при чтении служебных файлов. На этом общение с руководством и закончилось. Водитель помалкивал, музыку не включал. Я тоже старался не мешать начальственным мыслям.

Уже на подъезде к пункту дислокации комбат отвлёкся от экрана, взглянул на меня: — Сдашь оружие, зайди к медикам. Потом к психологу. Расскажешь ему все детали.

Так и поступил, не забыв заскочить в столовую и прихватить с собой пачку галет. Перед

сном съем, с утра во рту ни крошки.

Мозгоправ уже ждал меня.

— Входи, Маяк, присаживайся, — он добродушным кивком указал на стул для посетителей. — Как самочувствие?

— В норме, — скупое отреагировал я на заботу, присовокупив. — Надо к интенданту зайти, брюки новые получить. И броник чтобы посмотрели.

Взгляд хозяина кабинета скользнул по моей подпорченной ноге, а губы изобразили подобие улыбки:

— С утра получишь, поздно уже. Бронежилет оружейники тоже завтра глянут... Кофе хочешь?

— Лучше чаю. Я кофе за сегодня обпился.

Аппарат для напитков стоял тут же, на отдельной тумбе, и пока психолог возился с чашками, я наблюдал за процессом, попутно изучая собеседника в привычной для него среде обитания.

Худ, строен, форма сидит ловко, по уставу, кулаки крепкие. Не молод, но и не стар. Морщин почти нет, однако возраст чувствуется. Движения точные, выверенные, экономные — в этом он здорово напоминал сержанта Бо, человека тёртого и самодостаточного. Полностью спиной ко мне не поворачивается, постоянно держит в поле зрения. Тоже половину жизни в погонах провёл?

А почему нет? Слишком много в нём от профессионального офицера. Того самого, строго-основательного, неуловимо отличающего военных со стажем от остальных мужчин, пусть и наряженных в форму изворотливыми причудами судьбы. Такому в бригаде самое место, если с предыдущей службой пришлось расстаться. Слишком органично он вписывается в общую атмосферу, будто продуманная конструкторами деталь сложного механизма.

Ни имени, ни фамилии не использует, прямо как я. Только позывной, да и тот необычный — Кано. Что это слово обозначает — узнать не удалось, хотя из любопытства и искал ответ в сети. Скорее всего, понятная только ему аббревиатура или пустой набор звуков, понравившийся из-за звучности произношения.

— Принимай, — горячая чашка возникла перед моим носом. — Осторожно. Горячее.

— Благодарю.

Чай зашёл на ура. Терпкий, душистый, с примесью чуть горьковатых трав и мятным ароматом.

Вернувшись за стол, на законное место, мозгоправ понемногу прихлёбывал свой кофе, храня молчание. Не торопил с расспросами, давал расслабиться. Когда чашка показала дно, я сам завёл беседу:

— С чего начинать?

— С того, как выехал с заправки, — немедленно ответил Кано. — Постарайся ничего не упустить...

Обсуждение моих коротеньких приключений надолго не затянулось. Собственно, там и рассказывать особо было нечего: ни в чём не участвовал, почти ничего не видел. На безопаснике задержались подольше. Психолога не то чтобы слишком взволновал факт вмешательства СБН во внутреннюю кухню «Титана», но настороженность вызвал. Беседу с Майклом пришлось пересказывать чуть ли не в лицах.

— Визитку вручил? — после третьего повтора рассеянно переспросил батальонный мозгоправ, думая о чём-то своём.

— Да. Комбату отдал.

— И историю рассказал про то, как мы из тебя мишень делали?

— Рассказал.

— Ты поверил?

— Не совсем. Я в ту машину сел сам, без принуждения.

Отвечал чистую правду, ни на мгновение не забывая, кто сидит передо мной и какой властью он наделён. Врать — себе дороже.

— Почему? — тон Кано не менялся, оставаясь всё таким же невнимательным. — Адреналин любишь?

— Не-е... — я отрицательно замотал головой. — Мне допинг не нужен. Приказ выполнял.

— Да ты что! — неискренне поразился он. — И сбежать не хотелось? От страха?

— Поначалу. Потом поуспокоился.

Палец хозяина кабинета начал отстукивать мерную дробь по краю давно остывшей чашки.

— По существу, этот Майкл не врал... Про деньги, подготовку и дальнейшие события сообщил довольно точно. Деньги поехали в другой машине. А тебе, Маяк, действительно отвели скромную роль мальчика для битья. Удивлён?

— С чего бы? Я ещё на вербовочном пункте прекрасно понял, во что вписываюсь. Там подробно объясняют. С картинками.

— Идеальный рекрут, — в голосе мозгоправа зазвучал неприкрытый цинизм. — Сказали — пошёл, приказали — умер... У тебя что, мозгов совсем нет?!

— Есть.

— Тогда вернёмся к ранее заданному вопросу, на который я хочу услышать предельно честный ответ. Почему ты сел в машину?

Въедливый какой...

— Мне некуда идти. Меня ищет полиция. Мне нужна новая жизнь, чистая. Она для меня важнее любых денег. Бригада может предоставить такую возможность. За это, как я понимаю, надо платить преданностью и смелостью, — от количества произнесённых личных местоимений запершило в горле, помогли остатки чая. — Поэтому я и сел в автомобиль.

— Достойная мотивация, — Кано, наконец-то, отвязался от чашки. Признаться, постукивание уже начинало бесить. — Понятная. Будем считать, что убедил... Отомстить хочешь?

— Кому?

— Тем, кто приказал тебя убить.

— Зачем? — я действительно не понимал, к чему подталкивает меня психолог. По заверениям безопасника, «Титан» получит свои деньги в любом случае, а устраивать кровавую вендетту — не в стиле бригады. У этой организации в приоритете целесообразность поступков и практическая выгода. Сейчас же — не пойми что.

— Ты серьёзно? Всех прощаешь? Пацифист, что ли? Или сторонник теории непротивления злу?

— Я ни на кого и не злился. Исполнители мертвы. Заказчики, сдаётся мне, сильно

пожалуют о содеянном.

— А если прикажут?

— Прикажут — выполню.

Сделав брови домиком, Кано вернулся к постукиванию по чашке и надолго замолчал. Явно анализировал меня и моё поведение. Классифицировал, структурировал, проводил аналогии с основными человеческими типажам, фиксировал отличия. Параллельно делал выводы из открытого намёка СБН на их осведомлённость.

Неожиданная передышка пошла мне на пользу. Пока психолог размышлял, не надоедая расспросами, я как-то незаметно осознал главное: меня беззастенчиво загоняют в угол, заставляя... так сразу и не скажешь, что. Условия или требования пока не озвучены.

И отвертеться не получится. Майкл станет нагибать со своей стороны, подбирая ко мне ключик. Зря он, что ли, приезжал в участок? Мозгоправ — со своей поднадавит. Он же не просто так про месть интересовался. Проверял, насколько далеко я готов зайти и умело оставлял лазейку, намекая, что пришла пора становиться по-настоящему нужным бригаде, а не болтаться вооружённым экспедитором. По большому счёту, Кано говорил открытым текстом, без околичностей, просто не до конца раскрывал конечную цель.

Готовит к чему-то. Определяется.

Могу спорить, что он вот-вот скопирует приём безопасника — ничего не предлагая, повернёт расклад так, что я окажусь по уши в дерьме. Потом — новая пауза, для закрепления впечатлений. Следом — капля понимания, долька сочувствия, кусочек отеческой поддержки. Но без конкретики.

Дальше начнётся импровизация чистой воды: мне, разумеется, по доброте душевной, укажут спасительную лесенку из зловонной жижи, ненавязчиво уточнив о пустяковой оплате за эксплуатацию. Если учесть, что я тоже умею финтить и что эпизод с моим узнаванием остался несколько в стороне от ушей Кано (не стоит на этом акцентировать внимание, слишком значимой персоной получаюсь), то придётся принимать именно его «помощь»...

— Прикажем — выполнишь, — прерывая тишину, почти нараспев повторил за мной психолог, шлёпнув при этом ладонями по столу. — Приемлемо. Свободен. Завтра действуешь по штатному расписанию.

Тело отреагировало самостоятельно. Вскочило, заурчав пустым брюхом.

— Можно идти?

— Вали. Мне подумать надо, что с тобой, таким непрошибаемым, делать.

Что же, предложение лесенки, как и байки про яму, пока откладываются. Подождём...

С утра я преспокойно вернулся в батальонную колею, вполне довольный собой. Пулевую царапину на ноге признали достаточным основанием для временной отмены занятий по физподготовке, в сопровождение тоже не погнали, пристроив дежурным на КПШ.

По армейским понятиям — пост беспокойный, по здешним — почти синекура. Вскакивать при появлении старших по званию не требуется, за исключением комбата или доклада ответственному, визор можно смотреть. Сидишь себе за столом, визуально фиксируешь проходящих, иногда автомобили. На том должностные обязанности и заканчиваются. Разрешения на выход-вход сканирует автоматика, дублируя все действия в бригадную сеть; она же управляет турникетом с воротами, предоставляя проезд с проходом. При любых нештатных ситуациях — уведомляй руководство, снимая с себя ответственность.

Единственный недостаток — отлучаться никуда нельзя. Еду из столовой приносят,

посещение санузла только при предварительной блокировке пропускной системы. Но с этим я легко смирился и с наслаждением сидел до отбоя на стуле, кивая проходящим мимо поста. А ещё руководство бригады премировало меня боевыми надбавками за историю с перегонном автомобиля и дополнительным увольнением в ближайший уик-энд, чтобы прогулялся, сменил обстановку.

... Жара допекала. Увольнение, едва начавшись, успело поднадоесть и частично потерять освежающий эффект долгожданной свободы. Куда ни пойдешь — духотища. Прохлада только в оборудованных кондиционерами супермаркетах и прочих местах общественного пользования. На улицах пусто, лишь редкие прохожие торопливо, перебежками от одного заведения к другому, создают хоть какую-то видимость жизни.

Праздно шатаясь и ротозейничая, посетил парикмахерскую, с полчаса проторчал в маленьком кафе, где слопал две порции мороженого. Проторчал бы и дольше, но в помещение начали набиваться суетливые мамы, договариваясь о проведении Дня ребёнка для их чад.

Дамы, оказались натурами увлекающимися. Не успев как следует поздороваться, они развили такую кипучую деятельность по подбору детских угощений с высчитыванием калорий и согласовыванием меню, что внутри стало жарче, шумнее, чем снаружи.

Ушёл, кисло поблагодарив персонал заведения. В ответ получил вымученную улыбку от администратора и полный боли взгляд повара, вытащенного из кухни для обсуждения пирожных и кремов.

Перебрался в торговый центр. Он тут маленький, в два этажа. Под его гостеприимной крышей уместились продовольственная лавка, магазинчик с косметикой, пяток магазинов с разновозрастной одеждой да стойка кофейни. Народу — не протолкнуться. В подавляющем большинстве — такие же прячущиеся от жары бедолаги, как и я.

У стойки свободных стульев не оказалось, потому, купив себе двойной эспрессо с молоком, отошёл в уголок и, привалившись спиной к прохладной стене, расслабился, лениво размышляя, чем заняться дальше. В расположение возвращаться не хотелось, чего я там не видел? Однако и куда пойти — не придумывалось.

— Привет, Маяк, — негромко донеслось сбоку.

Опачки... Хлюпа, собственной персоной. Помятый, весь какой-то импульсивный, нервный, с бесновато горящими глазами на небритой роже. Отмазался, выходит, от мамкиных питомцев? (**)

Только тебя здесь не хватало.

— Чё надо? — тихо, чтобы не выглядеть скандалистом, прошипел я.

— Разговор есть.

— Иди на хер, — это было самое мягкое, что вертелось на языке. — Не о чем нам разговаривать.

— Есть! — он без предупреждения вцепился в моё запястье.

Одноразовый стаканчик с кофе дрогнул, и горячая жижа выплеснулась на пол, чудом не угодив на брюки.

— Маяк, прошу, выслушай! — крепкий хват бывшего сослуживца дрожал, точно он припёрся с перепою. — Всего лишь выслушай!

— Не хочу.

— Нет, ты выслушаешь! — получилось громко, на нас стали оборачиваться. Хлюпа,

скривившись от собственной горячности, перешёл на полушёпот. — Мне нужно сказать тебе кое-что. Давай отойдём.

Признаться, я заколебался. Как поступить? Устроить безобразную сцену с вырыванием руки, воплями, мордобоем и призывом полиции? Стыдно. Я в форме, при отличительных знаках «Титана», краса и гордость патриотов Нанды... Нужно соответствовать.

А если он меня ножом пырнёт?

А что помешает ему сделать это прямо здесь? Вон, какой он нервный. На грани адекватности.

— Пойдём, — решил я, направляясь к выходу. — На улице пообщаемся.

Коммерсант-неудачник пристроился рядом, не выпуская моей руки. Озираясь, он постоянно сглатывал, дёргая чернявым от щетины кадыком.

Выйдя под палящее солнце, инстинктивно поискал взглядом спасительную тень. Есть! Маркизы над окнами торгового центра. Белые, с декоративными тканевыми свесами. Под ними — никого. Ну, хоть макушку прикроют.

Недопитый кофе отправился в урну вместе с моим добродушным настроением.

— Говори.

— Я тебя искал, — зябко поведя плечами, объявил Хлюпа. — Ждал, когда в город выйдешь.

— Зачем?

— Попросить хочу.

У меня от злости аж челюсти свело. Эта мразь, пытавшаяся замазать меня в своих грехах, ещё и просить смеет? А не жмут ли ему зубы? Клал я на копов, отмажусь... За разбитую харю сильно не накажут.

Наверное, мои намерения слишком явственно читались на лице. Бывший сослуживец сделал шаг назад, выставляя перед собой раскрытые ладони.

— Я заплачу, Маяк. У меня есть деньги.

— Не интересно, — я презрительно сплюнул под ноги. — Ты — последний человек, с кем мне хотелось бы связываться.

— Восемьсот кредитов Федерации!

Уверен, для него это большая сумма.

— Насрать!

— Убедил, — ещё шаг назад, а голос добренький такой стал, мягкий... — Разбегаемся. Но не удивляйся, когда тебя из бригады вышвырнут. Ты меня вынуждаешь...

Блефует, гнида.

— Устанешь выгонять.

— Я и не буду. Болт тебя прогонит. Или кто-то другой из начальства. Хочешь, поклянусь?

Не дожидаясь моей реакции, он щёлкнул ногтем большого пальца по верхнему клыку, а после, этим же пальцем, провёл поперёк горла. — Во! Мне терять нечего, кого смогу — за собой утащу!

Я хмыкнул. Пошёл он, вместе со своими угрозами и обещаниями, по известному адресу.

Тугодумно осознав, что меня не проняло, любитель подпольной торговли сбавил обороты:

— Маяк, дай выговориться. Я крепко влип... Только ты можешь помочь. Больше мне просить некого.

Отчего-то зубоскалить, додавливая морально поверженного врага, не тянуло. Тут или в челюсть, или... Мимо нас прошёл пожилой мужчина, напомнив своим появлением, что мы находимся в центре города и что потенциальных зрителей вокруг более, чем достаточно.

Ограничился банальным:

— Отвянь. Видеть тебя не могу.

— Ты подохнешь, если откажешься, — удручённо протянул он, не двигаясь с места. — И я сдохну.

Угу, прямо ошарашил откровением... Детский сад! То пугает, то просит, то грозит. Окончательно свихнулся?

Истолковав моё молчание как замешательство, Хлюпа осторожно приблизился.

— Я не вру, Маяк. Ты или поможешь мне, или умрёшь.

— Каким это образом? — скептицизм сам пёр наружу. — От старости? Я, вообще-то, с детства в курсе, что все мы смертны.

— Не знаю. Но не так — точно. Тебя убьют.

— С какой радости?

— Видишь ли, дружище, — от такого панибратства покорило. — В расположении лежит свёрток. Необходимо, чтобы ты его вынес оттуда и передал мне. В противном случае я всё свалю на тебя и скажу, что ты его выкрал. Если побежишь стучать к командованию — мои слова только подтвердятся. И тебе крышка, — он неуклюже ощерился. — Содержимое свёртка стоит столько, что не простят, служи ты хоть в охране президента. Спрятаться не получится. Будут искать. И не только те, кого ты можешь себе представить. Вот так. А теперь, если хочешь, уходи. Я уже пропащий, терять нечего.

Горечь в голосе угреватого недобарыги сменилась равнодушием. И у него получилось меня заинтересовать.

— Что в свёртке?

— Наркотики, — буднично ответил Хлюпа. — Я получил за них предоплату... С меня требуют товар.

Я чуть не прыснул со смеху.

— Откуда у тебя наркотики? Косячок припрятал? Или два?

— Почти. Только в таблетках. На сумму с пятью нулями, — ему тоже стало весело, но как-то не по-доброму.

— Где взял? — в моём понимании, глуповатый Хлюпа и упомянутые цифры не вязались никак. Слишком большая между ними разница.

— Спёр. Из машины комбата. В сопровождение ездил, без тебя, на металлоприёмку. Сунулся в багажник — там сумки. Рядом — никого. Я цапнул пакет, сам не знаю, что на меня нашло... После рассмотрел, что внутри. Несколько таблеток на родину передал, имеются у меня связи... Получил частичную предоплату. Поручились за меня... Только денежки те — тью-тью. Нет их больше. Долги раздал. Товар спрятал в казарме, в душевой. Собирался в ближайшем увольнении передать кому надо, но не успел. Сам помнишь, последние три недели из фур не вылезали, за территорию не выходили... Когда меня прогоняли — хотел забрать. Сунулся к тайнику — а там мужики, из старослужащих, моются после пробежки. Подождать не дали, взашей из казармы выгнали. Теперь ты знаешь... и понимаешь, что будет, если нажалуешься бригадным. Они тебя пришьют только за то, что ты слышал эту историю. Как лишнего свидетеля. Выгонят и шлёпнут, подставят, отправят на передок, а дальше...

Он не договорил, всхлипнул.

— Почему не сбежишь?

— Куда? У меня только родных братьев с сёстрами четверо.

— Обратись в полицию.

— Добровольно всех выдать? С именами и фамилиями? И сколько я проживу?

На риторический вопрос отвечать не стал. Советовать каяться бывшему начальству — тоже. Если это правда, то по головке его не погладят. Ребята в «Титане» жёсткие, к сантиментам не склонные. Вон, как лихо операцию с подставной машиной провернули. Без жалости и моральных терзаний.

Но наркота... Откуда?

— Я каждый день буду ходить у торгового центра, — Хлюпа мазнул тыльной стороной ладони по влажным глазам. — Опасаешься подставы — спрячь, где угодно, сообщи, как угодно. Только выручи. У меня шесть дней осталось... Потом начнётся... Я тебе всё отдам, — он вытащил из кармана смятую пачку кредитов, протянул мне.

Разумеется, не взял.

Недолго думая, достал коммуникатор, быстренько нашёл номер этого дебила, по забывчивости до сих пор хранящийся в памяти устройства. Внёс его в «чёрный список». Начнёт ещё по ночам надоедать.

— Маяк, я не шучу, — Хлюпа тянул на одной ноте, уныло. — На тебя всё свалю.

— Шантажируешь?

— У меня выбора нет, — в который раз прозвучало за последние пять минут. — Я должен.

Вся злость, презрение и отвращение к этому человеку куда-то ушли, сменившись дичайшей усталостью, точно из меня все соки выпили. Даже морду бить расхотелось.

— Иди в жопу.

Посчитав общение завершённым, я отвернулся от бывшего сослуживца и молча пошёл по улице, напрочь позабыв про жару. В спину донеслось:

— У ближней к входным дверям кабинки. Потолочная панель. Она сдвигается.

Ни «извини», ни «так получилось», ни изначально-лживого «буду должен» в конце не прозвучало. Оно и к лучшему, честнее... Даже в такой, коленопреклонённой жизненной позе, Хлюпа сохранил свой жлобский имидж, оставаясь верным древнему лозунгу всех подлецов: «Наш девиз четыре слова: тонешь сам — топи другого».

Хорошая рифма, много объясняющая, особенно когда знаешь, что другой — это я.

(*). Реднек — жаргонное название белых фермеров, жителей сельской глубинки. Примерно соответствует русскому «деревенщина» или «колхозник», но в оригинале может применяться и как ругательное слово наподобие русского «жлоб» или «быдло», и как гордое самоназвание

(**) Машины животные/питомцы — игра слов в вольном переводе автора: «Мама's pets» — шутовское прозвище военной полиции, а точнее расшифровка аббревиатуры «М.Р.» (military police)

В городе проболтался допоздна. Встреча с Хлюпой отложилась неприятным осадком и, как ни пытался отвлечься, транжиря понемногу кровно заработанные на всякие лакомства, неизменно возвращался к его побасенке. Искал в ней фантастическую подоплёку или признаки начинающегося сумасшествия у рассказчика.

И находил, к сожалению, лишь частично. По мелочи.

В то, что Хлюпа вот так, запросто, забрался в командирскую машину и перешерстил все сумки, верилось с огромным трудом. Там всегда водила поблизости, по совместительству — доверенное лицо комбата. Вышколенный, грамотный, с мозгами. Других на такие должности не берут. Если и отходит куда-то, то наверняка закрывает все двери на инстинктивном уровне. Опять же, он что, один такое богатство охранял?

Небывальщина сплошная.

Тогда, разбивая здравый смысл в осколки, рискнул предположить, что звёзды сошлись особым, удивительным образом и пронырливому идиоту сверхъестественно повезло. Авто оказалось не заперто и поблизости — никого. Один чёрт полное мракобесие... Вся территория под камерами, давно бы нашли и наказали.

Без особого труда вытащил из памяти детальный план упомянутого заводика. Парковка отбегает сходу. Помню её: вдоль административного здания раскинулась. Из окон всё чудесно просматривается, народ постоянно шляется туда-сюда. Как работники, так и доставщики лома. Всегда людно, все на виду.

Где он мог ещё влезть?

А нигде. На промплощадку с работающими погрузчиками и кучами металлолома заезжать запрещено по вполне адекватным причинам, да и что там командирскому автомобилю делать? В автопарке — там тоже перед ремонтными боксами не протолкнуться. Предприятие крепкое, техники много.

Короче, врёт мой бывший товарищ. Не из машины он дурь украл. Или из машины, но не той.

Про саму наркоту особо не размышлял. Больше думал, как дистанцироваться от намечающегося цугцванга. Ещё там, у торгового центра мне очень хотелось схватить Хлюпу за шиворот, вызвать копов или позвонить в бригаду и сдать этого полудурка в нужные руки, избавляя себя от чужой головной боли. Однако не решился. Представив на секунду, что он, пусть и дозированно, говорит правду, попробовал спрогнозировать развитие событий: в случае обращения в полицию — скандал, который отольётся мне по самые гланды. Угреватый шантажист такого напоёт, что только держись. Свяжусь с «Титаном»... а если в душевой действительно тайник под потолком? И что я скажу? Вот, поймал воришку, у вас наркоту в приличных объёмах тырил! А вы, как ни скрывали данный факт, проморгали вора?! Бывает... Кушайте результаты: он знает, я знаю, все знают... Кто не слышал — можем рассказать! Или бригада вообще ни ухом, ни рылом про таблеточки, а тут я такой — нате!..

Дальше плодить вероятности на эту тему резко расхотелось.

Перед самыми сумерками определился так: про услышанную историю помалкиваю до тех пор, пока самолично не проверю потолок над кабинкой. Если там пусто — с лёгким сердцем сдам трепача начальству. Если что-то есть, то... ничего. Положу обратно.

Поздним вечером, дождавшись возвращения всех сопровождающих из рейсов и сонной тишины в жилых помещениях, наведаясь в душ, где без всяких проблем взгромоздился на разделяющую кабинки перегородку из облицованного кафелем кирпича. Она невысокая, в человеческий рост. Если не ёрзать, то можно сидеть сверху и нормально пользоваться руками.

Приподнял нужную панель подвесного потолка, сдвинул её вбок, пошарил в тёмном, прохладном пространстве между декоративной конструкцией и бетоном перекрытия. Пальцы почти сразу нащупали гладкий свёрток.

Сердце предательски ёкнуло, тут же, через спазм, передав эстафету желудку. На спине выступил холодный пот.

Стараясь от волнения не дышать, вытащил находку: обыкновенный чёрный пакет, обернутый вокруг чего-то, напоминающего по форме дешёвую пачку чипсов, только с более плотной набивкой. Матерясь про себя и стараясь не шелестеть, посмотрел, что внутри. И чуть не взвыл. Там тихо ждали своего часа беленькие таблетки, упакованные в герметично запаянный, прозрачный пластик. Много, насыпью.

Сделав несколько глубоких, успокоительных вдохов и налюбовавшись плодами вынужденного любопытства, замотал всё, как было, и засунул свёрток обратно, в межпотолочное пространство. Брезгливо ощутил, как пакет дотрагивается до чего-то нетяжёлого, схожего по плотности.

И тут обманул. Свёрток, оказывается, не один.

Смотреть, что там, не стал. Вернул панель на её законное место, спрыгнул на пол, стянул купленные загодя одноразовые медицинские перчатки. Отпечатков, по идее, остаться не должно.

Ну, Хлюпа, сволочь мутнорылая, ну, удружил...

Полный самых паскудных предчувствий, я на всю открыл оба крана и полез под душ, доигрывать спектакль до конца. Отсюда сухими не выходят.

Как ни странно, вода мне здорово помогла. Она волшебным водопадом смыла первоначальную тяжесть от новых знаний и заставила серое вещество функционировать на всю катушку, отрабатывая вложенные в него калории и витамины.

В голове будто второй «я» поселился. Циничный, хваткий, расчётливый, бесшабашный и, чисто по-дружески, демонстрирующий первому «мне» уроки здравомыслия...

Отдавать наркоте Хлюпе, при некотором анализе, показалось сущей глупостью. Этот хитрован, от жадности мечтающий поставить меня на «счётчик», вполне может объявить, что какой-то части таблеток не хватает и я ему теперь должен по гроб жизни с процентами. Может записать сам факт передачи с целью последующего шантажа, или попытается сделать из меня постоянного курьера, послушный инструмент для своих мутных делишек. При толике мозгов — широчайшее поле деятельности для того, кто обожает жульничать и плутовать.

К комбату тоже путь заказан, и это было понятно изначально. Так что без обид...

Оставался лишь один, относительно мирный, вариант без особых потерь выпутаться из этого переплёта — тянуть время и выпрашивать перевод хоть куда-нибудь. Лучше всего — на передовую, оттуда не достанут. Всё равно рано или поздно пошлют, а сейчас, вроде бы, затишье наступает, не страшно... Осталось только повод достойный придумать. Если успею свалить до окончания упомянутой шестидневки — ничего мне потом не предъявят. Ни

начальство, ни с позором изгнанный сослуживец. Потому что меня тут не будет.

Попробуют отцы-командиры впоследствии надавить (ну, мало ли, что всплывёт) — сделаю уставную рожу, прогундошу: «А я не знал» — и взятки гладки.

Совсем уж запасной, резервный путь предполагал избавление от беспокойного шантажиста. Он сам напросился! Но с этим придётся погодить... Слишком горячая мысль для того, кто всеми силами пытается остаться незаметным. Откровенный криминал... Подготовка нужна, достойный план, чтобы за решёткой не оказаться и с разобиженными приятелями покойного потом отношения не выяснять... В убийцы не рвусь, однако что-то мне подсказывает, что иногда без этого не обойтись.

Как тогда, у трубы под дорогой. Сквоч ведь грохнул Ежи не со зла — жить хотел. И от его поступка никаких моральных трагедий во мне не проявилось. Пережил. Потому что тоже хотел и по-прежнему хочу увидеть собственную старость.

Про уход из бригады даже не задумывался.

К удивлению, так часто приписываемая мятущимся героям бессонница обошла меня стороной. Отлично выспался, со вкусом позавтракал, в медчасти узнал, что с завтрашнего дня меня признают полностью здоровым, и, вполне умиротворённый, прибыл на КПП менять ночного дежурного.

Поздоровался с ожидающим меня Кано.

По окончании формальностей по приёму-передачи поста, он присел на край стола, скрестив на груди руки, дружелюбно поинтересовался:

— Слышал, ты уже полностью восстановился?

— С завтрашнего дня, — согласился я, считая важным уточнить сроки. Это служба. Скажешься здоровым — и мгновенно нагрузят по полной.

— Но ходить можешь.

Сам же видит...

— Могу.

Мозгоправ пристально уставился на мою ногу в новых брюках, будто что-то мог рассмотреть под тканью.

— С ротным у тебя как отношения?

Мне оставалось лишь пожать плечами. Ротного я видел недели полторы назад, на общем построении. Он у нас человек занятой — семь фуражек носит. Проще говоря — помимо командования ротой, выполняет целый ряд служебных обязанностей, связанных с жизнедеятельностью бригады. Снабжение, организационные моменты, логистика, транспортная документация — всё на нём. По этим причинам мы, непосредственные подчинённые, имеем счастье его лицезреть лишь изредка, урывками между командировками.

Фактически, командование подразделением осуществляют ответственные по батальону, распределяя между личным составом задачи на день. После порядков армии Федерации — полный бардак. Но это в теории. Из-за немногочисленности личного состава схема работает великолепно, а толково подобранные люди практически никогда не создают проблем. У нас любой лейтенант играючи может руководить любым подразделением батальона, не тратя времени на изучение структуры и глубокого вникания в матчасть.

— Нормально, — с лёгким непониманием ответил я, боковым зрением наблюдая за выезжающим в рейс грузовиком. — Претензий ко мне не высказывал.

К чему спросил?

— Докладывали. Послушен, скромн, исполнителен. Добавлю и от себя — не трус... Я это к чему? Кому-то нужно переводиться в первый батальон, для доукомплектования. Они сейчас отходят с позиций в тыл, на отдых. И это хорошо. Пройдёшь дополнительное обучение, познакомишься с парнями... Почему ты? — психолог счёл нужным прояснить суть перемен в моей судьбе. — Ты остался без пары, а затыкать тобой все дыры нецелесообразно. Тем более, скоро новички придут. Их тоже пристроить нужно, чтобы пообтесались... Опять же, каждый боец «Титана» обязан послужить на передке. Кто-то уже отмотал, кому-то это сомнительное удовольствие ещё только предстоит. В общем, тебе выпала очередь. Готовься к новым впечатлениям.

— Меня переводят? — в груди от радости забухало, дыхание спёрло. Вот он, шанс, избавиться от Хлюпы и свалившегося геморроя!

— Да. Представление и приказ на подписи у командира, — Кано прищурился, изучающе склонил голову набок. — Не понимаю. Ты выглядишь довольным. С тобой всё в порядке? Я про душевное здоровье, если что... Там убивают, тут спокойно. Там — кровь и грязь, противоестественные для нормальной психики материи, тут — понимание того, что завтра ты проснёшься и сможешь дальше строить планы на будущее. Там — война, мальчик... Удивляешь. Я о тебе сложил иное мнение.

За словом в карман не полез.

— Мне нужны деньги. Чем больше — тем лучше. Когда я выслужу свой срок, они мне понадобятся, чтобы убраться с этой планеты и обустроиться. Не хочу нищобродствовать, — пора сворачивать красноречие, иначе могу нарваться на развёрнутый сеанс психоанализа. — Как скоро отправляться?

— В обозримом будущем. Выполнишь новую задачу, и пакуй шмотки.

Последнее не понравилось. Мозгоправ это заметил, саркастически усмехнувшись:

— Уходить надо красиво, Маяк. Даже из батальона в батальон. Как ты мне говорил, прикажут — выполню? Вот и докажешь не словом, но делом, что тебе можно верить. Запоминай. В обед из центра отходит междугородний автобус. Он там один, не перепутаешь. Забронируешь билет, доедешь до заповедника. Да, остановка так и называется, «Заповедник». По прибытии тебя встретят. Подчиняешься старшему. Сделаешь, что скажут.

— Кто встретит? — без энтузиазма уточнил я.

— Ты с ним знаком, — Кано обошёл без фамилий и имён. — Легко узнаешь. Подробности на месте.

— А дежурство?

— Передашь. Человека пришлю. Штатская одежда есть?

— Имеется.

— В ней и поедешь. Пропуск и командировочные получишь по сети. Вопросы?

Подавив грустный, пронзительно-тоскливый вздох, я молодежато доложил:

— Никак нет!

На автобус еле успел. По дороге задержался с военным патрулём, вздумавшим проверить мои документы. Предъявил, выслушал шумные напутствия «от души оттянуться» и «проведать приличный бордель», а заодно пропустил сквозь себя неприкрытые потоки зависти к удачливым добровольцам, живущим, по их мнению, в полной анархии.

Из-за болтливых вояк пришлось поторапливаться. Часы хоть и успокаивали, показывая,

что я в графике, однако водила, ни дна ему, ни покрышки, отчего-то решил выехать немного пораньше, чем предусмотрено расписанием. Тронулся почти перед моим носом. По этой причине пришлось совершить бестолковую пробежку по тротуару, истерично вопя и размахивая руками для привлечения внимания. Наверное, половина города обхохатывалась, наблюдая за тем, как я несусь по центральной улице. Чудом догнал, на перекрёстке.

Водила, донельзя удивившись позабытому пассажиру, уточнил о наличии пропуска для блокпостов, невыразительно пробурчал нечто заковыристое в ответ на мои обвинения и предложил занять кресло согласно купленному билету.

В салоне, кроме меня, ехало всего два пассажира. Оба спали.

— Следующая остановка через двадцать минут, — в приступе служебного долга уведомил забывчивый шофёр, приложив к губам микрофон внутреннего оповещения.

Кому он это сказал — я не понял.

— Здравствуйте, — поздоровалась приятная женщина средних лет, усаживаясь рядом. Она была единственной, кто вошёл в автобус на той самой, следующей остановке.

— Добрый день, — проявил я ответную вежливость, немного отодвигаясь к окну. Чего она рядом уселась? В салоне мест полно.

— Не уделите мне минутку вашего внимания?

Понимающе кивнув, я поискал взглядом чемодан или объёмный баул, который требовалось положить на полку над сиденьями. А о чём ещё даме просить попутчика, годящегося по возрасту ей почти в сыновья?

Ничего такого. С собой у неё только сумочка. Припомнил, и по салону моя соседка двигалась налегке, без поклажи. Тогда что ей надо?

— Слушаю вас.

— У меня к вам просьба, — с милой улыбкой начала незнакомка. — Выполните, пожалуйста, мольбу мальчика, известного вам как Хлюпа. Нас интересует товар, припрятанный им в здании бригады. Передайте пакеты с таблетками нам, и больше вас никто не побеспокоит. Благодарность составит шесть процентов от оптовой цены.

«Мольбу» — ого, как завернула! Жалобное словечко. Меня, оказывается, умоляли, в ножки падали... И денежек обещают дать.

— Вы о чём?

На мою недоумённую физиономию женщина не купилась. Посоветовала:

— Не стоит, молодой человек. Мы с вами взрослые люди. Давайте обойдёмся без дешёвых представлений. Я высказала вам свою просьбу. Надеюсь на встречное понимание. Предложу так же не скатываться в унылый обмен угрозами, а ограничиться пониманием перспектив и возможностей сторон. Наши, признаюсь, более весомы... И, в качестве жеста доброй воли, позволю себе дать вам совет: по завершении наших совместных дел избавьтесь от недоумка. Подставьте копам или как-то по-своему... Он этого заслуживает. По его вине я здесь, с вами, а вы со мной. Не удивляйтесь, это не фатальное совпадение. Мальчик показал, как вы выходите из ворот и спешите по улице... Когда вы возвращаетесь из командировки?

Осведомлённость этой особы пугала.

— Через три дня, — соврал я. — Может, раньше.

Откуда мне знать, когда я вернусь? Как только, так и сразу. В первый батальон захотелось ещё сильнее.

— Приемлемо. Мы вас будем очень ждать... — тоном любимой бабушки проворковала

женщина. — Постарайтесь оправдать надежды. С «Титаном» мы ссориться не намерены, но и деньги терять не хотим.

Посчитав, что беседа окончена, она встала, прошла к передней двери и попросила водителя остановить. Тот равнодушно выполнил пожелание.

Открылась дверь, кратковременная попутчица сошла на обочину. Я из любопытства вывернул шею посмотреть, что она будет делать дальше, но из-за набирающей скорость пассажирской громадины толком разглядеть ничего не смог. Показалось, что вижу большой притормаживающий автомобиль из дорогих, только это не точно.

По коже пробежали мурашки, и женщина тут ни при чём. Она так, посланник или среднее звено, а вот сам факт того, что за мной следят, напряг основательно. Паскудник Хлюпа слил меня снова, выставив основной препоной между пакетами в душевой и теми, кто считает их своей собственностью. Не дождался добровольно озвученного срока, перевёл стрелки.

Обложили новые игроки бойца Маяка всерьёз. Взяли под наблюдение, не побоялись открыто попросить вынести товар. Смело, смело... Более чем уверен, кто-то подслушал мой разговор с вояками и сделал правильные выводы, отменив план по захвату или запугиванию, если таковой имелся. Зачем обострять? Командировочные всегда возвращаются. Тётке с присными ведь результат нужен, а не перепуганный я, выбирающий из двух зол меньшее.

На остановке «Заповедник», установленной у неширокой, удивительно чистой реки с кемпингом на берегу, массой припаркованных автомобилей и ротозеями-отдыхающими, меня встретил Минус, по-прежнему бородатый, лысый и в хорошем настроении.

— Здорово, — протянул он руку для приветствия. — Тебя, значит, прислали?

— Меня. Сказали, введёшь в курс дела.

— Чего тут вводить... — в его голосе мелькнула лёгкая досада человека, оторванного начальственной милостью от вдумчивого отдыха. — Надо обозначить позицию бригады по некоторым вопросам. Как можно доступнее.

— Ничего не понял.

— Зубы будем показывать. Люди, организовавшие нападение на твою тачку, решили выказать несгибаемость и амбициозность. Наша задача доходчиво им объяснить, что не все деревья растут до неба. Жёстко. Так, чтобы осознали своё место в пищевой цепочке, — он осмотрелся, неодобрительно покачал головой. — Поехали отсюда. По пути выдам вводную.

Я с ним согласился. Обсуждать подобные темы при снующем народе не очень умно.

Прошли к знакомому минивэну, забрались внутрь. Кроме меня, в салоне других пассажиров не оказалось, потому для удобства и пущего комфорта я без приглашения плюхнулся на переднее сиденье, рядом с водителем.

— Значит так, — продолжил Минус, трогаясь с места и посматривая в боковое зеркало. — От нас требуется организовать акцию устрашения. Командир операции — Стан. Он же отвечает и за подготовку. Цель — навести шороху в укрепленном районе, по возможности без человеческих жертв. Базовый план — под утро необходимо бросить несколько гранат во двор к одним ребятам. Там у них окружная штаб-квартира и производство моющих средств одновременно. Фабрика для отвода глаз и отмывания прибыли. Бандиты они... У тебя как с метанием?

... Вот она, лесенка. Только не из ямы, а наоборот, в неё, родимую. Пахучую и

липкую... Замазывает меня мозгоправ, садит на короткий поводок, начав на визитку и предупреждение безопасников. Не взяло СБН бригаду на «слабо», подавилось. Но почему я? Сильно сомневаюсь, что других кандидатур у него не нашлось. Хотя тут как раз всё предельно чётко прослеживается — умышленно подставляет.

Метание гранат — самый тупой способ для запугивания. Особого ущерба они не нанесут, только краску попортят, а... почему нет? Поступок доходчивый, яркий, избегающий двойных толкований, обозначающий всю серьёзность намерений и решительность отправителей, особенно если его пояснительным звонком подкрепить. Более разрушительные методики — козырь в рукаве «Титана». Разнести противника вдребезги они всегда успеют. Тут же, как я понимаю, намечается операция по принуждению к оплате штрафа за попорченный автомобиль.

Опять же, воспитательный эффект присутствует. Выполню — и навеки прирученный. Не выполню — ответка себя ждать не заставит. Выгонят. И куда тогда бежать? Где прятаться?

Про отмену военного положения даже слухи не бродят, соответственно, представительство Федерации для меня под замком. Отсиживаться в городах? Где? Ни знакомых, ни жилья. А кажущиеся обманчиво далёкими фермы вообще под запретом. Там каждый новичок на виду. Его вся округа год обсуждать будет, перемывая косточки и всеми способами копаясь в биографии ради удовлетворения разыгравшегося любопытства. У фермеров, пока человек им непонятен или не изучен вдоль и поперёк, всегда так. Поначалу не примут, в сторонке будут держать, присматриваясь.

Ещё и Хлюпины знакомые по пятам ходят... Кано, сволочь, как точно всё рассчитал!

— В нормативы укладываюсь. Получается, придётся подходить вплотную?

— Верно.

— Какой смысл так рисковать? Может, пару беспилотников использовать? — я, не стесняясь, выразил свои сомнения. — Сам же говоришь, что территория укреплена.

— Нельзя. Беспилотники приказано не задействовать.

— Причина?

— Увидишь.

Разгадка столь туманного запрета оказалась до неприличия проста. Объект, с которым предстояло работать, находился за городом, рядом с окружной тюрьмой, оборудованной, как известно, автоматической защитой от любого воздушного посягательства и официально считающейся беспилотной зоной. Малейшая попытка полюбоваться с небес на внутренности пенитенциарного учреждения с прилегающими окрестностями немедленно вызывала бурную реакцию властей, со всеми вытекающими. Бригаде же лишнее внимание ни к чему. Потому в верхах и приняли решение действовать по старинке, в стиле архаичных гангстерских боевиков.

Единственная ведущая туда дорога, открытая со всех сторон, доходила до парковки перед воротами тюрьмы и, сворачивая влево, оказывалась закованной с двух сторон в сплошные высокие стены, с разбросанными тут и там воротами небольших частных предприятий. Всё, что находилось за оградой, было недоступно для любопытных глаз. В конце дороги — положенные поперёк бетонные блоки. Не плотно, с зазорами. Велосипедист легко проскочит. Далее — необработанное поле.

Об этом мне скупо поведал Стан, устроивший подобие штаба в номере гостиницы тусклого городка с причудливым и незапоминающимся названием. Выдал для ознакомления снимки длинного, высокого забора с глазками видеокамер, общую панораму, взятую из сети, план-схему прилегающей местности, удручающую своей пустотой и открытостью.

— Наши ворота вот эти, — указал он на крепкую, сдвижную конструкцию с прикреплённым к ней знаком «Парковка запрещена». — Ближе к концу улицы. Общая протяжённость объекта около ста тридцати метров. За ограждением цех, склад готовой продукции, куча поддонов в углу. Офис в начале, неподалёку от ворот. Ночная смена — от пяти до восьми человек. Кто из них охрана, а кто работяги — не разберёшь. Все в обычной одежде приезжают, без униформы. Агент, которому удалось туда попасть под видом оптового покупателя, утверждает, что на военизированную структуру не похоже. Скорее, упор действительно сделан на производство. Если что-то слишком криминальное и имеется, то глубоко спрятано. В противном случае его бы попросту не пустили. Но кое-какие уголовные рожи он всё же заметил. На глаза они особо не показываются, держатся в глубине двора. Возможно, там и живут... Вроде всё сказал. Другие данные отсутствуют.

— Угу, — пробурчал я, продолжая изучать обнаружившуюся среди изображений чрезвычайно скромную пояснительную записку.

Вычитал, что территория вокруг объекта малолюдная, посторонним там особо делать нечего. Исключение — суббота, день посещения тюрьмы родственниками. Но в промышленный аппендицит они не суются, разве что по ошибке. Дважды, утром и вечером, туда ходят служебные автобусы, однако сотрудники не смешиваются. У госслужащих свой транспорт, у частных — свой, нанимаемый вскладчину хозяевами мини-цехов. Спрятаться негде, до ближайшего жилья километра четыре, а то и все пять.

— В том, чтобы подойти, проблемы нет, — делился Стан. — Проезд не режимный. И грузовики заезжают, и рабочие на своих машинах. А вот как свалить — загадка. Не догонит охрана — догонит пуля. Смотри, — он указал на приподнятый участок стены. — Тут — замаскированная самопальная турель. Хитрое приспособление. Из-за того, что роботизированные боевые комплексы гражданским строжайше запрещены и только за их наличие измену государству припаять могут, технари придумали умную приبلуду. Со стороны поглядеть — видеокамера, блок управления и штатив на электроприводе. Ничего особенного. Но если на этот штатив установить пулемёт или что-то скорострельное...

— Полноценная огневая точка. Только успевай патроны подносить, — дополнил Минус, хмурясь. — Поблизости всегда человек с оружием и лицензией частной охранной фирмы, для законности. Вручил автоматике ствол, клацнул автонаведение, и любуйся на то, как противник в решето превращается. Ну и перезаряжать не забывай.

Я, как самый младший по возрасту и сроку службы слушал и запоминал, полностью игнорируя моральную часть предполагаемой акции. Основное до меня довели — человеческие жертвы не требуются, а прочее — фигня. Необходимая работа, очередной шаг к тому, чтобы навсегда распрощаться с прошлым.

— Ты слушаешь, Маяк? — забеспокоился Стан, прервавшись на полуслове. — Роба у тебя отморозенная, будто спишь с открытыми глазами.

— Всё в порядке. Я весь внимание. Жду поэтапный план.

— А его нет, — нехотя признался назначенный старшим бородач. — Приказ есть, а как мы его выполним — начальству не интересно. Свобода действий, мать её... Признаю. Был бы спецом или в диверсионной группе служил, придумал бы чего поумнее. Только я —

штурмовик. Мне врага подавай, чтобы лоб в лоб... — мечтательно вздохнул он и, вернувшись из заоблачных высот, продолжил. — Черновой алгоритм — подъезжаем на машине, перебрасываем гранаты через стену и валим. В идеале подгадываем так, чтобы навстречу какая-нибудь фура шла и нас прикрыла. Дальность прицельного поражения у самопальной турели не более двух тысяч метров из-за технических нюансов, а потом полегче будет. Оторвёмся, если сразу не положат.

Он и сам не верил в то, что говорил. На продемонстрированных мне снимках от выезда с парковки до нужного участка забора около километра. Сам поворот — сложный, почти в сто градусов. На большой скорости не войдёшь, если занесёт — машины тюремщиков зацепишь или перевернёшься. К тому же, дорога двухполосная, со съездами к воротам. А значит, по ней надо доехать до требуемой точки, развернуться, бросить «подарочки», преодолев порядка двадцати метров пространства от обочины до стены. И всё это под пристальным наблюдением охранных систем, которые наверняка заранее заинтересуются «случайно» заблудившейся машиной. Уйти через поле? На чём? На внедорожнике? Да где его взять? В этих краях пикапы больше уважают, а они, по сельским обычаям, сплошь длинные и заднеприводные, не для гонок.

Стан прав в главном, в невысказанном — полный бред.

— Из ручного гранатомёта пальнуть? С расстояния?

— Справа и слева другие предприятия, так что издалека не получится. Сзади, по ночи, ошибиться легче лёгкого. Ночной автомобиль в тылу, посреди поля — сам по себе повод... И вообще, гранатомёта у нас и нет, и нельзя.

— Почему?

— Прикинь, как отреагирует система наблюдения на чела с незамаскированной пушкой? Думаешь, в ней нет таких настроек? Я не уверен. С ручными гранатами проще. Достал, кинул, свалил. По временным затратам — вполне приемлемо, если сопли не жевать.

Вот ведь, прав бородатый... Но доказывать свою полезность «Титану» надо. Особенно если учесть, какой приказ отдан вполне конкретному мне.

Только недавно на скорости по полям летал, мордой об подушку безопасности, и опять... Скорость... Велосипеды, на которых я с Ежи и Сквочем несусь по улицам... Стоп!

— Сколько ты весишь? — ощущая, как на задворках мозга забрезжила идея, поинтересовался я у старшего группы.

Тот удивился.

— Килограмм сто десять, — крепкая фигура бойца намекала, что, может, и побольше.

— А ты? — уже к Минусу.

— Да столько же... Маяк, ты что задумал?

— Погоди... Деньги на мероприятие выделены?

— Найдём. Пару тысяч марок — точно.

Они не понимали, к чему я веду. Ничего, скоро поймут.

— Сканеры ID у частных имеют? Или неизвестно?

— Имеются. Но по этому поводу не напрягайся. Нас они не засекут, — Стан приблизился почти вплотную, точно хотел получше меня рассмотреть. — Маяк, колишь, что придумал?

Затягивать не стал. Сам не люблю, когда волюнты с подробностями.

— Мой вес составляет семьдесят шесть килограмм. Для небольшого кроссового байка — оптимально, без перегруза и потерь маневренности. Потому предлагаю приобрести

мотоцикл и экипировку к нему. На этой технике я в одиночку смогу проехать по полю и ей до одного места неровности почвы. Как следствие, нам всем не потребуется устраивать гонки с охранной турелью. Я легко смогу прикрыться заборами соседних производств, попросту рванув по бездорожью.

— Умеешь водить? — недоверчиво уточнил Минус, почёсывая бородину. — Ты учти, это не по гладкому бетону кататься.

— Немного. Поэтому хочу попросить пару дней на тренировки. И на место выехать, осмотреться.

— С последним сложновато. Точка проведения операции в ста с лишним километрах.

Через два дня я получал последние инструкции от Стана.

— Подъезжаешь, бросаешь, и уходишь дальше по дороге, до упора. Там принимаешь влево, прикрываясь расположенными по соседству зданиями. Сильно не гони. Прибор ночного видения у тебя, конечно, имеется, но полноценного зрения он не заменит. Двигай по дуге. Мы будем тебя ждать на окраине.

Мне оставалось лишь согласно кивать и морщиться от неудобных, сковывающих движение налокотников с наколенниками. Не повезло. Купили такие вот, неудачные образцы, а жаловаться я постеснялся. В остальном — комфортно. Приученное к бронежилету (эх, он бы сейчас не повредил) тело легко восприняло мотоциклетный панцирь, а правильно подобранный шлем ничуть не мешал. Аппарат у меня тоже вполне достойный — кроссовый байк с приличным запасом мощности. Видавший виды, исцарапанный от многочисленных падений предыдущих владельцев, однако не потерявший прочности и работающий как часы.

Откуда он взялся, на кого оформлен — не спрашивал. Забрал со стоянки, после на нём гонял до очумения по пересечённой местности, привыкая к управлению и понемногу постигая тонкости маневрирования на траве. С перевозкой тоже всё устроилось наилучшим образом. Мотоцикл мы без особых сложностей разобрали, погрузили в минивэн, после чего преспокойно доставили куда нужно.

— Нашлёпку проверь, — потребовал Стан.

Я рефлекторно потянулся к шее, прикоснулся затянутыми в перчатку пальцами к мягкому резиновому кругляшу, приклеенному поверх воинского идентификатора. Интересная приблуда. Полностью блокирует личный ID для любых сканеров и считывателей. Как я понимаю, штука насквозь нелегальная, зато полезная.

— На месте.

— Гранаты?

Похлопал себя по груди, где в карманах лёгкой жилетки, надетой поверх панциря, покоились четыре железных шарика.

— При мне.

— Переговорник? — это он про маленький приборчик радиосвязи, прикрепленный к уху.

— Работает. Проверяли же... Радиуса действия хватит?

— С запасом. Ты, если пойдёт не по плану, молнией к нам. Вытягивай преследователей в зону прямой видимости. Там недалеко. Обогнёшь промку, и рви по прямой. А мы встретим, не пустые.

В поддержку товарища Минус лукаво прищурился, солидно дополнив:

— Есть чем. Но это на крайняк.

— Уяснил, — не представляя, что ещё сказать, я показал кулак с отставленным большим пальцем, символизирующий одобрение с готовностью.

— Действуй, — коротко распорядился Стан, делая шаг в сторону от байка, а Минус напутственно хлопнул по плечу.

Прибор ночного видения, больше похожий на массивные очки, окрасил ночную черноту в серо-зелёные тона. По краям расплывчатые, в центре — довольно чётко отображающие окружающий мир метров, эдак, на семьдесят. Мало, конечно. Но от гражданской модели, созданной для поклонников пейнтбольных игрищ в темноте — большего ждать и не приходится. И так купили самую дорогую, что нашлась в здешнем магазине спорттоваров. А доставать армейскую, полноценную — долго. Надо связываться с Кано, объясняться, ждать, пока перешлют... Этого мне не хотелось. Присутствовало ощущение, что не понравится психологу мой план. Полезет с указаниями, правками... Лучше своими силами обойдусь. Сам придумал — сам исполню. Сам отвечу в случае провала. На Минуса со Станом ведь не спихнёшь.

— Не скучайте!

Ну, поехали...

Хороший байк мне попался. Послушный, крепкий, достойно объезженный. Простота конструкции, почти позабытая и бережно хранимая лишь рукастыми энтузиастами, вселяла уверенность в то, что он не заартачится и не подведёт.

В начинке — никаких новомодных блоков безопасности, призванных помогать водителю в управлении и сглаживающих необдуманные фортели экстремалов-лихачей. Всё брутально: рама, руль, колёса, тяга, тормоза. Люблю такую технику, основательную, на грани примитивизма.

Плавно повернул ручку скорости, трогаясь с места и оставляя бородачей позади. Электромотор на начало движения отозвался тихо, почти неслышно, уверенно делая свою работу и понемногу добавляя оборотов колёсам. Гораздо больше шума производили рифлёные покрышки — резина здесь поставлена злая, зубастая, созданная специально для агрессивного бездорожья. На плоском, предсказуемом покрытии трасс ей, конечно, делать нечего, но и мне недолго по нему кататься. Всего несколько километров, из которых три четверти можно не гнать.

Стартовал от жилой окраины, той самой, неподалёку от тюрьмы и моей конечной цели. Прямо, прямо, а потом налево... Ух ты, почти считалочка получается, если в мажорном тоне проговорить.

Раскалившаяся за день земля подстыла, ночная прохлада приятно забиралась в щели между амуницией (я посчитал, что для одной поездки покупать полноценный мотокомбинеzon нет необходимости), а прибор ночного видения начал предсказуемо сбоить, подрагивая картинкой. Меня это не напрягало. Данная особенность, основанная на том, что мы приспособивали почти детскую модель к нашим непростым задачам, тщательно изучена на тренировках и признана допустимой погрешностью. Слабенькое устройство плохо справлялось с мелкой вибрацией из-за рифлёного протектора, реагируя досадными крапинками, словно редкий, неровный дождик, вовремя убираемый стеклоочистителем.

Нормально. На грунтовке этот эффект практически пропадает. Да и сейчас мешает не сильно, привык. Общую картинку не портит; показывает, что впереди — и на том спасибо. Была бы фара — поездка бы значительно упростилась. Да где её взять? Мотоцикл, или, если уж занудно умничать и придирааться к терминам, электроцикл, подвернулся без этой опции, чисто для дневных покатушек.

Пользуясь случаем и пустотой дороги, зачем-то впал в суеверие. Загадал, что если проеду без рук десять секунд, то успех неизбежен. Если нет, то... Додумать, что будет «если...» я не успел. Ладони сами отпустили руль, а тело тревожно, медленно, переживая за равновесие, распрямилось.

Круто! Захотелось завопить от избытка чувств, огласить окрестности звериным, протяжно-шокирующим утробным рёвом. Чтобы все услышали и содрогнулись!

Но внезапное ребячество, дисциплинированно уступив первенство скучной расчётливости, уже спряталось вглубь и я с сожалением вернулся к привычному способу управления, печально отметив, что отмеренный на удачу срок пролетел слишком быстро.

Жаль... Потом обязательно ещё раз так попробую. Оно того стоит.

Дорога вывела на подсвеченную дежурными лампами парковку с широким проездом к частным производствам, на треть заполненную разномастными автомобилями ночной смены

тюремщиков. За ней отлично освещённые въездные ворота и стены закрытого учреждения, казённо украшенные огромными предупреждающими надписями о том, что приближаться ближе, чем на пять метров, без разрешения охраны запрещено.

Повернув к цели, я несколько раз моргнул, злясь на кое-как справившийся с люменным перегрузом ночник, ругнулся сквозь зубы. Не догадался, бестолочь, снять прибор перед проездом по залитой светом территории, отчего изображение почти превратилось в грязно-белую вспышку, заполонившую весь обзор.

Ничего, пронесло. Сохранившихся контуров мне хватило, чтобы благополучно миновать неудобный участок. Дальше проще будет. Уже отсюда я видел, что остаток дороги ведёт к людям бережливым, экономным, умеющим считать каждую марку. Лампы дежурного освещения, по своей маломощности, не справлялись с возложенной на них задачей, блёкло выхватывая из темноты островки стен, клочки земли с бедной порослью, краешки обочины.

Я не обманывался. Мнимое ночное спокойствие — оно только мнимое. Бусинки объективов недремлющих камер просматривают каждый сантиметр дорожного полотна, и не только его. У нас на базе так же было. К чему тратиться на полную иллюминацию, расходуя энергию, если охранные технологии вполне позволяют обойтись без подобного расточительства? Кое-где, для приличия, светильники имеются — и хватает.

Вот и помеченный Станом на схеме забор. Высокий, неряшливый в своей бетонной серости, с затянутым в коварную проволочную сеть верхом. Посредине — раздвижные ворота с прожектором наверху. Он направлен внутрь, освещая промплощадку.

Сохраняя скорость, проехал мимо. Мне приказано забросить гранаты на указанный участок, но конкретная точка для проведения акции оставлена на моё усмотрение. Поэтому лучше брошу в самом конце предприятия. Оттуда до поля добираться ближе.

В груди, словно предчувствуя намечающийся аттракцион, предательски ёкнуло, а сознание подбросило восхитительнейшую мыслишку:

«А на кой мне всё это?»

Ответил я ей немедленно:

«Потому что надо».

Не полегчало, но внутреннее самочувствие слегка стабилизировалось. Всегда бы так: появились сомнения — рыкнул на них, и мир прост и понятен.

Что же, приступим? Представим, что меня занесло на рядовые учения...

Передавать послание от бригады на ходу и пытаться не стал. Остановился, упёрся подошвами в твёрдую дорогу, достал две гранаты из имевшихся четырёх. Не глядя, привёл их в боевое положение.

Три... Два...

На «раз» метнул. Сначала одну, потом другую.

Хорошо полетели, сержант Бо остался бы доволен прилежным подчинённым.

За забором дважды негромко хлопнуло. Против киношных трах-бабахов, широко используемых в угоду красивой картинке и правилам кинобизнеса, в реале гранаты рвутся довольно негромко. Ближайшее сходство — надутый малолетним сорванцом пакет из маркета, с размаху приложенный обо что-нибудь твёрдое. Да, примерно так, даже потише. Больше на «чпок» похоже.

Ни криков, ни воплей. Значит, людей не зацепило. Разлёт осколков у используемой модели средненький, она больше на работу в помещениях рассчитана.

Пора валить.

Вторую партию отправлять не вижу смысла, от этого только лишняя задержка получится. А тем, за забором, какая разница, сколько взрывов? Главное, сообщение передано...

Шарахнуло по мне почти сразу после того, как я схватился за руль и крутанул ручку скорости, напряжённо следя, чтобы сдуру не исполнить «вилли»(*) с возможным переворотом. Кратенько так шарахнуло, почти слившимся тройным плевком чего-то калибром покрупнее, чем пистолет или армейская винтовка.

Набирающий ускорение байк подпрыгнул, будто его пнули под зад, пошёл юзом и начал заваливаться набок, против воли заставив слететь с сиденья. Держаться не стал, а напротив, постарался посильнее оттолкнуться от взбрыкнувшей техники. Упадёт на ногу — мало не покажется.

Хорошо, что я не особо тяжёлый. Пока байк окончательно рухнул, добавляя новые царапины на корпус, я уже катился колёсиком, сильно треснувшись шлемом о дорогу и отсушив при падении руку. Больно... Хвала защите, выдержала, уберегла. И двойная хвала небесам за то, что в голову не попало. В противном случае мозги бы вперёд меня летели, соревнуясь с хозяином в скорости. Мотошлем и пули — предметы малосовместимые.

Едва остановился, борясь с дичайшим головокружением и слабо понимая, где земля, а где небо, как новая очередь, прочертившая недвусмысленную линию почти перед моим носом, расставила всё по своим местам, заставив замереть.

Некто меткий настойчиво рекомендовал не двигаться. И тут же пришло словесное и оптическое подкрепление его намерений. Точнее, наоборот. Забор будто ожил от одновременно включившихся на полную мощность прожекторов, дружно и весело направивших лучи к моей персоне. Насилу успел уцелевший ночник сорвать, спасая зрение.

— Не двигаться! — гаркнул усиленный динамиком голос. — Лежи, сука!

Для пущей убедительности автоматический огонь очертил полукруг неподалёку от моей головы. Человек так не сможет, потому что... захотелось набить самому себе морду. Это же надо повестись на то, что местные, в случае тревоги, бегут с оружием к оборудованным точкам? Что им мешают с вечера воткнуть стволы, куда положено, синхронизировать систему наведения и благополучно управлять обороной, не выходя из комнаты охраны?

Дебил, бля... Сам предложил, сам вяпался. Винить некого.

То, что происходило во мне, более всего напоминало каскад образов, а не здравую логику. Калейдоскоп картинок, рваные обрывки чувств на фоне блевотного комка в горле и ярчайшего света.

— Стан! Меня обкладывают! — сглотнув подступающую жижу, прохрипел я, затравленно шаря взглядом в поисках спасительного... да хоть чего-нибудь.

Эфир молчал, зато разразилась кишкотными ревунами тюрьма, живо отреагировавшая на творящийся поблизости дурдом. Протокол безопасности заработал, отзываясь на невинные забавы с огнестрелом. При звуковом сигнале, помнится, блоки с заключёнными берутся под усиленный контроль, любое передвижение без особого разрешения запрещено, охрана переходит в режим повышенной готовности.

Однозначно одобряю. Мне бы в полицию попасть. Там люди в костюмах приедут, шороху наведут, вытащат. Там безопаснее... Есть у меня стойкая уверенность, что хозяева забора в законопослушность с благородством играть не станут.

Я бы на их месте точно не стал. Взял бы неудачливого метателя за шиворот и допросил.

С пристрастием. После — в расход.

Вон, спешат уже.

Из приоткрывшихся ворот на дорогу высыпала пятёрка вооружённых винтовками мужчин, тотчас взявших округу на прицел. Получалось у них плохо, неумело. И двигались не слаженно, и мешали друг другу, регулярно оказываясь на линии огня соседа, и суетились много.

— Стан! — я повторно попытался дозваться временного командира. — Вы там что, ноги делаете?! Уроды конченные...

В переговорнике — по-прежнему тишина. Вокруг — светопреставление. На стенах расположенных рядом производств включились новые прожектора, освещая кусок дороги ещё сильнее. Яркий свет бил до рези в глазах. Соседям помогают, параллельно выясняя через видеонаблюдение, что произошло и почему всем не спится.

— Только дёрнись! — зычно разнеслось над дорогой. — Пристрелю! Лежи смирно!

Куда я пойду под прицелом? Совсем, что ли, идиот?

Высыпавшие на захват боевики обходили меня по дуге, стараясь не приближаться по отдельности и не отрывая винтовок от плеч. При всей их неумелости, главное они делали грамотно — в бой не рвались,

— Минус! Стан! — с надрывом, сквозь сжатые зубы я опять попробовал дозваться «добровольцев». Впрочем, без особой надежды. Свинтили мои боевые товарищи, бросили на произвол...

— Обходи! Обходи! — распорядился сухопарый человек, изучая мою ушибленную фигуру.

Чудной такой... В спортивных штанах с пляжными тапками, худой торс прикрыт белой майкой. Кожа татуированная. Пальцы, руки, шея в замысловатых, переплетающихся между собой картинках. Даже на лице имелись рукотворные отметины, а на лбу жирно читалась надпись «Бойся». Колоритный типаж, в сериалах — главным злодеем бы назначили.

Стан упоминал, что подобные типы мелькали на объекте. Тихие, смирные, а вот поди ж ты, развернулись...

Остальные выглядели сходно с предводителем. Одеты в аналогичные наборы шмотья, за исключением обуви (в тапках вышел только сухопарый, остальные предпочли кроссовки), поголовно в узорах разной степени мастерства, как один — дёрганые. Хочется верить, что они по жизни такие — крутость любят демонстрировать друг перед другом, а не под чем-нибудь химическим. Если обдолбанные — всё куда хуже.

— Ствол есть? — хрипло бросил главарь, держа меня на прицеле.

— Нет, — я медленно, так, чтобы все видели, поднял руки с растопыренными ладонями. Гранаты в карманах мне пока не помощники.

— Врёшь, падла! — сбоку, нарушая построение, резво выскочил ушлёпок помоложе, подвижный, весь на понтах. — Я тебя прямо тут кончу!!!

Для полноты образа он отпустил цевьё винтовки и, раскорячив пальцы в, как ему казалось, крутой манере, принялся подкреплять каждое своё слово оживлённой жестикуляцией.

— Ты, дерьмо, на кого смел лапку задирать?! Кто ты вообще такой? — под ногой этого остолопа хрустнул брошенный мной ножник. Специально раздавил, гадёныш, себя накручивая. — Да ты знаешь, на кого наехал?!

Вопросы ответов не требовали. Парень, говоря языком шоу-бизнеса и политики, пиарился, пользуясь моментом. Первым догадался открыть пасть, чтобы показать, кто основной храбрец. Ему бы ещё на прокуренный речитатив перейти, и полный гангста-рэпер получится. Певец трущоб и безбрежной удали. «За братву — порву, за двор — в упор, тёлкам — снять трусы, трава и бабло — наша религия». Или как-то так. Доводилось аналогичные вирши слышать, популярные среди начинающих отбросов общества.

— Ты чё молчишь?! — торопливо, словно боялся, что его перебьют, продолжал бесноваться молодой. — Я с тобой базарю, отбивная! Я тебя...

— Глохни, — властно распорядился мужчина с самым разукрашенным организмом. — Волоките этого шалунишку к нам. У себя пообщаемся. С минуты на минуту копы нагрянут.

Нагловатый выскочка скривился, но спорить не посмел, заткнулся. Остальные запереглядывались. Мне же оставалось удовольствоваться ролью зрителя и сумрачно осознавать, в какую я угодил жопу.

Отбитые тут ребята собрались. Выходить на дорогу с оружием, не опасаясь быть замеченными окружающими — смело. А любая групповая смелость — это не личный героизм, смесь из лихости с придурью или разового порыва. Это — уверенность в безнаказанности. И это сильно усложняет моё положение. Вдобавок, не вязались у меня эти откровенные уголовники и грамотная организация огневой подготовки предприятия. Диссонанс вызывали.

— Я не... — протянул некто, стоящий за спиной. — понял... — заканчивал он под свист колёс, стремительно приближавшийся со стороны тюрьмы. — К нам...

Все повернулись на источник шума.

По дороге нёсся автомобиль. Не военный, не полицейский. Раздутая штатская ехалка с очень знакомыми очертаниями. Ошибиться невозможно — минивэн. Тот самый, на котором я прибыл в эти благословенные края. Номера сняты, водителя не видать, а вот скорость у машинки преизрядная. Через десяток секунд она сметёт всех, кто не успеет отскочить или откатиться, если валяется на проезжей части, как я.

Похоже, что точно так же рассудил и предводитель ночной бандитской смены. Крикнув: «Следите за ним», он вполне бегло и умело открыл огонь по той части лобового стекла, за которой предполагался водитель.

Попадания ложились кучно, человеку не выжить. Дополняя инициативного стрелка, со стены заговорило неопознанное мной оружие, быстро превращающее минивэн в решето для отбрасывания макарон. Толковый оператор попался — реакция великолепная. Пока мы пялились на это чудо среди ночи, он успел проанализировать ситуацию и дать указание управляющей программе уничтожить цель. Пулевая трещотка трудилась безостановочно, не экономя патроны.

Мне показалось, что из развороченного салона кто-то выпрыгнул через боковую дверь. За смазанным движением последовало попадание в колесо, разворот многострадального автомобиля, изначально предназначенного для беззаботных поездок дружной семьи, тяжёлые пируэты переворачивающегося кузова, по сравнению с которыми выкрутасы моего байка выглядели парящей балериной, мат окруживших меня бандитов и тёплая, противная масса под нижним веком, прилетевшая из лопнувшего черепа молодого поклонника криминальных образов...

Пятёрка неизвестных полегла в мгновение ока. Они падали, как подкошенные, роняя

оружие и орошая дорожное покрытие кровью, мозгами с предсмертными хрипами. При этом выстрелов я не слышал, но вполне допускал, что их мог глушить треск расходившегося пулемёта.

Умело беломаечных сделали. Никто и огрызнуться не успел.

Наверное, стоило вскочить, подхватить чью-нибудь винтовку и смыться подальше, отстреливаясь. Но как? Кто сказал, что огневая точка единственная? Мне недавно весьма популярно намекнули, как правильно себя вести при внесении недружественного объекта в огневую карточку управляющей программы. Дёрнусь — и в электронной начинке охранной системы произойдут необратимые для меня изменения. Самонаведётся, подчиняясь прописанным алгоритмам, выдаст порцию на поражение, и забудет. А мне больше не жить.

Так что лежи Вит, лежи. И за оставшимися гранатами не лезь, не смей людей. Смотри представление.

Верх ограждения вспыхнул сразу в нескольких местах, сопровождаясь буханьем разрывов. Это из чего так приложили? По автоматике били? Как бы она в разнос не пошла...

Подстёгиваемый инстинктом, до мурашек знакомым любому, кого хоть раз угораздило оказаться во время боя на открытой местности, я вскочил на ноги, инстинктивно подхватывая винтовку того самого, длинноязыкого удалца. Она ближе всех лежала. С оружием всё же спокойнее.

Бывший владелец валялся поблизости, елозя спиной по дороге, будто у него хребет чесался, и корчил страдальческие гримасы остатками рожи. В груди у самозванного смельчака — дыра размером с теннисный мяч, половину башки напрочь снесло. Крови — море. Как он до сих пор не умер?

Бывай, придурок. Ты сам выбрал свою судьбу.

С направлением сильно не мудрил, оно тут безальтернативное. Мне надо к тому самому, заветному забору с дымящим верхом. Доберусь — попаду в мёртвую зону. Наверное... Буду надеяться... Там, если только кто-то не высунется сверху или не выйдет из ворот, пуль меня не достать. Потом — прочь. Бочком вдоль бетонных заграждений в поле, в темноту.

Словно издеваясь, задворки подсознания напомнили о занятиях в учебке по минированию подходов и организации обороны укреплённых пунктов. Бежать резко расхотелось.

На байке попробовать?

Не уйти. Заднее колесо — в лоскуты. Вон оно, на меня смотрит, разлохмаченное.

С трудом сдерживая подступающую панику, мозговые шарниры посчитали нужным показать, на что способны в экстремальных условиях. Время замедлилось, стало липким, тягучим, обволакивающим. Меня словно поместило в ограждающий кокон, разряжающий атмосферу вокруг и зовущий вперёд, к спасению... Реакция мозга на выброшенный надпочечниками адреналин. Читал об этом. У подавляющего большинства солдат при первом обстреле или испуг, или неуместное безрассудство; реже, как в моём случае — отрешённость. Всё видишь, всё осознаёшь, но тело будто не твоё, не родное. Слышается плоховато, двигается неуклюже, так бы и выбросил на помойку за нерасторопность!

— Красава!

Моё плечо содрогнулось от несильного, в принципе, удара; возникший было кокон разлетелся вдребезги.

— Беги под стену! Детекторы показывают — там чисто! Мы тут сами...

Кто здесь? Я истерично обернулся, мечтая не надеть в штаны.

И потерял дар речи. Рядом, плохо различимый из-за активной силовой защиты, стоял, вернее, высился штурмовик Федерации. В полной броне, с включённым стелс-режимом, делающим его почти незаметным для визуального восприятия и большинства оптических приборов; в армейском экзоскелете с прикрытыми бронепластинами сочленениями, вооружённый новейшим штурмовым комплексом и с глухим, интерактивным забралом шлема.

— Беги! — подтолкнул он меня, рывкнув для острастки голосом Стана. — Мы это, мы. Не мешай. Я им сейчас устрою...

По воротам дробно забарабанило. Теперь, увидев нафаршированного достижениями Федерации бойца бригады, по слуху опознал: штурмовой комплекс мастер-класс показывает, без всяких там патронов и грохота выстрелов. У него в приоритете другой принцип, бесшумный, как-то связанный с электроимпульсом и магнитами. Плюётся себе пулями, только воздух посвистывает. Подробнее не скажу. Матчасть не изучал.

Залихватски гикнув, Стан умчался к въезду в предприятие, исчезая на ходу. Километров тридцать выдал со старта, умело используя возможности искусственной мускулатуры. В комплекте с активным стелс-режимом ему больше всего подходило анекдотичное «вот он был, и вот его нет».

Я сорвался в условно «мёртвую зону» в лучших спринтерских традициях. Появление пусть и плохо знакомых, но, при этом, таких родных бородачей, помогло воспрять духом и почувствовать себя частью чего-то мощного, способного уберечь и защитить. Стрельба больше не казалась столь пугающей, а моё положение безнадежным.

Врал Майкл. Есть боевое братство, есть... Ошибся он, манипулятор на жаловании.

Метры до спасения сами прыгнули под ноги. Добежал, прижался к бетону ограждения, осмотрелся.

Про меня словно все забыли. За стеной отрывисто орали, причём вразнобой, по металлу ворот стучало с удвоенной силой, тянуло гарью.

Беглый осмотр подобранного оружия сообщил, что небеса ниспослали гражданский вариант распространённой в Нанде винтовки «М» какой-то, без автоматического огня. Магазин полный, общее устройство насквозь знакомо.

— Бросай эту рухлядь! — оживший переговорник перепугал похлеще канонады. — Направление — поле. Выполнять!

При всём непонимании происходящего, приказ свалить отсюда куда подальше — это как большая банка ананасов. Улыбка удачи. Приз за...

— Да отцепись ты от этой пукалки! — рывкнуло в ухе, а дальше началось совсем уж сказочное.

Две мерцающие фигуры подхватили меня под локти, преболно сжав в суставах и приподняв над землёй, а потом мы пугающе быстро помчались вперёд.

— Ворота я перекорёжил так, что их только резать. Там и стена просела. Начнут пыжиться, ломать — глыба отколется. Не догонят, — задорно сообщали справа голосом Минуса. — Управились за минуту. Копы, скорее всего, ещё пончики в кофейне не дожевали.

— А мы возьмём, да и усугубим, — сказали слева. — Упс... — за спиной знатно грохнуло. — Тачке кранты. Я термитный заряд заложил, выгорит дотла. Расплавится до неузнаваемости.

Расходившиеся штурмовики набирали ускорение. В их действиях ощущались слаженность, долгие часы тренировок и необъяснимая бодрость духа. Не наигранная, а настоящая. Что до забега, что теперь — одни и те же люди, без куража.

К моему огромному сожалению, я не смог определить скорость их передвижения из-за утерянного прибора ночного видения. Судя по встречному ветру — прилично получалось, как на байке.

— Ты, Маяк, на нас не злился, — не особо извиняясь, уведомил Стан, поражая не сбитым от бега дыханием. — Сканеров опасались, радиоперехвата. Потом пока шмот натянули, пока доехали, пока добежали...

Вечно поддерживающий друга Минус и в этот раз не отошёл от традиций:

— Охрана, небось, высыпала после того, как ты нас уродами обозвал?

Я припомнил.

— Нет, чуть раньше.

— Да? — искренне удивился он. — Ну, тупые... Подождали бы ещё немного — могли бы и выжить. На территории отсидеться, кирпичами прикидываясь. Ты их рассмотрел?

— Немного. У главного на шкуре свободного места от рисунков нет и татуха на весь лоб, у остальных поскромнее. Я в городах таких и не видал.

— Бандитский клан. В основном, по тюрьмам сидят. Когда на свободе — предпочитают жить обособленно, среди своих.

— Ты их знаешь? — я не смог скрыть удивления.

— Этих — нет. С другими сталкивался. Но они похожи между собой.

Давая товарищу передышку (долго болтать на бегу никто не сможет), вклинился Стан.

— Жаль, рассказать никому нельзя. А история-то занятная...

— Ты о чём? — мне разговоры давались значительно легче, всё одно вишу в чужих руках.

— Устроились эти клоуны возле тюрьмы. Смешно.

— И умно, если криминальными рожами особо не светить.

— Согласен, — принял моё уточнение временный командир, дополнив. — Маяк, ты же соображаешь, что ничего не видел? Ни экзоскелетов, ни...

— Не видел, — отрезал я. — Ни-че-го.

На том бы ему и успокоиться, но Стану отчего-то захотелось развить тему:

— Мы в броне Федерации к тебе на помощь пришли, — ага, будто я не узнал, — а она в наш мир официально не продаётся из-за каких-то там ограничений. Потому запрещена.

— Но есть, — хмыкнул Минус, — у всех заинтересованных лиц с солидными счетами в солидных банках. Воевать в ней нельзя, набегут разные придурки с правозащитниками, а для мелких делишек, чтобы всё шито-крыто — можно.

Намёк ясен. Деньги и связи затыкают любую технологическую отсталость. Правда, в частном порядке. Заинтересовало другое. Когда расставались — в минивэне этого барахла не было. Мы в нём покойный байк перевозили, я бы такую гору амуниции по-любому заметил. Тогда откуда?

О том и спросил, прямым текстом. Чего стесняться, раз уж на откровенность пошли?

— Специальный человек заранее на точку доставил, — чуть подумав, решил не скрывать Стан, — за четверть часа до нашего там появления. Я ему сообщение по коммуникатору отбил. Он сложил сумки в траве, указал, где именно. И уехал. Я же тебе говорил — секретность... Так-то на такие вензеля с обстрелом никто не рассчитывал, инфа

подкачала... Ты как? — неожиданно озаботился он моим состоянием.

— Как на карусели, — рассмеялся я, с удовольствием посматривая на совсем близкие огни городской окраины. — Впечатлений — масса. Гляньте!

По оставшейся в стороне дороге неслись, расцветившая ночь проблесковыми маячками, копы. Мы, как по команде, замолчали, а затем дружно прыснули от накатившего веселья, и с удовольствием смотрели на нарастающую суету. К торопливой процессии добавились скорая, пожарная машина, снова копы...

Как он орал... Я и представить не мог, что человек может настолько выйти из себя, особенно тот, кому по штату положено оставаться невозмутимым при любых неприятностях.

— Вы кретины! Дебилы! Имбецилы с плесенью в черепушках!!! — бесновался Кано, брызгая слюной в камеру своего коммуникатора, проявлявшейся мутными пятнами на нашем экране. — Кого вообще вдохновение озалупило так бездарно провести акцию?

Стан, назначенный старшим, деревянно замер. Сделав общий доклад, он с пояснениями не торопился, давая мозгоправу спустить пар. Я тоже держал рот на замке, крайне удачно применив постулат о том, что субординация не позволяет мне обскакивать начальство. Минус насупился, закусив губу.

— Вы хоть представляете?..

Дальше нам довелось вытерпеть весьма заковыристый монолог из сугубо непечатных выражений, в красках, детальнейшим образом описывающий наши убогие способности, уровень интеллектуального развития, положение в эволюционной лестнице, причём с отрицательным значением, и лично его, Кано, мнение о каждом персонально.

Слушая и запоминая на будущее особо примечательные матерные конфигурации, я следил за бородачами. Те сопели, нехорошо шурились, но не пререкались.

Возник вопрос: «Почему?» — Минус и Стан из другого батальона, у них имеется свой командир. Мозгоправ, как я понимаю, властен над ними довольно косвенно, как над временно прикомандированными бойцами. К чему такие моральные подвиги? Могли бы, якобы случайно, нажать в коммуникаторе что-нибудь не то, а потом долго чесать бритые затылки в поисках причины. Чем плохо? Связь бы пропала, орудий неврастеник исчез бы с экрана. Потом бы отмазались. Странно...

Но присутствовала и иная странность, даже поважнее первой. С какой радости психолог, пусть и военный, командует подобными операциями? Откуда у него такие полномочия? Ладно, в качестве ответственного приказать молодому бойцу куда-то поехать, выполняя поручение тех, кто рангом повыше. Допускаю, случается. Однако, ещё и отчёт о результатах принимать — явный перебор.

Или я чего-то не знаю?

Как потом оказалось, версия с незнанием наиболее близка к фактическому состоянию дел.

Закончив драть глотку, Кано выпил воды, прокашлялся и перешёл к подробностям.

Дотошно выяснял про этапы подготовки, изредка кивая в знак понимания; с каменной физиономией выслушал про тренировки по вождению байка. Едва речь дошла до покупки прибора ночного видения, он, на секунду отвлекшись, сделал какую-то пометку, потребовав от меня найти в сети данную модель и описать все приемлемые характеристики и недостатки почившего под бандитской стопой прибора.

Разбор шёл основательный, въедливый, выдававший в мозгоправе если и не знатока

диверсионно-подрывной деятельности, то не чуждого ей специалиста — точно.

Особенно настырно он требовал описать работу пулемёта и мои впечатления. Услышав про управляющую автоматику и готовую к бою турель (или что там торчало над ограждением), Кано буквально вывернул меня наизнанку, детализируя каждую секунду. На моменте попадания в заднее колесо байка даже воскликнул:

— Это точно?! Не по ногам, не в торс? В движении?

— Так точно. С первого выстрела, — констатировал я, передёрнув плечами от неприятных воспоминаний. — Потом очередь намекнули, чтобы не рыпался.

Сделав глубокомысленную паузу, психолог переключился на Минуса, скрупулёзно вытряхивая из него целый ворох разнообразнейшей информации об организации обороны, последовательности действий и других малозаметных деталях, на которые я и внимания не обратил. Оказывается, огневых точек на ограждении он насчитал четыре, все активные; замечал и человека с «продолговатым предметом цилиндрической формы с утолщениями, имеющим визуальное сходство с переносным ракетным комплексом». В деталях не разглядел, так как носителя превентивно уничтожил. Отдельно поразил антенный комплекс с возможностью радиосканирования, полностью выведя его из строя.

Когда боец закончил, Кано вытер рукавом заплёванную камеру, потёр подбородок, отстранённо сообщив:

— Надо будет изучить записи боя. Крепко противник окопался. Пулемёты с высокоточным наведением... на улицу с винтовками выходят... Броня, личное оружие?

— Сдали, — пробасил Стан.

Процесса сдачи я не видел. Меня просто попросили посидеть в темноте у какого-то полузаброшенного здания, пока бойцы куда-то отлучались минут на двадцать, прихватив маскировочную нащёпку и неиспользованные гранаты с мотоэкипировкой. После забрали, вернувшись в гражданской одежде и на другом авто, без водителя, привезли в отель.

Никто ничего не объяснял, а я не любопытствовал. У бригады помощников много, и не все из них обожают внимание и популярность. Каждый обязан знать ровно столько, сколько положено, и не больше.

— Принято, — мозгоправ с диверсионным уклоном шлёпнул ладонями по столу. — Маяк — возвращаешься в расположение. Приедешь — зайди ко мне... Вы — по своей программе. Будьте на связи.

Экран коммуникатора погас. Стан, убрав девайс в карман, сумрачно огласил:

— Предлагаю по пиву. В отеле продают. Минивэн помянем. Я к нему привык...

Никто не возражал.

Утром, попрощавшись с парнями, я уже в дверях номера вспомнил, что моя звонилка отключена с самого выезда на «дело», как под пивко окрестил Минус наши ночные приключения.

Включил — ни одного пропущенного. Не нужен я никому. Или... Так не бывает! Да меня терроризировать звонками должны, сна лишать, беспрестанно напоминая о пакетах из бригадной душевой. Издёргать, чтобы я из человека превратился в сплошной оголённый нерв, мечтающий как можно скорее избавиться от назойливых надоедал.

Почему мне никто не напомнил про то, что я в командировке задерживаюсь, в нарушение отпущенного мне срока? На слепое доверие это не похоже. Та женщина, из автобуса, абсолютно внятно поясняла расклады и уточняла, что некто теряет деньги в

томительном ожидании груза.

Могли же попросту, скромно позвонить, раз уж от психологической обработки отказались. Узнать, как дела, хорошо ли кушаю и когда изволю вернуться. Номер у Хлюпы имеется.

А на экране — пустота. Лишь иконки заводской прошивки и часы.

Что бы это значило?

Идеи категорически отказывались рождаться, внутреннее чутьё помалкивало, логика, похоже, ушла в отпуск.

Страшно тянуло поднять правую руку, затем резко её опустить и беспечно выдохнуть: «Да пошло оно всё!», но это — самообман. Никто от меня не отвяжется.

Полный самых мрачных предчувствий, я добрался до автобусной станции, занял кресло согласно билету и до самого конца пути тупо глазел в окно, ни о чём не думая.

По возвращении, доложившись о прибытии и узнав, что Кано где-то носит по служебной необходимости, вернул штатское барахло в личный шкафчик, прихватил полотенце и пошёл в душ, смыть с себя дорожную пыль.

Ну а там, разумеется, не удержался, победило во мне любопытство. Влез на перегородку, сунул ладонь за панель, и...

Пусто. Пакеты с таблетками забрал кто-то другой.

(*) Вилли — езда на заднем колесе

Глава 8 Интерлюдия № 2

11 канал

Криминальная хроника.

... Сегодня ночью неизвестными было совершено нападение на штаб-квартиру и региональные филиалы известной гангстерской группировки «Хозяева улиц». Количество погибших уточняется. Полиция от комментариев воздерживается...

47 канал

Утренние новости

... Мы направили журналистский запрос в мэрию и управление полиции по поводу случившегося. В настоящее время известно о более чем двух десятках убитых. На месте работают следователи...

114 канал

Новости полдня

... Нашему корреспонденту удалось пообщаться с выжившим.

Картинка на экране сменяется, демонстрируя зрителям крупным планом грязное, испуганное лицо смуглого подростка, выхватывая участки татуированной шеи. Ему практически в нос тычется микрофон, выгодно поворачиваясь к камере логотипом канала. Женский голос с тревогой спрашивает:

— Скажите, что вы видели? Кто на вас напал? Имеются ли ещё выжившие?

Вокруг шумно, но слов не разобрать. С записью успели поработать звукорежиссёры, убрав стандартные в таких случаях вопросы коллег по журналистике, наверняка окруживших единственного свидетеля.

Подросток трясётся, криво растягивает губы, затравленно озирается. Оператор приближает фокус и снимает лишь полубезумные глаза. Боль и ужас в них заставляют впечатлительных вздрогнуть, а тех, кто покрепче, тяжело вздохнуть. Состояние героя репортажа почти физически ощущается каждым, кто включил визор на этом канале. Многие сочувствуют, напрочь позабыв о том, что банда, к которой принадлежит юнец, вот уже долгие годы фигурирует в криминальных сводках и журналистских расследованиях как одна из самых агрессивных.

Чумазое лицо возвращается к привычным для телевизионщиков размерам. Назойливая женщина продолжает заученно повторять те же самые вопросы:

— Скажите, что вы видели? Кто на вас напал? Имеются ли ещё выжившие?

Наконец, ей удаётся добиться ответа.

— Тени, — всхлипывая, произносит подросток, заваливая голову набок и дёргая ей, точно эпилептик. — Тени... С оружием... Всех убили...

Картинка замирает, представляя юнца трогательным, беззащитным, а новый, правильно поставленный голос сурово произносит слоган компании:

— Следите за нашими выпусками. Мы обязательно сообщим вам правду...

9 канал

Итоги дня

Пожилой, представительный мужчина в окружении полицейского спецназа идёт к бронированному автомобилю. Смотрится он импозантно, дорого. Костюм, туфли, белоснежная сорочка с расстёгнутой верхней пуговицей.

Съёмка ведётся с расстояния, ближе подойти не даёт полицейское оцепление. Слышны выкрики:

— Как вы объясните случившееся?!

— С вами связывают деятельность «Хозяев улиц»! Кому вы перешли дорогу?

— Правда, что вы глава преступного клана?

— Прокомментируйте смерти ваших людей!..

Человек скрывается в автомобиле, не произнеся ни слова.

Поздняя ночь, загородный особняк

Тот же человек. Теперь — тусклый, невзрачный, злой.

— Сколько мы потеряли? — спрашивает он у полного, слащавого мужчины в глухой тройке, стоящего перед ним навтыжку.

— Много. Точные подсчёты ещё только предстоят. Всё осложняет полиция. Они до сих пор описывают и протоколируют. Известно, что семьдесят процентов каннабиса урожая этого года уничтожено. Вместе с лабораторией по синтезированию прочих продуктов.

— Сам что скажешь? Про нападения? С копами как-нибудь утрясём...

— Били точно, обладая полнотой информации и планами зданий.

— Известно, чья работа?

— «Титан». Больше никому. Ни одного погибшего, ни одного раненого, никаких следов. Идеально спланировано. Привлечённый консультант указывает на армейскую подготовку нападавших. Я говорил, не надо с ними...

— Молчать!!! — впадая в бешенство, орёт человек и тут же успокаивается. — Я намёк, тот, вчерашний, понял, но не придал значения. К сожалению. Мне звонили утром... Ты с ними связался?

— Пробовал. С нами не хотят общаться.

— Не с нами, а с тобой, — хмуро поправляет он слащавого. — Соедини меня с ними. Я сам поговорю... Войну мы после такого удара не потянем. Придётся выполнить их требования... Платить.

Через три дня

11 канал

Криминальная хроника.

... Сегодня вечером, у дверей своего загородного особняка, выстрелом в голову был убит предполагаемый лидер группировки «Хозяева улиц». Полиция не исключает криминальные разборки.

И о погоде...

Со стороны коридора хлопнула дверь, кто-то вошёл в раздевалку. Перепугавшись до умопомрачения, я уже в полёте вернул потолочную панель на место и, приземлившись, торопливо дёрнул за кран смесителя. Хлынула холодная вода.

Кожу обожгли ледяные иглы, но оно и к лучшему. Температурный перепад здорово помог отвлечься от крайне противоречивой новости, заставив организм непроизвольно сжаться под проникновенное: «Бр-р-р!!!»

Испуг от того, что пакеты исчезли, отправился в слив вместе с переживаниями и сомнениями. Забрал Хлюпино счастье кто-то неведомый — отлично! Ко мне вопросов меньше. Получается, не одного меня эта гнида обхаживала, то умоляя, то шантажируя. У него знакомых везде много, это я людей сторонюсь. Опять же, шесть обещанных процентов за доставку, сумма, наверное, изрядная. Как-то не уточнил.

Скорее всего, я даже смогу вычислить, кто повёлся на «щедрое» предложение. Достаточно попасть на КПП и покопаться в компьютерных журналах. Там все входы-выходы личного состава фиксируются. Если откинуть старослужащих, мало общавшихся с нами, молодняком, складских сотрудников, которых в жилые помещения «Титана» никто не пустит, и сделать упор на последнее бригадное пополнение то, вполне возможно, требуемая личность сама всплывёт.

Но надо ли? Пронесло — и молчи. Иначе судьбу переиграешь.

Похвалив себя за рассудительность, я в качестве поощрения открыл горячую воду, доводя общий поток до комфортной температуры.

В душевую вошёл шапочно знакомый боец. Как и я, в костюме Адама. Вскользь обозначив кивком приветствие, он прошёл в соседнюю кабинку, бросив полотенце на общую вешалку. На долю мгновения показалось, что он что-то знает, что-то подозревает, и что за ним сейчас вломится всё начальство, обличительно тыкая пальцами. А затем потащит меня на допрос.

Будто ища спасения, закрыл горячую воду, возвращая ледяной душ. Мнительность — она такая, трусливая подружка паранойи. Мягкая и хитрая, любит исподтишка выпрыгнуть.

... На этот раз простоял долго, до посиневших губ.

Утро встретило служебной рутинной. Зарядка, завтрак, сопровождение, тесная кабина грузовика, ухабы, жара. Всех удовольствий — катался недалеко, успел вернуться во второй половине дня.

— Тебя Кано ждёт, — сообщили мне на КПП. — Зайди.

— Давно?

— Не очень. Он сам с час, как вернулся. Машина первого бата подвезла. На пикник они, что ли, катались? У ворот всё расстаться не могли, перешучивались.

Сбегав в оружейку, я не забыл привести себя в порядок и без задержек потопал в кабинет психолога. У меня перевод, как-никак. Затяну — и много нового о себе узнаю, пока разберусь с интендантами, начальством и прочими чинами, которых положено обойти перед уходом. Кому охота со мной до ночи возиться?

Кано мне встретился в коридоре. Весёлый, бодрый, с шальными бесенятами в глазах. У меня так отец выглядел, когда ему удавалось вырваться с фермы и поиграть в футбол со

старыми товарищами. Наносится, нападается, наорётся до хрипоты, потом домой приезжает по маковку в адреналине, а мать с порога нудит, что и годы у него уже не те, и лучше бы они вместе её сестру, чопорную вредину, проведали, и, раздухарившись от такого своеволия, несла прочую благомуть, нацеленную на удержание мужа дома.

Всегда ему сочувствовал.

— А, лихач! — мозгоправ улыбался. — Пошли. Буду тебя воспитывать.

По задорному тону я понял, что особо меня терроризировать он не планирует.

В кабинете, присев на стул для посетителей, повторил всю историю с неудачным гранатометанием, особо отметив (на всякий случай, чтобы бородачей не подставлять), что идея с байком принадлежит только мне. Кано рассказ пришёлся по вкусу, несмотря на сумбурный финал. И вдвойне его обрадовало то, что я, пока добирался в расположение, составил список использованных предметов — от мотоцикла, с указанием модели и технических характеристик, до марки шлема.

— Достойный доклад, — подытожил психолог, закончив задавать уточняющие вопросы. — Хвалю. Теперь разрешаю, спрашивай.

— О чём?

— О прошедшей операции. Тебе, наверное, интересно, почему при наличии таких крутых комплектов вооружения тебя пустили вперёд, как пацана?

— Нет.

— Странно, — похоже, мне удалось поразить Кано, он даже подался вперёд. — Удивляешь, Маяк... Попробуем по-другому. Как ты думаешь, почему столь дорогое оборудование оказалось у парней под рукой? Как рояль в кустах, почти случайно.

— Не представляю.

Лицо собеседника вытянулось в изумлении.

— Совсем интересно... Третья попытка. Как считаешь, какое отношение я имею ко всему этому?

Мне оставалось лишь недоумённо пожать плечами.

— Молодец! — рассмеялся мозгоправ, ладонями обозначив аплодисменты и откидываясь на спинку стула. — Полностью соответствуешь своему психологическому портрету. А теперь давай, как говорится, без протокола, — он по-свойски подмигнул. — Отыграем назад. Чего ты отмораживаешься?

Нужно отвечать...

— Командир перед солдатами не отчитывается. Мне поставили задачу, я её выполнял. Излишнее любопытство только навредит.

— В общем, прав, — психолог неувовимо из весёлого стал деловитым. — Школу ты прошёл неплохую. Но я считаю нужным довести до тебя следующее: первое — твои действия признаю оптимальными. Второе — неудача в ходе операции целиком моя вина. Да-да. Я не оговорился. Недооценил противника. По моим данным, там располагался практически мирный объект. Потому и ввёл прямой запрет на использование полноценной боевой экипировки, предпочтя обычные гранаты. Считал, много чести для захудалого заводика и что риски случайного обнаружения неизмеримо выше ставок. Ошибся... Имейся у меня более детальная информация — выехал бы лично. Однако получилось так, как получилось. Никто и не подозревал, что у них всё настолько серьёзно. Проколотся, задействовал отпускников. Думал, вас троих вполне достаточно... Кстати, это была инициатива Стана перестраховаться, прихватив броню. Тебе об этом известно?

Вот и без протокола... Но каков хитрец! Одним вопросом сразу всю группу на вшивость проверяет — кто из нас не умеет держать язык за зубами: я, сдав своих товарищей, или они, разболтав об источниках доставки секретных причиндалов.

— Штурмовые комплекты увидел лишь на дороге, при попытке отступления. Куда они делись впоследствии — не спрашивал.

— Верю. И лишний раз убеждаюсь, что мелочей не бывает. Про мою роль рассказывать?

Я постарался всем видом выказать равнодушие. Да понятно, кто ты такой. Принцип семи фуражек помог разобраться. По штатной должности — психолог. По дополнительной нагрузке — скорее всего,ходишь в какую-нибудь группу, функционально сходную с разведывательно-диверсионным подразделением. Причём, не последний человек, с полномочиями... Иначе Минус со Станом и не подумали бы тебе подчиняться, без соответствующего распоряжения от своих отцов-командиров.

— Только если есть такая необходимость, — постарался я увильнуть от прямого ответа.

— Можно и так. Необходимости нет, — мне показалось, что Кано даже обиделся. — Оставим. Я хочу поговорить с тобой, Маяк, о другом, не менее важном, чем кто есть кто. За свои слова о приказах и их выполнении ты ответил впечатляюще. Мужчина. Сказал — сделал. Прощёл не то, чтобы проверку — для этого тебя бы задействовали в составе группы, на подхвате, а, скорее, доказал, что не трепло. И мне приятно. Действительно, приятно. Сколько показных храбрецов сломалось на моём пути, обгадившись в самый неподходящий момент — не сосчитать. Ты же не хвастался, не напрашивался. Просто делал... Я тебя не захваливаю, — мозгоправ подпустил холода в голос. — Я это к тому, что сделал правильный выбор, поставив свою подпись под твоей анкетой. Честно скажу, колебался. Солдат Федерации, дезертир с преступным прошлым — тот ещё чёрт в табакерке.

Мне оставалось лишь криво улыбнуться и промолчать. Кано истолковал гримасу как невысказанную просьбу к разъяснению. Нашло на него поговорить. С каждым иногда случается.

— Нам не нужны те, кто копает отсюда и до обеда, ждущие простых и понятных им распоряжений, ищущие старшего, поводыря или мессию. Примитивные исполнители, выражаясь общепринятой терминологией. Все они боятся ответственности, боятся решать, делать выбор. Послушный скот... Нам нужны те, кто способен, даже ломая себя, что-то менять, действовать; умеющие видеть не только дни начисления жалованья. И, при этом, с холодным, трезвым восприятием мира. Объективным, если хочешь.

Ох и расхотелся... Я ни на секунду не терял бдительности. Сейчас он меня заболтает, расслабит, а потом как рявкнет: «Что тебе известно о пропавших пакетах с наркотиками?!» Но нет. Обошлось. Подводил он совершенно к другому:

— Ты мне здорово помог, Маяк. Пока я болтал, а ты слушал, пришло понимание, что писать в твоей характеристике и к кому определить на новом месте службы. Тебе понравится. Вы друг друга дополните... К выезду готов? Обходные документы подписаны?

Я поднялся.

— Не успел. С сопровождения сразу к вам.

— Иди, пока все не разбежались. Начни с оружейки. Новый ствол в первом батальоне получишь. Обходной лист уже в батальонной сети. Выезжаем завтра, после подъёма. Свободен.

Отвёз меня мозгоправ лично, на служебной машине. Отмотав километров семьдесят по

частично знакомым дорогам, мы прибыли в пасторальный лесок у узенькой речки, где почти сразу упёрлись в шлагбаум, перекрывающий въезд на территорию бывшего скаутского лагеря. Вполне свежей, кстати, постройки. Как бы не перед началом конфликта возвели для детишек, а заселились несколько иные постояльцы.

Сбоку от бело-красной преграды торчал часовой с шевроном «Титана» на рукаве.

Добрались.

Кано пропустили без проблем, поздоровавшись, как со старым знакомым, а я с любопытством вертел головой. Много зелени, административный корпус в три этажа, маленькие домики, стройными рядами уходящие вглубь, мощёные дорожки, спортплощадка, длинное приземистое здание, очень напоминающее столовую, армейские внедорожники на пяточке у въезда, неторопливо бредущий по своим делам боец в тапочках...

— Вещи не забудь, — подруливая к стоянке, напомнил психолог.

— Вот, — похлопал я по рюкзаку с имуществом, который всю дорогу держал на коленях. — Всё своё ношу с собой.

— Ясно. Выходи.

Выбравшись из салона первым, он молодежато пошёл по одной из дорожек. Я спешил следом, продолжая глазеть по сторонам и удивляться, сколько вокруг зелени. Будто в парк попал. Минуты через три, пройдя между ухоженных насаждений, мозгоправ встал как вкопанный, глядя вперёд.

— Знакомься. Псих.

— Кто? — не понял я.

— Псих. Его все так зовут... Да, прозвище затасканное всякими горе-литераторами и сериальщиками, но его позывной — именно Псих. Потому можешь смело произносить это... скорее, имя, — Кано говорил совершенно серьёзно. — Он не обижается. Пойдёшь к нему, вторым номером. В принципе, назначение согласовано, а формальности я утрясу. Поверь, вам будет комфортно друг с другом, или мне пора на пенсию уходить.

Такое заявление обнадеживало слабо, особенно если учесть, что речь шла о доходаге в возрасте от тридцати до пятидесяти, одетым лишь в широченные красные шорты и скучающем на скамеечке у жилого домика. Был он плешив, именно плешив, а не стрижен под ноль, бледен, болезненно худ, имел острый нос и впалые щёки. На тонких, бесцветных губах застыла улыбка, причём кому улыбается этот субъект — не понять. Он будто таранился в невидимую другим пустоту, находя в ней нечто занимательное.

По спине пробежал морозец. Имелось в этом, на редкость некрасивом человеке что-то от сумасшедшего, случайно выбравшегося погреться на солнышко после долгих лет заточения в закрытой лечебнице для душевнобольных.

Мы стояли от него метрах в десяти и я, чем больше рассматривал своего нового сослуживца, тем больше находил в нём новые, непривычные человеку черты. Сидит не двигаясь, ладони благонравно лежат на костистых коленках, ступни босые, только пальцы мелко шевелятся, точно щупальца, елозя по почве. Спина согбенная, плечи опущены как бы вперёд. На общем фоне бравых вояк «Титана» — инородное пятно, портящее всю картину.

— Он, по-своему, нормальный, — мозгоправ, терпеливо дав мне составить первое впечатление, продолжил заочное знакомство. — Старожил. Раньше меня в бригаду пришёл. И товарищ неплохой. Так что не бзди. Внешность обманчива. Пойдём, представлю, — и двинул к этому полуодетому недоразумению. Я послушно пристроился за ним.

Не доходя нескольких шагов до сидящего, мой сопровождающий поздоровался:

— Привет, Псих!

Улыбка на лице плешивого обрела осмысленность, водянистые глаза повернулись в нашу сторону.

— Здравствуй, Кано. Ты ко мне?

— Угадал, — психолог, не чинясь, протянул руку для приветствия.

Тот её вяло пожал.

— Что хотел?

— Привёз тебе нового помощника. Нормальный парень.

— Нового друга?

Я впервые в жизни видел, как человек расцветает, превращаясь из скучающего пофигиста в тёплый, притягивающий к себе эпицентр счастья.

— Друг — это очень, очень нужно... — рот Психа растянулся совсем уж невозможно, практически до ушей. — У меня давно нет друга... Давным-давно, кажется, с прошлой пятницы...

— Что? — удивился психолог, слегка отстраняясь от старого знакомого.

— Классику надо знать. Книги, мультфильмы, — наставительно ответил этот ненормальный. — В идеале — читать и смотреть в оригинале. Где ты своим детям идеи для сказок будешь брать? Из тупых сетевых роликов?

— А-а-а, — смутившись, протянул Кано, натягивая ответную улыбку. — Постоянно забываю, что ты гуманитарий по образованию. Этот... как его... литературовед.

— Я помню, — кивнул бледнокожий мужчина и обратился ко мне, поднимаясь на ноги. — Пойдём в дом. Я покажу тебе койку и холодильник.

На плечо легла лапа психолога. Не стесняясь присутствующего здесь Психа, он растолковал:

— Его второй номер погиб месяц назад. Снайпер снял. Самовольно отлучился товарищей проведать, и получил...

Помню. Привозили закрытый гроб. Вечером прощались, после возвращения из сопровождения. Упоминали и позывной... Заковыристый такой:

— Бархан?

— Ага, — безмятежно подтвердил новый сосед и самоназванный друг. — Он. Стоял, стоял, а потом умер.

Морозец снова пробежал по коже. Ну и характеристика... Мог же сказать попримечнее. «Пал смертью храбрых», «Погиб при исполнении»... подходящих синонимов для смерти от вражеского выстрела придумано более чем достаточно. А тут — взял и умер, словно у него других занятий не нашлось.

— Он попозже придёт, Псих, — Кано повлёк меня за собой. — Надо же представиться, стать на довольствие, получить личный шкафчик.

— Это да, это надо, — доходяга в шортах плюхнулся обратно на скамеечку. — Я тебя тут подожду. Приходи скорее.

Озарив нас на прощанье новой улыбкой, он тут же вернулся к своему первоначальному состоянию созерцателя потаённых глубин.

В штабе, занимавшем трёхэтажное здание на территории лагеря, психолог завёл меня в один из кабинетов, где я с удивлением признал в сидящем за столом офицере того самого плотного мужчину, с которым довелось пообщаться по видеосвязи в кабинете вербовщика.

Оказалось, должность его куда как высока — заместитель командира бригады по работе с личным составом.

Он тоже меня узнал.

— Прибыл?

— Так точно!

— Не ори. Изучил твои личные файлы. Не жалею, что одобрил твою кандидатуру, — почти процитировал он вчерашнее заявление Кано. — По рекомендации батальонного психолога, отправляешься в третий взвод, в расчёт Психа.

Я чуть было не брякнул, что мы уже познакомились, но промолчал. Старших перебивать неучтиво. Яснее ясного, что всё решено заранее, и в данный момент меня всего лишь уведомляют.

— Они уже виделись? — замком посмотрел на мозгоправа, замершего рядом со мной.

— Виделись.

— И как?

Да что это за Псих такой, что с ним, как с антикварной вазой носятся?

— Нервничает Маяк, — с ноткой фамильярности доложил Кано. — В остальном — порядок.

— Нервничает — не мудрено... Видок у Психа ещё тот... Но запомни главное, — хозяин кабинета вновь обратился ко мне. — Слушаться старшего как родную маму. Талант у него есть. Он всегда знает, куда выстрелят. Пока слушаешься — живёшь. В остальном — притрётись. Более безобидного человека ещё поискать надо.

В последнее верилось с огромным трудом, но я оставил своё мнение при себе. Сомневаюсь, что законченного психопата, на которого так смахивал чудила в шортах, держали бы в «Титане». Не те ребята. Но странностей у него... девать некуда.

После высокой аудиенции мозгоправ отвёл меня к интенданту, где и попрощался, напоследок пожелав не грустить и не киснуть. Став на довольствие, получил личный шкафчик, куда с облегчением положил на хранение деньги и часть вещей, потом нашёл нового ротного.

Ротный, озадаченный каким-то делом, немедля спихнул меня взводному, лейтенанту Молоту, выглядевшему один в один как лейтенант Болт, только в плечах пошире.

— Близнецы мы, — вскользь объяснил он сей феномен, не дожидаясь вопросов. — Братья. Поступаешь к Психу. Занятия у тебя по индивидуальному расписанию, за исключением общих. Запоминай, тренируйся. График нарядов и караулов доведу на вечерней поверке. Жрать в столовой. Там и с парнями познакомишься. До обеда — личное время. Обживайся, пройдишь по территории. Оружие получишь завтра, с утра. Свободен.

В домик возвращался без настроения. Почему-то казалось, что новый сослуживец изведёт меня разговорами, задушевной болтовнёй за полночь, постоянным требованием внимания к своей персоне.

Я заблуждался. Псих, по-прежнему сидевший у входа, встретил меня спокойно, только беспрерывно лыбился. Показал нашу комнату, санузел, указал на свободную койку. И всё как-то мягко, по-отечески.

Новое жильё поразило неказарменным комфортом. Помещение на двоих, чистенько, светленько, с неплохим ремонтом, на окнах — весёленькие занавесочки в цветочек. У каждого, помимо кровати, тумбочка, платяной шкаф. Общее — холодильник, стол, визор, чашки, электрический чайник. Давая обустроиться, он деликатно свалил на улицу,

прихватив с собой толстый блокнот и карандаш.

Чужих вещей в отведенной мне мебели не нашлось, всё стерильно-чисто, и от этого стало тоскливо. На этой койке спал, отдыхал, мечтал некто неизвестный, но такой же, как я, мужчина. И вот его нет. И ничего после него нет. Взял и умер... а дальше — пустота. Теперь моя очередь занимать эту лежанку. Надолго ли?

Уют в комнатке показался давящим, ненатуральным, настырно ассоциируясь с клоунским гробом.

Разложив свой немудрёный скарб, я, несколько подавленный, настроился плотнее познакомиться с моим наставником и вышел на улицу, изрядно обалдев от развлечения, которому Псих предавался.

Он рисовал.

На белой бумаге под небрежными, лёгкими взмахами грифеля появлялись мультяшные человечки. Большеглазые, с пухленькими ручками и ножками, трогательно-милые в своей простоте. Это была полноценная композиция: мальчик и девочка, испуганно озираясь, убегали от какой-то нестрашной страшилки, обозначенной схематически, контуром. Неслись они по длинному, серому коридору со стенами, сплошь увешанными портретами. Портреты тоже шли без конкретизации, силуэтами. Из редких окон пробивался штрихами свет.

— Нравится? — не поднимая головы, поинтересовался Псих.

— Ещё как!

Я не врал. Искусно созданные персонажи заставляли сопереживать, верить в то, что спасутся.

— Спасибо... Я их люблю. Это Ло и Го. Мои наследники.

— Дети?

— Наверное, да. Они то, что останется после меня.

Совсем запутал. Дети или есть, или нет. Третьего, обычно, не дано.

— Я комиксы рисую, — задушевно растолковал Псих. — Для маленьких. На планшете не умею, плохо выходит. Поэтому по старинке творю, собственноручно.

Карандаш, безостановочно порхая, добавил к страшилищу тень, непонятным образом придав ему растерянности. Так выглядят глубокие старички, прогоняя стайки шебутной детворы из обожаемого сада. Вроде и поругать хотят за баловство, и при этом понимают — мелюзга озорничает ради развлечения, что с неё возьмёшь.

— Оно не злое, — переворачивая лист, продолжал комментировать он. — Просто обиженное. И никого не съест. Ло и Го его дразнили, обзывали по глупости. Но они потом извинятся! — заверил Псих, будто я с ним спорил. — Вот увидишь!

Н-да... С головой у бойца точно проблемы.

— Верю. Не буду мешать. Муза — дама капризная. Пойду, осмотрюсь.

Блокнот захлопнулся, карандаш спрятался между страниц.

— Погоди немного. Переоденусь. Покажу расположение. Заодно, начнём учиться дружить.

Собеседником, экскурсоводом и слушателем Псих оказался великолепным. Он водил меня по территории лагеря, вежливо здороваясь со встречными; показывал, где что находится, пока не впал в ступор посреди дорожки.

— Как тебя зовут?

Мне стало неловко.

— Маяк.

— Красиво... Я обязательно нарисую историю с маяком. Подожди!

Он вскинулся, часто заморгал, после отломал прутик от ближайшего куста и полностью отдался захлестнувшему его порыву. Над плотной, покрытой травой землёй гибкий кончик выводил замысловатые вензеля, в своей изначальной структуре понятные лишь создателю. Такой себе воздушный эскиз, без ничего.

Накрыло художника.

Необычное поведение моего наставника редкие встречные из числа бойцов игнорировали, проходя мимо и не отвлекая того от процесса. Кивали мне, сочувственно наблюдали за мечущимся прутиком, шли дальше. Я же ощущал себя дураком, вынужденным ждать невесть чего.

Вывалился из творческого экстаза Псих так же внезапно, как и впал в него.

— Я долго отсутствовал?

— Не очень.

— Ты это... Тормоши, если застряну. Увлекаюсь я.

— Учту.

— А я новый комикс придумал. Вечером на бумагу перенесу, — едва не прыгая от счастья, обрадовал он. — «Тайна заброшенного маяка». Как тебе? Только честно.

— Избитое название.

— Сюжетом возьму. Будет классно.

Не спрашивая согласия, Псих беззаботно принялся вываливать на меня концепцию очередного шедевра, подкрепляя ограниченность словесной передачи образов и сцен мимикой, сравнениями с непонятными строениями из прошлого, пытался проговаривать вслух реплики, предназначенные для иллюстраций.

Поначалу я пропускал этот поток сознания мимо ушей, однако комичные ужимки немолодого, плешивого дядьки заставляли улыбаться.

— ... Тогда оно ка-а-ак прыгнет! — с жаром сообщал Псих, отскакивая прямо в кусты. — А Ло, — происходила мгновенная смена образов, — перепрыгнул через замаскированную ловушку...

Постепенно я втянулся, заразившись энтузиазмом наставника, и вот мы уже вдвоём, не без интереса, обсуждаем финальную битву Ло и Го с проклятием сокровищ, спрятанных в чёрных подземельях древней башни с путеводным огнём на вершине. Как так получилось — и сам не понял. Наверное, мелким в игрушки не доиграл.

Угомонились мы у столовой.

— Ты умеешь дружить, — веско сказал Псих, входя в шумный, пахнущий вкусным, зал. — Это отлично.

В новом батальоне мне понравилось. Много зелени, беседки, всеобщая основательность. Треть личного состава, пользуясь передышкой, находилась в отпусках, а оставшаяся часть ждала своей очереди свалить к родным и близким, с удовольствием повышая уровень физподготовки на спортплощадке и в боксёрском зале.

Я тоже попробовал себя в рукопашке. Получил по морде в первом же раунде, четырежды оказавшись на полу. И это при том, что мне поддавались. Лейтенант Молот, выступавший в роли тренера, взял надо мной шефство, приказав проводить в царстве мешков и ринга не менее двух часов ежедневно.

Вообще, атмосфера тут установилась приятельская. Не получается — подскажут, покажут, помогут. Не хочешь... а таких тут и не было. Спорт являлся неотъемлемой частью первого бата, такой же обыденной, как обед с ужином.

Впрочем, сильно расслабляться мне не давал всё тот же Псих. При всех наших добрых взаимоотношениях, за воспитание своего второго номера он взялся всерьёз, с остервенением добиваясь слаженности действий и понимания процессов.

Я стрелял из всего, что может поднять человек — от пистолета до пулемёта. Патроны уходили ящиками, мишени — пачками, а расположенный за лагерем полигон стал практически моим вторым домом. Не отставал и он, проделывая все те же самые упражнения. Падаю — Псих падает рядом, бежим — значит, несёмся вместе. Самое обидное, при всей его внешней неказистости, удельывал он меня в девяти случаях из десяти.

Главной любовью моего наставника оказалась автоматическая пушка на треноге, обладавшая впечатляющей скорострельностью, весом под половину центнера, с шумным электроприводом подачи боеприпасов и скверным нравом(*). Для чего нужно это престранное чудовище, с которым особо не побегаешь — я не представлял.

— Псих! — поинтересовался я между перезарядкой. — Она же неудобная. Засекут, накроют, и понять ничего не успеешь.

— Даже спорить не стану. На автомобиле или бронетранспортёре она, конечно, поэфффективнее будет. Катайся с удовольствием, автоматика за тебя и прицел возьмёт, и врага уничтожит. Да.

— Тогда зачем?!

— Чтобы воевать.

— Зашибись объяснил...

— Правда? — обрадовался Псих, не понявший сарказма. — Ты понятливый. Это очень прекрасно.

Я не обрадовался, но, рассудив, отнёсся к пушке фаталистически. Раз есть — значит, нужна. Раз при ней имеется расчёт — значит, она не лучше и не хуже других видов вооружения. А убить могут где угодно.

Сержант Бо нам, обалдуям, постоянно втолковывал:

— При всём внешнем армейском кретинизме каждое распоряжение командования имеет смысл. К примеру, — тут он обычно начинал прохаживаться перед строем, — для чего нужна пехота, если существует космофлот?

Мы ответ хоть и слышали неоднократно, но подыгрывали, строя ошарашенные рожи.

— Прилетели, накрыли с орбиты, планету на атомы или в радиоактивную пустыню превратили. Конец войне. Спрашивается, для чего мы нужны?

На этом моменте взвод обычно задерживал дыхание, не желая расстраивать начальство посторонними звуками, способными испоганить такую чудесную лекцию.

— Чтобы люди выжили, — назидательно проговаривал сержант. — Наша задача уничтожить врага, а не территории, сводя потери среди гражданских к минимуму. Высаживаемся, атакуем, обеспечиваем эвакуацию мирного населения с театра военных действий. Так и всё в армии. У всего своя цель и предназначение, какими бы они тупыми вам, раздолбям, не казались. Не понимаешь — выполняй. Потом поймёшь, если мозгов хватит.

Эх... любил он поразглагольствовать на эту тему, имел такую маленькую слабость.

Именно к этой пушке я и стал вторым номером. Отвечал за матчасть и своевременную подачу боеприпасов. Тяжёлая оказалась наука. Казалось бы — чего проще? Берёшь коробку со снарядами и меняешь её по команде.

В теории. На практике — Псих заставлял меня ворочать двадцатикилограммовые ящики одной рукой, с ходу, из любого положения попадая в подаватель. Мотивировал так:

— Тебя в руку царапнуло. Сегодня в правую, завтра в левую. А ещё стреляют. Много. Встать нельзя. Воюй лёжа.

Я не спорил. После авиаудара по маяку в памяти хорошо отложились угодившие под обстрел сослуживцы. Израненные, искалеченные, растерявшие боеспособность. Да, потом они кое-как собрались, понукаемые Бо Мидом, и уже при отступлении пытались изобразить готовность к бою, но та первоначальная беспомощность, страх, не обманывали никого. Все боялись. И все с надеждой смотрели в сержантскую спину, истово надеясь, что он уберёжёт, охранит. Я — не исключение. Поэтому и тренировался до потемнения в глазах, до воющих от перегрузки мышц, чтобы, случись снова попасть в подобную задницу, быть готовым ко всему.

Вечно везти не может. И так слишком удачно складываются звёзды. Сначала в сопровождении, в тылу отирался, теперь — снова в тылу. Поэтому буду пользоваться предоставленной возможностью.

Вечером Псих снова рисовал, не мешая мне отдыхать...

К концу третьей недели пребывания в первом батальоне я повстречал Минуса и Стана. Они обрадовались моему переводу, долго хлопали по плечам, выражая всяческое одобрение «мужским» поступком, пригласили вечером в гости.

— Посидим, потрещим, по пиву пропустим, — зазывали бородачи.

Предложение я принял. Оба здоровяка казались неплохими людьми, а мне очень хотелось общения. С Психом мы, понятное дело, болтали на различные темы, но скудность в выборе собеседников начинала утомлять. Тянуло на что-то новое.

В назначенный час меня уже ждали у точно такого же домика, как и мой, только поближе к столовой. Перед скамеечкой у порога стоял стол, на столе — три запотевших бутылки. Стан и Минус, в лёгких рубашках и цветастых шортах, изображали радушных хозяев.

— Присаживайся, Маяк. Рассказывай...

Посиделки затянулись за полночь. Никто не перебрал, никто не бегал в поисках добавки. Выпили по паре бутылочек светлого под приятную беседу, тем и ограничились.

Говорили о разном, но больше травили байки и анекдоты. Постепенно перешли к моему обучению.

— Ты не ленись, — в неизвестно какой раз повторил Минус, значимо поднимая указательный палец. — Псих толковый, научит многому.

— Я скажу, — подтверждал Стан. — Повторяй за ним, не самовольничай.

— У него же второй номер недавно погиб, — меня удивлял тот факт, что про любителя комиксов никто не сказал дурного слова. Все относились к нему с уважением.

— Погиб. Потому что попёрся, куда не надо. А предыдущий два года с ним бок о бок служил. Такое пережил... И ни царапины. Уволился по окончании контракта.

Бородачи переглянулись, точно вспоминали давние, приятные времена. Вот и спрошу...

— Не понимаю, как Псих в бригаду попал, с его-то закидонами? Отбор ведь

жесточайший.

— Ещё бы! — в унисон воскликнули хозяева, но дальнейшую речь произнёс Минус. — Это раньше, когда всё начиналось, брали всех, лишь бы приклад со стволом не путал. Людей не хватало, из материальной базы — списанная форма с винтовкой. Две недели курс молодого бойца — и на передок. Теперь по-другому.

— Ты не сбивайся, — посоветовал ему товарищ, прихлёбывая уже потеплевшее пиво. — Ты про Психа давай.

— Так я про него! Он с самого начала пришёл. Воевал, раненых парней на себе вытаскивал... Перед обстрелами предупреждал, чтобы прятались. Как узнаёт — до сих пор загадка! Бывало, сидим, головы не поднимая, и тут он как завопит: «Ходу!», мы кто куда. А через десяток секунд накрывает...

Не давая Минусу увлечься мемуаристикой, я перебил, состроив при этом самую благовоспитанную физиономию:

— У него же, — необходимая формулировка сама сорвалась с языка, — мировосприятие такое... необычное.

— Что есть, то есть. Бабка про таких говорила «не от мира сего». Мы как-то даже выяснить пытались, откуда он такой взялся. Ни имени, ни фамилии...

Я округлил глаза, демонстрируя живейшее любопытство и изобразил пантомиму, как закрываю рот на замок, а ключ-карту выбрасываю.

— Заткнись, — недовольно прошипел Стан.

— А? — не понял его товарищ. — На кой? Псих же знает. Проболтался кто-то... Короче. Скинулись мы всей ротой, и наняли детективного агента. Так он узнал, что Псих наш — обычный обыватель. С детства такой.

— Трепло... Чего уж... Вырос Псих в полной семье, под неусыпным родительским контролем, маменькиным сынком. Много болел, много читал, пока болел. Вместо улицы на дополнительных занятиях штаны протирал. В школе его клевали за непохожесть, обзывали «заучкой»... После учёбы он устроился в какой-то фонд, где старые книги изучали, но из дома не съехал. Не смог или не дали... Я думаю, не дали. Предки привыкли его контролировать, вроде как даже жену ему сами подбирали. Когда заварушка началась, ну... ещё до объявления войны, Псих не выдержал и пришёл в бригаду чуть ли не в первом десятке. Сбежал от всех. И рисовать начал. Оказалось — талант. Так что никакой страшной тайны в его происхождении нет. Заурядный ботан с взлелеянными воспитанием странностями, осмелившийся бросить вызов жестокому реализму.

— Во! — Минус вскочил. — Зацени.

Метнувшись в домик, бородач вернулся с листом бумаги, на котором в непонятном, полукарикатурном стиле угадывался его портрет.

— Можно? — я осторожно протянул руку, предварительно вытерев пальцы о штаны.

— Не помни, — строго предупредил меня владелец, но лист дал.

Повернув изображение к фонарю над входом, скромно освещавшим наши посиделки, я присвистнул. Картина поражала мелкими деталями. Борода выглядела настоящей, на бритой черепушке проглядывались начавшие отрастать волоски, ради шутки увеличенный нос покрывали точки пор.

— Обалденно, да? — Минус не без удовольствия рассматривал свою гротескную копию. — У Стана тоже есть. Ещё смешнее. Он рисует всякого по-разному, как взбредёт. Кого-то с юмором, а кто-то как живой. Ротного заделал вообще, во фраке и сапогах!

Поржали знатно...

Второй портрет смотреть не стал. Хозяин не особо хотел вставать с насиженного места, а я не настаивал.

Пробыв за столом для приличия ещё минут десять, засобирался к себе. Тренировок с занятиями никто не отменял.

Псих спал, уткнувшись носом в подушку. Беззащитный такой, с поблёскивающей от света ночника лысиной и свесившейся до пола рукой, упёршейся в небрежно оставленный тапок. Стараясь не шуметь, я скинул форму, взялся за одеяло, и только теперь заметил, что на подушке лежит чья-то фотография.

Присмотрелся. Нет, не фотография, а очень реалистичный рисунок. Молодой парень в шлеме неизвестного образца, с травинкой в зубах и в солнцезащитных очках. Важный, смотрит куда-то вбок... и знакомый.

Да это же я, что б мне пусто было! Один в один!

(*) В данном случае речь идёт о прямом потомке автоматической пушки ASP—30.

Шлагбаум на въезде в расположение длиной восемь полноценных шагов.

Или протяжённостью в двадцать две белые полоски и двадцать три красные.

А если взять за единицу измерения расстояние между большим пальцем и мизинцем, сорок один чего-то там... Но так измерять плохо. Полоски мешают, постоянно тянет перемерять из-за цветового перепада. Кажется, что сбился.

Ещё можно вместо линейки приспособить фалангу указательного пальца, однако получаемые цифры сильно разнятся при пересчёте. Слишком неинтересно даже для убивающего время постового.

Самый лучший способ развлекаться с математикой шлагбаума — закрыть один глаз, быстро выбрать малозаметную точку на полосатой трубе и постараться угадать, сколько до неё в шагах, фалангах и ногтях.

Ну а чем мне ещё заняться? За целый день лишь дважды мимо проезжали. В остальном — тоска...

Коммуникатор разразился тихой трелью. Подивившись, кому я понадобился, достал давно ставший моим окном во внешний мир приборчик и в миллион первый раз пожалел, что по нему нельзя передать весточку родителям. Тяжело им там... А ну ка, собственного сына пережить.

Но ни позвонить, ни сообщение отправить нельзя. Все межпланетные каналы связи под государственной монополией и строжайшим контролем. Об этом в сети много написано.

Каждое послание, включая банковское, проверяется тщательнейшим образом и только потом отправляется дальше. Искусственно созданное бутылочное горлышко, легко перекрываемое хоть полностью, хоть выборочно. Вякнет кто-то что-то не то, пусть и совсем невинное — программист вобьёт его фамилию в чёрный список, и всё. С внешними мирами не свяжешься. А умные алгоритмы ещё и ближайшее окружение возьмёт на заметку, чтобы не вздумали помогать прорваться сквозь блокаду.

Исключение — представительство Федерации с его дипломатической почтой, по-прежнему закрытое. Я взял за правило проверять расписание работы раз в три дня, надеясь неизвестно на что, и плохо понимая, что делать, если оно откроется. В одном был убеждён: возвращение межзвёздных клерков означает конец войны, смягчение правил и ограничений, увеличение трафика в космопорту и удешевление перелётов. Тогда и улизнуть отсюда, надеюсь, получится проще и дешевле.

Но пока — ни намёка на возвращение в мирное русло, всё только ухудшалось.

В Нанде, по заверениям дикторов центральных каналов — последнем бастионе демократической свободы, эта самая «демократия» цвела вовсю. Под громкие речи об «Агентах Влияния» заблокировали все общие с другими странами соцсети и все новостные сайты, кроме внутригосударственных источников информации. Голосовая связь между странами ещё работала, но тоже регулярно сбоила и операторы лишь разводили руками, невнятно лепеча о технических проблемах.

При более настойчивых требованиях общественности привести коммуникации в порядок, начинала звучать риторика с размытым упоминанием всё тех же «Агентов влияния», «Коварного врага», «Пятой колонны» и с обязательной отсылкой к суровым военным

будням, монолитности рядов и развращению молодёжи всевозможными провокаторами. Причём несли всю эту благодать чинуши всех рангов, абсолютно добровольно вставая на защиту бизнеса и его проблем. Оказалось, бывает и так, совершенно фантастически.

... Коммуникатор не успокаивался, мерцая на экране предельно понятной надписью: «Взводный»

Нажал «ответить», прижал аппарат к уху и доложил:

— Маяк на связи.

А вот ответ шокировал. Я услышал сам себя, и даже сразу вспомнил, где я это произносил:

— Стан! Меня обкладывают!.. Стан! Вы там что, ноги делаете?! Уроды конченные!!!

Минус! Стан!

Аудиозапись закончилась, сменившись приятным мужским голосом, который я поначалу не узнал.

— Вит Самад? Мне бы хотелось с вами поговорить. Предлагаю не откладывать мероприятие и встретиться сегодня же, за пределами вашего лагеря. Точку найдёте по навигатору. Рекомендую согласиться. Если запомнили, это Майкл.

Имя объяснило многое. У меня всего лишь одного знакомого так зовут. Того самого, из СБН.

Голос же продолжал, особо выделяя моё имя:

— Вит! Если не хотите, то можете никуда не ходить. Тогда прослушанной вами записи будет дан ход. Понимаю, звучит, как шантаж, но эта встреча необходима в первую очередь вам. До свидания, — попрощался со мной голос, прерывая разговор и не интересуясь моими ответами.

Пойти к командиру? И что сказать? Что у безопасников чудесным образом появились записи моих воплей при диверсии на чужом производстве? Покаяться, мол, извините, но я ещё парней приплёл, чётко и громко выкрикнув их позывные? А ведь это срок... Чистый. Никакие адвокаты не отмажут.

Надо встречаться. Если мои вопли всплывут, то... У них ведь и запись голоса Стана иметься должна. Он же мне отвечал.

От усиленных раздумий на лбу выступил пот.

Совсем плохо. Теперь у СБН комбинаций, как меня предателем в глазах сослуживцев сделать — широчайший ассортимент. И везде я крайний. Впрочем, встреча тоже ничего мне не сможет дать, кроме маленького выигрыша во времени. Но это лучше, чем ничего.

Поделиться с Психом? Уведомить, куда иду, без особых пояснений, ради того, чтобы знали, где искать?

В целом, направление верное. Если меня схватят, то он успеет предупредить, кого надо, чтобы приняли меры. Заодно и крысу поищут. Узнали же откуда-то безопасники, что я в наряде, скучаю в одиночестве у перегораживающего въезд шлагбаума? Идеально момент для звонка подгадали. Для бойца одиночество — роскошь.

Взгляд скользнул по территории — видно меня почти отовсюду. Со спортплощадки, от крайних домиков, с верхнего этажа административного здания. И везде люди. Недавно закончился ужин, личный состав прогуливается, наслаждаясь свободными минутами, отдыхает. Стукач где-то тут, рядом...

До окончания наряда оставалось совсем немного. Потом меня сменят. Разводящий офицер выслушает рапорт, отправит в оружейку и порекомендует торопиться в столовую —

поварам тоже надо отдыхать... Коммуникатор, до сих пор зажатый в ладони, стал противен. Меня же через него слушают. Любой чих, любая неосторожная фраза — крючок. Выбрасывать звонилку глупо, носиться с ней ещё глупее. Остаётся...

Да! Пойду!

Активировал навигатор, отобразивший как моё положение (хотя точно помню — геолокацию отключал), так и точку в паре километров от расположения, на берегу реки. Смелость Майкла в выборе места для встречи коробила своей наглостью — и не боится ведь, что я с подмогой припрусь?!

Сделав несколько глубоких вдохов, успокоился. Правильно я решил. Поговорю с Психом, а дальше видно будет. Он, при всей своей чудаковатости, человек образованный и в бригаде давно. Подскажет, как умнее.

Я нашёл старшего товарища в комнате за просмотром визора. Показывали какую-то комедию положений с явно переигрывающими актёрами и многоголосым смехом за кадром в нужных местах.

Меня он приветствовал вяло.

— Отстоял?

— Да, — коротко ответил я, а дальше, после паузы, добавил. — Надо поговорить. Без свидетелей.

Псих повернул голову ко мне.

— Слушаю.

— Я... это... — замешательство накатило внезапно. Пока шёл — в деталях представлял разговор и расставлял акценты, а теперь... сплошное косноязычие. — Короче!..

Дальше я сжато изложил историю знакомства с Майклом, опуская те же подробности, что и в беседе с Кано. Врать надо всегда одинаково — известный постулат. Про метание гранат вообще промолчал, при этом во всех красках осознавая, как обрезано звучит моя история и от того чувствуя жар на щеках и мочках ушей. Стыд называется. Однако пробалтываться о таком нельзя — там не я один присутствовал.

Дойдя до звонка, сделал упор на непонимании происходящего и невнятно мямлил о том, что совершенно не понимаю, что от меня хотят. Отдельно упомянул про коммуникатор, оставленный на улице. Пусть лежит, никто не возьмёт.

Отдыхающий Псих слушал безэмоционально, почти не моргая. После итогового: «Вот я и решил посоветоваться», он обронил:

— Друг! Я, может, и владелец нестабильной психики, однако не сумасшедший. Ты упустил некую часть истории. Рискну предположить, что связанную с Минусом, Станом и Кано.

Я хотел было возразить, но этого не потребовалось. Мой первый номер посчитал нужным объяснить:

— Ты знаком с парнями, они тебя приглашали в гости. Не в их правилах делить стол с теми, кому они не доверяют или с малознакомыми людьми. Привёз тебя Кано, по роду деятельности изредка руководящий разнообразными операциями в тылу. Сопоставляем: недавно Минус и Стан находились в отпуске, но их легко могли выдернуть, при необходимости, для чего-то нужного бригаде. Тебя в отпуск не отправляли, выходит, случайная встреча исключена. Как следствие, познакомиться вы могли только при обстоятельствах, о которых ты мне не рассказываешь и где вам пришлось довольно плотно

взаимодействовать.

На экране визора началась реклама. Псих поморщился от назойливой музыки и придурковато-счастливых лиц, однако звук не убавил.

— Если предположить, что между твоей поездкой на машине и сегодняшним нарядом случилась какая-то накладка, за которую радостно уцепились СБшники, то тогда это многое объясняет. Какая? — сухо спросил он, умудряясь при этом широко улыбнуться.

Слушая наставника, я уже десять раз пожалел о том, что завёл этот разговор. Мозги у него... никогда бы не подумал.

— Ты пришёл за советом и помощью. Если ты не скажешь — я не смогу помочь, — надавил Псих, поправляя подушку.

— Спалился, — признание далось тяжело. — Больше сказать не могу. Извини.

— Теперь стало понятнее. А больше и не надо, — он подмигнул. — Нельзя всё разбалтывать. Неправильно. Я считаю, к ротному идти пока рано. Мало информации. Тебе сказали что-то опасное для тебя. Такое, за что ты можешь сильно пострадать и что заставило тебя бежать не в штаб, а ко мне... Пойди, поговори, послушай. Если предложат доносить — соглашайся. Отказ вреден. Потом я подумаю.

— На своих?! — упоминание о доносах выбило из колеи. — Меня же...

— Лучше известный доносчик, чем неизвестный. Ты что, думаешь первый, кого СБшники за шиворот берут? Начальство через тебя дезу погонит, только и всего. При нормальном обосновании, конечно. Тут я поучаствую, так что не парься. Мне пока верят.

— А если выкрадут? — осторожно поинтересовался я, до одури пугаясь того, что Псих закончит играть во всепонимание и потребует всей правды.

— Не посмеют. Из прифронтовой зоны ещё уехать надо.

— Ну а всё же?

— Нет. Я буду неподалёку. Тебе известно, где встреча?

— Дай коммуникатор, — попросил я и, получив звонилку, быстро нашёл нужную точку. Поставив метку, показал Психу.

— Пляж. Дикий, — уверенно отозвался он, в задумчивости забарабанив пальцами по собственной лысине. — Подъезд, как и подход, удобные. Людей нет. Раньше там общественная зона отдыха располагалась, а теперь некому отдыхать. Иди. Подстрахую.

— Как?

— По всей науке. Нам надо в оружейку. У нас сегодня занятия по стрельбе и ориентированию на местности за пределами лагеря. Только что вспомнил.

Мне оставалось лишь кивнуть и поблагодарить. Я хотел много сказать, и как благодарен ему за деликатность в расспросах, и за поддержку, и за то, что не одинок со своей проблемой. А получилось вновь невнятное:

— Я... Э-э-э... Спасибо.

Он удивился. Нет, действительно удивился, изумлённо вздёрнув брови.

— Ты сбрендил? Друзья должны помогать друг другу.

По указанным координатам прибыл за час до заката. Псих отстал почти сразу после выхода из расположения, пожелав не переживать и не кукситься.

— Ты не один, — напутствовал он, растворяясь в листве.

Я указал на карман, в котором лежал коммуникатор, после указал пальцем на ухо, обозначая прослушку.

— Пусть. Так даже безопаснее. Все, кому положено, уведомят — у нас учения.

Сказал отчётливо, внятно. И намекнул, и перестраховался. Мне оставалось лишь кивнуть в знак того, что намёк понят.

Давая товарищу запас времени, шёл неторопливо, считая про себя все встречные деревья. Успокаивался, пытаюсь загнать себя в отрешённое состояние равнодушного пофигизма. Как ни странно, получилось. Полного дзена не достиг, однако ясности в мыслях прибавилось.

Оказавшись у нужного поворота, уверенно свернул на укатанную грунтовку, ведущую к реке, ради развлечения отпуская щелбаны листьям. Те на моё самоуправство отзывались щёлканьем волокон от удара и возмущённым шелестом.

Через каких-то триста метров просёлок вывел на пологий берег, поросший приятной, невысокой травой с припаркованным почти у воды серым, недорогим автомобилем. Рядом с машиной, на расстеленном пледе, сидел Майкл. В лёгкой рубашке с короткими рукавами, закатанных до колен брюках, с широкополой панамой на голове. Ступни босые, туфли с засунутыми в них носками стоят у колеса.

Урвавший кусочек тишины отец семейства, да и только. В жизни не скажешь, где он работает.

— Ты не сам? — скучаяще протянул безопасник, жестом подзывая к себе.

— В каком смысле?

— В прямом.

Я демонстративно покрутил головой, выглядывая на берегу посторонних.

— Как видите.

Майкл цыкнул:

— Вит, не паясничай. Тебе не идёт. Садись, где удобнее. Разговор есть.

— Ладно, — пристроившись рядом, с наслаждением вытянул ноги и положил винтовку рядом. — Слушаю.

— Про красоту природы и безмятежность реки пустозвонить будем?

— Зачем?

— Незачем, — согласился мужчина. — Тогда к сути. Ты попал, Вит. Плотно... Когда бросал гранаты, твои вопли зафиксировала аппаратура радиоперехвата, установленная на том производстве. Видеокамеры с десяти ракурсов запечатлели, как ты сначала на дороге валялся, а потом бегал по воздуху. Силовую броню твоих дружков они не засняли, к сожалению... Зато система «Безопасный город» отметила тебя и двух известных тебе бойцов неподалёку от тюрьмы. К ним у нас претензий больше, но с тобой — понятнее. Железная доказательная база, включая снятые отпечатки пальцев с байка. Без перчаток его собирал?

Я закусил губу. Прокололся... А ведь там и Минус со Станом наследили, помогая мне с мотоциклом.

— Можешь не отвечать, — понимающе хмыкнул безопасник. — Всего учесть нельзя. Особенно при отсутствии должной практики. Перспективы обрисовать? При желании, можно и терроризм натянуть... Не веришь? Попытка диверсии на объекте, расположенном в непосредственной близости от пенитенциарного учреждения и связанным с химическим производством. Что там бодяжилось на самом деле — безобидное моющее средство или взрывоопасное вещество — судью не заинтересует. Важен сам факт. Любая промышленная жидкость и компоненты — потенциальная угроза жизни, здоровью граждан и экологии.

— Что вы хотите? — перебил я этот поток словесного кошмара.

— Ты точно сам? — не ответил СБшник. — Смотри, если предупредил бригадных и они оказались настолько тупы, что мне в затылок целится снайпер, то лучше тебе уйти, Вит. Прямо сейчас. За моими пояснениями последует вопрос, требующий внятного ответа. Убивать меня не советую. Моё начальство прекрасно знает, где я, что я, и с кем встречаюсь.

— Сам.

— Тогда объясняю свою позицию. Нам требуется информатор в бригаде. Его задача — сообщать обо всех непонятных передвижениях и командировках «добровольцев», — обозначил он с нескрываемой ехидцей бойцов «Титана». — Отделаться незнанием не получится, как и тем, что ты внезапно ослеп и оглох. По-настоящему уважительной причиной может стать или твоя смерть, или болезнь, или отсутствие в расположении по внятным причинам. Другого не дано. Отчёты дважды в месяц, за исключением срочных новостей. Они, разумеется, будут перепроверяться и сопоставляться с имеющимися у нас данными. Начнёшь рассказывать сказки, ничего не зная — дело о нападении с твоим участием получит официальный ход. В том, что это не шутка и доказательства имеются, ты имел возможность убедиться. Так что старайся... Можешь пожаловаться в бригаду и попросить помощи. Как они обращаются с людьми, ты имеешь представление и прекрасно понимаешь, что тебя ждёт. «Титан» от тебя откажется. Ты их подставил. А если и не откажется — уголовное дело с участием их бойца замять не получится. Ты — точно сядешь. Потому что тупой. Твои товарищи, прежде чем голос подавать, антенный комплекс радиоперехвата разгромили, а ты на всю округу орал под запись.

... Это он на мою поездку с мечом в багажнике намекает. Получается, оставшееся за кадром так там и осталось. Можно Кано и прочих участников частично не опасаться...

— И что взамен? — рискнул я начать торги.

— Свобода до известной степени, — банально сообщил Майкл, не особо пряча презрение. — Будешь служить, защищать страну. Потом посмотрим. Ты не цель, Вит. Ты средство. Найдём общий язык — договоримся.

— Заставите подписать соглашение о сотрудничестве?

— Конечно. Порядок есть порядок, — безопасник извлёк из брючного кармана коммуникатор, открыл заранее заготовленную вкладку, протянул мне. — Отпечаток пальца поставь внизу. Или почитать хочешь?

Но я ещё не согласился, хотя... результат уже был известен нам обоим.

— Грубо работаете. Я и сбежать могу.

СБшник криво усмехнулся, разбивая вдребезги мою защиту.

— Куда? До первого копа?.. Мальчик. Не льсти себе. Я служу дольше, чем ты на свете живёшь и могу с уверенностью заявить — ты не та фигура, ради которой стоит устраивать оперативные комбинации. Мелок ты для этого, соплив... Не доходит? У тебя нет выбора. Либо тюрьма, где всплывёт твоё прошлое и прицепом пойдут старые дела, либо служить нам. Третьего не дано, — коммуникатор ткнулся мне в ладонь. — Ставь автограф и вали.

— Подавитесь...

Палец лёг на выделенный под текстом прямоугольничек, мигнул сканер.

— Свободен, — поднимаясь на ноги, бросил Майкл. — Для связи набирай номер взводного, дополнив комбинацией 24-01-77-19. Запомнил?

— Да. И попаду к вам?

— Ко мне. Не переживай, разговор не запишется и в памяти аппарата отобразится как звонок без ответа. Маленькая хитрость. Наверное, голову ломал, как тебе с командирского номера позвонили?

— Не особо. Техника у вас прогрессивная, многое может.

— Это да, — безопасник потянулся, начал приводить брюки в нормальный вид, раскатывая штанины и смахивая с них налипшие травинки. — Помни об этом. Всегда.

Покончив с одеждой, он обулся, забросил плед в багажник и, назидательно погрозив напоследок указательным пальцем, уехал.

— Сука, — бессильно прошипел я ему вслед, отлично понимая, насколько это мелко и по-детски.

Псих ждал меня на дороге, беспечно привалившись спиной к дереву и глядя в небо.

— Завербовал? — коротко спросил, стоило мне приблизиться.

Я кивнул.

— Выбора не оставил?

Снова кивнул, сгорая от стыда. А художник терпеливо допытывался:

— Сколько времени до первого отчёта?

— Пара недель, — выдавил я из себя и закашлялся. Слова драли горло почище дешёвого пошла. — Надо к ротному идти. Сдаваться. Не хочу быть стукачом.

— Не торопись, — моему первому номеру изволилось снять винтовку с плеча и начать крутить её в воздухе, подражая артистичной эквилибристике упражнений из арсенала полков почётного караула. Казалось, случившееся его не заботит. — Я придумаю, как выпутаться. Я же Псих, у меня мозги набекрень. Умеешь так?

Винтовка взлетела в воздух, выписывая замысловатые кульбиты и, по идеально-математической траектории вернулась в подставленную ладонь хозяина.

В другое время трюк бы меня впечатлил, и я обязательно бы попробовал повторить занимательную штуку, но не сейчас. И так настроение ниже плинтуса, не до баловства.

Мою подавленность Псих заметил и, как умел, попытался подбодрить:

— Давай постреляем? Просто так, без мишеней. По... — он замялся, осматриваясь, — во-он той ветке. Кто промахивается — читает стишок. С выражением!

— Не хочу. Но ты прав. Отстреляться надо. У нас же занятия...

— А... — отмахнулся он, недовольно отворачиваясь. — Так не интересно. Так везде можно... Пойдём спать. Мне надоело стоять под деревьями.

В домике я, не раздеваясь, рухнул на койку, накрыв голову подушкой. Псих деликатно свалил, прихватив рисовальные принадлежности и давая мне побыть наедине с самим собой.

Что делать? Кому верить? Куда бежать?

Комнатка оказалась запертой клеткой. Душной, липкой, сродни приговору суда о пожизненном заключении. Окно и выход — обманка. Даже если выскочить — та же клетка, только перекрашенная в другие цвета. Издевательство над заключённым, посаженным на цепь безвыходности.

Перейти линию фронта? Сдаться в плен? Да кому я нужен... Подстрелят или те, как врага, или эти, как дезертира. При самом счастливом исходе — тюрьма.

Рвануть в тыл, вырезав воинский ID, и спрятаться в глухомани? Угу, конечно... Таких умных, как я, военная полиция наверняка пачками ловит. Имеет методы... Да и жрать я что

стану? С кредитами в обменник не сунешься, в деревенском магазине за них ничего не купишь. Бумажки бумажками, а не деньги.

Поискать понимание у начальства? Что я им скажу? Здрассьте, я стукач СБН, о чём давал расписку по всей форме? Так они вполне логично спросят, с какого перепуга я раньше не пришёл, до встречи, и зачем пришёл после. Не факт, что они бы мне помогли, но аргумент убийственный. «Да!» — как любит говорить Псих, неувовимо копируя интонацией приснопамятное «гыканье» Сквоча.

Нашёл, кого послушаться и в разведчика поиграть... Ненормального! Пошёл бы к начальству сразу, а теперь... «Титан» в полном праве на ворота укажет, где меня уже будут ждать.

— Не спишь? — негромко донеслось от дверей. Мой первый номер, лёгок на помине.

— Какой уж тут сон, — буркнул я во влажное от дыхания одеяло, не вынимая головы из-под подушки.

— Тогда вставай.

— Не хочу.

— Вставай, — дёрнул он меня за щиколотку. — Я к тебе. Показать хочу.

— Новый комикс? Завтра посмотрю.

— Комикс подождёт, — в его руках оказались обе мои ноги. — Я тебя вытащу. Ты от меня не спрячешься.

Дёрнувшись, я высвободился из его лап и высунул лицо из своего укрытия.

— Чего?!

— Я выиграл, выиграл! — почти пропел Псих, хлопая в ладоши с зажатым в них коммуникатором. — Посмотри. Интересно, — он почти насильно впихнул мне свою звонилку. — Нажми «воспроизведение».

На экране замер открытый файл с каким-то видео. Пожав плечами, я тыкнул нужную иконку и уставился на ожившую картинку.

Боец. Молодой, немногим старше меня. Стоит у стены, форма обычная, головной убор отсутствует, на рукаве — наш, бригадный шеврон. Вооружён стандартной винтовкой. Съёмка ведётся сбоку и немного сверху, без подрагивания — наверняка через систему видеонаблюдения. В армии их любят устанавливать для присмотра за личным составом и ради удобства военных прокуроров. Люди ведь разные на службу попадают, отбора, как в «Титан», нет. Обычные контрактники, после учебки. Могут и поскандалить, и подраться, и отчебучить что-нибудь этакое, за что потом всё подразделение пострадает.

А следящие глазки дисциплинируют, сдерживают многие горячие головы от необдуманных действий. Удовольствие недорогое, зато снимающее множество вопросов, случись какое ЧП. Исключение — непосредственно зона боевого соприкосновения. Там не ставят. Там — кто уцелел, тот и прав. Накосячившего либо свои пристрелят, либо спишут жертву на боевые потери с выплатой страховых и похоронных родне. По ситуации.

За бойцом наблюдать мне быстро надоедает, но Псих, заметив это, строго одёргивает.

— Не отвлекайся.

Возвращаюсь к просмотру. Звуча нет, кино можно считать немым. Боец прохаживается вдоль стены, голова опущена. Потом садится, вскидывает подбородок, упирает винтовку прикладом в землю, двигает рукой... Я услышал выстрел даже сквозь беззвучие.

Тело вздрогнуло, почти не сгибаясь, завалилось на бок. На стене — пятна. Ролик закончился.

— Ты мне зачем это показал? — не скрывая раздражения, поинтересовался я у своего первого номера.

Тот улыбался. Мило, внимательно глядя мне в глаза. Типичный дурачок, счастливый от того, что с ним хоть кто-то заговорил.

— Не делай так, — скороговоркой выдал Псих. — Так делать не надо. Если заскучаешь — скажи, но так не делай. Я очень расстроюсь, что мой друг больше не сможет дружить. Вот он не пришёл, не поделился, и умер. Жалко.

Ну вот, опять... Я уже заметил, что такие приступы наивности у моего первого номера случаются лишь в минуты волнения и не знал, как к этому относиться. С одной стороны — искренность переживаний за меня подкупает и приятна, с другой — лёгкий неадекват. Это как рядом с работающей косилкой стоять. Умом понимаешь, что если к ней не лезть, то и она не тронет, однако присутствие движущихся лезвий постоянно напоминает об опасности.

— Не буду, — пообещал я, не отводя взгляда.

— Правда?

Большой ребёнок...

— Честное слово.

— А я придумал, что нам нужно сделать! С нашей проблемой! Той самой, про которую ты думаешь!

В горле появился ком. Наша проблема... Именно так он сказал, я не ослышался. Этот человек... он... он реально видит во мне друга! Не просто называет, а считает таковым. При этом совершенно ничего не зная о моём прошлом. Верит на слово, с расспросами не лезет, просто помогает. Потому что друг.

Как же мне этого не хватало.

— И что?

— Мы уедем на войну. Там тебя не достанут! Не навсегда, а дальше разберёмся!

Глава 11 Интерлюдия № 3

Двумя неделями ранее

— Как же вы меня достали... — в сердцах бросил Майкл, заметив на экране монитора мерцающий значок входящего сообщения.

Он уже собирался домой, хмуро поглядывая в окно на пожирающие город сумерки, и с удовольствием представлял, как проведёт остаток вечера перед визором, за просмотром спортивных состязаний по жутко модному кёрлингу, как вдруг служебный канал подкинул проблем.

Значок отображался красным. На языке условных обозначений — особо срочным, немедленным к прочтению. И сослаться на то, что уже ушёл с работы, не получится. Служебная сеть СБН фиксировала работу всех компьютеров, протокольно отмечая время включения и выключения.

Кто бы объяснил, почему всё самое срочное, не терпящее отлагательства, происходит или ночью, или в конце рабочего дня? Эх...

Щёлкнув по перечёркнутому двумя косыми линиями прямоугольнику, Майкл с отвращением принялся читать выскочивший на экране текст.

Инструкция. Длинная, казённо-тяжёлая, сухая по стилистике. На пять страниц. Опять столичные клерки надбавки к жалованью отрабатывают. Эту галиматью он бы уместил в два абзаца.

Если отбросить заумную канцеляристику, то управление требовало активизировать работу по установлению оптовых сбытчиков наркотических средств в регионах и составить списки известных.

Ничего необычного. На прошлой неделе требовали аналогичные списки по торговцам оружием, на позапрошлой — по настроениям, бытующим среди местных ЛОМов(*) из числа интеллигенции.

Сроки исполнения, как всегда, до полуночи.

— Да ёб же вашу мать, — вырвалось у сотрудника безопасности.

Ему рассказывали, откуда берётся такая срочность. Спросил на вечернем совещании министр или кто-то из замов: «Что там у нас по наркоте?», а свежие цифры не под рукой. И выкручивается отвечающий, опасаясь обвинений в некомпетентности: «Ждём ответы с мест. Сами понимаете, они там жиром от безделья заплыли, никак не соберутся... Но мы активизируем, накажем» и прочее карательное, услаждающее начальственный слух. Завершат, конечно, неизменным: «Утром доложим в полном объёме».

А ты — сиди, кропай справки.

Покопавшись в памяти компьютера и найдя похожий отчёт за прошлый год, Майкл вознамерился скопировать его и с некоторыми изменениями отправить столичным умникам (с тех пор ничего не поменялось. В их глуши вообще перемены слыли редкостью, несмотря на близость прифронтовой административной линии), как вдруг мелодичным колокольчиком ожил коммуникатор.

Звонил старый товарищ. Большой человек в Управлении СБН.

— Здравствуй, — не ожидая ничего хорошего, поприветствовал его Майкл.

— Привет. Я по делу. Удобно говорить? — фраза подразумевала конфиденциальность.

— Да.

— Читал в сводках, что убили главаря «Хозяев улиц»?

— Ознакамливался. Не моя зона ответственности.

— Теперь твоя. Косвенно. Как ты помнишь, перед убийством по «Хозяевам» сильно прошился. Уничтожили несколько принадлежащих им точек по производству наркоты и склад. Работа «Титана».

— Не удивлён. Там сплошные отморозки.

— погоди. История только начинается. Перед смертью покойный общался с ними. За ту подставу, на трассе. Ты по ней ещё Вита Самада отработывал, — счёл нужным напомнить столичный собеседник. — Ту самую, где бригаду сначала попытались на наличные опустить.

— И визитку передавал. Твою, — Майкл на память не жаловался.

— Правильно. При допросе помощника главаря выяснилось, что деньги за, — голос в динамике саркастично обозначил происшествие с двумя взорванными автомобилями коротко и ёмко, — «беспокойство» выплачены в полной мере, включая оговоренные штрафные санкции. На следующий день после передачи весьма внушительной суммы лидера банды зачистили. А ещё выяснилось, что идея нажиться на бригаде принадлежала... Ну? Угадай?

— У меня нет сведений.

Товарищ вздохнул.

— Майкл! Если я завёл с тобой разговор на эту тему, то будь любезен, оставь профессиональный этикет и начни задавать вопросы. Ускорим процесс.

— Как скажешь. Кому?

— Отвечающему за валюту. Копнули в том направлении — красота! При переговорах представитель «Титана» проболтался, что деньги повезут далеко, ещё и охрану выпрашивал. Так что мы ошиблись. Развод на деньги — не экспромт...

— Заранее спланировано?

— От начала и до конца. Следователь, когда разбирался, ржал до слёз. «Титан» задействовал всех агентов, чтобы вбить в бандитские головы идейку пожить за их счёт.

— Для чего? Создавали прецедент, чтобы наехать и заработать?

— Многоходовочка, друг мой. Многоходовочка. Умеют. Не отнять.

— И что теперь?

— Неизвестно. «Хозяева улиц» подмяли под себя серьёзный кусок рынка. Сейчас там — вакуум. Увеличивать масштабы производства никто из конкурентов не решается, боясь нарваться на вооруженное возмущение других игроков. Все выжидают. Но я обращаюсь к тебе не поэтому.

— «Титан»? — устало озвучил причину звонка безопасник.

— Он. Совсем обнаглели, сволочи. Полноценная войсковая операция в сердце страны. Такое не спускают.

Майкл хмыкнул, и не без удовольствия уколол звонящего, окончательно испортившего вечер:

— А есть проблемы с задержанием? У нас все граждане равны перед законом.

Где-то в столице сердито посопели.

— Не паясничай. Из всех следов — только пацанёнок замазался. Вит Самад. Эксперты нашли его отпечатки при небольшой диверсии, предшествующей нападению. Он кинул две гранаты на территорию принадлежащего банде производства. Очень похоже на послание для

большой сговорчивости оппонента. Там больше шуму было, чем результатов, но всё же... Последующие акции проведены менее чем через сутки, идеально. Не подкопаешься. Прибыли на неопознанном транспорте, отработали, исчезли. Грамотно, хоть в учебник записывай. Вита, конечно, можно схватить, но чего мы добьёмся? Только навредим. Шумиху подыдем, схлестнёмся с бригадной верхушкой, а режиссёры лишней раз хвосты подчистят. Нет уж, пусть он пока побеждает. Нужен убойный материал, такой, чтобы их покровители от «добровольцев» навсегда открестились.

— Давай про Самада и высокие кабинеты потом. Восстановим хронологию. «Титан» проводит комбинацию, чтобы «Хозяева» осмелились напасть на их автомобиль. Мероприятие у бандитов ожидаемо проваливается. Бригада, имея все основания для наезда, отправляет человека передать «письмо» в доступном уголовникам стиле. Логично... Предположим, адресат или не понял, или встал в позу. «Хозяева» — ребята сильные. Могли и послать куда подальше, понадеявшись на многочисленность.

— Были сильные, — подсказали из столицы. — Сейчас, из-за отсутствия твёрдой руки, распались на множество мелких анклавов. Вскоре их пожрут соперники.

— Были, — согласился Майкл. — И тогда бригада провела комплексный рейд по наиболее уязвимым точкам группировки. Вынудила заплатить.

— Да.

— Тогда зачем убили... Стоп! Ты думаешь...

— Похоже на то. Нанеся финансовый удар, решились на передел. Они военные, не то что мы, перестраховщики-комбинаторы. Принимают решения быстро, исполняют ещё быстрее. И им кто-то помогает. Тот, у кого есть доступ ко всем данным СБН. Месторасположение объектов «Хозяев улиц», план-схемы, внутреннее устройство систем безопасности имеется только у нас. И, с недавних пор, у «Титана»... Потому мы и наворотили сложностей, чтобы на самого главного выйти. Того, о ком даже в служебной сети пометок не остаётся или того, кто умеет их не оставлять... Знаешь, — неожиданно проникновенно поделился товарищ из столицы, — у меня складывается впечатление, что решение о переделе принято походя. Что-то вроде шёл по улице, увидел магазинчик, заглянул из любопытства. А там — пирожное. Ты его взял и украл, стукнув продавца по морде, потому что понравилось.

— Печально.

— Погоди. Слопал ты пирожное, и думаешь: «Их же на витрине, всяких-разных, много осталось!» Надо весь магазин обнести, а лучше себе забрать. Прибыльный бизнес! Взял, да и прирезал продавца, а сам встал за прилавок.

— Никого не боюсь?

— Это жизнь, — жёстко отрезал собеседник. — Всякое случается. Иногда и похлеще... Как я подозреваю, кто-то осмелился подмять под себя некоторые потоки. Дерзко, нагло, игнорируя устоявшиеся порядки. Кто-то новый, не из криминальной среды. Пока производители жуют соплю, опасаясь получить пулю в разборке, поступила информация, что на крупных дилеров вышли неизвестные люди с предложением заполнить нишу.

— Между ними и бригадой прослеживается связь?

— Никакой. Десятые посредники. Следы ведут за орбиту.

— По межпланетной связи? Она же...

— Мечты. СБН подвластны далеко не все каналы. Дипломатические, прямые межправительственные, контрразведка, разведка, служба охраны первых лиц — все они

срать на нас хотели... И заметь, всё это произошло после официального объявления войны. Улавливаешь связь?

— Война всё спишет?

— Что-то где-то... У армейцев в настоящий момент сильно развязаны руки, а у нас — наоборот. Удобнейший момент. В двухсоткилометровой зоне вообще творят, что хотят.

— Мне ли не знать, — скривился Майкл, до которого регулярно доходила информация о коррупции и злоупотреблениях в войсках. — Вконец осмелели.

— В общем, так, — старый товарищ настроился подытожить затянувшийся разговор и нарезать задачи. — Тебе необходимо активировать нашу агентуру в «Титане». Список с условными кодами и паролями скину. Почти все завербованы давненько, так что новый куратор их не удивит. Проедься, поговори. Пусть смотрят в четыре глаза и слушают в десять ушей. Компромат на Самада тоже перешлю. Нечего ему отсиживаться. Не самый перспективный агент, но раз в год и палка стреляет. Бери его за загривок. Не церемонься. Он у нас и так слишком часто сухим из воды выходит, пусть отрабатывает... Распоряжение о командировке получишь завтра. Про молчание не напоминаю. Я тебя, скажем так, по дружбе прошу. Как старого и проверенного товарища. Мой шеф одобрил, но потребовал действовать без огласки. Не доверяет он сотрудникам на местах, особенно мелким начальникам... С выездом не тяни. Процесс наверняка затянется, так что последовательность контактов определяй сам.

На экране запрыгал новый значок о входящем сообщении. Тоже красный.

— Приступаю к изучению. Только справку допишу.

— Действуй. Семье привет, — попрощался собеседник, отключая связь.

Список, присланный по секретной почте, оказался невелик. Против каждого номера в перечне личных данных стояло место службы и адрес дислокации. Прикинув маршрут, Майкл назначил Самада последним, чтобы потом, от самой передовой, без остановок вернуться домой. Так показалось удобнее.

Взглянув на время, он принялся за составление очередной писульки, стараясь не вспоминать про так любимый кёрлинг...

(*) ЛОМ — Лидер Общественного Мнения

— Подробнее, — попросил я Психа разъяснить столь неоднозначное заявление. — Что значит «мы»? У нас какая-то своя война, персональная?

Он уселся на край моей койки, чрезвычайно довольный собой и произведённым эффектом.

— Мы уедем на дальний пост. Он всегда под контролем бригады. Это же денежки...

Не наблюдая причинно-следственной связи, я открыто признался:

— Какими-то загадками говоришь.

Манера общения моего сослуживца всегда оставляла желать лучшего. Ему почему-то казалось, что все прекрасно знают о тех вещах, про которые ему вздумалось рассказать и диалоги он строил, исходя из этих убеждений. Меня, лично, такая привычка поначалу обескураживала, но постепенно привык и уже не стеснялся переспрашивать.

— А, вспомнил, ты не в курсе. Перед нейтральной полосой, с нашей стороны, находится водозаборный узел. Его охраняем и защищаем мы. Раньше не охраняли, а теперь охраняем. Скоро два года. Он не работал. Командир бригады — умный. Сообразил, что узел очень важный. Отправил рембат, те посмотрели и починили. С тех пор он наш.

— Зачем?

Псих расстроился от моего непонимания, и тут же нашёлся. Встал, взял со своей тумбочки карандаш и один из блокнотов. Пролистав его от начала до конца, удивлённо вскинул брови и на несколько секунд завис, уставившись на последнюю страницу. Затем, видимо что-то вспомнив, просветлел лицом, произнёс: «Да!» и стал рисовать на обратной стороне обложки — больше оказалось негде, из-за комиксов.

— Смотри, — показал он мне своё творение. Вся эта заваруха частично из-за месторождения редкоземельных металлов. Оно вот, — острый грифель замер у неровного овала в самом верху. — Где есть месторождение — там и люди. А они хотят пить чистую воду.

Я кивнул, присматриваясь к план-схеме. Нарисовано внятно, доступно. Пониже месторождения — схематические дома, к которым вплотную примыкает ломаная линия передовой. Ещё пониже — другая линия, довольно сходная с первой. В углу, на самом краю — крест, обозначающий насосную станцию.

— Сколько от станции до домов?

— Километра два с четвертью. Их с поста чудесно видно.

— И там живут?

— Снова да.

Меня передёрнуло. Наставник ухитрился вложить в эти два слова и ужасы обстрелов, и бегство непричастных к высоким разборкам жителей, и униженное мыканье по родне в поисках нового жилья, и нищенскую помощь социальных служб, и трудное, болезненное решение возвращаться.

— Карьер работает?

— Что ему сделается? — философски сообщил Псих. — Поначалу, конечно, утопили вместе с некоторой техникой, а теперь ничего, запустили. Технику новую привезли. Договорились туда не стрелять, чтобы рабочих не поубивать. И по домам не стрелять. Создали мониторинговую комиссию, привлекли миротворческий батальон из НьюДании,

как из нейтрального государства. Они там сидят, наблюдают за порядком. Карьер всем выгоден. Владельцы зарабатывают, наши красуются благородством и лишний раз подчёркивают, что конфликт территориальный, а не экономический, у людей есть возможность кормить семьи.

— И наши не пытались заполучить такой кладёзь ресурсов?

— Пытались поначалу. Только не дошли. Остановились. На той стороне тоже драться умеют. Теперь не пройти, разве что разбомбить в пух и прах. Но зачем? Любая война рано или поздно заканчивается, а соседи остаются. С ними надо уживаться и редкоземельные металлы где-то закупать.

— Водонапорный узел, как я понимаю, единственный в округе?

— Другого нет. Раньше здесь богато жили. Муниципалитет не скупился. Пробили скважины, очистное оборудование завезли. Дорогостоящее, — уточнил он, — Было близко, выгодно.

Суровая правда звучала обыденно и очень доступно.

— Удивительно. А противник не пробовал отбить?

— Не-а, — протянул мой первый номер. — Бойтся. Мы же оборудование подорвём при отступлении, вместе с трубами. Туда даже не стреляют. Самое спокойное место.

При детализации план начал казаться не таким уж безумным. Отсижусь, осмотрюсь, приведу мысли в порядок. Вытяну из Психа всё, что смогу. При бегстве пригодится.

— Кто нас туда пустит?

— Ротный. Мы попросимся. Каждые две недели пара бойцов отправляется на вахту. Нам же положено охранять от коварного врага питьевой источник и быть всегда на страже добра. Даже при ротации, — он невесело вздохнул, демонстрируя, что ни на мгновение не верит в эту выпретенную чушь. — Опять же, для телевизионщиков героическая картинка в любое время дня и ночи, контроль над обстановкой. Вояки из вредности могут и напакостить, промолчать о чём-нибудь важном. Не любят они бригаду. Завидуют... Обслуживающий персонал из рембата поедет с нами. Своих менять... Увидишь. Там легко.

— Когда выдвигаемся?

Псих поднял глаза к потолку, зашевелил губами, шёпотом произнося дни для удобства подсчётов.

— Через восемь дней, — определился он с датой. — Нас пустят, не беспокойся. На станцию никто не любит ездить. Им скучно. А мне нравится. Можно много рисовать и никто не мешает.

— Тогда я — за.

— Да. Так будет лучше.

В назначенный срок мы, получив пушку, боекомплект и массу сопутствующего груза — от снарядов до носков, забрались в тентованный кузов батальонного грузовика.

— В рембат заедем, — сообщил водитель. — Их смену подберём.

Изобразив пальцами «ОК», Псих привалился спиной к борту, вытянул ноги и положил винтовку на колени, планируя впасть в излюбленное внутренне созерцание. Грузовик тронулся. Придерживаясь рукой за борт, уселся на пол, напротив моего первого номера и зевнул, подпихивая рюкзак под бок вместо подлокотника.

Ого, а это что такое, не по уставу? На груди наставника, за бронежилетом, из кобуры торчала пистолетная рукоять. Рядовым же не положено! Откуда?

— Псих, — заинтригованный, я решился побеспокоить сослуживца и друга. — Откуда ствол?

Он покосился на правую половину собственной грудной клетки, после посмотрел на меня.

— На, — оружие скользнуло ему в руку, повернулось на сто восемьдесят градусов и уставилось рукоятью в мою сторону. — Смотри. Контрабандный.

Я осторожно взял. Ух ты... импульсник Федерации. Пистолет он только с виду, ради удобства и эргономики. Конструкция надёжная, как строительный лом. Движущиеся части практически отсутствуют, начинка упрятана под неразрушимый пластик. В учебке, только у офицеров такие имелись, в чинах от лейтенанта и выше. Сержантам уже не полагалось.

— А если боец погибнет или в плен попадёт, как быть с таким пистолетом, если его найдут? Тогда новая технология появится у противника ... И наклепают такого оружия — мама не горюй!

Сидящий негромко рассмеялся.

— Не переживай. Оружие именное, и работает лишь при совпадении отпечатков пальцев, которые закладываются только один раз и перепрограммировать их невозможно... И вообще, кто тебе сказал, что на планете это единственный пистолет? Технология производства, сдаётся мне, давно изучена вдоль и поперёк. Проблемы в технологическом ограничении для миров типа Гео-22. Слышал про такое?

Я кивнул. Сержант Бо доходчиво растолковывал: искусственное торможение научно-технического прогресса ради безоговорочного превосходства Метрополии.

Ушлые политиканы Федерации держали заштатные колонии почти на уровне каменного века, всячески ограничивая их в доступе к промышленным новинкам и строго контролируя любые милитаристические разработки. Так что верно обозначил Псих. Проблема не в том, чтобы сляпать более навороченное оружие. Проблема в том, что делать после этого с драконовскими санкциями, блокировкой жиденького товарооборота и «миротворческими» крейсерами на орбите.

Потому и воюют тут всяким раритетным дерьмом, скрипя зубами. А всё, что удалось добыть посolidнее, берегут и прячут, словно малолетки первый косяк с травкой.

... Взвесил импульсник в ладони. Лёгкий, обманчиво смахивающий на детскую игрушку. И, при всей своей скромности в размерах, совершенно убойная штука. Стреляет по тому же принципу, что и десантно-штурмовой комплекс, без шума и пыли. Не самый дальнбойный ствол, однако дырки делает будь здоров. В отличие от пули, у него и входное и выходное отверстие почти одинаковые: от мелкой таблетки до блюда, в зависимости от настроек.

Мне сразу захотелось такой же.

— Как отхватил?

— Купил. За свои, — огорчил Псих. А я уж губу раскатал в оружейке выклянчить. — Батареи к нему у знакомого заряжаю, персональную зарядку приобрести практически невозможно.

— Класный.

— Мне тоже нравится. Хочешь такой?

Я отмахнулся, представив, сколько может стоить это чудо инженерной мысли.

— Дорого.

— Очень, — согласился сослуживец, забирая пистолет обратно. — Накопишь — помогу

взять. Отдыхай. Скоро рембат.

Он таки впал в своё излюбленное состояние, а я достал из рюкзака наушники со встроенным аудиоплеером, одолженные у Стана. Захотелось музыки.

Ремонтники заставили нас сильно потесниться. Они, тяжело отдуваясь, набивали внутренности грузовика однообразными ящиками на защёлках.

— Что там? — спросил я у Психа, которого этот процесс несколько не интересовал.

— Запчасти, инструменты. Раньше меньше возили, но ломаться стало чаще, поэтому теперь возят больше. Каждая смена пользуется своими наборами, чтобы не путаться. Случись что — на предыдущих недостатку болтов и гаек не свалишь. Удобно. Стараются иметь своё.

— Согласен.

Покончив с погрузкой, тройка потных, мрачных бойцов забралась внутрь, отобрав у нас ещё немного и так уже не очень свободного пространства.

— Ты им посочувствуй, — зашептал мне в ухо сослуживец. — Им две недели взаперти сидеть. Нельзя выходить. Правила такие. Узел должен работать без перебоев. Выстрелит какой-нибудь дурачок — и на ремонтника станет меньше. А это нехорошо.

Тяжёлая машина вновь тронулась с места. Шёпот стал еле различимым:

— Они злые из-за этого. Просили разрешить по ночам выбираться, воздухом подышать — нельзя. Командир ругался очень. Нам тоже особо ходить нельзя. Но нам проще. Мы снаружи.

Дальше Псих замолк из-за нарастающего дорожного шума.

Тряслись около четырёх часов, причём я даже умудрился заснуть. Когда грузовик остановился, и водитель угрюмо бросил: «Прибыли», перед моими глазами предстало одноэтажное здание промышленного назначения размером с бокс для грузовика, обнесённое проволочной оградой. Окна, расположенные под самой крышей, кто-то заботливый заложил кирпичом, у стен навалены мешки с просыпавшимся сквозь прорехи песком, за мешками — стена из железобетонных блоков в человеческий рост и щелями для стрельбы. Сердито так укрепились. При атаке с воздуха не поможет, а с земли — оборону можно долго держать, имелось бы кому. А тут имелось.

Завидев нас, пятеро загорелых бойцов с шевронами бригады приветственно замахали руками.

— Они отдельно меняются, — прокомментировал Псих. — Тоже через две недели. Охраняют непосредственно водозаборное здание. Нам — не сюда. Нам — дальше.

— Ясно, — качнул я головой и продолжил осматриваться.

Миленько тут. Вокруг полно высоких деревьев с густыми кронами, без подлеска. Трава мягкая, стелящаяся. В этих краях вообще любят зелень. Ряды деревьев — ровные, будто под шнур. Так при механизированной посадке обычно бывает, когда местность терраформируют.

Сорта явно засухоустойчивые, другие в этом жарком климате и не вырастут. Трава тоже смахивает на адаптированную вариацию газонной поросли в запущенном виде. Старались люди, облагораживали... и вдруг всё это стало никому не нужным.

Война, мать бы её за ногу.

Я другими, раздосадованными глазами посмотрел на противоестественные в этой гармоничной среде мешки и блоки.

Ещё и пахнет.

Повёл носом. Слева, почти невидимая из-за автомобильного борта, подванивающая гора мусора из упаковок армейских рационов и прочих отходов человеческого бытия, ради приличия отгороженная земляным валом до колена.

— Антисанитария, — заметив мой взгляд, прокомментировал помойку один из встречающих. — Мусоровоз редко приезжает, утилизатора нет. Привет, — он протянул мне руку. — Менять прибыли?

— Угадал, — ответил вместо меня Псих, выпрыгивая из кузова и отходя в сторону, давая мне выбраться.

Рембатовцы, сидевшие ближе к откидному борту и покинувшие машину первыми, уже начали по новой таскать свои ящики.

Мы им не мешали. Наш груз — в самом конце.

— Не шарахнут? — ёжась от близости противника, передёрнул я плечами. Рассказы о всеобщей взаимовыгоде, вещь, конечно, познавательная, но одно дело теория, а другое — практика.

— Не нервничай. Тут как на курорте для пенсионеров. Тихо, мирно, без потрясений, — успокоил встречающий. — Давай-ка, помогу.

Он влез в почти опустевший кузов и споро принялся подпихивать наше имущество. Я принимал, Псих подхватывал. На земле штабелями росли коробки и ящики. Придётся несколько раз ходить, пока не перенесём.

Обвешавшись барахлом, обогнули здание и по вырытой ростовой траншее, обозванной «окопом», углубились вперёд, цепляясь за стенки, прикрытые разохшимися строительными щитами.

— Голову пригни, — посоветовал мой первый номер. — И без надобности никогда не поднимай. Идёшь ты по окопу или стоишь — всё равно. Не будь мишенью и никогда не надейся на брустверы и глубину прохода. Осколки под разными углами прилетают.

Утверждение напрямую противоречило так рекламируемому спокойствию.

— А...

— Просто выработай в себе такую привычку. Очень полезно. Помогает беречься не задумываясь.

— Угу.

Траншея закончилась т-образным перекрёстком на окраине лесополосы, в центре которого, на возвышении, расположилась станина для автоматической пушки. По краям — неизменные мешки в несколько слоёв. Поверх — маскировочная сетка.

Пара бойцов, дежурившая до нашего появления и с нетерпением выглядывавшая смену, оживилась.

— Ну наконец-то...

— Прибыли...

Вскользь уточнив обстановку, Псих по-хозяйски осмотрелся и, не найдя, к чему придраться, официально принял пост. Сменяемых будто ветром сдуло.

Быт на передовой оказался прост и незамысловат. Посредине — огневая позиция, справа — топчан под накатом из присыпанных землёй брёвен, слева — отхожее место с биотуалетом полного цикла очистки. Из оборудования — система наблюдения, подключённая к армейскому планшету; приёмопередатчик для связи и примитивная оптика, названная «перископом».

— Важный предмет, — заверил меня Псих. — Если вырубят всю электронику — будет работать. Просто и надёжно.

Всё обустройство не заняло и часа. Ведомый любопытством, я долго всматривался в двухэтажные домики вдаль, на стороне противника, в плоскую, как стол, нейтральную полосу, в окружающие пост деревья, в сослуживца, устроившегося у пушки и рисовавшего очередную историю

— Раздевайся, — посоветовал он. — Жарко. И броник снимите. Иначе сварись.

Сам наставник сидел в трусах с перекинутым через плечо полотенцем, регулярно вытирая им пот на лысине.

— Но инструкция...

— Забей. Проверяющих тут нет. Враг врасплох не застанет.

— Уверен?

Он со вздохом отложил рисование, поманил меня пальцем к щели между мешками.

— Что ты видишь?

— Дома. Там может сидеть снайпер.

— Он там и сидит. В какой-нибудь пустой квартире. Познакомить?

— Чего? — опешил я. — Ты в своём уме?

— Погоди.

Мой первый номер покопался в кармане повешенной на пушечную рукоять форменной курточки, добыл на свет строжайше запрещённый в боевых условиях коммуникатор. Причём не его личный, а более дешёвую и выдающую виды модель.

— По смене передали, — пояснение сопровождалось дурашливой гримасой из тех, на которые без смеха реагировать нельзя.

Поелозив пальцем по экрану, он набрал номер и включил громкую связь. На третьем гудке нам ответили:

— Чё?

— Привет! Это Псих. С кем говорю?

— Какие люди! — восхищённо донеслось из динамика. — Это Длинный. Как дела?

— По расписанию. Я тут поживу некоторое время. Со мной молодой. Позывной Маяк. Не пришей сдуру.

— Учту. Что-то ваша кадровая политика совсем хромает. Пацанву набираете.

У меня отвалилась челюсть. Он что, видел, как мы по траншее шли?! Только там можно было наши рожи рассмотреть, да и то с грехом пополам!

Мой первый номер одними губами ответил на все невысказанные страхи и допущения:

— Да. Потом...

— Псих! — человек с позывным Длинный помялся, а затем заискивающе попросил. — Выручи.

— Что такое?

— Нарисуй портрет. Я тебе фото по сети скину. У жены День рождения скоро. Порадую.

— Быстро не обещаю.

— Какие проблемы! Подожду! С меня «зоркий глаз».

— Убедил. Конец связи.

Отключив аппарат, Псих с усмешкой посмотрел на мою ошалелую физиономию, присовокупив:

— Так-то. Везде люди живут. У них отдельный номер на пост. И нам повезло, что там оказался мой старый знакомый. Из «Юга».

— Откуда?

— Добровольческий полк Розении «Юг». Они месторождение охраняют. Тоже не бесплатно. Зеркальное отражение «Титана», только с той стороны.

Дуря от происходящего, я медленно сел на землю, не в силах осознать окопные реалии. Наставник это понял.

— Каждый зарабатывает, как умеет. И тот же Длинный в других условиях пристрелил бы меня, не задумываясь. Но здесь — нельзя. Договор. Всем удобно, и им, и нам. Полегчало?

Не зная, что сказать, я просто пожал плечами. Моему сослуживцу это не понравилось.

— Ты слишком доверяешь новостям из визора, — с сожалением проговорил он, убирая звонилку обратно в карман курточки. — Успокойся. Меньше думай о том, что тебя могут убить. Делай, как я, и всё закончится хорошо.

В его интонации настолько отчётливо проглядывалось знакомое с детства «Слушайся старших», что мне невольно захотелось проблеять универсальное «Я больше не буду». Даже стыдно стало, хотя и непонятно, за что.

Псих хихикнул, приложив кулаки с отставленными указательными пальцами к вискам, имитируя сатанинские рога, и низко, басовито прогудел:

— Страшно?! Бойся, смертный! Или останешься без сладкого!

— Ой, боюсь-боюсь...

Наше ржание слышала, наверное, вся округа.

Когда угомонились, я припомнил о непонятном термине, о чём немедленно спросил:

— «Зоркий глаз» — это какой-то код?

— Почти. Пример взаимодействия с врагом на солдатском уровне, — отозвался сослуживец, позёывая. — Обещание присмотреть за нашей позицией на случай, если их начальство решит освежить обстановку. Плата за портрет жены. Коррупция, если хочешь, и предательство родины. По смыслу — обыкновенная услуга из тех, когда много сделать не можешь, а сделать в качестве платы что-то надо. Если по нам начнут шарашить — тот же Длинный об этом попросту не узнает. Кто ему доложится?.. Накроют залпом из расположенного невесть где артдивизиона — и крышка. Поэтому, если он нас и предупредит, то о каком-нибудь пустяке. В принципе, мне этот присмотр до задницы. Да... Ну его. Насмотришься.

Присев у треноги, Псих взялся за блокнот, а я вернулся к осмотру нейтральной полосы. Ни одной воронки. Ни одной сгоревшей машины. Дома немного посечены осколками, но крыши целы. Окна почти все на месте.

Хрен знает, что и думать. Меня учили, что вооружённый конфликт — это борьба с врагом до полного его поражения или капитуляции. А здесь — негласные договора на всех уровнях, трепотня с противником о житейских мелочах, как будто всё понарошку, ненастоящее. Расскажи кому — не поверят. И ведь четыре года эта неразбериха тянется. Или привыкли, приспособились?

— Удивительная война, — я лениво рассуждал, убивая время. — За весь день ни единого выстрела.

— Ещё какая удивительная! — Псих, по-прежнему развлекаясь никогда не надоедающим ему рисованием, с удовольствием поддержал предложенную тему. — Ты в

географии разбираешься?

— Стыдно признаться, но нет. Упустил этот аспект в обучении.

— Ты не изучал. Не люблю, когда обманывают. — в знак недовольства он погрозил мне указательным пальцем.

— С чего это ты взял? — такой поворот следовало перевести в шутку, не углубляясь в подробности. — Может, у меня топографический кретинизм и я в трёх деревьях заблудиться могу?

Скептически изогнув бровь, сослуживец дёрнул щекой и ответил под шелест грифеля по бумаге:

— Ты не отсюда. Ты был солдатом. Ты учился нашему языку, точнее, диалекту. Это слышно. Слишком правильное произношение и изредка проскакивают обычно неприносимые буквы. У тебя за правым ухом чип Федерации — я по сети посмотрел, что это. Ты не плохой. Ты никому не доверяешь. И ты делаешь глупость.

— Какую?

— Ты слишком стараешься быть как все.

Я чуть язык не проглотил от шока. Псих, человек в себе и с крайне своеобразными интересами, прочёл моё прошлое как вывеску магазина.

— Читал моё личное дело?

— Зачем? У меня есть зрение, и я вижу. И уши есть. Я ими слышу. Надеюсь, когда-нибудь ты мне расскажешь свою историю, и мы сделаем из неё комикс.

— Ты про войну не рассказал, — пришлось внаглую переводить разговор в иное русло.

— Да? — изумился сослуживец. — Я и забыл. Ну, слушай... Протяжённость линии боевого соприкосновения между Нандой и Розенией — четыреста тридцать километров. От болот до реки, вдоль месторождения, ставшего причиной конфликта. Общая граница между странами проходит через треть континента и составляет порядка тринадцати тысяч километров. Из них девять десятых — чисто номинально. Линия на карте по незаселённым территориям. Казалось бы — широчайший плацдарм для наступлений и маневров. На практике — полный мир. Таможня пропускает людей в обе стороны, торговля ведётся. Об этом в новостях не упоминают — непатриотично, но и особо информация не скрывается... Занесёт на какую-нибудь крупную железнодорожную станцию — посмотри на вагоны. На каждом в-о-от такими буквами, — он оторвался от рисования и развёл руки в стороны, гротескно демонстрируя размеры шрифта, — значится станция приписки. Почитай, самообразуйся. И тебя ждут открытия.

— Тогда нахрена это всё? — я понял, маркировки какого государства пришлось бы мне увидеть.

— Чтобы была война, — Псих склонил голову вбок, держа блокнот на вытянутой руке и любуясь получившимся рисунком. — Если войны не будет — все пойдут домой.

— Угу... — его простота обескураживала. — А война ради чего?

— Ради денег. Воевать дорого и выгодно. Дорого народу и стране, выгодно конкретным личностям. Мы умираем, они богатеют. И держат власть. Это очень удобно. Да. Можно любого несогласного объявить шпионом и посадить в тюрьму, можно запрещать то, что без войны запретить нельзя. Можно без аукциона получать контракты на обеспечение армии, прикрываясь вынужденной необходимостью. Только важно не перестараться, иначе экономику просрёшь. Потому война такая маленькая. На большую бюджета не хватит. Умные экономисты давно подсчитали, сколько можно потратить на нас, чтобы удержаться

на краю финансовой пропасти.

Отложив блокнот, он сделал паузу, вдоволь напившись воды из фляги.

— Я тут четыре года. За последние три помню всего две попытки крупного наступления. Обе вялые. Перед этим, конечно, здорово дрались, на энтузиазме, да и потом мясорубки регулярно случались, не комментируемые в новостях... Теперь по-другому. Нейтральная полоса напичкана минами до такой степени, что разминировать придётся лет десять. Пешком не пройти, на технике не проехать. Так сапёр сказал... С воздуха не получится — у обеих сторон противовоздушная оборона уже крутая, не то, что раньше. Артиллерийские снаряды на лету перехватывают! Радиоэлектронные войска, спутники с орбиты непрерывно наблюдают, сканеры всех мастей, авиация. Да зачем далеко ходить? Справа и слева от нас такая силища в листиках засела — что ты!..

Про соседей, принадлежащих к армейским полкам, я уже был в курсе. Они располагались совсем близко, изредка даже слышал, как солдаты разговаривают между собой.

— Напротив тоже? В домах?

— И перед ними, и за ними, и в глубоко эшелонированной обороне, которую просто так не взломаешь. Потому образуется система противовесов. Силы примерно равны, уровень подготовки и материального обеспечения сходны. Иначе давно бы кто-то победил... Помни главное — бояться надо снайперов. У них винтовки импульсные, разработанные Федерацией. И оптика. Издалека бьют. И у наших тоже. Только это секрет.

Мне вспомнилась дорога с подбитой техникой и упоминания о вражеских беспилотниках на инструктажах. Поделился.

— Бывает, — отрешённо подтвердил Псих. — Никто не идеален. Могут и пропустить что-нибудь, — и вернулся к вопросу «нахрена». — Много стрелять расточительно, совсем не стрелять нельзя. Телеканалам нужны сюжеты, политикам — жертвы, нам — напоминание, чтобы не расслаблялись.

— Ни войны, ни мира? — я смог припомнить подходящую фразу.

— Примерно да. Иначе прошла бы мобилизация, выросли до неподъёмного уровня налоги, народ бы начал голодать из-за продуктового кризиса. Про это много в книгах написано. Я читал. То, что тебе кажется неумным тут, выглядит чрезвычайно грамотным там, где работают рестораны и нет круглосуточного риска получить пулю а лоб. Люди, радуясь, что на убой погнали не их, сравнительно легко терпят то, что где-то кого-то убивает страшный враг. Стараются не думать об этих смертях, мирятся с ограничениями. Всем хорошо. Обыватели остались дома, верхи решают свои проблемы. Всем хорошо, — повторил он, — только местным плохо. Живут, как на mine замедленного действия. Рано или поздно кто-то решит, что войска застоялись и прикажет идти в наступление. Тогда всё снова закрутится.

— А мы?

У моего первого номера имелось объяснение и для такого уточнения:

— Тебе платят деньги. Ты согласился на это подписав контракт. Сделал выбор. Вспомни, где мы с тобой сейчас находимся и почему.

Уел... Водозаборный узел — ярчайший пример всеядности большого бизнеса...

— Если война такая... позиционная, для чего нужна бригада? Разве мало армейских частей?

— Бригада... Хе, — Псих хмыкнул, неопределённо покрутил кистью, намекая на

неоднозначность ответа. — Бригада... Как бы тебе попроще изложить... Бригада к войне имеет отношение поскольку-постольку. Вот так.

Ничего себе!

— Ты не путаешь? Вон там, — я указал в сторону пушки, — враг. И мы не на курорте.

— Оно верно. Там. Да. Но смотри шире. «Титан» — структура, под которую прописали целый пакет законов. Постепенно, понемножечку, без освещения в прессе. Сначала он относился к военным, потом был переподчинён Министерству Внутренних Дел, а два года назад стал отдельным образованием, очень удачно попав под закон «О конституционном праве граждан на защиту Родины». Теперь бригада подчиняется немножко тем, немножко этим, однако основная власть у Особого Общественного Совета при президенте. Угадай, кто в него входит?

— Провластная партия?

— Это само собой. Только никто не знает, кто сидит на вершине. Состав совета засекречен особым решением Комитета Оборона. Шпионов боятся.

— Лихо!

— Ещё бы! Бригада с боевым опытом, свободная от всяких чиновников и их каверз, очень весомый аргумент в политике. Частная армия на государственном обеспечении, подкреплённая нормативными актами сверху донизу, вплоть до самостоятельных торговых операций по закупке оружия и оперативно-разведывательной деятельности. Мы же на балансе значимся. Из бюджета деньги получаем. Потому и торчим тут. А прикажут сняться с места и перебазироваться в столицу — никто нам не указ. Погрузимся на броню и двинем, начхав на всех. И будем делать то, что командир прикажет, игнорируя любые уставы. Потому что мы им не подчиняемся.

Что-то такое я и предполагал, только менее масштабно. Сопровождение гуманитарки, переработка лома, топливо — эти куски вкусного пирога просто так никто не отдаст. Нужна воля свыше, с самих политических небес. Иначе конкуренты не то, что сожрут, а и не подпустят.

Про тройное подчинение, конечно, неожиданно, как и про марш-броски вглубь страны. Аккуратно поинтересовался:

— Были случаи?

— Были, — позёвывая, подтвердил Псих. — Давно. И недавно. Не хочу про грустное. Лучше расскажи о себе. Пожалуйста. Я люблю узнавать новое о друзьях.

Да пошло оно всё...

— Ну, слушай...

И я рассказал. О том, как попал на маяк, как прятался в столовой при авиаударе, как дрался с приютскими, как остался один. Про Ежи и Сквоча упоминал сжато, словно нехотя, в остальном — не особо приукрашал и сглаживал. Выдавал ту же самую версию, что и вербовщику, только в более расширенном варианте.

Мой сослуживец слушал, разинув рот, как увлекательную сказку, не проронив ни звука. Когда добрался я до бригады, то, махнув на всё рукой, рассказал о Хлюпе и его пакетах. Почему-то казалось важным об этом упомянуть, жизненно необходимым. Не для себя — для «Титана», отнёсшегося ко мне с пониманием и давшим второй шанс. К командованию с таким не пойдёшь, а Псих... я ему верил. Придумает, как выкрутиться и донести информацию до кого следует. Человек, забравший таблетки, он же среди нас.

— Однако... — поражённо качнул головой наставник, стоило мне закончить. — Да.

Нет.

— Объяснись.

— Не надо тебе знать, кто забрал из душевой свёртки. И откуда они взялись — не надо. А вот другим — надо. А насколько сильно — я пока не решил. Но решу. Обещаю... Наркотики — это плохо. От них кружение в голове и ненастоящий мир вокруг. Я рад, что ты мне рассказал. Всегда рассказывай. Вдвоём легче.

Поразительно, но я нисколько не жалел о своём порыве. Не знаю, виной ли тому добродушие Психа или переполненная чаша внутренних невзгод. Не знаю...

Две недели промелькнули незаметно. Общество чудаковатого сослуживца скрашивало тоску, а остальное время я или слушал музыку, или готовил еду на крохотной горелке. Вполне неплохо натренировался в этом искусстве. Устроить из сухого пайка суп, второе и постный салат — дорого стоит!

Противник не беспокоил. Портрет, нарисованный Психом по фотографии, произвёл фурор на той стороне. К нему начали названивать другие бойцы «Юга», забрасывая почту снимками близких и собственными рожами, наплевав на секретность.

— Списки известные, — пояснил мне мой первый номер. — Наши тоже там имеются, — он ткнул в сторону домов, подразумевая противника. — Как ни скрывай, а те же ID какой угодно армейский радар считает. И далеко не всем нужна новая личность, чтобы данные при вербовке скрывать. Так что забей. Но начальству мы, понятное дело, всё передадим.

— Оно знает о контактах?

— Разумеется. Мы же не армия, у нас с головой принято дружить. Чего командир добьётся запретом, кроме демонстрации самодурства? — Псих на мгновение задумался. — Хочешь пример?

— Валяй.

— Что-то сломалось на насосной станции. Требуется ремонт. Подачу воды в населённый пункт надо временно прекратить. Как считаешь, следует ли уведомлять потребителей?

— Конечно. Без воды плохо.

— Посмотри шире. Там, — кивок вдаль, — не представляют, по какой причине пересохло в кранах. Может, мы вообще свернули подачу, может, профилактику затеяли. Предполагаемая реакция?

— Позвонить и узнать?

— Правильно. Но по официальным каналам надо действовать через диппредставительство, давать запросы, ждать ответы, пройти всю бюрократическую машину насквозь. А можно набрать нужный номер и получить ответ. Что выбираешь?

— Позвонить, конечно, проще.

— Это здравый смысл. У вояк так же, хотя их за это и нагибают.

... Боец-художник никому не отказал. Очередной блокнот покрывался эскизами, перерастающими иногда в забавные шаржи, иногда в полноценные портреты. Мне отводилась роль посредника между заказчиком и исполнителем. Я фотографировал каждую картинку на коммуникатор, отправлял Псих сам. Его благодарили...

Вечером, перед выездом, у меня состоялся важный разговор с наставником и другом:

— Прятаться дальше не получится. Наверное, придётся уйти из бригады. Я у СБшников на крепком крючке. И на Кано с его признанием о провальной подготовке не свалишь. Переговорники брать он не заставлял.

— Не надо. Мне будет одиноко.

— Что поделаешь... Я не хочу в тюрьму.

— погоди. Я же тебе обещал придумать.

— Придумал?

— Нет.

— Тогда прости.

Псих не разговаривал со мной до самой отправки. Ночью не спал, ходил, почёсывая голый затылок, подолгу всматривался в темноту.

Но так ничего и не сказал.

Сдав пост новоприбывшим парням из второго взвода, мы запрыгнули в тот же самый грузовик, прихватив несколько мешков с мусором. Куча не уменьшилась, но и не подросла.

— В тылу выкинем, — предложил один из ремонтников, морща нос от вони. — У вояк. Я с водилой договорился.

Достигнув тылового расположения какого-то полка, мы остановились. Вывалили мусор в и без того переполненные баки, как вдруг Психу срочно захотелось прогуляться и размять ноги после двухнедельного сидения в окопах. Технари, без стеснения радуясь остановке, не возражали. Им ведь приходилось ещё хуже — в запертом помещении, среди вечно гудящих узлов и агрегатов, к открытым пространствам тяготеешь особенно сильно.

— Маяк, пошли вместе. Может, нас чем-нибудь угостят. Я, лично, хочу холодного сока.

Идея показалась заманчивой. Старожил, коим являлся мой первый номер, наверняка знал, где можно разжиться ледяным, вкуснящим напитком. Ох... аж скулы свело, так захотелось.

— Есть варианты? — я с радостью выскочил на свежий воздух из прогретого солнцем кузова.

— Там, — он неопределённо указал рукой в сторону частично врытых в землю жилых вагончиков. — Знакомый. Если живой, то угостит.

Между тем, технари повалились в тень от борта грузовика и молча наслаждались ветерком. Ну да, наболтались они в своём каземате по самое некуда. Надоели друг другу. Им бы одиночества побольше.

Переодеваться в форму Псих не стал. Так и прибыл, в широченных шортах, тапках, каске и бронежилете, верхней частью своего туловища как-бы отдавая дань порядку и соблюдению норм, а нижней попирая уставные требования. На плече — винтовка, навороченный пистолет в специальной кобуре на груди.

Смотрелся он смешно. Многие солдаты, завидев тщедушное тельце в броне и блаженную улыбку под каской, посмеивались в кулак. В открытую смеяться не осмеливались — нагрудный знак со стилизованной рыцарской перчаткой объяснял многое.

Некоторые, тёртые с виду мужчины, здоровались, справлялись о делах, жали руку. Я пристроился рядом и тоже отвечал на приветствия. Иных Псих узнавал, обращаясь по имени, иным добродушно кивал.

— Ого! Волонтёры! — указал он за вагончики, где среди грузовиков и бронетранспортёров затесался фургончик с яркой, запоминающейся эмблемой: контур

растопыренной пятерни, в которую умелый дизайнер втиснул стилизованное красное сердечко. — Подогрев привезли.

— Что?

— Подогрев. Трусы, печенье, консервы.

— Тут не кормят? — сытые рожи регуляров-контрактников мало походили на измождённые голодом лица.

— Кормят. Но материальную помощь патриотичных налогоплательщиков осваивать надо, — осветил объективную реальность мой первый номер. — Они в городах акции проводят, пожертвования собирают. Потом приобретают различную нужную мелочь и сюда везут.

— Воруют? — предположил я, впрочем, без всяких оснований.

— В основном нет, приличные граждане. Неравнодушные, — уклончиво ответил Псих, почесав предплечье. — Однако случается всякое.

От укатанной грунтовки до цели нашего мини-путешествия вела тропинка, истоптанная до полукаменного состояния и унылая, как вся земля в окрестностях. Куда не посмотри — пятна ввевшегося машинного масла, мелкий мусор, пожухлая от испепеляющего зноя и армейских подошв трава, глубокие колеи, рваные следы траков.

— Ага, загадили полянку. Рисовать не хочется.

Тонкий художественный вкус сослуживца давал знать о себе даже здесь. Ему, способному малевать свои детские истории где угодно и когда угодно, претила испорченная войной природа. Ещё одна грань моего нового друга — любовь к прекрасному. Я изредка замечал, как он, давая зрению отдохнуть после долгих бдений над блокнотом, с наслаждением любовался кустами, деревьями, в изобилии окружавшими наш домик. Но особо тяготел к цветам. Простеньким, неухоженным, низкорослым. Никогда их не рвал. Только позволял себе прикасаться к нежным лепесткам, подолгу потом обнюхивая пальцы.

Желая как-то отвлечь Психа от депрессивного созерцания окрестностей, преувеличенно-весело бросил:

— Далеко ещё?

— А? — вскинулся мой наставник, тут же расслабляясь. — Вон к тому фургончику.

К какому именно — осталось загадкой. Моё внимание привлёк человек, стоявший спиной на нашем пути и болтающий с незнакомым сержантом. Крепкий, высокий, в светло-сером жилете, удивительно не подходившем к остальным вещам — тёмным брюкам, заправленным в ботинки с высокой шнуровкой и футболке невзрачной расцветки. Со знакомым до боли затылком.

Хлюпа.

Тот, словно почувствовав, что его рассматривают, развернулся, и побледнел. Тоже узнал... Лицо моего бывшего напарника по сопровождениям перекопилось в неприкрытой злобе, верхняя губа задралась вверх, демонстрируя желтоватые, редкие зубы. Щека дёрнулась.

И тут же агрессивное, откровенно ненавидящее меня рыло искривила плохо слепленная радость.

Он деловито попрощался с собеседником, заверив его, что приедет снова, после двинул навстречу, гулко топя по грунту. Каких-то десятков шагов — и вот он, передо мной.

— Привет, — напоказ развязно, с дружеским оскалом, выхаркнул Хлюпа. — Давно не виделись.

Психа он проигнорировал, будто его тут и нет.

— Здорово.

— Всё служишь? — произносилось это больше для заполнения неловкой паузы, чем для завязки приятной беседы.

Я в форме, с оружием, совсем рядом — передовая. Чем ещё я могу тут заниматься? Песни в школьном хоре петь?

— Служу.

— А я вот, — сразу три пальца дотронулись до жилета с пятернёй и сердечком. — В волонтеры подался. Помогаю ковать победу, по мере своих слабых сил.

Поднахватался... Раньше предложения строил проще, без пафоса.

— Молодец.

От этой встречи внутренний дискомфорт испытывал не только Хлюпа. Почти подзабытая история с таблетками в душевой словно выскочила из-за угла, нежданчиком, при этом грозя опрокинуться и забрызгать своим дерьмом повторно, по самую по маковку.

Спросить при всех, кто тогда подсуетился с таблетками? Для чего? Он не ответит. Разойтись краями? Так, наверное, умнее всего.

Вот же непотопляемый говнюк... От военной полиции ушёл, от кредиторов ушёл, и вот, пожалуйста, всплыл. Помня о его склонностях, могу спорить — не бесплатно он волонтерит, не за идею. Слишком разные понятия — он и альтруизм. Слишком несовместимые.

— Ну, удачи, — Хлюпа счёл обмен любезностями окончанным и хлопнул меня по плечу. Покровительственно, со снисхождением, явно желая добавить на прощанье: «Чтоб ты сдох», или нечто подобное.

Не дожидаясь моей реакции, он демонстративно развернулся и бодро, широко ставя ноги, направился к автомобилю.

— Это кто? — поинтересовался Псих, на которого этот урод демонстративно не обратил внимания.

— Я тебе рассказывал. Тот, кто в душевой таблетки прятал.

— Ого! Теперь сбежит.

— Почему?

— Мы его видели. А он приехал как раз тогда, когда бригада на ротации. Не хотел встречаться. И не угадал... Мне он не нравится.

— Мне тоже.

— Гнилой... — новый шлепок по плечу, более мягкий, от Психа. — Не расстраивайся. Друзья должны друг другу помогать. Этот человек для тебя опасен.

Сдвинув каску на затылок, он осмотрелся, что-то для себя прикинул и попросил:

— Иди к нашим. Я скоро. Правда-правда.

Ничего не объясняя, мой наставник, он же первый номер побрёл в сторону, слегка сгорбившись. Мне же не оставалось ничего другого, как развернуться и пойти обратно, к грузовику. Вот ведь, попил сока... Да ну его, этого уroda с сердечком в руке! Плюнуть и растереть!

Оказавшись спиной к Хлюпе, я решительно настроился забыть о неприятной встрече. Случайности случаются, от этого никуда не деться. Каждую близко к сердцу принимать — никаких нервов не хватит.

Водила, словно только и ждал, завёл двигатель, высунулся в окно, распахнул рот, намереваясь...

— Снайпе-ер!!! — проорали совсем рядом.

Не рассуждая, рухнул в траву, сбрасывая с плеча свою «Эмку» и втягивая голову в плечи.

Крик повторился, вокруг грузно падали тела, редко матерились, а кто-то спокойно, даже как-то буднично, огласил через полминуты:

— Волонтёра убило. Новенького.

Я поискал взглядом наставника, благо, особых усилий делать для этого не пришлось. На лысой земле спрятаться сложно. Вон он, лежит, как и я, задом кверху, брюхом вниз, высовывая правую руку из-под груди. Оттуда, где у него хранился пистолет.

Я молчал всю дорогу, переваривая случившееся. Позади остались и лихорадочная, из всех стволов, отработка расположенного неподалёку лесочка, в котором, по мнению армейцев, прятался снайпер-диверсант; и следователь прокуратуры, почти сразу прибывший и наскоро состряпавший нужный протокол о «жертве среди мирного населения»; и волонтерский автомобиль, в который Хлюпу закинули без всякого пиетета, точно мешок с овощами, прикрыв голову грубой холстиной в бурых пятнах, хранимой у здешнего интенданта как раз для таких вот случаев.

Солдаты, навидавшиеся всякого, быстро забыли о покойном, о возможном снайпере и разбрелись кто куда, почти не обсуждая смерть новенького волонтера. Следователь, опросив для скорейшего списания дела двоих свидетелей, тоже свалил, напоследок поболтав с водителем в такой же, как у покойного, жилетке. Дневальный с ведром песка присыпал оставшуюся на земле кровь.

С нами, «добровольцами», никто не разговаривал, а мы и не настаивали. Попрыгали в грузовик, захлопнули борт, сумрачно ощущая, как двигатель колымаги набирает обороты.

И всё. Следы пребывания человека в этом мире стёрты.

В расположение вернулся в полном молчании, ни с кем не общаясь. Взвинченный, раздражённый от неожиданной выходки товарища и наставника. Зачем он Хлюпу убил? При всех?

— На кой?! — выпалил я, едва закрылась дверь в наше обиталище.

— Ты о чём? — Псих отозвался безмятежно, с непониманием.

Захотелось его прибить. Тут же. Не за поступок. За спокойствие.

— О том, что ты человека завалил!

— Я помню.

Нет, он точно напрашивается, чтобы его если и не прибили, то хотя бы стукнули. Или терпение моё проверяет?.. Схватил чайник, прямо из носика напился невкусной, застоявшейся за время нашего отсутствия воды.

— Псих! Ответь! Хлюпа, конечно, мразь редкостная, но при всех, прямо посреди чужой части!..

— Так надо. Он плохой. Я тебе помогал. Ведь я же обещал что-то придумать. Теперь ты можешь сообщить в СБН, что это сделал я.

Из меня будто бы стержень вытащили. Ноги безвольно подкосились, тело обмякло, чайник с пластиковым грохотом упал на пол. Выручила койка, весьма удачно оказавшаяся рядом. Без стеснения выматерившись, я уселся на край, а ладони сами обхватили голову, словно она могла взорваться от столь наивных ответов.

У него с головой вообще плохо стало? Грохнуть ради того, чтобы я красиво тому самому Майклу доложил? В тюрьму захотел пойти?

— Ты совсем?.. — закончить не получилось. Подходящего эпитета не нашлось.

— Нет. Я в порядке, — участливо отозвался наставник. — Правда. Это ты немного не понимаешь.

— Чего? Того, что ты из-за меня подставляешься под статью о преступлении первой степени?!

Бросив рюкзак на стул у своей койки, Псих присел рядом и поднял руки, как бы желая меня обнять, но, не решившись, опустил. Пожевал губами, скорчил скорбно-участливую физиономию. Наверное, он ждал от меня каких-то поступков или слов, но не дождался. Всё, на что меня хватило — уставиться на носки собственных ботинок. На него я смотреть не мог.

— Поясняю, — сослуживец говорил бесцветно, словно произносил этот набор букв тысячи раз и бесконечно от него устал. — Тебе необходима информация для Службы Безопасности. Я тебе её предоставил. Сдержал обещание помочь. Друзья всегда должны помогать друг другу. Ты про это забыл?

— Но не так!

— И так тоже. Вижу, вся картина тебе не видна. Убедил... Перейдём к первопричинам, — голос его стал жёстким, шершавым, почти материально способным причинить боль. — Ты рассказал мне о наркотиках в душевой. Рассказал об этом засранце. Рассказал о том, что он ухитрился впутать кого-то ещё в своё дерьмо. Такие люди всегда себе на уме, у них нет ничего святого и понятий честности.

— На улице в каждого первого пальцем ткни — для кого-то он обязательно окажется уродом и сволочью. Включая нас.

— Мне неинтересны сравнения, — Псих отодвинулся, после встал и подошёл к окну. — Это всё наносное. Придумали болтуны, чтобы было о чём языки чесать. Не уподобляйся им. Станешь скучным... Я про того волонтёра, бывшего бойца. Его смерть решает сразу множество проблем. Для тебя — повод выиграть месяц-другой. Для «Титана» — пропажа основного свидетеля в дурацких обвинениях. И тут опять всплывешь ты. Не нужно особо скрывать эту историю. К тебе в автобусе подсела женщина, молола чушь. Хлюпа, если я правильно называю кличку убитого, теперь не подтвердит и не опровергнет. Соответственно, из общей картины его можно выбросить. В сухом остатке видим лишь чудаковатую даму, делающую молоденьким бойцам престранные предложения. О таком редко кто докладывает. Насмешек бояться.

— Но там же были пакеты! — решительность Психа меня пугала, как и его умозаключения. Смешать столько всего в кучу — надо суметь.

— Кроме нас об этом никто не знает. Пока... Неужели ты считаешь, что история с таблетками никогда не всплывёт? — он сделал шаг ко мне и постучал пальцем по моему затылку. — Смотри на меня! Мне нужны твои глаза...

Стук отозвался головной болью.

— Будущего не вижу, — оторвать взгляд от ботинок оказалось нелегко, но я справился.

— Никто не видит. Пользуйся логикой. Этот Хлюпа при малейшей угрозе сдал бы всех и подписал бы любой документ, обеляя себя. Как с гранатами. Не надо ему жить, потому что дурак. Был бы умнее — тёрся бы в другом месте. Подальше от передовой, в частности, и от войны в общем. Хочешь скажу, зачем он в волонтёры подался?

— Зарабатывать.

— Да. Ты умный, Маяк. Только медленно думаешь. Мне кажется, он собирался травкой заниматься. Её все любят. И командование сквозь пальцы смотрит, если в хлам не упарываться. Взамен можно брать деньги. У солдат они есть, а тратить их особо негде. Или женщин бы возил. Тоже хороший товар. В микроавтобусе — матрац, пропуска можно купить. Неприсязательным сойдёт...

— Псих, к чему ты ведёшь? — я окончательно перестал понимать выверты его логики.

— К тому, что я одним выстрелом решил массу проблем. Когда на тебя надавит человек, с которым ты встречался на берегу — с чистой совестью можешь рассказать про импульсный пистолет и смерть Хлюпы. Он усомнится. Выводы баллистической экспертизы, если её вообще сделают, покажут, что угол попадания соответствует возможному выстрелу из той самой рощи, при помощи контрабандной винтовки Федерации. Снайперской, конечно. Поскольку принцип работы и у пистолета, и у снайперки совпадают, разница лишь в силе первоначального импульса и некоторых пользовательских настройках, то доподлинно определить, из чего шмаляли, не представляется возможным. Физических следов в виде гильз и прочих предметов, способных помочь в идентификации оружия убийцы, не остаётся. Баллистическая экспертиза частично отпадает. Импульс рассеивается, не изменяя траектории... Идём дальше. У покойного попадание выразилось в открытой травме верхней левой половины черепа, что, при некоторых примитивных расчётах, тоже подтверждает теорию о том, что враг, жутко ненавидящий наших волонтёров, работал издали. Я подкрутил настройки в ущерб дальнобойности и в угоду площади поражения. Совсем как из винтовки с изрядного расстояния, когда рассеивание началось. Бойцы, в свою очередь, подтвердят, что мы во время выстрела находились на виду и залегли вместе со всеми. Камер поблизости я не заметил. Если и направлены издали, то вряд ли они что-то увидели из-за выбранной мной позиции... — наставник после столь длинной, выданной на едином дыхании, тирады, перевёл дух и, шумно сглотнув, закончил. — Данную хитрость вполне способны раскусить профессиональные судмедэксперты из региональных полицейских центров, но вряд ли к ним попадёт труп. А даже если и так — пистолета у меня нет, — он радостно ухмыльнулся. — Я его спрятал. Глубоко-глубоко... Вывод: доказать мою причастность практически невозможно, но тема для доклада у тебя есть. Крепко безопасники в затылках почешутся.

— Херасе... — только и смог выдавить я, остолбенело таращась на наставника.

Псих, дружелюбный и рассеянный Псих предстал передо мной в ином свете. Солдат, безжалостный, привыкший к смерти и не видящий в ней ничего такого, что заставило бы его вспомнить о ценности человеческой жизни. И он искренне считает, что поступил правильно — ликвидировал угрозу для друга.

— Тут война. Тут убивают, — сослуживец словно подчеркнул жирной линией мои сомнения, отделяя процесс от результата. — Обычное дело.

— Как ты это провернул?

— Матчасть учил, — равнодушно ответил он. — Импульсное оружие имеет особенность — у него нет гильз, нет затворной рамки, оно почти бесшумно в работе и всегда готово к бою. Сделал я вот так, — правая рука исчезла в подмышке, и наружу выставился палец, обозначая ствол. — Траекторию выстрела прикинул по ходу. Для того и отходил в сторону. Да, на глазах у всех. Внаглую. Поэтому никто и не заметил. Что скажешь?

Фигура наставника подалась вперёд, выражая крайнюю степень заинтересованности.

... Уникально вытанцовывается, если подойти к ситуации непредвзято: мне сделали подарок, от которого нельзя отказаться. И выбросить нельзя, и забыть, и потерять... Он всегда при мне. Вроде и от чистого сердца, но... не знаю. Не так всё. Неправильно. И правильно. Одновременно.

— А что тут говорить... Наверное, спасибо.

— Но ты до конца не уверен, — сослуживец понимающе кивнул. — Это из-за юности. Тебе необходимо повзрослеть, определиться с приоритетами. Друзья — это друзья. Остальные... их надо беречь, защищать, но никогда не ставить выше себя и товарищей.

— Да. Спасибо, — уже твёрдо произнёс я, протягивая ему раскрытую ладонь. — Дошло о чём ты...

И тут же захотелось саркастически рассмеяться, в полный голос. Еле удержался.

Псих с чувством пожал мою ладонь, посоветовав:

— Подними чайник. Надо его помыть и вытереть разлившуюся воду.

Я рассыпался в извинениях. Действительно, неудобно вышло.

Пока убирался, пока сбрасывал пропахшее потом и пылью обмундирование, мой первый номер возился с рюкзаком, бережно раскладывая на тумбочке рисовальные принадлежности.

— Карандаш... — бормотал он, — вот... Удивительно, — без всякого перехода обратился ко мне Псих. — Тебя не беспокоит, что я выстрелил в того парня со спины. Обычно это считается неприличным.

— Ты издеваешься? Или дуэльный кодекс вспомнил?

— Дуэль... — с придыханием прошелестело в воздухе. — Дуэль... «Загадка дуэльных пистолетов»! Смотри, Маяк! Ло находит на чердаке старого дома шкапулку, в которой хранится древняя тетрадь...

И его понесли волны творчества, стремительно увлекая усталого, взрослого дядьку в придуманный мир мультяшных персонажей.

Самому, что ли, в социопаты податься? Надоело думать о проблеме — выбросил её из головы, и счастлив. Мой мир — мои правила. Сожаления, стыд, чувство вины можно пустить по боку.

— И колдун ка-ак пульнёт файерболом! — от эманаций безудержного энтузиазма задрожали стены. — Маяк! Ты — колдун! Бери подушку! Это огненный шар...

Навоевавшись подушками, до вечера мы практически не общались. Пользуясь положенным по прибытии отдыхом, Псих, переодевшись в шорты с тапками, оккупировал любимую скамеечку у входа, увековечивая в карандаше новый комикс, а я валялся на койке, прогоняя из головы всякую хрень, связанную с убийством, сослуживцем и с тем, что красивые слова о выигранном сроке остаются лишь доверчивой верой в хорошее.

Никогда я не наступю на товарища. Не до такой степени стал гнидой. А уж после того, на что он пошёл ради меня — и подавно.

Про Хлюпу подобных дум не было. Его вообще не жалко. Так, досадный эпизод. Он сам виноват в таком паскудном финале, проиграл судьбе. Говно-человек, редкостное говно... Где всплывал — вокруг тут же воняло.

Понемногу накатывала апатия. Сказывались потраченные на поиски выхода из патового положения нервы, расстроенные, словно старая гитара с пыльного чердака. Поверх, толстым слоем, ложилось ощущение полнейшего тупика, выбраться из которого у меня не хватало ни мозгов, ни духа.

Овощеобразное состояние, затягивающее своей безнадёгой и обманчивым покоем. Отец называл подобное «Голова в песок. Сколько от проблемы не прячься, а она найдёт».

Через силу, переступая через собственное «я», заставил себя подняться и сделать чаю. На койку даже коситься запретил — слишком силён оказался горизонтальный магнетизм для Вита Самада.

Пакетик с заваркой, кипяток, несколько капель лимонного сока, ворвавшийся в двери Псих с растерянной физиономией, с порога выдавший:

— У меня есть мысль!

— Делись, — нагревшаяся ручка чашки приятно раздражала подушечки пальцев.

— Я предлагаю доложить о той даме, из автобуса.

— С какой радости? — ну что ему неймётся? Вроде же обсудили. — Хлюпа мёртв, свидетелей нет, сам же говорил...

— Забудь! — он не мог найти себе места. Бегал и бегал по комнатке, шлёпая резиновыми подошвами тапок по полу. — Я в сомнениях... Когда ты мне рассказал про наркотики, я тебе поверил. Потому что слышал правду. Но я ничего не знаю об этом! Понимаешь?!

— Нет.

Псих резко взмахнул рукой, досадливо скривил рот. Вскинулся, замер, провёл пальцами по шкафу, у которого остановился.

— Я в бригаде давно. Видел такое, за что пожизненное дают... или медаль. Однако я ничего не слышал о наркоте! Большие, кстати, были пакеты? — в своей манере перепрыгивать с пятого на десятое, уточнил сослуживец, нервно барабанил по дверце.

— Примерно такие, — разведя руки в стороны, попытался изобразить нечто размером с большую банку ананасов. — По весу не помню. Лёгкие.

— Большие, — удручённо закивал он. — Много таблеток.

— Это что-то меняет? — я, демонстрируя спокойствие, отставил чашку с чаем. Тут, главное, не спешить с расспросами. Сам поделится.

— Конечно! — Псих снова пришёл в движение, проносясь челноком от двери к дальней стене и обратно. — Я хотел рассказать командиру о твоей беседе с безопасником и поручиться, что всё происходило с моего ведома. Там ведь не только тебя касается, а и Минуса со Станом, хотя ты и молчишь про них. Но... — заткнулся он на полуслове.

— Но? — эхом повторил я.

Сослуживец дёрнулся, бросился к окну, прижавшись лбом к его прозрачной поверхности и упёршись ладонями в подоконник.

— Я не знаю, как правильно. Не хочу тебе навредить. Или парням. Наркота меняет многое.

От его сбивчивой речи мне стало легче, прибавилось уверенности в себе. Пора заканчивать представление с уклоном в многосерийную мелодраму. Пора определяться.

— Да ничего это не меняет, Псих! Забей на таблетки, не нашего ума эти секреты! Дело в другом... — я необъяснимо ощутил себя в роли наставника, а сослуживца — вторым номером, которому мало объяснить понятные всем вещи, а необходимо их ещё и разжевать, для полной доступности. — Мы ходим по кругу. О разговоре с безопасником докладывать надо? Надо!.. И о пакетах тоже. Я струсил, а ты меня покрываешь. Сколько так может длиться? Неделю? Месяц? А потом? Что потом? Мне всё равно придётся уйти из бригады Тот сраный Майкл не отцепится... А я, пока служу, всё больше и больше погружаюсь в дела «Титана». Перегон машины, история с мотоциклом — на этом же не закончится, могу на месячное жалование поспорить! Кано меня проверял не просто так, от скуки. Он кадры подбирает, на будущее. И файлы с моими похождениями в отдельную папочку копирует. Опять же, на будущее, чтобы не взбрыкнул... Кто первым меня сожрёт — бригада или СБН — задачка так себе, бесперспективная. Так что лучше сейчас разрубить этот клубок... И я

тебя не сдам.

— Уйдёшь? — глухо произнёс сослуживец, не оборачиваясь.

— А что остаётся? — наверное, излишне резко ответил я, отметив, как у первого номера вздрогнули плечи. — Нет в этом ничего такого, эпохального... Всего лишь поставлю точку на очередном жизненном этапе. Наглухо валить меня, вроде бы, не за что, а очередной пинок под жопу я как-нибудь переживу. По крайней мере, у меня появится шанс избавиться от чужих поводков.

Худая спина художника из относительно сутулой медленно превращалась в знак вопроса, а лоб сползал по стеклу, оставляя на гладкой поверхности мутный, влажный след. Упершись локтями в подоконник, он тихо, но твёрдо попросил:

— Не горячись. Чтобы уйти, тебе надо провести медчасть, сдать ID. После каким-то образом выбраться за двухсоткилометровую зону, не попадаясь на глаза полиции и СБшникам. Там тоже нужно куда-то голову преклонить. Давай поступим умнее. Сходим к начальству, расскажем о случившемся. Мне поверят. Я, всё-таки, не последний в бригаде человек и это я подтолкнул тебя на ту встречу. Чем бы ни закончилось, ты только в выигрыше. Перед «Титаном» останешься честен. Если уволят, то я организую машину и выведу тебя в глушь, где ни одна падла не найдёт. Да, — убеждённо завершил он любимой присказкой, оторвался от окна и принялся стаскивать любимые шорты. — Так будет лучше.

— Как скажешь.

Забив на субординацию и правила доклада по инстанциям, Псих потащил меня к заместителю командира бригады по личному составу. Шёл первым, постоянно кусая нижнюю губу и всем видом выражая решимость.

Попутно инструктировал, хотя я в этом и не нуждался:

— Больше помалкивай. Сам разберусь. Повоюем...

«Повоюем» за наш краткий маршрут прозвучало раз пятнадцать, может, больше. Кого пытался убедить мой первый номер этой примитивной мантрой, для чего бормотал её без устали — осталось загадкой. Если для меня — то лишнее, я уже всё решил. Для себя — не в его стиле вести долгие, тяжёлые переговоры, заставляя противника по миллиметру сдавать позиции в ходе словесной битвы. Натура не та. И Психу это прекрасно известно.

Кабинет высокого начальства встретил нас недружелюбно. Хозяин, подслеповато моргая покрасневшими от долгой работы с компьютером глазами, поначалу хотел выгнать вон поздних визитёров, однако взбудораженный вид моего сослуживца заставил его изменить первоначальные планы.

— У тебя три минуты, — очертил критерии доклада замком.

Псих зашёл с козырей:

— Маяка СБН завербовало. За восемь дней до нашей командировки на передок Приезжал человек. Переговорил с ним, — кивок в мою сторону. — Уехал.

— Та-ак... — сидящий за столом подобрался.

— Я был в курсе, — поспешно добавил мой плешивый друг. — Я предложил пойти на встречу, не ставя никого в известность. Дело вот в чём...

Тремя минутами мы не ограничились.

... Про операцию с гранатами, прокол с мотоциклом и запись моей трескотни в эфире я сообщил лишь после разрешения начальства. Сослуживец, фривольно привалившись к

подоконнику единственного в кабинете окна, слушал вполуха, больше наблюдая за реакцией замкома. В руках он суетливо вертел блокнот, с которым практически никогда не расставался.

Подробности шли за подробностями, без вреда для хронологии событий. Меня фактически не переспрашивали. Научился докладывать, под чутким руководством сержанта Бо и мозгоправа.

Внимательно слушая, хозяин кабинета на представленное видение событий реагировал ровно, с нейтральным выражением лица. Когда я закончил, он лишь спросил:

— Ещё что-то есть?

Компенсируя моё замешательство, Псих перехватил инициативу:

— Какая-то женщина просила Маяка вынести пакеты с таблетками из расположения третьего батальона. Хранились они якобы в душевой. Предлагала шесть процентов от оптовой стоимости содержимого.

— Что за пакеты? Что за женщина?

— С наркотой. Она так сказала. Маяк и забыл почти. Решил, что ненормальная. Он и мне об этом в качестве анекдота рассказал. Ну посуди, — по-приятельски обратился сослуживец к замкому, — подходит на улице неизвестная...

— В автобусе, — поправил я ради истины, не понимая, для чего Псих вообще приплёл это происшествие.

— Где? — непритворно удивившись, переспросил высокий чин.

— В автобусе. Я как раз выехал на встречу с Минусом. Подсела, на следующей остановке вышла. Наплела про какого-то товарища, который мне совсем не товарищ, указала тайник. Впоследствии не звонила, не показывалась, иными способами связаться не пыталась.

— Товарищ... — уцепился замком. — Имя?

Я развёл руками, присовокупив:

— Склоняюсь к тому, что подразумевался изгнанный из «Титана» Хлюпа. Мутный тип.

— Помню. Почему он?

— Больше никому. Все остальные мои знакомые в бригаде сидят. А Хлюпу я незадолго до этого в городе видел. Он ко мне подходил, — а вот тут можно обойтись и без длительной описаний, — предлагал заработать. Я послал. Морду, к сожалению, не набил, о чём очень сожалею.

Маленькая ложь, она такая... хорошо в правде прячется. Вывали я всю эпопею полностью, с упоминанием шантажа и угроз, наверняка повернулось бы по-другому, как недоносительство. А так... туман сплошной.

Заместитель бригадного командира подпёр щёку ладонью. Задумался.

— Маяк! — определился он. — Возвращайся к себе. Жди распоряжений.

Настала моя очередь виртуально чесать в затылке.

— Я... это... хотел бы покинуть «Титан». Не хочу в стукачах ходить.

— Похвально, — замком несколько оживился. — Мужской поступок и всё такое. А теперь выполняй приказ! — рявкнул он так, что у меня волосы дыбом встали. — Марш к закреплённой за тобой койке и жди!!! — и уже другим, усталым голосом. — Псих. При всём моём хорошем отношении, нам нужно поговорить...

После общения с начальством вернулась уже знакомая апатия с налётом фатализма.

Будь что будет. Плевать. Допрашивать меня под химией, не продал ли я секреты «Титана» — да на здоровье! Сам плечо под укол подставлю, или что там у них требуется... Расстреляют? Агента СБН? Страшилка. Агентов убивают редко, и то больше в фильмах и в полудиких бандах. Тем более, меня ни на чём не поймали. Прогонят — вполне устроит, я за этим и ходил. В ухо двинут на долгую память — пустяк. Передадут через меня привет Майклу?

Да глубоко индифферентно... Я деньги из шкафчика забрал, вот они, под подушкой. Выберусь за территорию военной юрисдикции — спрячусь. В гетто каком-нибудь. Среди отребья и работяг. Без помощи Психа.

Выживу.

Сон не шёл...

По дорожке застучали каблуки форменных ботинок. Знакомая походка... Долго же его не было. Часы в углу общего визора отметили, что уже глубоко за полночь.

Воспитанно-аккуратно, чтобы не шуметь, дверь плавно приоткрылась и в комнату на цыпочках вошёл сослуживец. Думает, что я сплю. Чтобы ему не возиться в темноте, включил свет и без выражения поинтересовался у почти бывшего наставника:

— Для чего ты о покойном при начальстве сболтнул?

— Чтобы тебе помочь, — устало отмахнулся тот, заваливаясь на койку прямо в одежде. — Расчёт простой: если пакеты заинтересуют руководство, то ты нужен как свидетель для разбирательства. Вполне возможно, что кроме тебя эту женщину никто не видел и ты можешь её опознать. А это — большой плюс для меня. Замком, вроде как, и не против, чтобы ты остался под мою ответственность, но его слово не крайнее. Да и переменчив он. Надо, чтобы довели до командира бригады. Обязательно. С ним я тоже найду общий язык. Но он в отъезде, и когда прибудет — неизвестно. Хочу, чтобы ты до его возвращения тут остался. Уйти всегда успеешь. Не сдавайся.

— Ну а если таблетки не интересуют?

— Тогда без разницы. История умрёт окончательно. Пойду скандалить, если приказ без главного попробуют протолкнуть.

— И тебя послушают?

Зевнув, Псих повернулся на бок, физиономией ко мне.

— Дружище! Я с ними с первых дней. Они мне верят. Понимаешь... вера — это такая штука, без которой нельзя. В бою надо верить, что сосед прикроет, в столовой надо верить — что если поперхнёшься, то тебя похлопают по спине... Можно много примеров привести, но зачем? Главное ты уяснил. Если есть вера — тебе поверят, что бы ты ни рассказал и ни сделал. И помогут, если ты можешь обосновать.

— А наркота? — непроизвольная колкость, вырвавшаяся против воли, показалась мелочной мстостью за напоминание о том, кто я, и кто он в негласной бригадной иерархии. — Ты же сомневался, колебался, утверждал, что «меняет многое»... Извини за прямоту.

— Не твоего ума дело, — разом посмурнел он и отвернулся к стене. — Свет выключи.

Глава 14 Интерлюдия № 4

Кано вошёл в кабинет мрачнее тучи. Помятый, с отчётливо просматривающейся щетиной на посеревших от бессонницы щеках. Дождавшись дежурного «Присаживайся», он тяжело опустился на стул, положив перед собой рабочий планшет.

— Докладывай, — потребовал заместитель командира по воспитательной работе, выглядевший ничуть не лучше подчинённого. Такой же хмурый, усталый, пропахший неисчислимым количеством выпитого за ночь кофе.

Сквозь неплотно зашторенное окно начала сереть предрассветная мгла, тонкой, еле видимой полосой на горизонте сообщая о скором рассвете.

— Пакеты из душевой вынес боец Карат. Пришёл призывом раньше, чем Маяк.

— Они связаны?

Закусив губу, психолог отрицательно покачал головой.

— Никоим образом. Практически не общались из-за сходности характеров. Тот тоже замкнутый, весь в себе. На контакт, в принципе, идёт, но лишь в качестве ответа на предложенное общение. По служебным командировкам не пересекались — все расписания и графики проверил лично. В быту предпочитали находиться в разных местах расположения. Карат всё свободное время проводил в спортзале — железо таскал. Маяк больше ошивался на гимнастической площадке и стрельбище.

— Тогда каким способом с ним связались?

— Через изгнанного Хлюпу. Боец показал, что, находясь в увольнении, — Кано, как ни старался, не мог перейти с официоза на простую и свойскую манеру общения, принятую в этом кабинете, — к нему подошёл упомянутый Хлюпа и предложил подзаработать, организовав транспортировку свёртков за пределы базы бригады. Они имели общие выезды и были немного знакомы. Отношения поддерживались дистанционно-приятельские.

— Сколько предложил?

— Пятьсот кредитов Федерации.

— Когда произошла встреча?

— За пять дней до выезда Маяка на операцию. Карат взял время на раздумье. Согласился через семь дней. До этого умышленно игнорировал все попытки Хлюпы с ним связаться. Колебался.

— Причина?

— В первоначальном разговоре речь шла об одном пакете. Впоследствии выяснилось, что их два. Данное расхождение породило недоверие. Моё мнение — первоначально Хлюпа пытался взять Карата «на крючок», опасаясь называть истинное число. Для него было важно принципиальное согласие, а там, где один, там и два. К тому же, покойный пытался шантажировать бойца тем, что его могут убить заказчики. Допускаю, что не врал.

— Какая чушь... — протянул замком, упираясь лбом в ладонь.

— Изгнанный отличался самоуверенностью и искренне считал себя толковым манипулятором. Его наивные комбинации никого не обманывали, но он не унывал и продолжал «мутить воду» снова и снова.

— Ох, ё... с кем приходится работать... — желчно протянул хозяин кабинета, намекая на недостаточную суровость в отборе кандидатов на службу. — Что с пакетами?

— Вынес в город, спрятал. После получения денег указал тайник.

Замком встал из-за стола, прошёлся, с удовольствием разминая затёкшие от долгого сидения ноги.

— Я правильно понимаю — Маяк являлся резервным вариантом?

— Так точно. Дублирующим.

— Эге... — хмыкнул хозяин кабинета. — Пока всё сходится. А где сам Хлюпа?

— Убит снайпером. Имеется заключение военного прокурора и опрошенные свидетели. Он в волонтёры подался, прибыл в район боевых действий, и не повезло...

— Слишком удачно не повезло, — оборвал начальник.

К такому заключению Кано оказался готов. Активировал планшет, почти сразу нашёл в содержимом официальный бланк, протянул девайс к прохаживающемуся.

— Погиб прямо среди тылового расположения. Работали импульсной винтовкой с удалённой дистанции. Заключение о характере ран и причинах смерти прилагается.

— Там же и склепали?

— Да. Его сняли на глазах у множества людей, — мозгоправ наконец-то смог избавиться от канцеляризмов в речи и от этого приободрился. — К чему полноценная экспертиза?

На планшет замком так и не взглянул.

— Допустим... Хотя аналогичные раны оставляет и импульсный пистолет разработки Федерации... Оставим! Удалось выяснить, как пакеты попали к Хлюпе?

— Только версия. Воспользовавшись халатностью водителя, похитил из автомобиля комбата у гаражных боксов, почти перед отправкой. Мы, конечно, отработывали данную линию, однако в свете новых сведений переработаем ещё раз. Имелся там момент... когда обзор частично перекрывал иной транспорт. Негласная проверка всех, кто крутился неподалёку ничего не дала, но вы же сами дали команду шума не поднимать.

Нагулявшись всласть, начальник вернулся в кресло, обличительно прорывчав:

— А ты чего хотел? Раструбить о пропаже на весь город?! Да нам дешевле смириться с потерей, чем предавать огласке... — тут он осёкся, понимая, что витийствует не по адресу, выдавил из себя улыбку. — Ладно... Всё приходит с опытом. Прокол, скорее всего, в логистической цепочке. Где-то кто-то расслабился. Хлюпа — точка отсчёта. Пройдись по всем этапам, соображения потом выскажешь.

Согласно кивая, Кано изо всех сил старался, чтобы взгляд не выдал то, о чём сейчас думает и в каких эпитетах. Начальник приказывал сделать то, над чем он и сам, без понукания, едва ум не вывихнул, проверяя и перепроверя последовательности и людей. Правда, приоритетным считал участок отправки товара за пределы милитаризованной зоны.

— Будет выполнено.

Замком потёр подбородок.

— Предположим, ты прав. У покойного уже не спросишь... Тогда что за баба приезжала к Маяку? Представитель конечного покупателя?

— Вполне возможно. Со слов Карата, покойный не упоминал про дополнительные обстоятельства, однако выглядел излишне нервным, постоянно оглядывался.

— Взял предоплату, и возникли проблемы с доставкой?

— Я не знаю... Кроме Маяка, больше эту даму никто не видел. Склоняюсь к мысли, что она по каким-то причинам прибыла подтолкнуть сделку, а когда первый кандидат на доставку взял паузу, рискнула перехватить инициативу и подмяла процесс под личный контроль, не доверяя продавцу. Для того и раскрылась.

— Грубо говоря, убитому не слишком доверяли? Вполне разделяю. Прохвост он, судя по всему, был тот ещё.

— Так точно, — поддакнул мозгоправ.

— Кто такая, выяснили?

— Выясняем. Мой специалист уже возится с серверами компании, занимающейся автобусными перевозками. По их правилам, все пассажиры фиксируются при входе. Так же сделан запрос на армейские блокпосты по основным транспортным маршрутам. Предварительные результаты ожидаются в ближайшие часы. Работа ведётся.

Устроив планшет обратно, перед собой, Кано обратил внимание на появившийся световой сигнал о входящем сообщении.

Заметил его и хозяин кабинета.

— Проверь, — разрешил он.

Письмо пришло с коротким текстом: «Акоко Бикилу». К нему прилагалась фотография обыкновенной женщины, сделанная на фоне открытых дверей автобуса. Ниже шла приписка «По криминальным учётам не значится. Место проживания неизвестно. Время поездки — тринадцать минут. Пересекла административную линию...» дальше шёл номер блокпоста на кордоне между мирной и военной жизнью, дата, часы и минуты прохождения. Психолог даже без проверки временных координат мог уверенно утверждать — она покинула прифронтовые края за сутки до возвращения Маяка.

Хронология событий выстраивалась в стройную логическую цепочку.

Толком не договорившись с Каратом, покойный Хлюпа запаниковал и попытался впутать нового сослуживца. Сроки, похоже, позволяли. Однако появление новой фигуры перепутало все планы. Эта самая Акоко лихо перехватила инициативу и встретила с отбывающим в командировку Маяком, где закинула более жирную приманку в виде доли от общей стоимости.

Попутно в игру возвращается Карат, всё же решившийся немного подзаработать, и выносит груз получателю. Про Маяка забывают, таблетки уезжают с новой владелицей.

... Обо всём этом он немедленно доложил начальству.

— Пробейте по закрытым базам, — распорядился замком. — Кто, что, кого представляет. Если это, разумеется, настоящие имя и фамилия, в чём я весьма сомневаюсь... И не присматривает ли она или её хозяйка новый товар в наших краях. Слишком аппетитно у них получилось подзаработать. Партия была приличной по объёму, да и лишние слухи нам ни к чему. Требуется разобраться. Найди, собери информацию.

— Понял. Я тоже подозреваю, что фигурантка использует поддельные документы. И грим. Женщине изменить внешность гораздо проще, чем мужчине. Возраст тоже. Омолодиться сложнее, а вот накинуть себе десять — двенадцать лет проще, на это любая дама вполне способна. Нам преподавали. Краска для волос подешевле или парик, кожу подсушить, макияж на нужные участки грамотно наложить. Если голос не девчачий, то сходу и не заподозришь.

— Не перегибаешь?

Хмыкнув, мозгоправ состроил загадочную физиономию, будто предлагал представить всю глубину женского коварства и незаурядный интеллект отдельных дам. Дождавшись ответного, понимающего хмыканья, он подкрепил своё гримасничанье пояснением:

— Если умная, то так и поступила. Боец ведь мог и начальству настучать прямо из автобуса. Быстро бы нашли. А так вышла, умылась, и вновь молоденькая красавица... Что

делать с Каратом?

— Избавься. Его никто не просил в это влезать. Наверняка и внутрь упаковок заглянул, и на язык попробовал.

— С Маяком?

— С этим сложнее. Псих за него горой. Сам что думаешь?

Почувяв перекалывание ответственности на нижний чин, Кано пожал плечами.

— Меня смущает сотрудничество с СБН.

— Всех смущает. И всех они пытаются вербовать, включая тебя.

— Было, — не смутился подчинённый. — Давно. Только я согласия не давал.

Выкрутился.

— Согласие наш художник советовал подписывать. Я с ним пообщался, сам на сам. Откровенно... Он правильно сделал, что убедил своего второго номера не лезть в бутылку. Но это, если, конечно, не придирается к моральной стороне. При записях голоса, при полном провале операции, по твоей, кстати, вине, — прозвучавший укор больно резанул по самолюбию психолога, заставив того опустить взгляд, — парень поступил единственно верно. Что ему терять? Взбрыкни Маяк — и дальше? Доложи он нам... тут, конечно, неизвестно, как бы получилось. По секрету признаться, ему бы всю плешь проели. Почему, да как допустил, и откуда... С другой стороны, я ему лично приказал старшего как родную маму слушаться. Он приказу чётко следовал.

— Мог бы и раньше прийти, а не через месяц без малого, — Кано не то, чтобы защищался, просто посчитал нужным указать на данный факт.

— Псих убедил его не дёргаться. Для того и на передок вывез — подумать, определиться, спрятать. Ты же знаешь, наш творец если кого другом назвал — то до конца за него держаться будет. Другому бы не поверил, но Псих...

— Врать не умеет, — закончил за начальника мозгоправ. — Зато другие умеют.

— Ты о том, что Маяк сказочку наставнику рассказал?

— Именно.

— Вполне возможно, — легко согласился замком. — Сам при разговоре Психу лгал о том, что мне про пилюльки ничего не известно. Удивлялся, недоумевал напоказ... Не поверишь, себя стыдился, и это при моей-то должности! — горький смешок вырвался из его груди. — Поэтому и жду толковых предложений. Случайно вывести из игры Маяка нереально. Псих на дыбы встанет, а он с командиром бригады в близких. Старожил... Волна пойдёт. Он же, считай, талисман «Титана». Многие этому талисману больше, чем обязаны за то, что живыми остались. Тем более, его новая игрушка толком ничего и не знает. Краем прошёл.

— Предлагаю упростить. Задействовать новичка в паре операций с таким расчётом, чтобы при необходимости выдать его безопасникам с нужной порцией дезинформации. Или выгнать под благовидным предлогом. Пусть сам выпутывается. Его смерть, при наличии задокументированных аудиозаписей и взятых... да в той же полиции образцов голоса с допросов, мало что решает. Или оставить и ни к чему не привлекать, подбрасывая темы для докладов. Пусть служит. После отдыха, на передке он чётко покажет, чего стоит.

— Симпатизируешь? — вопрос звучал без подначки, просто как вопрос профессионала к профессионалу.

— Плохого про парня ничего не скажу, а хорошего... пока рано. В целом, признаю, симпатизирую в разумных пределах. Задатки у него полезные. Умён, опаслив, молчалив. И

смелость с рассудительностью не конфликтуют. Удобное сочетание.

— Одобряю, что сказал. — совершенно серьёзно заметил хозяин кабинета. — С людьми у нас туговато, не хочется разбрасываться без нужды. Присмотрюсь попристальнее.

— Решать вам, — вернул Кано старшему сваленный на него выбор.

— Решу. Попозже. Для начала пообщаюсь с его непосредственными командирами, — замком вновь посмотрел на окно, в котором рассвет практически вытеснил черноту ночи. — Раз уж ты здесь, то давай обговорим кое-какие детали по прошлым делам...

На физзарядке, обязательной для всех «титановцев», Псих не появился. Я вообще его не видел с утра, как проснулся. Тапки и шорты сослуживца валялись на обычных местах, форма отсутствовала.

После вчерашнего вечера такая новость заставляла чувствовать себя не в своей тарелке. Мало того, что моя судьба оставалась в подвешенном состоянии, так ещё и этот живописец свалил в неизвестном направлении. А ты ходи теперь, думай...

Впрочем, отношение ко мне со стороны взводного не изменилось. Я придирчиво взвешивал, чуть ли не под микроскопом разбирал каждое его слово, обращённое к бойцу Маяку, и ничего, кроме стандартных интонаций, в них не находил.

Отбегав своё, почти без потери спринтерского темпа вернулся в домик, надеясь застать Психа и прояснить свои ближайшие перспективы.

Никого.

Звонить ему не решился. Кто знает, куда занесло наставника? Может, у командования сидит, важные вещи обсуждает; может, одиночества захотелось. Но мог бы и предупредить, что сваливает — невольно кольнула обида. Ещё и день сегодня свободный... Положенный по возвращении отдых. В другое время радовался бы — по обычаям бригады всякий, кто отдежурил на передке в период отвода части в тыл, получал трое суток увольнительной. Поговаривали, можно было выпросить и пять, но тут уж многое зависело от расположения начальства. Однако после посещения замкома радость почему-то не спешила приходить.

После завтрака, от нечего делать, увалился на койку и попытался посмотреть визор. Не смог. Новостные ленты изобиловали всевозможными репортажами о неизвестных мне городах и людях, развлекательные шоу навевали тоску тупостью участников и наигранным куражом ведущих, а от утренних сериалов с несчастными героинями вообще хотелось блевать.

Выключил, переориентировавшись на более увлекательное занятие — копание в сети.

Там я вдосталь насмотрелся коротеньких видеороликов на самые различные темы, почитал довольно смешные комментарии из социалок, собираемые некоторыми ушлыми блогерами ради наполнения контента. А потом зачем-то забил в поисковик имена комиксных человечков Ло и Го.

Экран коммуникатора запестрел ссылками. Да какими!

«Ежегодная премия по детской литературе...»

«Издательство „Книги маленьким“ анонсирует новую серию приключений про так любимых героев...»

«Победитель в номинации...»

«Лауреат...»

Я поначалу даже засомневался, что речь идёт о тех самых персонажах. Желая убедиться, открыл одну из вкладок, увеличил картинку в заголовке текста. Точно, они: Ло и Го. Вот только авторство принадлежало не Психу или кому-то с нормальными именем и фамилией, а некоему дядюшке Чичуху.

Псевдоним заставил улыбнуться. Веяло от него чем-то тёплым, домашним, добрым и неуловимо подсказывающим, что мой первый номер и Чичух — одно и то же лицо. Ну и наводило на некоторые размышления. Тут сослуживец предпочитает называться Психом.

Там, в мире развлекательного бизнеса, тоже именем не пользуется. Хотя, как рассказывали Стан с Минусом, ничего криминального в его прошлом частный сыщик не накопал, так что скрываться, вроде бы, и не от чего.

Личные причины? Тень из прошлого, заставившая порвать со всем ради обретения новой жизни? То, от чего хочется бежать, не оглядываясь? Или очередной казус причудливого сознания владельца?

— Про меня читаешь?

Я вздрогнул, непроизвольно оторвав взгляд от экрана коммуникатора. В дверях стоял мой первый номер.

— Почему ты так решил?

Он вздохнул, проходя в комнату.

— Предположил. Наушников на тебе нет, музыки или слов из динамика не слышно. Ты читаешь, а не смотришь. Вспоминаем, как выглядят люди при изучении текста. Основное выражение лица при чтении или просмотре — скучающее или задумчивое. Ты же в данный момент выглядишь весьма заинтересованным и удивлённым, словно узнал нечто неординарное. Дальше. Ты никогда не спрашивал, как меня звали раньше, и я рискнул предположить...

— Читал про Ло и Го. Ты, оказывается, известная личность.

— Известная личность дядюшка Чичух, — покривился он так, будто я его в чём-то обвинял. — Рекламный агент посоветовал придумать. Псих — не звучало. Вставай, Маяк. Хватит боками матрац плющить. Поедем, развеемся.

— Куда? — мне показалось, что наставник и друг хочет сказать больше, но сдерживается.

— Куда-нибудь за административную линию. Туда, где военных рож нет. Напьемся как следует, поищем проституток. Придумаем что-нибудь... Хочу отдохнуть. С Молотом я всё согласовал, но ты всё равно ему покажись. Ради субординации, — из шкафчика сослуживца на койку уже летели гражданские вещи. — Ускорься. Попутка ждать не будет.

— У тебя нет машины? — изумился я.

Транспорта в батальоне имелось более чем достаточно. Практически каждый боец из старослужащих обладал персональным автомобилем, и без стеснения гонял на нём при необходимости. Комбат даже парковку позволил устроить сбоку от стрельбища, на пятачке у ворот этот автопарк не помещался.

— Нет. Не люблю, — коротко отрубил Псих. — Живее!

Обычно мягкий, дружелюбный голос звенел высоколегированной сталью.

Сбегав к взводному, я получил дежурное напутствие по благовоспитанности и напоминание прибыть в распоряжение не позже, чем через четыре дня.

— Психа благодари. Без его ходатайства хер бы ты у меня вообще за территорию выехал, — грубовато пояснил он такое великодушие в сроках. — По сроку службы не положено. Цени!

Заверив начальство в глубочайшем почтении и поклявшись держать моральный облик на высоте, вернулся к нашему жилищу. Первый номер уже сидел в обычной одежде, на скамеечке, положив рядом с собой маленькую дорожную сумку. Что поразило — он не рисовал, коротая ожидание.

— Я быстро!

Влетев в комнатку, первым делом достал из шкафа рюкзак и сунул на самое дно деньги,

забранные из личного хранилища. Оставлять их здесь — опасно. В «Титане» воров вроде бы нет, но всякое случается... Сверху полетели трусы, носки, сменная футболка, прочие житейские мелочи.

Когда выбежал на крыльцо, одетый как обычный городской житель, то едва не врезался в стоявшего прямо передо мной сослуживца.

— Коммуникатор не забудь, — напомнил он. — На тумбочке лежит.

— Ой, точно! — я опрометью вернулся обратно в комнату, удивляясь внимательности товарища. Схватил позабытый коммуникатор, и, с покаянной физиономией, в два прыжка выскочил наружу.

Хлопнула дверь, пикнув блокировкой замка. Взлетела подхваченная со скамьи сумка.

— Поспешим. Нас и так заждались.

До городка, где квартировал мой бывший батальон, нас подвез один из старослужащих, коему вздумалось после наряда навестить торговый центр и прикупить всяких бытовых безделиц. Распрощавшись с ним на парковке, Псих уверенно направился к автобусной остановке, при этом озабоченно вертя головой.

— Что высматриваешь?

— Магазины электроники или что-то подобное. Наушники нужны.

Идея обзавестись персональными наушниками, а не одалживать их у парней, пришлась по душе. Давно собирался, да всё как-то не срасталось. Люблю, когда фоном играет что-то мелодичное, или интересная книжка бормочет.

— Вон, — вывеска с крупными буквами «Техника на любой вкус» словно сама бросилась в глаза.

Молча проследив в указанном направлении, сослуживец, сутулясь и едва не цепляя плечами прохожих, торопливо зашагал в царство компьютеров и роботизированных кухонных помощников.

Наушники приобрели без консультаций продавца. Псих — самые дешёвые, я — такие же, как и одалживал у парней. Соотношение цена/качество вполне устраивали, а выбирать оказалось некогда. Наставник спешил.

Рассчитавшись, до остановки почти бежали.

Я буквально сторал от любопытства. Хотелось узнать, что случилось и к чему такая спешка, однако немногочисленные жители, ожидающие автобус, заставляли держать рот на замке.

— Потерпи, — хмыкнув, проронил Псих. — Скоро пообщаемся. Билеты я купил.

Двухэтажный, с затенёнными окнами, автобус подъехал минут через десять. Все ожидающие с видимым удовольствием выстроились в очередь и по одному втянулись в прохладное, комфортабельное нутро салона, рассаживаясь тут и там.

Наши места оказались примерно посередине. Устроившись в кресле, я вопросительно посмотрел на наставника. Интрига интригой, но слишком долго находиться в неведении тоже нельзя. Нервы могут и не выдержать.

Он всё понял без слов. Достал коммуникатор, синхронизировал девайс с наушниками и молча протянул их мне, туманно прокомментировав:

— Послушай. До конца.

... Запись, несмотря на отвратительное качество, оказалась весьма занимательной.

Практически информационной бомбой. Я слушал разговор двух людей, в которых без труда признал замкома бригады и Кано. Они обсуждали меня, Психа, делились соображениями о служебных делах. Судя по всему, офицеры не опасались прослушки и общались без кодовых слов и терминов, в открытую.

Судьба Карата, с которым у меня не было ничего общего, взволновала мало, зато упоминание о наркотиках заставило вздрогнуть. Выходит, в главном Хлюпа не соврал — таблетки действительно принадлежали «Титану».

Не обошли беседующие стороной и ту тётку, из автобуса, отчего я невольно принялся вспоминать её лицо, теряясь в догадках — видел ли я истинную внешность или грим.

Дальше стало ещё увлекательнее. Эти два дельца в форме так и не пришли к единому мнению, как поступить с бойцом, носящим позывной «Маяк», то есть со мной. Отложили «на потом», предварительно выдвинув несколько крайне пакостных версий возможного развития событий и посетовав на авторитет наставника.

Финальное заявление «Решу попозже» и вовсе оставило налёт чего-то неотвратимого, отложенного для особого, наиболее подлого удара.

С дел бригадных их трепотня переключилась на какие-то малопонятные полунамёки и вырванные из контекста фразы. Так, обычно, вспоминают прошлый рабочий проект, в котором оба принимали непосредственное участие и детали которого вспоминать — только время тратить. Один сказал, другой с полуслова понял.

Дважды мелькнуло название «Хозяева улиц». Очень хотелось, для понимания, воспользоваться сетью, но отвлекаться от прослушивания я не дерзнул, боясь упустить нечто важное, и до поры отложил самообразование. Тем более, что вскользь прозвучало упоминание некоего Цаха, «сделавшего» последнюю акцию практически идеально.

Назвал это имя или кличку мозгоправ, пожаловавшись, что по завершении мероприятия «пришлось избавиться от «дорогущего и высокоточного инструмента». Замком его недовольство частично поддержал, поведав о сложностях в поставках из-за этого «грёбаного жлобства Федерации и дебильных ограничений».

Вспомнили и про Аоку Бикилу. На планшет Кано поступило новое письмо от неведомого специалиста, в котором сообщалось, что данные дамочки настоящие, как и внешность (это безмерно удивило «титановцев», да и меня тоже), что официально она нигде не зарегистрирована и не работает.

Её взаимоотношения с законом оказались довольно натянутыми. По оперативной информации, женщина состояла в картеле среднего пошиба, квартирующем неподалёку от столицы, и имела статус переговорщика. Цитируемое урывками досье говорило о жёсткости и изворотливости данной особы, за всю свою жизнь не имевшей ни одного привода в полицию.

— Потому и катается сюда безбоязненно. Судимым, обычно, пропуска стараются не давать, — ввернул Кано.

Фактический адрес проживания, почерпнутый всё из того же досье, он, по привычке всех старых службистов, отчётливо доложил начальству.

Последние десять секунд записи были посвящены командиру «Титана». Опять же, мельком. Замком обмолвился, что «босс в столице, и, наверное, скоро ожидаются большие перемены. Сам, — это слово выделялось особо, — вызвал».

... Я снял наушники. Повертев пластиковые загогулины в пальцах, нерешительно протянул их владельцу, расслабленно полуприкрывшему веки и откинувшемуся на

подголовник.

— Спрашивай, — негромко, но внятно потребовал он, подставляя открытую ладонь для своего свежеприобретённого имущества. — Люди позади, — имелись в виду пассажиров за нашими спинами, — смотрят фильм. Если не орать — не услышат. Перед нами никого.

Полуобернувшись, я отметил устремлённые в спинки кресел взоры и беспроводные гарнитуры в ушах.

Спрашивай... О чём?.. Ну, хорошо. Начну по порядку.

— Хозяева улиц?

— Банда. Входит в тройку крупнейших в стране. Её лидер недавно погиб. Выстрел произведен с очень приличного расстояния. Стрелка не наши... Я для тебя закладку сделал. Потом посмотришь статью. Хороший журналист писал. Сжато и объективно.

— Цах?

— Стрелок. Очень меткий. Не то, чтобы снайпер, другой талант... Без всякой подготовки попадать навскидку с приличных расстояний. Да. Так точнее. Служил в бригаде, года полтора назад ушёл в столичный офис вербовщиком и ответственным за логистику. Изредка приезжает, хвастается... Я с ним мало знаком. Он в горячие деньки больше при руководстве отирался, много ездил в командировки. Но воевать умеет. Сильный. Законченная мразь. Пришёл в батальон спустя полгода после меня. Отличался жадностью и не брезговал ничем. Застрелил мирного из-за собственного плохого настроения. Его тогда вышестоящие прикрыли от тюрьмы ради сохранения патриотического имиджа «Титана». Потом сгладилось, про это предпочли забыть. Если сдохнет, вселенская справедливость только восторжествует... Поначалу таких беспредельщиков много было, от них постепенно избавлялись. Этот лучше всех пристроился.

— Высокоточный инструмент?

— Что угодно. От винтовки до пистолета любой модификации. Цах всем умеет пользоваться.

— Куда мы едем?

— К человеку, называвшему себя Майклом. Я хочу утрясти вопрос о твоём пребывании. Для того и организовал увольнительную.

Я едва не взвыл.

— Псих!..

— Не шуми, — строго осадил он меня. — Ты спросил — ты получил ответ. Спроси другое. К примеру, зачем мне знакомство с безопасником? Или к чему такая спешка с выездом? Но лучше всего, прочти вкладку. Держи, — коммуникатор наставника упёрся в мою руку. — Тогда нам будет проще обсуждать. Потому что я уже читал, а ты нет.

Подчиняясь, я отрыл браузер, где в добротном, аналитическом тексте узнал о криминальных разборках, в ходе которых пострадало множество членов преступной группировки, посмотрел видеоролик с трясущимся от ужаса пареньком, на теле которого проглядывали относительно знакомые татуировки, перешёл по ссылке на репортаж с места гибели предполагаемого лидера банды.

Сопоставив не особо разрозненные факты и сверив даты, я задумчиво посмотрел на сослуживца.

— Именно, — устало прошептал он. — Ты правильно всё понял. След «Титана» в этой эпопее даже не угадывается — виден отчётливый явный. За двое суток до твоего появления в батальоне часть бойцов, обученных эксплуатации тяжёлой брони, выезжала в экстренную

командировку. Куда — мне не сказали. Задействовали и отпускиников.

За два дня... я в тот день возвращался в расположение после позорного гранатометания. Оперативно! Получив сведения о провале, в считанные часы организовались, подготовились и добрались до пункта назначения. Теперь понятно и довольное до безобразия лицо Кано, и его тёплые прощания с кем-то из моих новых сослуживцев. Тоже поучаствовал?

Далее сознание уцепилось за сбрую, виденную на Стане и Минусе. До сей поры этот нюанс как-то позабылся, а теперь всплыл вновь. За месяц с небольшим моего нахождения на новом месте службы я ни разу не видел тренировок или, хотя бы, возможных мест хранения силовых комплектов.

Псих же пугал своей способностью предугадывать вопросы:

— В бригаде всяких специалистов много. Да. Официально запрещённое вооружение хранится в подвале административного корпуса. Занятия проводятся регулярно. Просто ты их не замечаешь из-за стелс-режима и графика выхода, когда все уже разошлись по нарядам. А стрелять они убегают подальше. Километров за двадцать. С их возможностями — не расстояние.

Это верно... Носятся тяжеловооружённые «добровольцы» похлеще бегунов на соревнованиях. Имел возможность убедиться.

— Я к этому каким боком? — груз новых знаний казался лишним, опасным. — Кто, кого, за какие грехи — не хочу знать. И откуда у тебя эта запись?

Начал Псих с последнего:

— Ты ушёл, я остался. Мы с замком много говорили о тебе. Потом я спросил про таблетки, а он сказал, что ему про это ничего не известно. Он врал, — утверждение прозвучало глухо, проникновенно. Так, обычно, на похоронах говорят те, кто был искренне благодарен покойнику за прошлое. Или при крушении всех надежд, когда разум принял новую реальность, но чувства ещё не смирились. — Я ему сразу не поверил. Мы слишком давно знаем друг друга. Тогда я «забыл» в кабинете блокнот, а под столом — коммуникатор с включённым диктофоном. Утром пошёл и забрал. Рано-рано. Потом слушал. Потом думал.

— Коммуникатор? — эхом повторил я. — Так просто?

Сарказм до адресата не добрался.

— Разумеется. В настройках отключаешь приём внешних сигналов, убираешь звук, кладёшь экраном на пол или прислоняешь к иной поверхности. Это несложно, — сослуживец абсолютно искренне делился познаниями. — В кабинете нормально записывает. И не надо никаких подслушивающих устройств... Потому и сработало, что примитивно.

— А если бы обнаружили?

— Нет, — убеждённо протянул Псих. — Ты придумываешь сомнения. По ночам под столы не лазят, разве что за карандашом. Но замком писать руками не любит, предпочитая клавиатуру. Если незаметно обронить коммуникатор и подпихнуть его ногой под левую часть стола, там, где ящики, то ни за что не найдёшь.

— И как забрал? При всех на карачках лазил?

— Ага, — наверное, впервые за сегодня улыбнулся мой первый номер. — Сунул в рукав. А блокнот потом нашёлся, за шторой. Тоже упал.

— Ну, ты даёшь... — уважительно признал я, представляя, как товарищ на четвереньках ползает по чужому кабинету под внимательным взглядом хозяина.

— Да, пришлось изобразить бурную деятельность, — совсем уж развеселился он. — Везде смотрел. Требовал помочь, страдал. Болтал много. Точнее, забалтывал. Когда уходил,

замком радовался. Я ему надоел.

— Ты ещё и артист.

— По необходимости, — голос собеседника вновь стал серьёзным — Вернёмся к тебе. Неопределённость в твоей судьбе не страшна. Никто тебя не прогонит. Засунут от всего подальше, по принципу служишь — и служи себе. Таких половина бригады. И СБН страшиться тоже не стоит. Величина у тебя мелкая, чтобы только тобой жить. Проблема в другом. До получения новых документов у тебя четыре с половиной года, или примерно столько. Слишком долгий срок, чтобы не закончилась война. Или не наступили плохие перемены. Или ты ни во что не вляпался. Это понятно?

— А то, — скептически признал я, выслушивая то, о чём и сам неоднократно размышлял.

— Но не это главное... Скажи, что общего между игольником, из которого убили Хлюпу, и тобой?

Причудливое сравнение, шокирующее в своей простоте.

— Федерация? — пальцы непроизвольно дотронулись до кругляша за ухом, напоминая о прошлом.

— В точку. Следи за мыслью и сплетай факты: оружие Федерации запрещено, ты — дезертир Федерации, а значит...

— Попадусь врагу или кто-то опознает, — возможен дипломатический скандал.

— Однозначно, — безжалостно продолжил Псих. — От тебя дешевле избавиться, чем возиться. Потерю ещё одного бойца «Титан» выдержит.

— Как же меня приняли?

— Человеческий фактор и коллективная ответственность. Про это просто не подумали. Вербовщик проверил тебя по своей линии, но, спинным мозгом заподозрив возможные осложнения, спихнул конечное решение вверх по инстанции. Начальство, руководствуясь политикой бригады, одобрило предварительное зачисление, не особо вникая. Кадровый голод в бригаде действительно силён. Потому даже тебя, молодого, по мелочи во всяких комбинациях задействовали. Не хватает личного состава, а уж проверенного и адекватного — тем более... Я отвлёкся. Ты сдал все нормативы, автоматически переключив в действующие списки. Но если тот же Кано или замком взглянет на твою биографию под озвученным углом...

— Сам бы избавился, — с болью признал я, тупо глядя в спинку кресла перед собой. — Я про это тоже не подумал.

А наставник всё не унимался:

— При оставшемся до так лелеемого тобой гражданства сроке, можешь гарантировать, что всё это не всплывёт?

— Нет.

— Идти тебе некуда. На гражданке ты в розыске, — он словно избивал объективными фактами.

— Да.

— Тогда будем выпутываться, — лучезарно расплылся в улыбке Псих. — Возможность я придумал. Мы тебя вывезем в нейтральную страну. Поддельные документы я не смогу достать, границу тайно не перейти — контроль там на уровне. Остаётся СБН. Мы обменяем имеющуюся информацию на беспрепятственное окно в нейтральное государство. И ты уедешь.

— Кто меня отпустит? Наобещают всяческих благ с ананасами, а потом обманут.

— Сомневаюсь. Если сведения окажутся слишком ценными, то безопасники сделают всё, что скажем. Но кинуть попытаются, это вернее верного. Придётся за ними присматривать.

По горящим, лихим глазам сослуживца я понял — у него есть план.

— Детальями поделишься?

— Легко. Первое — нам нужна убойная инфа. Такая, чтобы у всех слюни потекли...

Майклу я позвонил прямо из автобуса, дополнив номер начальства продиктованной им комбинацией и, под одобрительные кивки друга, договорился о срочной встрече.

Надо признать, защитник государства не удивился звонку, как и тому, что я готов прибыть в любое, указанное им место. Секунду помедлив, продиктовал название городка, лежащего по ходу маршрута, указав на забегаловку неподалёку от железнодорожного вокзала.

— Найдёшь, — закончил он после того, как мы согласовали время. — Не опаздывай.

Далеко позади остались и блокпосты, и недовольно-трусливые взгляды пассажиров при виде вооружённых людей, проверявших салон и багаж детекторами в поисках взрывчатых веществ и прочих незаконных штук, и хмурый, заскорузлый в равнодушии представитель военной полиции, отвечающий за проверку пропусков.

Псих спал, а я смотрел в окно, и за ним толком ничего и не видел. Высказанные товарищем опасения будоражили, бегали по спине колючими мурашками, заставляя сознание заикнуться на перепутавшихся между собой событиях и проблемах, полностью игнорируя проплывающие мимо пейзажи.

СБН, бригада, замком, наркота, единожды виденная тётка, отпечатки пальцев на байке, дохлый товарищ по сопровождениям гуманитарки казались единым целым со множеством меняющихся, недобрых личин.

Недобрых, но не страшных. Я их не боялся, а так... хотел бы оказаться подальше, только и всего. Да и мурашки, они сродни предстартовому выбросу адреналина, концентрирующему спортсмена на цели и помогающему отшелушивать всё лишнее — и гомон стадиона, и возгласы тренера противника, и весь окружающий мир. Только он и цель. Другого не существует.

Не знаю. Или я повзрослел, или на меня слишком благотворно действует мягкая напористость и твёрдая решимость сослуживца, ринувшегося помогать тому, с кем знаком без году неделя. Сложно определить.

Хватит бегать. Вечно так продолжаться не может.

Поиграем...

Нужная забегаловка от народа не особо скрывалась. Расположилась на углу двух улиц, маня прохожих огромными солнцезащитными зонтами, столиками в окружении удобных стульев и ажурной оградой летней площадки, как бы отделяющей суету внешнего мира от умиротворённости, неторопливости приятных посиделок.

Перед входом, добавляя особого шарма, стояла архаичная чёрная доска с надписью мелом:

«Кофе и отдых»

— Нам сюда, — уверенно сообщил я, входя внутрь. В дополнение к привлекательности всего увиденного, у помещения имелся неоспоримый плюс — кондиционированный воздух.

Присмотрев столик в глубине, Псих устроился лицом ко входу, попросив:

— Мне кофе. Без добавок.

Бармен за стойкой кивнул, принимаясь за приготовление.

— Мне чай, — не забыл я и себя, отметив за спиной властелина турки и кофемашины скромную вывеску «самообслуживание».

Без официантов работают... Ну, судя по количеству посетителей, вполне обоснованно. В помещении, кроме нас, лишь в углу щебетала парочка юнцов, не обращавшая на окружающих никакого внимания.

Забрав заказ, присел на стул рядом с сослуживцем. Тоже не особо люблю сидеть спиной ко входу.

Отхлебнув из своей чашки, Псих прокашлялся, постучал себя кулаком по груди.

— Ты чего?

— Настраиваюсь. Вспоминаю манеру общения, обыкновенно принятую среди людей. Меняю лексикон, если хочешь. Надо показаться во всей красе.

— А-а-а...

Через десять минут, ровно в оговоренное время, на пороге заведения показался мой опасный знакомый.

— Здравствуйте, — Майкл кивнул Психу, искоса взглянул на меня. — Позволите?

— Разумеется, — сослуживец движением подбородка указал на свободный стул. — Вам заказать кофе?

— Не надо, — отказался безопасник, усаживаясь и промокивая платком вспотевшую от уличной жары шею.

— Как хотите. Предлагаю сразу к делу.

Удивительно... Мой первый номер вроде бы и не напирал, не давил, но от его воспитанной речи несло жёсткими рамками, навязываемыми собеседнику. Это же ощутил и Майкл, недобро сощурившись.

— Что у вас за дело?

— Скользкое. По поводу вот этого, — тонкий палец художника указал на меня, — молодого человека и его неосмотрительно поставленной подписи.

Физиономия собеседника осталась равнодушной. Он слушал.

— Как агент, Маяк бесполезен, — продолжил наставник, отпивая из чашки и глядя словно сквозь гостя. — Его ни к чему не подпустят, а раскрыться он может в два счёта. По неопытности. В бригаде контрразведка на высоте. Пока его встреча с вами — тайна, известная лишь мне. Но как надолго? Одному Создателю известно! — выражение получилось несколько выпрепленным, однако изумительно своевременным. — Чтобы этого не случилось, предлагаю переместить внимание с него на меня.

Лишь теперь Майкл позволил себе проявить лёгкую заинтересованность, выразившуюся в довольно фамильярном вопросе:

— А вы, собственно, кто?

— Псих. В «Титане» с самого основания. По должности — боец.

Услышанный позывной, похоже, ничего не сообщил безопаснику, поэтому он достал коммуникатор, постучал пальцами по экрану, вбивая некие данные. Потом, по-видимому, войдя в служебную сеть, вновь принялся вводить пароли и коды, делая между ними

маленькие перерывы в ожидании реакции системы.

Добравшись до нужного файла, мужчина вскользь изучил невидимое нам содержимое, вскинул брови, несколько раз перевёл взгляд с сослуживца на устройство. Убедившись в сходстве, вздохнул, разрешив лицу расслабиться и стать доброжелательным.

— Не ожидал...

— Убедились? А теперь попрошу выключить коммуникатор и передать его мне. Дальнейший разговор не предназначен для сторонних ушей.

Колебался Майкл недолго — победило профессиональное любопытство. Окинув забегаловку цепким, всё подмечающим взглядом, он не увидел опасности или иных подозрительных посетителей, после напоказ, чтобы мы видели каждое его движение, остановил работу девайса.

Коммуникатор лёг на столик, строго между ним и Психом.

Тот, в свою очередь, отключил свою звонилку, положив её рядом с аппаратом СБшника. Я проделал то же самое со своим аппаратом.

— Надеюсь, других записывающих устройств при вас не имеется. Не то, чтобы я переживал или не доверял, — продолжил удерживать инициативу сослуживец, — но если факт нашего общения всплывёт, то вы лишитесь многих возможностей в работе с бригадой.

Майкл лишь пожал плечами. Ну да, он пока ещё ничего не услышал, чтобы соглашаться с заявлением собеседника или отрицать.

— Я пустой. Что вы хотите мне сказать?

— Предложить. Себя взамен Маяка.

— Зачем мне это?

— Информация. Без всяких соглашений и агентурных дел. Занимательная. Вас же интересует результат, а не процесс? Если договоримся, то я готов прямо здесь предоставить кое-что, подходящее для скорой проверки и демонстрации серьёзности моих намерений. Взамен просто отвяжитесь от парня. Спишите его дело в архив как бесперспективное.

— Допустим, — скрестив руки на груди, после секундного раздумья произнёс безопасник. — Но вы же понимаете...

— Понимаю, — улыбочиво парировал Псих. — Вам требуется время обдумать, взвесить, подготовить дельное предложение, способное, при взаимовыгодном сотрудничестве, удовлетворить все заинтересованные стороны. Поступим так. Запоминайте. «Титан» заинтересовался некоей Аकोко Бикилу, имеющей отношение к преступной среде.

— Причина интереса к этой даме?

— Она контролировала получение партии наркотиков.

— От кого? От бригады?

— Логично так предполагать, но... это мне неизвестно. Организовал сбыт некий Хлюпа, ранее служивший в «Титане». Где он их взял — не представляю. Товар хранил в расположении, в душевой. Что ещё... С ней в автобусе случайно встретился Маяк, однако дел не имел. Проигнорировал. Она предлагала плату за помощь в доставке. Хлюпа уже покинул бригаду, не успев забрать товар, и требовался кто-то другой с доступом в жилые помещения. Вынес человек с позывным «Карат». Он же доложил об этом начальству. Правда, впоследствии.

— С чего бы? — вопросительно выгнул бровь СБшник.

— Совесть заела, — без малейшего намёка на юмор обронил товарищ.

Майкл качнул головой, как бы выражая понимание причин скрытности оппонента и

пожелал иных подробностей:

— О каком объёме идёт речь?

— Два свёртка с таблетками. Точное количество, как и химический состав, неизвестны. Известно, что наркота. По объёму каждый около... — Псих переложил мои демонстрации руками в более понятную единицу измерения, — двух литров.

Слушая, я отметил, что наставник умышлено пропустил смерть этого персонажа, несколько усложняя процесс возможной проверки, как и использовал не все известные ему сведения о женщине. Поддерживаю, всё правильно. Хорошего понемножку.

Безопасник, анализируя разговор, повёл шеей, вперившись взглядом в моего товарища. Тот и не подумал отвести глаза. Смотрел прямо, ласково, с некоторым вызовом.

— Вы мне рассказываете не всё, — задумчиво резюмировал Майкл, прекращая игру в «гляделки».

— Конечно. Упускаю мелкие детали. Сознательно. По ним любой сможет легко выйти на меня и мои источники. Главное я сказал. «Титан» заинтересовался Аकोко Бикилу. Причины названы. Чем богат — поделился, не требуя ничего взамен.

— Заманчиво. Вы умеете вести переговоры.

— Надеюсь, вы тоже... Пойдём! — скомандовал Псих, подхватывая свою звонилку. — Мой номер у вас есть.

Звучало не как вопрос, а как утверждение. И гость подтвердил.

— Имеется.

— Жду звонка до завтрашнего вечера. И надеюсь на достойное предложение.

Последнее слово Майкл оставил за собой, бросив затасканное:

— Я подумаю.

Покинув забегаловку, Псих включил звонилку и, едва отыграла музыка заставки, заказал такси до железнодорожного вокзала. Получив подтверждение, он предпочёл отойти за угол, чтобы не встречаться лишний раз с выходящим из заведения безопасником.

— Машину его разглядел?

— Та же самая, — уверенно отметил я, зафиксировав припаркованную неподалёку легковушку.

— Запомни. Пригодится.

— Не забуду. Куда теперь?

— В столицу. Попробуем повидаться с командиром бригады. Нас, скорее всего, пошлют куда подальше — его секретарь, у-у-у, злюка! — скорчил недовольную физиономию наставник. — Все звонки контролирует. Но нам эта встреча и не особо нужна. Нужна фиксация того, что мы были в столице и искали встречи. Типа я прибежал за тебя просить. Короче, создаём дополнительную мотивацию поездки, если придирааться начнут, чего мы так далеко забрались. А пообщаться с командиром я и в расположении могу, когда вернётся.

— В смысле, нарочно торчим на виду?

— Угу... Как считаешь, Майкл мне поверил?

— Нет, — убеждённо ответил я. — И от меня он не отвяжется. Сделает вид — да. Не СБН, сдаётся мне, не та организация, от которой можно легко отделаться.

— Я тоже так думаю. Хлюпа с Билилу, сами по себе, ничего не стоят. Так, пустышка для затравки. Повод для знакомства. Потому и сыграем на повышение. Поднимем ставки.

Треньканье коммуникатора оповестило, что такси подъехало по указанному адресу...

В столице нас ожидаемо послали. Вежливо. Помощник командира бригады, не найдя свободной минуты в плотном графике начальства, делано посочувствовал Психу, с жаром требовавшему аудиенции у «Самого», и порекомендовал провести увольнение с большей пользой, в каком-нибудь приятном заведении. Среди раздетых женщин и забористого алкоголя.

Вообще, как-то всё некрасиво получилось. Причём в отношении моего первого номера, рассчитывавшего если и не на полноценный отказ с культурными формулировками, то, хотя бы, на элементарное уважение к тому, кто стоял у истоков бригады.

Да нас даже на порог не пустили, ограничившись, вышедшим на крыльцо канцеляристом! С помощником — это уже так, потом, Псих по коммуникатору пообщался, на повышенных тонах, под безэмоциональным взглядом охранника на входе.

Ну, не за тем и приходили.

Сослуживец, выслушав отказ, покрыл ни в чём неповинного «дверного сторожа» отборным матом, куда искусно вплёл всех бригадных бюрократов с «чином от ума избавленными» остолопами, а после гордо развернулся спиной к трёхэтажному зданию современной постройки, в котором расположился основной офис «Титана».

Надо сказать, почти в центре города расположился и, судя по соседним домам, в одном из самых богатых районов.

Следующей нашей целью значилась остановка общественного транспорта. Дорога сюда, включая рандеву с Майклом, заняла практически весь световой день, и наступала пора задуматься о ночлеге. Я тяготел к тому, чтобы остановиться в хостеле поприличней или недорогой гостинице, однако мой первый номер категорически возразил:

— Вот ещё! У меня перекантуемся.

Так я узнал, что Псих, оказывается, столичная штучка.

Он никогда не рассказывал о себе. Точнее, как-то сказал: «Маяк! Если тебе интересна моя биография — я готов заполнить анкету. Но о личном — не спрашивай. Пожалуйста».

У каждого в жизни есть то, что неприятно вспоминать даже спустя многие годы. Потому, в наших долгих обсуждениях всего и вся, я вообще не касался предметов, способных тем или иным образом связать Психа с его прошлым. И, чтобы не запутаться и не нарушить обозначенные для себя границы, попросту оставил раздел «былое» на единоличное усмотрение товарища. Захочет — поделится, когда сочтёт нужным. Не захочет — так тому и быть.

Моей корректностью он очень дорожил и, при всяком удобном случае, демонстрировал свою благодарность, виновато признавая: «Я обязательно расскажу тебе всё-всё. Только потом».

В принципе, вполне хватало и открытой информации, полученной от словоохотливых Стана с Минусом. Бывший задрот, сбежавший на войну становится мужчиной. Ну или как-то так.

Личные же тайны, особенно чужие — дело тонкое. Их не всегда нужно знать.

Длинный, покрытый рекламой автобус привёз нас в респектабельный пригород. Лужайки, декоративные заборчики, множество припаркованных у обочин машин, среди

которых недорогие модели являлись, скорее, редкостью, чем основой.

Ухоженные, добротные дома стоят не вплитык друг к другу, как при бюджетной застройке, а на некотором отдалении, будто давая себя рассмотреть во всей красе и подчёркивая статусность проживающих в них счастливицов.

К одному такому строению, с аристократично увитыми плющом стенами, мы и подошли. Панорамные окна первого этажа горели приглушенным портьерами светом, из-за них доносилась приятная, танцевальная музыка в исполнении духового оркестра.

— Джаз. Папа обожал... — пробормотал сослуживец, зачем-то пряча глаза. — Тут я и живу. Сейчас с мамой познакомлю.

По узенькой, подсвеченной декоративными фонариками дорожке он прошёл первым.

Постучал кулаком в дверь, игнорируя прикрепленный сбоку декоративный молоточек для гостей и прочих визитёров.

— Может, позвонить? — нерешительно предложил я, сомневаюсь, что его стук из-за музыки будет услышан.

— Мама забывчива. Наверняка коммуникатор оставила в спальне или на кухне, — и он забарабанил сильнее.

Вскоре нам открыли.

На пороге стояла моложавая дама крайне блядской наружности, одетая в ультратонкие трусики и нечто из крупной сетки, свисающее с шеи до середины живота. Лицо, шея, внушительные выпуклости — всё выглядело ненатуральным, точно натянутым на манекен или обработанным на компьютере ради смазливой картинки. Дополняли отталкивающее впечатление и идеальные брови-нитки на полированном лбу, чрезмерно пухлые губы и длиннющие, карминовые ногти под стать пышным волосам такого же цвета.

— Сын? — помолчав мгновение, удивилась данная особа, и я прифигел.

Она же выглядит моложе Психа лет на... на... не представляю! Ей же лет двадцать, двадцать пять от силы. Потасканная — да. Похожая на секс-куклу — ещё раз да! Но мама...

— Я, — смущённо протянул мой первый номер. — Мы поживём? Недолго.

На пластиковой физиономии хозяйки дома отразилась тень раздумий.

— Проходи. Поднимайся к себе. Я позже подойду.

Впустив нас, женщина закрыла дверь и внимательно проследила за тем, как Псих, втянув голову в плечи, торопливо топает к лестнице на второй этаж. Я от него не отставал, всей шкурой ощущая, как нам не рады.

Обстановочка, конечно, заставляла поражённо цокать языком. Кругом — сплошь резьба и настоящее дерево, диванчики перед входом в другие помещения выглядели легче воздуха, потолки покрыты художественной лепкой.

И это всего лишь узенький холл с примыкающими к нему ступеньками сбоку.

Что дальше, в глубине — я не предполагал. Воображения не хватало.

— Кто там? — заглушая музыку, прогудел сочный тенор, и из покоев появился здоровенный, мускулистый тип в шортах и с капризной рожей. — Рона, ты вызвала рабочих? На ночь глядя?

Мать сослуживца замерла, подбирая ответ. Похоже, назвать Психа сыном при постороннем она стеснялась, чтобы лишний раз не указывать свой возраст, а более ничего толкового придумать не могла.

— Я присмотрю, — презрительно оглядев нас, заявил детина. — Ты, наконец-то, настроилась выбросить весь этот хлам со второго этажа? Давно пора. Я уже и сам начал

понемногу коробки на помойку выносить.

Проговаривая эту тираду, волосатый мужчина явно красовался перед хозяйкой дома, как бы невзначай поигрывая мускулами.

— Это, — нерешительно начала она, но разом замолкла, когда её слух царапнуло ледяное:

— Что? — проговорил мой первый номер, остановившись как вкопанный у самой лестницы. — Коробки?

— Иди, — повелительно повысил голос неизвестный. — Тебе платят не за то, чтобы ты рот открывал.

Псих не повернулся, не возразил. Лишь повёл плечами и тихо позвал, ставя ногу на ступеньку:

— Маяк, не отставай.

За спиной ожила мама сослуживца:

— Милый, — звучало это явно не для сына. — Оставь. Я разберусь.

— Отдыхай, моя радость. Сам справлюсь! — авторитетно объявил волосатик, прикрикнув. — Шевелитесь!

Второй этаж встретил нас незапертой дверью, за которой располагалась мансарда изрядных размеров, заставленная нераспакованными сумками, коробками, и самой обычной мебелью из сетевого маркета готовой обстановки.

В сравнении с нижним этажом — полная противоположность. Там — почти музей. Тут — будто провинциалы переезжать собрались.

— Оттуда начинайте, — совсем обнаглев, рявкнул детина, и прикрыл за собой дверь, бросив вниз. — Рона! Я скоро! Присмотрю, как бы не украли чего.

— Но милый... — женщина попыталась неуклюже возразить. — Ты не понимаешь...

Как Псих оказался рядом с женщиной в шортах, я не увидел. Только что он был передо мной, и вот уже нет. Стоит почти вплотную к здоровяку, особенно тщедушный и худой на его фоне, упирается ладонью в дверь, будто отрезая путь к бегству.

— Я хороший сын, — проникновенно сказал он, задрав голову и уставившись в глаза детины. — И не люблю расстраивать маму. Но, когда выбрасывают мои вещи, тоже не люблю. Поэтому запомни. Если ты ещё раз посмеешь сюда войти — сломаю нос. Дотронешься до вещей — отрежу ухо. Выбросишь... да хоть мусор из мансарды — составляй завещание.

Мой первый номер в своих угрозах выглядел смешно. Не имелось в нём того самого, животного магнетизма хищника, способного довести до заикания лишь суровым взглядом, а физическая комплекция товарища более всего напоминала идущего на поправку дистрофика. И, вместе с тем, в его голосе отчётливо слышалось истинное безумие психопата, видящего перед собой жертву и неуклонно догоняющего её.

Те из граждан, кто поадекватнее, обычно таких сторонятся, здраво опасаясь получить проникающую рану под ребро или грязную драку. Те же, кому не хватает адреналина в крови, наоборот, провоцируют, чтобы по древнему обычаю самцов выяснить, кто сильнее и чья теперь это территория.

Кем был мужчина, адекватом или героическим недоумком — осталось тайной. С той стороны двери часто застучали, взволнованно требуя:

— Ведите себя прилично! Только не вздумайте мне подраться! Милый, — я вновь отметил, что Псих здесь не самый желанный гость. Мать заботилась о волосатике, но ни

никак не о нём, — оставь их в покое. Я всё объясню.

Однако здоровяк начал входить в раж, поднимая руку для полновесной оплеухи. Вся его выкованная в спортзалах, продуманно-пропорциональная мощь так и вопила: «Да как этот прыщ, плевков подножный, посмел мне угрожать?!»

Не тут-то было. Мускулистая рука, не окончив подъём, рухнула вниз и стыдливо прижалась ладонью к паху.

— Ты чё?! — захрипел детина, со свистом глотая воздух. Съёжившийся, с выпученными от боли глазами и сжатыми коленями, словно он страшно хотел в туалет.

— Для памяти, — коротко объяснился сослуживец, виртуозно прокручивая в пальцах остро заточенный карандаш, запас которых всегда таскал в карманах. — Я тебе проткнул член. Слабенько. Продезинфицируешь, дня два походишь без секса, загниёт — проведает доктор... Не огорчайся. Другими органами поработаешь ради маминого удовольствия. И не вздумай её в наши досадные недоразумения впутывать, иначе я совсем разозлюсь. Что ещё... Пользуясь твоим вниманием, напоминаю о запрете трогать вещи в этом помещении. У тебя память в порядке?

— Да, — с куда меньшей храбростью, согнувшись от боли, выдал самозванный контролёр.

— Вообще сюда не поднимайся. Да. Так будет лучше, — дополнил рекомендацию Псих, проведя карандашом в воздухе вертикальную линию, больше походящую на разрез патологоанатома. — А теперь уходи.

Он распахнул дверь, бесцеремонно вытолкав на лестницу волосатого мужчину в шортах. Прямо в объятия молодящейся хозяйки дома. Та взвизгнула, увидев перекорёженного от боли милого, прижала ладони к щекам. Но осторожно — про маникюр дама не забывала ни на мгновение.

— Спокойной ночи, — ласково попрощался Псих, закрывая мансарду и брезгливо отбрасывая карандаш в угол. — Маяк, располагайся. И извини за столь неоднозначную гостеприимность. Мы пиццу закажем, настроение улучшится.

Есть мне действительно хотелось. Сэндвичи, проглоченные в ресторане поезда, особой сытости не принесли.

— Пиццу? — ощущая приток слюны, протянул я. — Классно. Только нам поесть вряд ли дадут. Этот типчик, — для большей убедительности указал на дверь, — сейчас копов вызовет по поводу членовредительства.

От буквальности крайне расхожего термина товарищ пришёл в весёлое расположение духа и показал большой палец, оценив случайную шутку.

— Не вызовет. Мама ему не разрешит. Дом — мой, всё что в доме — тоже моё. Если приедет полиция, как считаешь, кого станут слушать? Неизвестного, разгуливающего по чужой недвижимости почти в трусах или законного владельца, лишившегося кое-какого имущества?

— Так это всё твоё? — удивление вырвалось само собой.

— Моё. Комиксы — выгодный бизнес. Три года назад, мы продали старый дом, далеко отсюда, и я купил новый. Этот, — уточнил он, словно я не догадался. — Приехал из бригады, оформил. Мама не могла жить в старом после смерти папы. Шестнадцать месяцев продержалась, а потом попросила увезти куда-нибудь... Они любили друг друга, и каждая безделица или кружка с ложкой напоминала ей об отце.

— Ты настолько богат? — невоспитанно заиклившись на деньгах, уточнил я. Дом в

приличном пригороде столицы попросту не может стоить дёшево, тем более, с таким ремонтом.

— Да, — просто ответил художник. — У меня очень великолепный агент. Он продаёт комиксы и здесь, и в других мирах. Защищает авторское право, следит за процентами от использования моих персонажей в рекламе... И хочу сказать про внешний вид мамы, не дающий тебе покоя. Я вижу, как у тебя в голове не укладывается эта банальность и как тебя тянет спросить, но ты стесняешься... Мама, чтобы успокоиться, прошла курс омоложения. Сделала косметологические операции. Решила пожить для себя.

В последней фразе чувствовалась неприкрытая грусть и истинная, всепрощающая сыновья любовь.

— Дела, — растерянно пробормотал я, не понимая, как бы сам отреагировал, если бы моя мать завела молодого любовника и жила с ним в моём доме. Обозвал бы выжившей из ума? Или засунул бы своё мнение куда подальше?

— Ничего плохого, — заверил Псих. — Я с удовольствием оплатил все процедуры и очень доволен, что она не сама в четырёх стенах и получает стороннее внимание. Честно-честно. Мама всю жизнь была верной женой и, с недавних пор, имеет право на личную свободу. У неё вторая молодость... Наверное, — тяжкий вздох пронёсся по мансарде, — мы им романтический вечер испортили.

— А что, в прошлый приезд этого здоровилы не было?

— Другой был. Но он в мои вещи не лез. И не выбрасывал. Я их разобрать после переезда не успел, так и стоят... Мы дом условно поделили. Для удобства. Этот этаж — мой, ниже — её... Мама меня стесняется. Она после траура и клиник красоты ощущает себя молодой, эффектной, свободной. А тут я, — первый номер провёл пальцами по плечи, намекая на свой далеко не юношеский возраст. — Огорчительно получилось.

Надо же, он ещё и вину испытывает... А ведь мать его даже по имени не назвала. Так бы хоть узнал, как Психа на гражданке величали.

Наше общение заходило куда-то не туда. Копание во внутрисемейных отношениях, как и в моральных устоях чужой матери — пошло. Все мы не ангелы.

— Тогда на кой тебе «Титан» сдался? — я искренне не понимал, для чего товарищу казарма и война. — При таких доходах? Сиди, рисуй дома под кофеёк. Все удобства.

— Там проще. Там понятнее. Там никто не тыкает непохожестью на других.

Спрятался, значит... От внешнего мира укрылся. При его наклонностях и бзиках — логичнейший выбор. Карандаш в детородном органе здоровяка тому пример. Я до такого применения рисовальной принадлежности даже за деньги бы не додумался.

Пальцы сослуживца запрыгали по экрану извлечённого из кармана коммуникатора.

— Ты с чем пиццу любишь?

— С сыром.

— И я... Оформляем доставку, кушаем, организовываемся, и едем.

— Куда?

— Как уговаривались, ставки повышать. Вещи тут оставим.

Заказав пиццу, Псих, покосившись на запертую дверь, подошёл к большой коробке у стены. Посмотрел на неё, пнул ногой.

— Маяк, принеси стулья.

Упомянутые предметы мебели имелись в изобилии, расставленные в совершенном

беспорядке среди замершего в ожидании хозяев барахла. Взяв ближайšie, я пододвинул один к товарищу, рядом поставил другой и поинтересовался:

— Так нормально?

— Сойдёт. Присаживайся.

Сняв крышку с коробки, он бесцеремонно вынул и бросил на пол несколько стопок хранившихся в ней рубашек, брюк, свитеров.

— Во! — палец добровольца-художника указал на подобие покрывала, выглянувшего из-под одежды. — Гляди!

Отбросив край в сторону, товарищ с серьёзнейшей гримасой фокусника извлёк из-под тряпки армейскую винтовку без магазина.

Не удержавшись, я откинул другой край.

Ещё винтовка, пистолеты, пачки патронов, бронежилет, незнакомые упаковки армейского вида... Обалдеть!

— Откуда такой арсенал?

— Оттуда. С линии соприкосновения, — ответил Псих, сноровисто осматривая взятую винтовку. — При любых активных боевых действиях всегда полно оружия. Не важно, нашего или вражеского. И его физически невозможно учесть. Не до того. Наступаем или отступаем... Потому желающие собирают, прячут, всеми правдами и неправдами переправляют в глубокий тыл. Я — не исключение.

— Но зачем? Ты что, воевать собрался?

Судя по мелькнувшей на губах товарища ухмылке, я брякнул глупость.

— К оружию привыкаешь, — откладывая «Эмку» и принимаясь за пистолет, произнёс первый номер. — Оно становится частью тебя. Гарантом того, что ты не пустое место и всегда можешь дать отпор любому. Да, ты его сдаёшь на хранение при ротации, но сам факт, что ты не с голыми руками — в некотором роде греет душу. И от того тянет себя обезопасить на будущее. Знать, что что бы ни случилось — ты можешь взять привычную винтовку или... да не важно, и отстоять свои права и интересы. А ещё оружие можно с выгодой продать, если имеешь нужные связи. Да. Или просто доставать по вечерам и любоваться, млея от суровости обводов и запаха смазки. Таких извращенцев тоже полно.

Для меня эта лекция осталась малопонятной. Я никогда особо не фанател от армейского железа, оставаясь равнодушным даже к ножам. Ну что для меня винтовка? Стреляющий механизм, требующий постоянного ухода. Лишняя тяжесть на плече, с которой приходится мириться по понятным причинам. А нож? Острая полоса определённой формы, разновидность бытового инструмента, не более. Изгибы клинка, нюансы заточки, крепость стали и удобство рукоятки не вызывали внутри положенного мужчине восторга и трепета. Режет — и достаточно.

— Никогда за тобой тяги к милитаристике не замечал, — признался я, с сомнением качнув головой. — Считал, что ты больше художник, чем солдат.

— Так и есть. Я упёр оружие просто потому, что мог. Возможность подвернулась. Мы тогда наступать пробовали. Неразбериха страшная стояла, особенно когда нас начали крошить в муку. Соседей-воjak крепко потрепали, больше половины личного состава или убитые, или раненые... За бутылку дешёвого виски парни пулемёты отдавали, лёгкая стрелковка вообще пучками шла. И я их не осуждаю. Они забыться хотели. С позиций регуляров мертвечиной потом долго несло. Жара, — сослуживец кисло поморщился от воспоминаний. — Кое-что, пользуясь обстоятельствами, прикупил по сходной цене. И не я

один... Привёз, упаковал по коробкам и оставил лежать. Так, на всякий случай. Как видишь, случаи бывают разные... Что предпочитаешь?

— В городе? Пистолет.

— Одобряю.

Шлёпнув себя по лбу, он подскочил и суетливо бросился перебирать расставленные по мансарде коробки, на торцах которых присутствовали педантичные бирки с указанием содержимого.

Основательно переезжал, всё по списку упаковывал.

На седьмой позиции Псих объявил:

— Нашёл.

— Что нашёл?

— Домашний запас медикаментов, — он потряс внушительной упаковкой, отозвавшейся на колебания широчайшим диапазоном глухих перестуков и блистерного шелеста.

Крышка, прихваченная к краям лекарственного вместилища липкой лентой, с треском покинула штатное место, крайне удачно приземлившись у моей ноги. Товарищ, победно сверкнув глазами, вернулся на стул и начал увлечённо, засунув руки внутрь почти по локоть, копошиться в коробочном содержимом.

— Угу... ага... оно... Принимай.

Вместо подноса я додумался приспособить поднятую с пола крышку, иначе площади ладоней для извлекаемых предметов просто бы не хватило.

— Вроде всё, — отставляя хранилище с лекарствами подальше, авторитетно заявил мой первый номер. — Дай руку. Ту, где воинский ID вшит.

— У меня он за ухом. Поближе к чипу-синхронизатору.

— Ой, из головы вылетело. Ты же упоминал о маскировочных способностях этой пуговички и почему именно туда загнан имплант. Ну, тогда подставляй шею.

— Будешь извлекать?

Других выводов у меня не имелось. В руках у Психа — хирургический скальпель, на удерживаемой мной крышке — пинцет, медицинский гель, бутылка антисептика, пластырь, обезболивающее и упаковка стерильных тампонов.

— А что остаётся?

Дискутировать бессмысленно. Сам же и предложил, когда план разрабатывали. Пришлось глотать сразу две пилюли. Терпеть без анестезии я, как-то, не готов.

— Не коробка, а тайник с сокровищами, — поделился я наблюдением, чтобы отвлечься от того, как сослуживец медленно, вдумчиво пальпирует мою шею, выискивая под кожей инородный предмет.

— Что-то есть. Я маленьким болел много. Доктора дорогие, вот родители и заимели привычку держать в доме запас медикаментов на все случаи жизни.

— И скальпель?

По шее прошёлся холодок антисептика.

— И его. Для комплекта. Не дёргайся! — предупредил он, взрезая кожу. — Алле-гоп!

Неприятно зануло, однако рука художника не дрогнула, уверенно извлекая на свет тоненькую, приплюснутую капсулу размером с четвертинку мятного драже.

— Держи, — тёплый, идеально гладкий идентификатор личности лёг на подставленную

ладонь, а порез словно заморозило от щедро намазанного медицинского геля. — Теперь моя очередь.

— Помочь?

— Сам, — отказался первый номер, протирая сначала скальпель, после правое предплечье.

Через полминуты вторая капсула появилась под сводами мансарды.

— И последнее. Определяемся, кто пойдёт, — Псих свёл за спиной кулаки. — В правом или левом?

— Ни в каком. Я выполню. Меня отследить сложнее. Твоя задача, — тут донельзя кстати припомнились рассуждения замкома с Кано о гриме, — рожу разукрасить до неузнаваемости.

Прозвучало категорично, однако в нашем тандеме отсутствовали ведомый и ведущий. Мы изначально договорились о равноправии в суждениях и приоритетах.

— Это из-за маскировочного режима?

— Да. Вместо меня начнут таскать последнего, с кем я повстречаюсь. Чип считает его данные и станет выдавать за свои. У тебя такой опции нет, поэтому любой сканер с камерой однозначно отметит незарегистрированного субъекта на столичных улицах, тотчас стуканув ближайшему полицейскому патрулю. Мне же, главное, ни во что по дороге не встрять. При должной подготовке сработает. Проверено... Тем более, с твоим талантом к живописи мои шансы остаться неузнанным практически стопроцентные, — напоследок я открыто польстил товарищу, чтобы мой авторитарный спич выглядел более демократично.

Вернув руки в более естественное человеческому организму положение — устроив их на коленях, он нехотя принял условия, отметив:

— Моя функция?

— Подход, отход, прикрытие, материально-техническое обеспечение... в смысле, магазин найти, где продают краски и прочие нужные прибабасы. Ну и умные рекомендации.

Сослуживец впал в задумчивость, заполняя возникшую паузу укладыванием медицинских принадлежностей обратно в коробку. Педантично покончив с этим занятием, просветлел, с налётом восхищения объявив:

— Ого! Классно! Ты будешь как человек-невидимка! Давай заказ собирать! В городе круглосуточных маркетов полно...

Расправившись с доставленной пиццей, мы, немножко поболтав ни о чём, настроились приступить к подготовительному этапу нашего сумасбродного замысла, тем более что входящие сообщения, уведомлявшие о готовности к получению наших покупок, перестали надоедать своим звуковым попискиванием.

— Пора, — скомандовал истинный владелец этого дома, хлопая себя по коленям и поднимаясь со стула. — ID куда положил?

Я последовал его примеру, демонстрируя запястье, где под пластырем нашёл временное пристанище мой армейский документ. Ехидно добавил:

— Сам же приклеивал.

— Да пошёл ты, — беззлобно огрызнулся он. — Так сложно ответить? Может, я рассеянный? — и, весело изобразив некие танцевальные «па», переместился к двери.

— Ма-ам! Я машину возьму? — с лестницы по-детски проорал Псих. — Мы по городу покатаемся!

Запертая дверь первого этажа, из-под которой пробивалась узенькая полоска света, приоткрылась, и в холл вышла Рона, на этот раз одетая в глухой, целомудренный халатик. Строгая, накаченные губы поджаты, насколько это возможно.

— Бери, — сухо проговорила она с плохо скрываемым раздражением. — Сын! Ты что творишь? Ты зачем увечишь ми... — тут женщина запнулась, полагая, что ласковое прозвище «милый» не подходит для обсуждения персоны очередного любовника с великовозрастным отпрыском, — моего гражданского мужа?!

— Мама, — первый номер смущённо склонил голову, избегая смотреть ей в глаза, однако говорил довольно жёстко, убеждённо в своей правоте. — Мы много раз обговаривали, что мансарда — моя территория. Там мои порядки.

— Неразобранный хлам?!

— Он. Я же не лезу в твои комнаты со своими правилами.

— Но...

— И никому не позволю лезть на второй этаж, — голос сослуживца из жёсткого трансформировался в ледяной, а взгляд всё же встретился с материнским. — Этот человек в МОЁМ, — он особо выделил это слово, — доме. Поэтому пусть ведёт себя соответствующе Я что, слишком много хочу?

Щёки женщины вспыхнули, а её фигура, и без того осанистая, распрямилась ещё больше, до неестественной стройности. Казалось, вот-вот — и станет слышен треск отторгаемых имплантов.

Я ожидал чего угодно. Криков, истеричных сцен, словесной перепалки, однако мать тихо, проникновенно всхлипнула:

— Ты смеешь меня попрекать? После того, что я для тебя сделала? После того, как все лучшие годы...

Псих раздражённо прекратил это словоизвержение:

— Из тебя плохой манипулятор. Я никогда и ничем тебя не попрекал, а твой любовник — он мне никто.

Скандала не получилось. Новый всхлип, громче и трагичней прежнего, прорезал тишину холла, а из подведённых глаз дамы показались две одинокие слезинки. Товарищ, разом растеряв всю свою боевитость, тут же пошёл на попятную:

— Ну не надо... Ну ма-а-ама...

Широкий рукав мазнул по щекам, убирая влагу, и перед нами снова подтянутое хирургами, кукольное обличье без тени недавних страданий. Как я крепко подозреваю, заготовка старая и неоднократно проверенная, рассчитанная на, по-своему, доброе сердце сына.

— Бери машину, — скорбно вздохнула она. — И ты не представил своего друга.

— Маяк, — Псих почти светился от счастья. — Мамуля, ты на меня не сердись?

— Конечно нет, — далее последовали окончательный спуск с лестницы и неуклюжие объятия всё с тем же бережным отношением к маникюру. — Больше так не делай.

От разыгрываемой сцены мне хотелось провалиться под землю. Из-за стыда за товарища. Старуха вертит им, как хочет, а он верит...

Закончив семейную идиллию скорым чмоком в сыновью скулу, женщина напутствовала нас «вести себя прилично» и пошла обратно, хлопнув за собой дверь.

— У меня самая лучшая мама, — блаженно выдал сослуживец, добавив тихонечко, на пределе слышимости. — Я всё понимаю. И всё вижу. И многое держу в себе. Но деньги — не повод для разборок. И новый любовник — тоже. Деньги — пустяк. Мы выше их. Как жаль, что на месте этого верзилы не папа... Торопимся!

Я был только «за».

В гараже, пристроенном к дому, нас встретил голубенький спорткар-купе с непривычной, полулежащей формой сидений. Псих уверенно уселся за руль, активировал сенсор замка, с неприязнью посматривая на заигравшую огоньками приборную панель.

— Ну не люблю я водить! — возглас товарища шёл от самого сердца. — На автопилоте поедем.

Эк его разобрало из-за пустяка...

— Мне всё равно, — нейтрально отозвался я, однако свои услуги не предложил. Авто дорогое. Поцарапаю или стукну — вовек не рассчитаюсь.

Умная программа, заложенная конструкторами в машину, организовала поездку по высшему разряду, предоставив пассажирам ни о чём не беспокоиться и наслаждаться видами ночной столицы.

Сперва заехали в пункт выдачи какого-то торгового центра, где нам вручили покупки прямо в окно, не заставляя выбираться из салона. Следующее приобретение, сделанное в другой точке, оказалось пообъёмнее, и пришлось проявить некоторую смекалку, укладывая яркий, кричащий о трёхгодичной гарантии ящик в крохотный багажник спорткара.

У третьего молла(*) просто попили кофе на свежем воздухе, обсуждая общую стратегию и детали подготовительного этапа.

— Обратно в гараж? — уточнил я, выбрасывая стаканчик в урну.

— Больше некуда. Там не помешают. Ох... и развлекусь я! — Псих в предвкушении творческого удовольствия азартно потёр руки.

— Но-но! — такие поползновения надо рубить на корню. — Мы не в скаутском лагере и королевскую ночь (***) не празднуем. Давай поскромнее.

По возвращении в гараж первый номер, не заходя в дом, потребовал снять рубашку и долго, с вдохновением размалёвывал мой организм, колдуя над палитрой, на которой смешивал разные цвета для получения необходимого оттенка. Судя по сопровождающим действию возгласам, лицо он сделал старше, грубее, добавил над верхней губой пошлую родинку и нарочито очертил скулы. Шею, предплечья и кисти (тут уже удалось увидеть) покрыл имитацией татуировок, из-за чего регулярно сверялся с коммуникатором, приспособленным для получения нужных сведений.

Через час он торжественно оповестил:

— Готово! Надевай рубаху, только осторожно. Не везде подсохло.

— Ща! — отмахнулся я, глядя в зеркало спорткара и с неподдельным интересом рассматривая наркоманского вида мужика с впалыми щеками, бледной кожей да витиеватой надписью от виска к середине лба «Memento mori».

Настоящий «Хозяин улиц». Разве что не хватает традиционной майки со спортивными штанами. И винтовки.

— Как тебе? — поинтересовался сослуживец, искоса подсматривая за мной.

— Средне. Больше похоже на Хэллоуин в младшей школе. Кое-где видно, что нарисовано.

— Ну, извини, — с нескрываемой обидой отвернулся он, вытирая измазанные в красках пальцы влажными салфетками. — Для ночи сойдёт. Днём найдёшь, чем прикрыть.

— Я не в претензии. Говорю, как вижу. Вдруг тебе захочется что-то подправить?

— Лучше не сделаю. Образование не то. И материалы.

Оставив Психа в покое, я натянул новенькую худи со свободными, короткими рукавами и капюшоном, улыбнулся. Предплечья с нанесёнными картинками торчат будто напоказ. Отлично.

Налюбовавшись, извлёк из багажника купленный пару часов назад электросамокат. Избавившись от упаковки, внимательно его осмотрел в поисках заводских или серийных номеров. Всё в перчатках, с убранными под капюшон волосами. История с байком научила. Второй раз оставлять отпечатки не хочу, как и прочие следы, способные указать копам или кому посерьёзнее, кто тут пошалил.

Ничего опасного. Подростковая игрушка. Именно такую мы выбирали, сверяясь с отзывами в сети. Не дорогая, не дешёвая, зато отмеченная множеством положительных комментариев о запасе хода, скорости и живучести.

До взрослой модели ей, конечно, далеко — ограничитель не давал разгоняться более тридцати километров в час, однако мне больше и не нужно. Лишь бы ездил.

— Порядок? — напротив присел на корточки сослуживец, следя за моими действиями.

— Норма. Ехалка без особых примет.

— Скоро утро. Значит, выдвигаемся... Маршрут помнишь?

— Как распорядок дня в батальоне.

... Где живёт Цах, причастный к убийству неведомого мне бандита, Псих нашёл гениально просто, за десять минут нашей поездки в автобусе. Как?

Очень просто.

Он его нарисовал. Карандашом, в блокноте. Торопливые взмахи грифеля над бумагой — и на меня смотрит лобастый, неприятный мужчина с толстым, мясистым носом. Дальше в дело вступил сканер коммуникатора, где при помощи примитивной программки изображение получило эффект фотографии и благополучно загрузилось в поисковик сети.

Нашёлся данный субъект почти сразу. Точнее, не он сам (персональной странички в соцсетях у него не отыскалось), а супруга, обожавшая, как и большинство современных женщин, выкладывать в блого-ленте особо удачные кадры с курортов и регулярные фото себя, любимой, в наиболее выгодных ракурсах.

— Он, — уверенно опознал сослуживец, едва взглянул на экран. — И татуировки его.

Рукотворных рисунков у бывшего «титановца» имелось не много, но стилизованная латная перчатка на плече весомо подчёркивала то, что это тот самый, нужный человек.

Сохранив фото в памяти устройства, продолжили сбор информации.

Сетевую жизнь вторая половинка Цаха (имевшего, как выяснилось, заурядные имя и фамилию) вела активную. Ежедневно выкладывала минимум один пост ни о чём или делала репост какой-то малоинтересной хрени.

Муж среди заметок зауряд-блогерши мелькал редко, но после беглого пролистывания однообразных по стилистике записей и картинок стало понятно основное: живут вместе, имеют ребёнка, всем довольны.

Адрес вообще оказался не проблемой. У этой дуры хватило мозгов вывалить в сторис видеоролик, где на карте ломаная, красная линия прокладывала путь от побережья океана

прямо к дому. Наверное, перед подругами хвасталась, иначе как ещё объяснить сопровождающую видео надпись «Мы возвращаемся в наше семейное гнездышко. Ура! Пляжи, коктейли, до встречи!»

— Чего ей бояться? — не удержался от комментария мой первый номер. — У мужа официальная работа в бригаде и приличные доходы. Налоговая не подкопается. О его дополнительных заработках она вряд ли осведомлена.

С детализацией места проживания объекта тоже не возникло никаких сложностей — панорамная съёмка, прилагающаяся к общественным сетевым картам, любезно показала требуемый кусочек столицы.

Типовая четырёхподъездная высотка в спальном районе. Вокруг полно клумб, большая детская площадка, беседки для отдыхающих мамаш. Респектабельно и ухоженно. Проезды вдоль дома пустые, машин на обочинах нет.

Вникли в отсутствие личного транспорта. Превратившаяся в почти путеводную звезду карта на этот раз уведомила, что в шаговой доступности находится огромный многоярусный паркинг с умеренными расценками, а оставлять машины перед домами дольше, чем на полчаса, запрещает какое-то местное распоряжение.

— При таких раскладах номер квартиры не требуется. На улице подожду...

Следующий день мы провели в разъездах, причём, по большей части, отдельно.

Любой спальный район всегда имеет свой центр. Или центры, в зависимости от размеров, пронизывающих его дорог и плотности застройки. Как правило, это всё те же разнокалиберные моллы, толково заточенные под круглосуточную выемку денег у населения.

Закончились продукты? В маркете они есть, пожалуйста, приходи. Некуда деть детей, пока путешествуешь по магазинам и залам? Имеется отдельная зона с аниматором для ребятни. Захотелось вкусной и свежей еды? На здоровье! Фудкорты на каждом шагу, а на крыше — ресторанчик.

Кинотеатры с попкорном и сниженными ценами, ночные клубы в цокольных этажах, да что угодно, лишь бы ты пришёл и платил.

Наиболее продвинутый народ спешит жить и всю пользуется предлагаемыми услугами, особенно если завтра не идти на опостылевшую работу. К чему ложиться спать? Для чего терять ночь, когда можно с друзьями весело оторваться, да ещё со скидкой?

Перед стеклянно-бетонным зданием — обязательно парковка. Бесплатная, на которой всегда тусуется свой, своеобразный микромир из начинающих дрифтеров, поклонников ночной болтовни с приятелями и тех, кому осточертело шляться проторенными тропами для отдыха. Вдобавок, множество экономных обитателей близлежащих домов частенько бросают тут свои машины на ночь, на свой страх и риск.

А ещё на парковках удобно теряться...

Домчавшись до стартовой точки намечающейся операции, спорткар матери Психа вклинился между двумя автомобилями, полностью исчезнув за их массивными тушами от дежурных видеокамер. Удачное место. Почти у дороги, рядом с огромным баннером, зазывающим посетить что-то модное и приобрести «срочно нужное каждому».

— У нас порядка трёх часов до расчётного выхода Цаха из дома, — сказал Псих,

сверившись с часами.

— Обоснуй.

— Прикинул расстояние отсюда до вербовочного офиса и среднюю скорость по пробкам.

— Успеваем. Можно не спешить, сломя голову. Через твою машину на нас не выйдут? Въезд, выезд, приехали, не выходили, уехали...

— Тебе тут почти два часа скучать. Представляешь, сколько народу здесь отметится за этот период?

— Мало ли.

— Не парься. Главное, отползи подальше. Тогда, если уж совсем прижмёт, скажем, что нам припекло между собой перепихнуться. Приехали сюда из-за того, что стоянка бесплатная и камер меньше, чем на нормальном паркинге. Стеснялись.

— Ты совсем? — вскинулся я и почти сразу сдулся. — Ну да... Вполне сработает. Интимные предпочтения — они такие, разнообразные.

— Документы оставь, — напомнил товарищ, — Мы же вроде вместе катаемся.

— На, — пластырь с капсулой легко отстал от кожи. — Не потеряй.

Приняв мои персональные данные, он убрал их в отделение для всяких мелочей под приборной панелью.

Выбираться из комфортного салона в предутреннюю прохладу не слишком тянуло, и я настроился слегка потрепаться. Скоротать минутку-другую в приятной беседе.

— Псих, ты человек образованный... Скажи, для чего нам ID под кожу загоняют? Глупо ведь. Скальпель, пинцет — и прощай идентификатор личности. Или нашлёпки, глушащие сигнал. Любую технологию ведь можно обойти и обмануть, это всем известный факт. Школота ломает системы видеонаблюдения, регулярно создаёт глушилки для магазинных сканеров, чтобы воровать по мелочи. Так на кой сдались такие сложности? Неужели нельзя придумать какую-нибудь магнитную карту, удобную в обиходе?

Мой первый номер ухмыльнулся.

— Ответственно могу заявить, что магнитные носители — пережиток прошлого. Капсулы — действующая смена. Они... как бы объяснить... груз законопослушания, цепь, привязывающая человека к государству. Если рассматривать преступника, то ему без разницы, что микромодуль под кожу, что магнитный носитель. Избавится при малейшей необходимости, не задумываясь, — товарищ сделал небольшую, но интригующую паузу. — А если переключиться на обычного обывателя? Того, кто с рождения привык, что государство смотрит за ним и следит? Для него это естественный процесс, потому что был с ним всегда. Приучили так. Прадеды, конечно, бунтовали, вопя об ограничении прав и свобод. Деды воспринимали мягче, отцы — привычно, дети — считают имплант частью себя... Люди, Маяк, великолепно дрессируются.

Я кивнул, полностью соглашаясь, и поддакнул:

— Без документов даже в школу не пустят.

— Где-то как-то... Вдобавок, к этой капсуле привязан банковский счёт, номер социальной карты, страховка. Да всё привязано! И удаляя, ты себя всего этого лишаешь. Отказываешься от элементарных прав. Без ID ничего не купишь, любой полицейский обязательно задержит до выяснения личности, в суде наградят пачкой штрафов за игнорирование действующего порядка. Утрируя, отказываясь от идентификатора, ты обрекаешь себя на дискомфорт. А какой законопослушный гражданин согласится на

дополнительные проблемы? Государство же, в качестве гарантии удобной жизни, требует сущий пустяк: чтобы оно было в курсе, где ты, что ты, с кем ты. Да и то, не до конца тебе верит... Если поехать по ключевым перекрёсткам или забраться в дорогой район, то там сканеры считывают не только номер автомобиля, но и ID людей в нём. Полноценный контроль, на этом в столице не экономят. Теперь представь, что будет, если всё это разом убрать? Объявить полную свободу и бесконтрольность передвижения?

— Не будет такого никогда, — буркнул я, открывая дверь и опуская самокат, который вёз в руках, на покрытие парковки. — Начали.

Теория тотального контроля мне как-то пришлась не по вкусу.

(*) Молл — группа предприятий торговли, управляемых как единое целое и находящихся в одном здании или комплексе зданий.

(**) Королевская ночь — одна из традиций практически всех детских лагерей. Это последняя ночь перед днём отъезда. В королевскую ночь принято мазать друг друга зубной пастой и пугать.

Из салона не вылез — вывалился вслед за самокатом. Переполз поближе к соседней машине, хулиганисто подмигнул Психу и захлопнул дверь спорткара. Мелькнула шальная мысль продолжить путь на корточках, но я тут же, с сожалением, отказался от неё.

Видеонаблюдение на окружающей территории налажено отлично, и то, как я буду разгуливать по парковке, при последующем просмотре обязательно отметят, однако хитрость в другом. Очень хочется по максимуму запутать всех любопытных, возникнув из ниоткуда так, чтобы потом они долго ломали головы, на каком автомобиле я приехал и вообще, откуда взялся.

Меня устроит даже сказочное: «Возник из воздуха».

Потому полз, не спеша, между капотами ждущих владельцев машин, восславляя законопослушание со стояночной разметкой, организованной таким образом, что выехать с занятого места можно только сдав назад.

Оказалось, выбранный способ передвижения — тот ещё аттракцион. Тёмная ткань свободного худи норовила собрать пыль и грязь с дорожного покрытия, потому мне пришлось призвать всю имеющуюся выносливость и перемещаться, удерживая туловище несколько на весу, при этом повесив сложенный самокат за лямку для переноски на грудь. Нормально, справился. Военные занятия по физподготовке и не такому научат.

Освещение, достаточное для того, чтобы не заблудиться среди множества автотранспорта и, скудное для полноценной видимости, тоже играло на руку, помогая держаться незаметно в тени баннера.

Периодически освобождающиеся парковочные места долго не пустовали, принимая новых постояльцев, но и особого движа тоже не наблюдалось. Если рассматривать в процентах, то общая загруженность проездов составляла едва ли десятую часть от дневной нагрузки. Я бы сказал — изредка катаются машинки, больше стоят.

Мимо меня, лавируя и едва не сбивая зеркала заднего вида, прошла компания подвыпивших мужчин, подарив моему чипу возможность украсть чьи-то данные.

Начало обнадёживало. Новая личность — лишнее подтверждение того, что «доброволец Маяк» укатил с товарищем пьянствовать. Или праздновать отпуск иным способом. Всё. Я — не я. Теперь попробуй, автоматика, отличи меня от подгулявшего столичного гражданина.

Куда я ушёл, и откуда снова взялся — не твоё дело.

Просидев до рассвета предусмотренные два часа в тени между железными боками автомобилей, спокойно поднялся, вышел на покрытую большими белыми стрелками дорожку, разложил самокат.

Никто. Ничего... Всем пофиг.

При этом, народ потихоньку подтягивается, наполняя парковку зевками, болтовнёй по коммуникаторам и хлопаньем дверей.

Мельком взглянул в сторону того места, где вывалился из спорткара. Он давно уехал, как и уговаривались.

Этот факт мне почему-то приподнял самооценку. Вроде и на равных с Психом фантазировали, но его авторитет, как и возраст, исподволь на психику давили. А тут сам, без начальников и инструкций. Своим умом действую.

Улыбнувшись давно свалившему товарищу, быстренько определил нужное направление и беззаботно покатил к намеченному дому, походя сверяясь с заученным списком ориентиров.

Использование детской игрушки — тоже моя идея, навеянная предыдущим опытом эксплуатации двухколёсного транспорта. Маневренно, молодёжно, в духе времени с модной борьбой за экологию.

Скоро утро, и бредущий по тротуарам разукрашенный, татуированный мужчина вызовет неизбежный интерес у чрезмерно любознательных встречных. А по дворам передвигаться, скрываясь и оглядываясь — нет уж, увольте, пробовал. Там копы водятся.

Предпочту в открытую, по стремительно заполняющимся улицам. Мало кого занимают люди, едущие по выделенной у обочины полосе для велосипедов и прочей двух и одноколёсной экзотики. С точки зрения водителей они слишком медленные, остающиеся почти сразу позади; по пешеходным меркам — наоборот, мелькнул — и нету.

Короче, лучше самоката я выдумать не смог ничего.

За выездом с парковки, на самом краю проезжей части, замешкался, сделав вид, что потерял управление и едва не упал прямо перед выруливающей на дорогу легковушкой. Почти не рисковал. Скорость у колымаги была минимальной.

Не обременённый тактом водитель вдохновенно обложил меня в открывшееся окно и пожелал купить новые руки, ноги, а лучше мозги. Я в ответ показал ему неприличный жест средним пальцем, частично продемонстрировав из-под капюшона перекривленную яростью морду с татуировкой.

Созданной Психом клановой принадлежности вполне хватило для того, чтобы скандальный гражданин перестал дерзить и свалил куда подальше, торопливо подняв стекло.

Расстояние, между нами, при перебранке составляло не более метра, чего я и добивался. Воинский чип-синхронизатор однозначно считал данные хамоватого типа, так что теперь я — это очередной он. Ну и дополнительный свидетель получился, способный без колебаний и сомнений указать под присягой о том, как лично лицезрел бандита с разрисованной письменами харей.

«Наверняка этот криминальный ублюдок и личные данные считал своими преступными примочками. Для чего? Отомстить хотел, мразь! За слова правдивые!» — фантазия представила забавную картинку допроса, где только что виденный водила упорно, с пеной на губах, доказывал угрюмым детективам, что он вообще ни при чём.

С тем, что моя пуговица за ухом автоматически сканирует чужие документы, я поделаться ничего не могу, как и гарантированно держать нужную социальную дистанцию в мегаполисе. Потому у меня имеется черная пластиковая коробочка на шнурке, невзначай выглядывающая из горловины худи.

Она пустая, в ней Псих когда-то что-то держал (он и сам не помнил, что), зато её частичное внешнее сходство с воровским кодграббером(*) уверенно дополняло образ матёрого преступника, подло скрывающегося под чужими личинами.

Надеюсь, видеорегистратор с этой тачки, который копы обязательно просмотрят, отслеживая исходную точку моего появления — заметил обманку. Это важно. Будет, о чём сыщикам призадуматься и даст им объективно логичную версию для работы, отводя дурацкие идеи о применённых инопланетных технологиях на далёкий задний план.

Использованный ход имеет все шансы на успех. Сеть авторитетно утверждала, что устройство вполне реально и широко используется угонщиками транспорта для проникновения в автомобили и обмана охранных систем. Подходило оно и для вскрытия квартир с не самыми дорогими электронными замками, а там без полного пакета идентификации хозяина — не войдёшь.

Я не страшился того, что полицейский искин(**), отвечающий за создание фотороботов, в два счёта опознает, кто скрывается под капюшоном, поскольку, глядя в зеркало, сам себя узнавал с трудом — разукрасил меня Псих знатно. Особенно тщательно он подошёл к деталям, отвечающим за портретное сходство: скулам, форме подбородка, разрезу глаз. Тени и полутени сильно меняли первоначальные приметы, а общее впечатление — не лицо, маска.

Оказывается, в переизбытке грима есть и свои прелести.

... Фокус со считыванием я повторил в четвёртый раз за последние десять минут. До этого — просто постоял неподалёку от выезда, бесцельно рассматривая самокат и пропуская автомобили. Этот — контрольный. На случай, если предыдущие три не сработали. Слабо представляю, как мне поможет эта хитрость, но лишней она точно не будет. Пусть копы поломают мозги, просчитывая пути всех прибывших и убывших.

Схему проезда к нужному дому я помнил наизусть, так что докатил без особых проблем. Город уже вступал в дневной режим, и трафик с каждой минутой становился плотнее и плотнее.

Коммунальный транспорт, грузовички с эмблемами колбас и сосисок, спешащие привести свежую продукцию к открытию магазинов, бегуны, позёвывающие люди на остановках, уставшая за ночь молодёжь, стайками облепившая скамейки и уже плохо соображающая, о чём ещё говорить, редкие представители племени рановстающих, для которых новый рассвет — великий праздник и повод побесить всех встречных своими довольными физиономиями.

Нарастающая уличная оживлённость несказанно радовала. Перспектива бродить в гордом одиночестве незаметности не добавляет.

Искомый двор от панорамной картинке ничем не отличался. Высаженные рядком деревья, песочницы, горки, тротуары, беседки с уже опустошёнными урнами, низкорослый кустарник вдоль бордюров. Из подъездов выходят люди, поодиночке и семьями, почти выволакивающими на улицу хмурую от недосыпа ребятню.

Подавляющее большинство двигалось к паркингу.

С удивлением для самого себя, я посочувствовал столичным обитателям. Да, жалования здесь не в пример больше, чем в глубинке, сервис и медицина тоже на высоте. Однако за всё надо платить, и ранний подъём — лишь первоначальный взнос. Далёко не каждому повезло работать поблизости от дома. Большинству приходится ежедневно терять час, а то и больше в пути на работу и, столько же, с работы. Вставать засветло, под фоновый бубнёж визора проглатывать утренний кофе, или с неприязнью идти под душ, чтобы проснуться окончательно.

Вот и складывается скучнейший график жизни из сакраментальных: дом-работа, работа-дом. В выходные половина из местных предпочтёт тупо отоспаться, а не срываться с утра пораньше в поисках активного отдыха, и, может быть, вечером выбраться куда-нибудь.

Или остаться на диване, предвкушая, как на следующий уикэнд они ох... и зададут же

жару! Будут дышать этим вожделением всю неделю, а после... девять десятых предпочтёт снова мечтать, не в силах совладать с врождённой ленью и с лёгкой грустью просматривать репортажи с концертов, любительских состязаний или выставок.

На ранчо или ферме проще. Там всегда встаёшь ни свет ни заря, а из развлечений — друзья, телепрограммы и книги. Там всегда напряг, и выходные не манят чем-то новым, долгожданным.

Там спокойнее. Человеку нужно всего ничего, тратиться особо некуда. День похож на день, и всегда знаешь, что будет завтра.

Потому я оттуда и сбежал в армию.

Наблюдательный пункт подобрался идеальный. Длинная скамья под беседочным навесом, на которую я завалился как на койку, пристроив самокат рядом. За такое в столице не гоняют. Здесь, в принципе, отношения с властями более... законные, что ли. Так заверил наставник.

В отличие от провинции и гетто, никто просто так не подойдёт к тебе, выискивая, к чему бы придраться и не потребует выворачивать карманы. Лежишь себе — и лежи, на то твоё законное право.

В этом я убедился во время ночных поездок по городу. Под светом уличных фонарей нет-нет, да и мелькнёт спящий на газоне или остановке бездомный. И никто их не гонял.

Основные критерии, по которым копы соглашались терпеть любителей отдыхать на улице, формулировались без всякой зауми. Общественный порядок не нарушает? Человеческое достоинство пошлыми выкриками или действиями не унижает? На людях не испражняется? Если кандидат соответствовал минимальным требованиям общепринятых приличий, то на него переставали обращать внимание. Если нет, отправляли в клетку для задержанных, навешивая баснословные штрафы.

В правительственных кварталах подобная демократия не работает, но там свои правила.

Повернувшись на бок, для удобства подложил руку под голову и приступил к наблюдению. Выбранная точка, расположенная почти напротив второго подъезда, давала чудесный обзор, позволяя хорошо рассмотреть всех, кто выходил из дома. Меня же частично скрывала поросль типового ландшафтного дизайна.

Цах появился примерно через полчаса. Крепкий, такой же, как на портрете, неприятный, одетый в классические строгие брюки, белую рубашку с коротким рукавом, не сумевшую скрыть нижнюю часть такого знакомого щита на плече, тёмные туфли и широкий, под стать его мощной челюсти, галстук. Не вербовщик — менеджер среднего звена в кредитном союзе или продавец сельскохозяйственной техники на выезде.

Рядом с ним вышагивала та самая дама из соцсетей, держа супруга под локоток и беспечно помахивая сумочкой. Перед ними волчком вертелся белобрысый мальчишка лет семи.

Что-то спросив у женщины, он распрямившейся пружиной сорвался с места и понёсся по тротуару, попутно подпрыгивая и петляя между людьми, словно играл в догонялки сам с собой. Гиперактивное чадо, энергию выплёскивает... Я таким же непоседливым рос.

Цах проводил сорванца понимающей улыбкой.

Просмотр семейной идиллии с моей стороны сопровождался неторопливым подъёмом с последующей вознёй с самокатом. Опасаясь вызвать подозрение, я до последнего прятал

лицо и хвалил себя за то, что не снимал капюшон худи. Хотя и хотелось.

Ткань давала несколько тоннельный обзор, одновременно и помогая сохранить инкогнито, и мешая видеть то, что происходило на периферии зрения.

... Объект неторопливо удалялся, с каждым шагом всё больше поворачиваясь ко мне спиной...

Последний осмотр. Кроссовки, джинсы, пистолет под подолом продуманно подобранной рубашки не виден, картинки на шкуре вроде бы не смазались.

Я догонял Цаха по придомовой дороге, используя аккумуляторы моего транспортного средства крайне экономно. Получалось двигаться чуть быстрее торопящегося пешехода. Разминулся с въезжающим по какой-то нужде фургоном доставки, затормозил метра за три до по-прежнему ни о чём не догадывающегося штатного киллера бригады. Развернул самокат на сто восемьдесят градусов.

Меня не пугают рукотворные преграды, но вот люди — непредсказуемы. И пробовать удрать в человеческом потоке, из стекающихся к основным улицам ручейков разнородной публики — очень самонадеянно. В толпу — потом, после того как оторвусь.

Придерживая самокат за руль левой рукой, под гулкие, отдававшие в уши удары сердца, я сомкнул правую ладонь на тёплой, нагретой моим теплом оружейной рукоятки и потащил пистолет под горячее солнце Нанды, попутно снимая флажок автоматического предохранителя.

— Никогда! Я повторяю, никогда! — в миллион первый раз талдычил сержант Бо, выстроив в две шеренги наш взвод, оглохший от пальбы и провонявший едкими запахами стрельбища. — Не задумывайтесь перед выстрелом! Думайте до того, как примите принципиальное решение применить оружие. Или после! Но в процессе — никогда!!! «Если», «Зачем», «Для чего», «Почему», «А что будет» — ваши враги. Смертельные сомнения! — он не говорил, забивал слова в наши куцые мозги. — Они ведут к неуместным рассуждениям о ценности человеческой жизни и прочему бреду, лишнему в боевой обстановке. Пока вы соображаете — вас убили. Только так! И никак иначе! Выживете — философствуйте на здоровье. Но потом! Повторяем...

— Не задумываться... — проревел взвод, мысленно посылая зануду-командира ко всем чертям...

И следом, обрывками, промелькнул Псих с его вечным желанием помочь ближнему.

— Ты когда-нибудь людей убивал? — поинтересовался художник-боец, уставившись на парковочный светильник. — Ты осознаёшь, как это, забирать жизнь?

— Нет. Но морально готов.

— Так не бывает. Если ты не маньяк и не душевнобольной, то в тебе должны быть сомнения. Просто обязаны! Бух! — он выставил перед собой указательный палец, имитируя выстрел. — И всё! Ты убийца. Назад не отыграешь. Потом начнутся ночные кошмары, самоедство, поиск прошлого, чистого себя.

Заботливая откровенность друга откровенно намекала, что мне следует отказаться,

перепоручить судьбу Цаха более опытному, то есть ему. Но я не мог. Хватит прятаться от неизбежного.

— Когда ты прострелил башку Хлюпе, что ты чувствовал? — я умышленно не ответил на провокационный вопрос о сомнениях. — Горечь, досаду, желание всё исправить?

Сослуживец быстро сообразил, к чему столь философский подход, и без особой подготовки бухнул:

— Ни хера я не чувствовал. Противника видел. И сейчас бы ничего менять не стал. Ты мой друг, а он...

— Источник неприятностей, — мне не составило труда закончить фразу за него. — Вот и у меня так. Цах — ступенька к цели. Заметь, не добропорядочный семьянин, не случайная жертва, а вполне конкретный отморозок, киллер. Ты же мне об этом долго твердил, подготавливал. Я поверил... И вообще, Псих, успокойся. Мы же его вроде бы не убивать собирались, а всего лишь подстрелить.

— Всякое случается, — оставил за собой последнее слово первый номер и постучал пальцами по рулю. — Пицца вкусная. Вернёмся — ещё закажем. Предлагаю разбежаться. Мне тоже необходимо подготовиться...

За что люблю свои внезапные воспоминания — они всегда помогают собраться, не отвлекая от основной цели.

Подсознание, будто по заказу, выдаёт именно то, что способно в данное мгновение поддержать, направить, создать необходимый эмоциональный настрой. Стимул для первого шага, если угодно. Внутренний голос, как я прозвал эту удобную странность — умелый пропагандист, хирург, многоопытно отсекающий всё лишнее и вдохновляющий доступным, кратким набором образов для веры в себя. И никакого ступора! Все картинки крутятся где-то в глубине, не затеняя разум или ощущения.

Человека передо мной не было. Вместо него — ростовая мишень с мужскими очертаниями. При каждом выстреле в неё, как и положено, появится дырочка. Появится-появится, не промахнусь.

— Э... — кто-то из обывателей соизволил заметить человека с оружием — более чем непривычное дополнение к будничному пейзажу. — Ты...

Но я его не слушал.

Пистолет дважды дёрнулся под шум выстрелов, спина идущего впереди Цаха обогатилась таким же количеством красных пятнышек, особенно ярких на белой рубашке. Ближе к правому боку, там. Если поторопятся, то спасут.

Раненый остановился, нелепо попытался обернуться назад и, заваливаясь, опустился на колени. Дальнейших нагрузок его подпорченный организм не выдержал, отказал, позволив телу рухнуть носом на тротуар.

Хрипы, ещё в падении рванувшиеся из горла подранка, громкими я бы не назвал, но уж жуткими — точно. Нутряные, нечеловеческие звуки будто дрались с гортанью, требуя выпустить их все и сразу. Наверное, так звучит жажда жизни.

Идущая с Цахом женщина завопила, выронив сумочку и падая на колени рядом с подстреленным. На меня она не смотрела. Ужас случившегося парализовал сознание поклонницы соцсетей, приковав взгляд к раненому мужу.

Вот так, просто. Два движения указательного пальца, и сильный, выдавший всякое

мужчина корчится на дорожке. Без всяких там «по-звериному ощутил приближающуюся опасность» или «обернулся на щелчок предохранителя»... Ничего он не заметил и не почувствовал. Потому что я не позволил.

Бывайте. Дальше без меня. Откланиваюсь.

... — Преступления бывают или планируемые, или спонтанные, — авторитетно вещал усатый дядька из обожаемых передач моего детства, подчёркивая озвученный постулат скупой, продуманной жестикоуляцией. — Планируемые требуют долгой подготовки, сообщников, грамотной многовариантности комбинаций и некоторой толики мозгов. Как вам известно, дорогие зрители, преступников, способных обмануть, доблестных сыщиков, — тут он делал уточнение, — до поры, крайне мало. Но ведь мы же интересуемся не тривиальными личностями, — объектив камеры выделял строгое лицо с пронзительным взором, — а настоящими самородками в криминальном мире!

Ракурс смещался, являя дядьку уже в другой локации, на фоне почти чёрно-белых трущоб.

— Спонтанные преступления, какими бы примитивными они не казались, тоже нельзя сбрасывать со счетов. Ограбление банка на весах закона редко перевешивает убийство женщины, ребёнка, — тут для большего эффекта выдерживалась трагичная пауза, — в тёмном переулке ради пустячных украшений. И бывает так, что зауряднейшее, кажущееся понятным преступление заставляет полицию рыть носом землю долгие месяцы, а то и годы.

Фон меняется в очередной раз, перемещая зрителей в парк, на тенистую аллею.

— Но сегодня я хочу вам рассказать об одном из наиболее сложных дел за последние полвека. Происшествии, где использовались как трезвый расчёт, так и сумасбродная надежда на милость Фортуны. Злоумышленник не пожелал утруждаться серьёзной подготовкой или поиском сообщников. Он поступил иначе. Понадеялся на... А вот об этом, почти уникальном случае мы сейчас и поговорим...

Моё спасение — это скорость. Только она, и больше ничего. Вот к чему так долго подводил ведущий, удерживая интригу.

Пистолет летит в сторону. За оставленные отпечатки пальцев не опасаюсь. Металл, включая патроны, скрупулёзно обработан и вычищен почти до стерильности, место соприкосновения с телом заранее обмотано пищевой плёнкой (из-за которой жутко парило), а прочнейшие медицинские перчатки по-прежнему на мне. Когда его найдут, то кроме того, что оружие попало в сей благословенный город из зоны боевых действий, более ничего не узнают, а я это скрыть и не стремлюсь. В пулегильзотеке ствол по-любому значит.

Дальше.

Прыгаю на самокат, ускоряясь до предела и просаживая на глазах шкалу заряда аккумуляторов. Придомовая дорога пустая, обыватели ещё ничего толком не осознали. Но это ненадолго. Крик женщины уже заставляет всех вертеть головой, выискивая источник беспокойства, и обязательно найдётся сообразительный малый, способный быстро сопоставить окровавленного человека на тротуаре и удирающего меня. Если станет снимать ролик для соцсети — пусть. А вот если окажется героем...

Пожилой, упитанный мужчина, вразвалочку шедший метрах в пятнадцати позади Цахова семейства, относился именно к «неравнодушным мудилам, которым больше всех

надо». С удивительной для его туши прытью он бросился наперерез, одышливо требуя:

— Стой!!!

Принимаю к противоположному от смельчака бордюру. На короткий рывок его хватает, на погоню — нет. Комплекция не та, да и возраст не способствует к длительным забегам.

Грубый, «на глазок», расчёт показывает, что ему не успеть.

Проношусь мимо, под бранную ругань и повисшую в воздухе растопыренную пятерню, которой социально активный смельчак намеревался ухватить меня за одежду.

... Тысячу раз правильно, что я бросился в противоположном направлении, решив накинуть круг. Там, на общей дороге между домами, таких вот дядек может оказаться не два и не три. А кто потолковее — и ловить не станет. Бросит в меня что поувесистее, и можно изучать сайты с рекламой агентств ритуальных услуг. «Титан» мне ничего не простит...

Малочисленные прохожие жмутся подальше от меня. Более героев нет, каждый жить хочет. И почти у каждого страховка не предусматривает полноценное лечение после встречи с убийцей, да ещё при условии добровольного вмешательства в задержание. Такой вот казус: муниципальные власти помощь полиции одобряют, хвалят и жмут руку, а страховщики относят гражданские подвиги в раздел неоплачиваемых форс-мажоров.

Позади завизжала ещё одна женщина. Или та же пошла на второй круг?

Краем глаза отмечаю направленную на меня камеру коммуникатора и, на всякий случай, щерюсь, делая страшную рожу. Снимайте. Снимайте. Татуировочки ради этого и рисовались.

... Основной проблемой оперативников оказалось то, что убийца, среди бела дня совершивший своё злодеяние, намеренно разукрасил лицо до полной неузнаваемости. Технические средства криминалистов при анализе фотоснимков с камер видеонаблюдения попросту выдали такое количество возможных подозреваемых, что сыщикам только и оставалось, что развести руками. По возможному фотороботу требовалось задерживать каждого восемнадцатого, — усатый дядька значительно поднял палец, — человека. Впоследствии выяснилось: помимо обычной косметики разыскиваемый использовал и самодельные наклейки из прозрачного клея для изменения антропометрии лица...

Достигнув угла дома, я, сбросив скорость, свернул к его задней стороне, в соседний двор. Свидетели остались позади, однако зевак, высунувшихся в окно поглазеть на стрельбу, со счетов сбрасывать нельзя. Они сейчас перебегают от окна к окну, наблюдая за бесплатным зрелищем и докладывая о каждом моём маневре в участок.

Предсказуемо... В пределах пары минут появится полицейский дрон-квадрокоптер. Тогда и начнётся основное веселье.

Больше финтить не стал. По прямой пролетел двор, провожаемый уже не пугливыми, а лишь удивлёнными взглядами жителей, въехал в следующий.

Всё! Самокат в сторону! И так слишком чудесно складывается. Признаться, заезд превзошёл все мои ожидания. Изначально я рассчитывал на короткий рывок до первого препятствия, не важно, живого или нет. Однако, раз уж так случилось, то было бы непростительным грехом игнорировать подвалившую удачу.

План спального района стоял перед глазами, словно предлагаемый маршрут для похода

в шлеме виртуальной реальности. Паркинг на нём значился справа, метрах в пятистах.

По прямой или...

Что-то заставило меня отбросить все мысли и рвануть вперёд. Три шага... влево два... прямо... через лесенку... вправо... передо мной, на детской карусели, вспыхнули ядовито-жёлтым пятна. Такие... площадью с кофейную чашечку.

Дрон! Или дроны... Рано!

... Одно из крайне удобных изобретений, используемых в полиции повсеместно и ощутимо шадящих средства налогоплательщиков — это патрульные квадрокоптеры. Из-за простоты и практичности конструкции они, разумеется, уступают боевым беспилотникам и, тем более, армейским ударным машинам. Но их ценность как раз в дешевизне. Представьте, — ведущий вертел в руках неказистую хреновину с пропеллерами и бочкообразным корпусом, — с десятков таких вот игрушек, преследующих злодея. Всё видят, всё передают в центр управления. В автоматическом режиме указывают координаты для локализации преследуемого объекта. И вдобавок, — экран визора будто расстреляли из пейнтбольного автомата, — способны метить преступника несмываемой краской. Отличное решение! — изображение вернуло усатого ведущего, демонстрирующего пальцами «Ок». — Мирным жителям не грозит угодить под шальную пулю, а злоумышленник с каждым попаданием теряет шансы укрыться от правосудия! Ибо кто не заметит, — тут он, отложив квадрокоптер, брезгливо достал из-за спины пятнистую, заставляющую страдать зрение, футболку. Приложил к груди, — такой вот отличительный знак? А теперь подумайте, сколько неприятностей не случилось лишь потому, что вы заранее углядели полицейскую погоню и благоразумно отошли в сторону, давая правоохранителям сделать свою работу?

Дядька прав на все сто. Патрульные дроны никогда не отличались высокой скоростью из-за ограниченного заряда батареи и небольшой массы, как и продвинутой системой наведения, требующей дорогостоящих процессоров и филигранных, карликовых в своих размерах, механизмов. Так же они, против общего убеждения, не использовали в своём арсенале иглы со снотворным или патроны с навешиваемыми «маячками».

Причина отказа от столь продвинутых вариантов лежала на поверхности. Полицейским чинушам не хотелось вляпываться в судебные разбирательства из-за возможных аллергических реакций на препарат или случайно воткнувшегося в артерию острия. Тем более, пока вина подозреваемого официально не доказана.

Чего мелочиться? Санкция от дежурного судьи, и с крыши полицейского участка в небо взметнётся полноценный атакующий беспилотник. Опаснейшая машина. При желании она такого может наворотить, что самый накрутейший боевик унылым занудством покажется.

Но только с санкцией, запрос на которую ещё надо обосновать и аргументировать.

А вот без санкции — пусть в покое постоит. Наблюдательных дронов вполне достаточно.

Я же оружием не размахиваю, заложников не беру, жизни и здоровью граждан больше не угрожаю. Нельзя меня с воздуха расстреливать.

Замедлиться... Повернуть на сорок пять градусов... Змейкой... Вон и шлагбаум паркинга.

Тому, кто бежит последний год, такая нагрузка не в тягость. Я с полным боекомплектом к пушке и собственной амуницией спринты и подлиннее выдавал. А уж под чутким руководством старшего товарища вообще исполнял такое, что впору на чемпионат по лёгкой атлетике ехать. Для особенных дебилов, предпочитающих делать всё то же, что и нормальные люди, только обвешавшись железом.

До шлагбаума, монотонно выпускающего скопившиеся на выезд, автомобили, метров тридцать. Стена, люди, машина у стены... Где же Псих?

(*) Кодграббер — устройство для считывания, анализа и генерирования кодовых последовательностей радиочастотных сигналов и импульсов. Основное его назначение — несанкционированное отключение и управление радиоэлектронными устройствами.

(**) Искин — искусственный интеллект.

Глава 18

Сослуживец появился тотчас, едва я о нём подумал. Выбрался из водительской двери легковушки, стоящей у стены паркинга, являя себя во всей красе. Стильные брюки, мягкие туфли, застёгнутая наглухо рубашка с длинными рукавами. На голове — банальнейшая маска-балаклава военного образца, в руках — винтовка.

Жаль, сфотографировать нет возможности. Потом бы Психу показал. Персонаж для комиксных историй крайне удачный. Ручки-ножки в его стиле подправить, и выдумывать ничего не надо. Вылитый злой гений карликового масштаба.

Влево!.. Рывок по дуге...

Да делай ты хоть что-нибудь! Не стой столбом, как околдованный! За мной погоня! Обоим ведь достанется!

Потратив ещё мгновение на понимание ситуации, первый номер преспокойно приложил «Эмку» к плечу и выстрелил вверх моей головы. Один раз.

Один?! Всего?!

Так это отлично! Допустимое число. Не иначе, дрон с ближайших крыш стартанул, где у него оборудована транзитная станция подзарядки. Или, что совсем уж чудо, по патрульному маршруту пролетал.

Мимо проехал вырвавшийся из-за выпускного шлагбаума автомобиль с ошарашенным водителем. Люди на улице (те, кого я урывками ухитрился заметить) вели себя по-разному. Кто-то до сих пор ничего не понял, кто-то торопливо разворачивался на сто восемьдесят градусов и, пригнувшись, спешил укрыться за менее сообразительными соотечественниками, кто-то замер, разинув рот.

Наверняка имелись и иные реакции на пострелушки ясным утром, но я их не увидел. Выкладываясь на все сто, преодолел оставшиеся метры до ждущего меня авто и, распахнув незаблокированную дверь, влетел в салон на заднее сиденье.

Ещё раз внимательно окинув взглядом всё вокруг, Псих закинул винтовку на переднее пассажирское, запрыгнул в машину сам, захлопнул дверь и немедленно стартанул, выжимая из колымаги всё, что можно. Отлично. Сейчас ему лучше не мешать.

Рядом со мной лежала сложенная одежда, чуть поодаль — рюкзак. Стараясь не замечать, что в данный момент мой первый номер вытворяет на проезжей части, скинул худи, отмечая попадания метящей краски по всей спине, сунул его в рюкзак. Туда же отправились джинсы — им тоже досталось.

Оставшись в гимнастических трико, заранее надетых под штаны (всё ради уменьшения контактов тела с окружающей средой), переместился на другую половину сиденья. Чистую, не испачканную непросохшим маркером. Пригибаясь, натянул на себя приготовленное товарищем новое худи, следом спортивные брюки, сунул ноги в кроссовки, умышленно подобранные без шнурков и прочих хитроумных застёжек.

Щелчок пальцев Психа сообщил, что скоро начнётся.

На автомобиле в наши дни скрыться от полиции невозможно, если с ним не поработал особый умелец. В электронную начинку каждого транспортного средства, по умолчанию, прошита процедура принудительной остановки. Нагрянет полицейский беспилотник для

таких вот случаев, пойдёт условный сигнал, и все двери автоматически заблокируются, двигатель снизит обороты, а сама машина превратится в ловушку. Покинуть её можно лишь разбив стекло.

... Уничтожение квадрокоптера дало нам фору, но очень маленькую. Пока прилетят новые, пока копы обработают звонки свидетелей и подключатся к камерам паркинга — мы успеем оторваться. На всё про всё у нас две — две с половиной минуты. По глубокому убеждению товарища — достаточно, чтобы выбраться на магистраль, ведущую из спального района к городскому центру.

А дальше нам не надо ехать.

Новый щелчок пальцев.

Понятливо кивнув, я подхватил рюкзак и взял припрятанный под ним баллон с сантехническим спреем на основе концентрированной соляной кислоты. Полезная вещь, везде продаётся. Побрызгал в унитаз, и вся гадость от стенок не то, что отстаёт — в ужасе отпрыгивает! Это Псих присоветовал, для уничтожения возможных следов ДНК.

Пнул кулаком спинку водительского сиденья, давая понять, что готов к новому этапу наших приключений.

Автомобиль, под непрекращающиеся нажатие клаксона, выехал на городскую дорожную артерию в нарушение всех возможных правил, чем немедленно спровоцировал визг тормозов, водительское недовольство и раздражение на физиономиях пассажиров.

Аварии не произошло. Избегая полноценных «поцелуев» с другими участниками движения, закономерным итогом которых стало бы срабатывание подушек безопасности и прочих активных систем защиты, мой первый номер намеренно сбросил скорость, нахраписто перекрывая полторы полосы дорожного потока.

Для чего? Ради пробки. Банальнейшего скопления автомобилей в нужной точке.

Очередной щелчок был лишним. После полной остановки я выскочил из салона, попутно орошая аэрозолем всё, что мог. Химия завоняла, обнадёживая качеством. Едкая, зараза... Товарищ делал то же самое со своей стороны, прихватив похожий рюкзак. На нас смотрели как на придурков.

Из ближайшей машины донеслось:

— Ты куда?! А тачка?

— В больницу! — рявкнул в ответ сослуживец. — Захочешь — отгонишь!

Бил он точно. Ни один законопослушный гражданин никогда добровольно не сядет за руль чужого автомобиля, здраво опасаясь нарваться на обвинение в краже, в попытке завладеть чужим имуществом или схлопотать подозрение в причастности к чему-нибудь совсем нехорошему.

Препятствование в получении медицинской помощи иначе, как подарком адвокатскому племени, и не назвать.

Многочисленные судебные процессы, основанные на прецедентах и казусах, научили держаться подальше от всего непонятного. Народ в наши дни грамотный. Разборки с дискуссиями устраивать не станет — быстрее ветра в суд побежит, чтобы раздеть обидчика до трусов. Ещё и доблестью выигранный процесс почтёт, детям в пример приводить будет, с достоинством повторяя: «Заработал — значит, добродетелен».

Меня недовольный водитель проигнорировал.

... Революционные новации, — авторитетно вещала строгая дама в белом халате усатому дядьке из криминальных передач, — позволяют передавать тревожные извещения и сигналы управления сотрудникам групп быстрого реагирования при окружных полицейских участках параллельно с базовым окончанием обработки первичной информации.

Слова собеседницы, решившей блеснуть эрудицией на экране визора, вызвало понимание у ведущего, однако он предпочёл уточнить для необременённых интеллектом зрителей:

— Вы хотите сказать, что используемое программное обеспечение самостоятельно принимает решение о привлечении тех или иных сотрудников?

— В очень примитивном понимании — да, — снисходительно согласилась дама. — Когда установленная на объекте камера распознает лицо человека, угодившего в «черный список», полицейским патрулям, находящимся ближе всех к месту события, приходит тревожное сообщение с указанием места обнаружения подозреваемого, условного кода опасности и прогнозируемым маршрутом перемещений.

— Чем дальше преступник находится в поле зрения камер, тем плотнее сжимается кольцо из привлечённых правоохранителей? — вновь перевёл усатый женскую заумь на понятный язык. — И вы, как заведующая отделом разработки и внедрения, организуете оптимальное сотрудничество техники и человека?

— Именно. Беспилотные средства наблюдения, взаимодействуя с муниципальной системой контроля, чётко очерчивают круг местонахождения преступника, в режиме реального времени передавая соответствующие сигналы на оперативный пульт управления и помогая защитникам закона в нейтрализации искомой личности...

Пробка образовалась быстрее, чем можно было предполагать. Мы ещё не успели отбежать и на десяток шагов, а из скапливающихся автомобилей начали доноситься возгласы недовольства. За лобовыми стёклами замелькали скучные, разнокалиберные рожи привычных к дорожным заторам водителей.

Столица. Приходится терпеть и такое.

— Половину патрулек отрезали, — на ходу бросил Псих, стягивая балаклаву. — Теперь им по встрече придётся за нами гоняться. Прав ты, Маяк. Технологии переиграли человека. Все слишком надеются на компьютеры с электроникой, упуская элементарнейшие критерии: время и то, что надо и самому что-то делать, а не из мягкого кресла командовать.

Я более чем разделял его сентенции. Для серьёзной авиатехники мы скрыты под линией растущих вдоль широкого тротуара деревьев, прерываемых теньвыми навесами всевозможных магазинов и магазинчиков, выстроившихся за зелёными кронами. А от мелкой — ей ещё сюда добраться надо.

Вот и она, легка на помине...

В вышине над машинами, вращая оптикой, пронеслись два крылатых наблюдателя из разряда полноценных полицейских беспилотников с антеннами сканеров на брюхе. Торопятся, ищут, не зная, чего. Их задача — в авральном порядке зафиксировать всех, кого засекут. Собрать личные номера, передать их в умный компьютер оперативно-тактического центра. Там разберутся, кто есть кто.

Такой поворот событий тоже просчитан. У нас осталось полторы минуты.

Сирены вдалеке запели свою однообразную песню, однако пробка вынудит копов искать объезды, что только на пользу.

Дышать носом... По сторонам не глазеть... На бег не срываться...

Что Псих, что я выйдем крайне обыденно, тем более первый номер, стянув балаклаву, оказался в надетой под ней санитарной маске из тех, что обожают поборники здорового образа жизни и всякие экологические скандалисты.

Но отличие есть — принт в виде суровой мужской бороды. Вчера он сам нарисовал, после очередной подкраски моей поистершейся за сутки рожи. Старался... Получилось, как с портретом Цаха — вполне реалистично.

Я предлагал не мучиться с художествами и просто приобрести с десятков разных принтов, однако товарищ заупрямился, разумно объявив, что в магазинах приколов таких масок, конечно, полно, однако расплата пройдет через его кошелек, а это чревато последствиями. Проявит какой-нибудь коп излишнее рвение, проверит покупки похожих «намордников», а потом... Мне только и оставалось, что заткнуться.

... Дополнил он свой образ модными очками-«авиаторами» и извлеченной из рюкзака бейсболкой. Череп бритый, особых примет, кроме худобы, не имеет.

Не идет — парит над тротуаром. Плечи расправлены, как на строевом смотре.

Главное, старые приемы работают на все сто. Первый этап — оторвались от свидетелей, переместившись в иную локацию, где о нас ни слухом, ни духом. Второй — проводим отвлекающую комбинацию для большей шумихи вокруг, после смешиваемся с толпой и ведём себя как все, никого не провоцируем и не бежим. Третий — вновь меняем локацию.

Основной упор изначально делался на человеческое равнодушие ко всему заурядному. Отошли от брошенной тачки метров на тридцать, в скандал не ввязались — и никто на нас не смотрит. Все спешат, всем не до окружающих.

Я двигаюсь легко, перекатываясь с пятки на носок. Про походку — помню. Рюкзак на плече, руки в кармане худи, голова опущена. Для полноты образа коммуникатора не хватает, в который положено уткнуться любому уважающему себя юнцу.

Постройневший товарищ впереди, в паре метров. Ни разу не обернулся.

Однако у всего есть предел, и у ходьбы по улице — тоже.

... Стрекот квадрокоптера я услышал на пределе слуха. При всей своей неказистости, машинка вполне способна летать где угодно и жутко маневренная. Только не успела она. Псих уже спускается в подземный переход, исчезая с земной поверхности.

Туда ей, ищейке пропеллерной, хода нет.

Бонусом, у перехода — остановка общественного транспорта с очевидным переизбытком населения на квадратный метр, раздосадовано поглядывающего на растущую пробку. Ну, извините, люди. Надеюсь, работодатели вас поймут и за опоздание не оштрафуют.

Стало тесно от локтей, повешенных на плечи сумок, шумных возгласов о распоясавшихся транспортных компаниях, допускающих проколы в графике перевозок. Многие уже жаловались, дозвонившись коллегам или начальству.

— Кто-нибудь знает, что случилось? — доносилось тут и там.

— Вроде сбили кого-то. А водитель сбежал, — неуверенно брякнул мужской голос и замолк, игнорируя уточняющие вопросы.

Вот и слухи поползли...

Проскользнув сквозь толпу, я нырнул в переход.

Основная проблема современной полиции — глобализация. При всех технических возможностях, материальном оснащении и проработке протокольных нюансов незаметно позабыли о самом-самом. О людях.

Что сейчас происходит вокруг? Сбор информации. За мной не столько гонятся, сколько меня просчитывают. Обрабатывают сведения, анализируют поведение, чертят круг локализации, ставят задачи, ориентируют полицейские патрули.

Да только как ты их ориентируешь в час пик? Сколько нарядов успеет прибыть, уложившись в норматив? Раз, два и обчёлся. Только ими все дыры не заткнуть.

Это в кино после первого выстрела несутся кавалькады брутальных машин с мигалками и пафосными девизами на дверях, а в реальной жизни? Коп и захочет примчаться во славу добра, но в пробке положенное отстоит, никуда не денется.

Летающая гвардия с искусственным интеллектом? Хороша, но в меру. Обмануть не сложно, если подойти к делу основательно.

И что получается? Меня, в некотором смысле, правоохранительная система сейчас отпускает, дабы не навредил окружающим и с твёрдой уверенностью в том, что никуда я не денусь. Потом найдут, опознавая по силуэту, элементам лица и прочим характерным приметам.

Да только где властям мои настоящие приметы взять? Я изменил всё, что мог, и в цивилизованных краях задерживаться не собираюсь. Уеду туда, где ни камер, ни копов. Ищите ветер в поле.

Полицейские, понятное дело, пошумят, понадоедают служебному искину с вариативностью фоторобота и подбором возможных подозреваемых, разошлют ориентировки. А после проглотят пропажу, никуда не денутся.

Потому что если признать тот факт, что не один боец «Маяк» такой умный на белом свете и что другие уголовники тоже вполне чудесно скрывались от правосудия с помощью маскировки, то вся эта дорогостоящая электроника, исподволь превратившаяся из вспомогательного в основное орудие слежки за законностью — довольно переоценённый инструментарий.

Иначе преступность бы давно победили и забыли, как она выглядит.

А ведь система обошлась в миллиарды. С неё кормились и кормятся техники, программисты, начальники с заместителями, поставщики узлов и запчастей... да всех не сосчитать! И всей этой братии дешевле будет замолчать компьютерно-оптическое несовершенство, спихнув дело обычному homo sapiens(*) из ближайшего участка, чем подвергнуть любимое детище сомнению.

Найдёт этот самый разумный со значком преступников — молодец, может, даже похвалят. Упустит — за что он жалованье получает? Поставят на вид, упомянут о бездарях, присосавшихся к деньгам честных налогоплательщиков. Но про саму систему вспомнят лишь в выгодном свете, деловито подчеркнут, что «было собрано максимальное количество данных, позволяющих идентифицировать преступников». Истинное значение этой словесной эквилибристики поймёт только сведущий, и воспитанно промолчит. Просто чтобы не портить себе карьеру.

Потому и не сказал тогда усатый дядька, как изменивший лицо паренёк свалил от полиции. Ограничился невнятным: «Преступника задержали».

Я же нашёл разгадку. По сети, по заметкам с сайтов полувековой давности. Он, исчезнув

из поля зрения свидетелей и очевидцев, просто уехал на рейсовом автобусе, по дороге стерев грим с лица. Никому и в голову не пришло, что так можно.

Оказалось — да. Пока все гонялись за мифическим автомобилем, на котором скрылся злодей, разыскиваемый, без суеты, проехал остановку, покинул салон и ушёл вдаль. Хитреца нашли лишь потому, что он изначально входил в круг подозреваемых.

Полную хронологию действий неудачливого везунчика я додумывал сам. Сошлось, поразив юного любителя загадок примитивизмом и остротой выдумки.

Автобус, со всей его предсказуемостью и громоздкостью, выглядит самым неподходящим транспортом для бегства только на дилетантский, неискушённый взгляд. На деле же он почти идеален, разумеется, при грамотном использовании.

Посадку никто не контролирует, оплата проезда проводится привычным бесконтактным способом. Контролёры отсутствуют. Если и попадётся ушлый безбилетник, то бегать за ним никто не станет. Спишут на допустимые финансовые потери.

Камер наблюдения в салоне всего две, в начале и конце — просмотр сетевых роликов о скандалистах в общественном транспорте это многократно подтвердил. Передача сигнала — беспроводная, и только по запросу диспетчера.

Выходы из этих человекозоров заблокировать практически невозможно — у каждого стекла присутствует возможность аварийного выбивания, так что, сколько двери ни запирай, кому очень надо — уйдёт.

А ещё они ходят по строгому расписанию, почти без задержек (за исключением пробок). Утренний интервал — не более девяти минут на маршруте. Если учесть, что из спального района маршрутов полно во все концы города, то особо ждать не придётся. Нам всего остановку проехать.

Повернув со ступенек в недлинный тоннель, я на ходу раскрыл второе отделение рюкзака, извлекая оттуда лёгкий, матерчатый жилет. Набросил его поверх худи и занялся физиономией, добыв из того же отделения загодя заготовленные маску и панаму.

Псих тоже перевоплощался. Бейсболку развернул козырьком назад, очки сменил на другие, попроще. Накинул аналогичный моему жилет, вытащив рубаху из брюк и оставив навывпуск. Маску с бородой заменил на обычную — ещё одну личину он вчера нарисовать не успел.

И снова всем всё пофиг... Кому интересно смотреть, кто что надевает?

Люди! Я вас почти обожаю!!!

Выход, остановка, распаивающий двери автобус, дрон, зависший над разделительной полосой дороги...

— Четыреста семнадцать, — выдохнул сослуживец, едва приятный женский голос информационного сопровождения произнёс: «Двери закрываются. Следующая...»

— Чего? — шёпотом произнёс я, с неудовольствием ощущая холодок волнения на спине.

— Вёл отсчёт с того момента, как увидел тебя.

Четыреста семнадцать...

Не верю. Столько всего не могло уложиться в несчастные семь минут.

Сомневаясь, перепроверился. Ну да! Семь минут! А казалось — вечность.

Семь...

Напряжение, преследовавшее меня с самого выстрела, начало понемногу спадать, и я внутренне встряхнулся. Фора во времени — не повод расслабляться. Летающий дрон, сбитый Психом — наилучший аргумент. По всем прикидкам, он должен был меня у паркинга заметить, никак не раньше. Да и то в лучшем случае, если учитывать его скромную скорость, время реагирования копов на сообщение о стрельбе и прочие процессуальные действия, дарящие спасительные секунды.

Семь минут.

Плюсуем к ним поездку в общественном транспорте. В сумме не менее десяти... Но после знака «равно», в нарушение всех правил, пишем не число, а действие: «Началось». Карусель по отлову выходит на максимальные обороты. Все команды получены, все мощности задействованы.

— Выходим, — напомнил Псих, едва автобус остановился на следующей остановке.

Я выскочил на тротуар первым, следом сослуживец.

— Нам туда, — не останавливаясь, он начал забирать вправо, вдоль проезжей части.

— Угу. Помню.

Вокруг такие же дома, как и остановку назад. Такие же люди, спешащие на работу. Такие же деревья с раскидистыми кронами, дарящими в жаркие дни спасительную тень.

— Ну что, пора исчезать?

Опыт жизни на праматери Земле научил людей многому, в том числе и возводить города. После периода климатических изменений, закончившихся аномально тёплыми зимами, засухами, локальными потопами и появлением тропических ливней там, где их не могло быть по умолчанию, к планировке новых городов человечество подходило вдумчиво.

Повторять ошибки прошлого не хотел никто.

И на моей родине, и здесь власти предпочитали строиться, учитывая все известные типы погодных катаклизмов: от урагана, цунами или землетрясения до паводков с затяжными дождями.

Нас с Психом как раз интересовал последний пункт из списка: защита от жидкой стихии. Точнее, ливневая канализация, пролегающая поблизости и относительно изученная по обрывочным статейкам с разномастными видео.

Блоги в соцсетях кишели самозваными диггерами, ради рискованных кадров спускавшихся под землю и ведущих репортажи один красочней другого. Как по мне, половину из них следовало жесточайше выпороть за необоснованный выпендрёж, перемежаемый затяжными рекламными вставками от спонсоров, но я вытерпел, проглядывая на перемотке.

Краткие выводы — система водоотвода в каждом городском округе своя, автономная. В центре с его правительственными кварталами — охраняемая, изобилующая решётками и дорогостоящими датчиками, способными пережить что угодно, вплоть до конца света.

На окраинах, в спальных районах дело обстояло попроще, да и планировка коммуникаций выглядела более-менее понятно: параллельно — перпендикулярная.

Даже магчасть изучил. По архитектурным правилам, любой объект жилой или коммерческой недвижимости возводился именно с привязкой к плану подземных инженерных коммуникаций, и никак иначе.

Никакой «дикой» застройки, никакие связи в мэрии не позволяли воздвигнуть очередное строение там, где имелись отклонения от строгих требований.

— Готов? — сухо бросил Псих, останавливаясь практически сразу за остановкой, у круглого люка из сверхпрочного пластика, малозаметного на фоне тротуара.

— Давно, — излишне бодро отрапортовал я, извлекая из рюкзака небольшой самодельный крюк, который немедля сунул в специальное отверстие.

Товарищ тотчас схватился за свободную часть железяки, помогая поднимать.

Механизм открытия тугой. От любопытных сделано. Раньше пробовали устанавливать замки, но ушлая детвора считала своим долгом разломать запорный крепёж и, по праву победителей, бросала в открывшийся проём петарды и хлопушки.

— Вы что делаете?! — требовательно осведомились совсем рядом.

Я вскинул голову. На меня неодобрительно уставилась дама преклонных лет с продуктовой сумкой. Посылать нельзя. Прицепится, хуже будет. Придётся импровизировать.

— У его сына вчера вечером туда коммуникатор упал. Ребёнок расстроился. Хотим достать и приятное малому сделать.

— Так он, наверное, разбился, — неуверенно парировала женщина, сомневаясь в словах татуированного парня со скрытой рожей.

— Вызов проходит, — натужно пропыхтел Псих, наблюдая, как под натиском четырёх мужских рук неподатливый люк поднимается вверх.

— А... — протянула равнодушная ко всему необычному особа и нехотя пошла дальше, не придумав, к чему ещё придраться.

Под пластиковой крышкой открылся серый колодец с рифлёными скобами на стенках. Туда мы впопыхах и прыгнули, не забыв вернуть люк на место. Обрато он шёл до обидного легко.

— Фонарик далеко?

— Уже, — произнося это, я крепил налобный фонарь на его штатное место.

В запертом пространстве стало светлее.

— Вниз.

Основной тоннель, шедший параллельно дороге, располагался не слишком глубоко. Метрах в двух от поверхности. Скудного освещения, пробивающегося сквозь водозаборные решётки, вполне хватало, чтобы разглядеть однообразные стены и тонкий ручеёк воды, убегающий вперёд.

Высота — почти в мой рост, из-за чего приходилось слегка наклонять голову, дабы не отбить макушку. Мусора или иного бытового дерьмища я не заметил — чувствовалось, за чистотой коллектора следят.

— За мной, — скомандовал сослуживец, тоже нацепив фонарь и уверенно шлёпая своими мягкими туфлями по грязноватому ручейку в противоположную течения сторону. — Хитрость детская, вот-вот раскусят.

— Предлагаю бегом.

— Поддерживаю.

И мы побежали, пригнувшись, размеренно, отсчитывая боковые ответвления и подсвечивая фонариками под ноги, чтобы не споткнуться. На середине пути Псих, не сбавляя темпа, спросил:

— Как думаешь, пятнадцать минут прошло?

— Тебе зачем?

— Чип твой... Он же другого человека начнёт показывать. С улицы или остановки. Я к тому, что тебе за руль надо будет садиться. У меня документов, если помнишь, при себе нет.

— Прошло.

— Будем надеяться. Я со счёта сбился...

— Да точно прошло!

— Тогда хорошо. Ты краску выглядывай. Я открытый пузырёк уронил, чтобы поворот не проморгать.

Опознавательный знак возник метров через пятьсот. Мало заметный (флакончик, свято соблюдая закон подлости, почти не разлился, и, если бы не тонкая алая нитка на стене, вообще бы пробежали, не заметив).

— Сюда, — распорядился первый номер, втискиваясь в трубу поменьше, низ которой начинался на уровне груди. — Узко.

Что узко — я видел и сам. В диаметре — метр, не больше. Испачкаемся...

— Выбираемся?

— Погоди, — Псих, возглавлявший нашу крохотную процессию, с неудовольствием дёрнул задом. — Послушаем.

По отвлечению мы проползли на четвереньках не особо далеко. Снаружи по-прежнему доносились звуки улицы, и, почему-то, пахло свежей выпечкой.

— Мы где?

— В коллекторе.

Какая очевидность...

— Точнее. У проезжей части? Во дворе дома? На стоянке у магазина? Или припёрлись, куда следовало?

— Последнее. Вроде никого.

Оскальзываясь, он поднялся на ноги, протискиваясь в узкий колодец дождеприёмника, вскинул руки вверх. Закряхтел:

— Ага... ага...

Противно скрежетнуло, затем тихо стукнуло.

— Сбрасывай рюкзак. Подашь, — потребовал первый номер, почти бесшумно скользнув вверх.

От волнения путаясь в лямках, я последовал за ним, в вертикальное прямоугольное отверстие для сбора воды. Как по мне — тесное.

Сверху показалась физиономия товарища.

— Рюкзак!

Выдохнув, со всей мочи вжавшись в стенку, я с натугой протацил между телом и шершавой стенкой упомянутый заплечник, с облегчением передал его первому номеру.

— Руку! Да не суетись...

Из узкого отверстия он меня буквально выдернул, как корнеплод с грядки. Перед глазами мелькнула полоска света высотой сантиметров двадцать, и вот я уже в потрёпанном салоне грузового фургончика.

Прорезать в полу машины дыру и приспособить её как лаз — замысел общий. Не помню, как он родился, и кто был отцом-основателем задумки. Как-то походя вышло. Один в шутку сказал, другой, повертев мыслишку, дополнил, поспорили, прикинули, проконсультировались со всезнающей сетью на предмет расположения жизненно важных автоузлов, подивились изяществу задумки, припомнили фильмы, в которых преступники

аналогичным способом сваливали в канализацию. Только не такую, как здесь, а огромную, с возможностью гонять на машинах.

Отсюда и родилась идея с ливнёвкой в принципе.

— В сторону отвали. Решётку на место верну, — Псих упал на живот и завозился под днищем.

Не желая мешать, я перекатился к задним дверям, едва не треснувшись лбом о пошарпанный предыдущим владельцем металл.

Неужели добрались? После всего?

— Уложил, — довольно мурлыкнул сослуживец, для безопасности прикрывая дыру предупредительно отломанным куском боковой обшивки. — Никто в неё не упадёт. Да. Так лучше. Ты не устал?

— Нет.

— Ну что, мальчики, кто за рулём? — донеслось с водительского сиденья, и я не поверил своим ушам, оборачиваясь на голос.

— Здравствуйте, Рона...

— Умница. И не вздумай именовать меня тётей! Не прощу!

(* *Homo sapiens* — человек разумный (латынь)

Женщина помахала мне рукой, обозначив приветствие, фривольно подмигнула и критично осмотрела сына, оставив, впрочем, суждения о перепачканной рубашке с брюками при себе.

Ну да, контраст дичайший. Я и Псих на её фоне смотримся чернорабочими из котлована. Короткое путешествие по боковому ответвлению ливнёвки на пользу одежде не пошло.

Рона же вырядилась, как на утреннюю пробежку перед мужским общежитием. На ней красовался светло-голубой, обтягивающий спортивный костюм в облипочку с кроссовками в тон, волосы прикрыты стильной косынкой, выбиваясь из-под ткани якобы случайно растрепавшимися локонами. Макияж яркий, застёжка курточки расстёгнута до середины, демонстрируя ложбинку между внушительными грудными полушариями.

Её бы на маяк, в наш взвод, пацанам показать... Произвела бы фурор.

А здесь...

От досады мне оставалось лишь скрипеть зубами. Обсуждали же с Психом, всё делаем без посторонних, на свой страх и риск. Зачем он её привлёк? Мы то ладно, напаскудили и свалили поближе к передовой, а мать? И наружу не выгонишь...

А если засветилась в пути? Мелькнула своей пышной красотой, где не следовало, тогда как? Возьмут молодящуюся любительницу пластики за крашеную гриву, отобьют маникюр с почками, и признается тётя как миленькая даже в том, чего не помнит.

Признается-признается, ей деваться будет некуда. Специалистов по активному раскручиванию несознательных молчунов везде хватает. Эти, наделённые полномочиями, граждане — краеугольная основа любого карательного аппарата.

Я покосился на Психа, ожидая пояснений.

— Не куксись, — посоветовал тот, исподлобья посматривая в мою сторону. — Маму не заметили. У неё на руке с ID что-то вроде браслета с глушилкой. Где взяла — я без понятия... Мама и мне не призналась. И ещё экранирующая ткань намотана.

— Она относительно широко используется и продаётся без особых сложностей. Просто, из обывателей мало кто о ней помнит. Я — не забыла, — авторитетно произнесла Рона, гордо задрав подбородок. — Вынуждена признать, в данном случае методика научна лишь отчасти, но в комплексе должна сработать.

— А голова? — я расвирепел. — В шапочке из фольги? И на лице маска?! Вокруг сканеров — плюнуть некуда!

— Молчи, — требовательно оборвал сослуживец. — Она нас страховала.

— Каким образом?

— Мальчик, — вмешалась женщина, приходя на помощь сыну. — Я не такая идиотка, какой выгляжу. Я — физик по образованию, и могу тебе прочесть целую лекцию по подавлению радиосигналов и принципам сканирования частот в городских условиях с учётом располагающихся в нём режимных объектов с действующими комплексами активной электронной защиты. Внешность обманчива.

Выданная тирада настолько не вязалась с кукольным образом Роны, что я опешил. Она же рассмеялась, безжалостно продолжая вгонять меня в полушоковое состояние:

— Кожу современная медицина способна подтянуть, волосы нарастить, грудь и попу сделать схожими с глобусом. Но вот с мозгами такие номера не проходят. Их можно только развить, чем я и занималась большую половину жизни, преподавая в учебных заведениях с серьёзной аккредитацией. У нас интеллигентная семья, и образование считается, скорее, нормой, чем роскошью. Так что не переживай, вшитая в руку капсула экранирована по всем правилам. Это всего лишь пассивный передатчик с минимальными возможностями коммуникации, не жди от него многого... Раны, травмы имеются?

— Обошлось, — ответил за нас двоих Псих. — Можем уезжать. Кто за рулём?

— Сначала твой товарищ, потом я. На выезде установлены сканеры общегородской системы безопасности. У мальчика, как я понимаю, имеется возможность их перехитрить. В пути поменяемся, — без колебаний ответила интеллектуальная особа с низкосоциальными замашками. — Если остановят, то что с меня возьмёшь? Похлопаю глазками, поудивляюсь, побуду «прелесть, что за дурочка». Автомобиль ведь законный?

— Разумеется, — подтвердил я, припоминая, как вчера большую половину дня катался по дальним пригородам, выискивая нелюбопытного торговца подержанными тачками и согласного продавать за наличные Федерации.

Ну и рожей с руками светил. Всё для легенды.

К моему большому удивлению, в столице даже самые прожжённые с виду дельцы осторожничали, требуя соблюсти полноценную процедуру переоформления или, на худой конец, предлагая заключить договор аренды транспортного средства.

Пока нашёл наиболее сговорчивого, заполнившего бланк без юридических придирок, с одних лишь слов, уже всерьёз подумывал, что придётся присматривать спортивный байк и кардинально менять план отхода.

За нелюбопытство, правда, с меня содрали полную цену, без изначально заложенного торга. Ну, хоть сверху не накинули, и на том спасибо.

После приобретения и некоторой кустарной модификации я перегнал машину прямо сюда, запарковав над выходом из ливнёвки. Затем вновь вернулся за город, где смыл грим и, отмахав по тропинке до соседней трассы, направился на заслуженный отдых в дом товарища, будучи при этом очень довольным собой.

Причины для самолюбования имелись более чем веские. Высчитать точку выхода, опираясь лишь на логику да обрывки разрозненных сведений из сети — труд нелёгкий, требующий полной концентрации и вдумчивого изучения принципов градостроительства, включая сертифицированные нормы, правила и условия эксплуатации водоотливов.

По иронии судьбы, умозаключения вывели меня на ту самую, бесплатную парковку у торгового центра, откуда всё и началось.

— Тогда поехали, — выступила с инициативой мать Психа, и вновь вернулась к теме своего появления в машине. — А кто, ты думаешь, догадался заказать несколько разных такси и расставить по пути вашего отхода?

Очередная новость...

— Я считал, что ваш сын.

— Он лишь предложил, при необходимости, использовать водителей как заложников. И это мой добрый мальчик! — покачав головой, огорчённо вздохнула женщина. — Я поражена!

— Да ладно, — смутился объект обсуждения. — Резервный план.

— Податься в террористы?! — рассерженно вскинулась Рона и её возмущение скрежетнуло камнем по стеклу.

В салоне запахло назревающим скандалом. Ни одна мать не упустит случая воспитать вечно несмышлёное, по её мнению, чадо, а момент для этого настаивал крайне неудачный.

— Не преувеличивай, — Псих, закипая от нарастающего потока обвинений, раздражённо дёрнул щекой.

Снисходительный взгляд матери, демонстративно переместившийся на меня, подействовал хлеще самого язвительного ответа, отчего у первого номера сжались кулаки.

— Мальчик, перебирайся в кресло водителя. И лоб вытри. Тебе тату не идёт.

Нарисованную татуировку, про которую уже позабыл, удалил припасёнными гигиеническими салфетками. Насколько чисто получилось — не знаю. Такое сложно понять, когда не видишь результатов и торопливо елозишь влажной бумажкой по надбровной дуге.

— Как? — поинтересовался я у товарища, приближая к нему физиономию.

— Сойдёт. Надень мою бейсболку и очки. Лицо прикрой жилетом, на манер платка.

Так и сделал.

Пока менялся местами с Роной, которой зачем-то взбрело в голову дожидаться нас в водительском кресле, отметил, что упоминание экранирующей ткани — не шутка. Её правая рука, прикрытая длинным рукавом спортивной курточки, выглядела значительно толще левой и практически не гнулась.

— Сыпь будет, — пожаловалась она, усаживаясь рядом с сыном. — Вернёмся — всене непременно к косметологу. Прыщей с покраснениями мне ещё не хватало.

Отрегулировав зеркала и сиденье, я включил кнопку «безопасное вождение» — дешёвый аналог автопилота. В каждом авто такая имеется, только пользуется народ ей редко. Неудобная опция. За тебя контролирует и скорость, и дистанцию, и подруливает при необходимости, ориентируясь по вмонтированным в кузов датчикам. От этого поездка превращается в катание на инвалидной тележке с ограниченными возможностями. Медленное, вялое, с постоянной дерганиной при срабатывании на лихачей, игнорирующих общий темп.

Вильнёт кто-то резко рулём, и машина или тормозит без предупреждения, или мечется, уворачиваясь, точно перепуганная школьница в ночном парке.

Имел бы опыт вождения побольше — ни за что бы не воспользовался. Но в столице, с плотным трафиком и массой опаздывающих придурков — лучше потерпеть. Нам только ДТП с последующими разборками не хватало.

Пассажиры мой выбор поняли без комментариев, воспитанно промолчав.

Влившись в общий поток медленно ползущих автомобилей, я без удовольствия отметил, что копы продолжают расходовать деньги налогоплательщиков. В противоположном нашему направлении вязко двигалась полицейская машина с включёнными маячками, заблокированная со всех сторон всевозможным транспортом. Периодически включаемые звуковые сигналы, обязанные, по логике, заставить водителей принять вправо и уступить дорогу, изменить ничего не могли и задействовались больше для приличия и записи в бортовом компьютере, что «спешили, мол, изо всех сил. Но обстоятельства оказались сильнее».

Ай да мы с Психом! Пробка удалась на славу...

Иногда в вышине, иногда на бреющем, над проезжей частью проносились уже

примелькавшиеся полицейские беспилотники, а вдоль тротуаров патрулировали более слабосильные квадрокоптеры.

Переживают, записывают всех присутствующих.

На здоровье. Наша машина, как я ранее сказал той же Роне, чистая, в угоне не значится. Кто сидит за рулём — никого не касается, потому что действует право добровольной передачи имущества третьим лицам во временное пользование.

С разрешением на управление тоже, надеюсь, полный порядок. Водительские удостоверения в наши дни заставляют получать почти поголовно, так что неизвестный или неизвестная, у которого я одолжил очередную личность, с огромной вероятностью прошли необходимые курсы и сдали экзамены.

Обернулся к Психу и Роне. Они, не придумав ничего лучше, улеглись на пол, прикрывшись какой-то тёмной тряпкой размером с одеяло. Смешно...

— Вам не жарко? — не удержался я от замечания.

— Не-а, — глуховато донеслось из-под импровизированного укрытия.

— Почему?

— Потому что мы терпим, — огрызнулся первый номер.

— Каким образом?

— Героическим. Маяк! Хорош прикалываться! На всех выездах с парковок камеры стоят, в лобовуху смотрят. Будто ты не знал!

— А, ну да... Замаскировались.

Мои забавы выбесили даже Рону.

— Ты на дорогу выбрался?

— Давно.

— Тогда на ближайшем светофоре освобождай кресло, — потребовала она, с облегчением выскальзывая из-под тряпки и перемещаясь ко мне. — Я город неплохо знаю. Нам — на выезд.

Передав управление женщине, я перебрался в грузовое отделение и с лёгкой завистью смотрел как она, отключив ненужные опции, уверенно управляет машиной, одновременно соблюдая и все правила, и не изображая новичка на дороге.

При этом мать-соучастница ещё и умудрялась болтать ни о чём, регулярно сетуя на дискомфорт с неудобством сиденья.

Первый номер помалкивал, по-прежнему лёжа под тканью и категорически отказываясь выбираться. Оправдывался он так:

— Если квадрокоптер прямо перед лобовым стеклом зависнет, то меня не заметит.

Однако мне казалось, что объяснение столь упрямому нежеланию выбираться из-под тряпки несколько иное. Сослуживец, при всей его житейской тёртости, перенервничал и таким способом незатейливо успокаивался, наслаждаясь уютным теплом. Не зря же всем пострадавшим при стихийных бедствиях и прочих потрясениях стараются одеяла на плечи накинуть. Специалисты утверждают, эффект для психики поразительный.

Пусть прячется. Потом об этом комикс нарисует.

Оставив наставника в покое, я переключился на женщину. Имелись у меня к ней... даже не вопросы, а настойчивая жажда откровенности.

То, что Роне не смог отказать Псих, позволив увязаться за собой, не повод связываться с молодящейся тёткой, о которой я почти ничего не знаю.

— Зачем вы влезли в эту историю? Соскучились по новым эмоциям? Нервишки

пощекотать захотелось?

Я не хотел грубить, но по-другому не получалось. Мать Психа это поняла.

— Маяк, мне бы хотелось узнать твоё настоящее имя, — на моё хамство она ответила вполоборота. Мягко, с доброй улыбкой, пробившейся даже сквозь накаченные губы.

— Для чего?

— Не люблю кличек. От них пахнет бестолковым ребячеством. А я... я тебе почти в бабушки гожусь, — закончила Рона расстроенным вздохом, точно в её истинном возрасте было что-то криминальное.

— Вит.

— Так коротко?

— Да. Полным именем меня и родители редко называли.

— Ну, хорошо, Вит... После смерти мужа у меня остался лишь сын. У нас сложные отношения, но мы любим друг друга. И поддерживаем. Я, наверное, должна извиниться за обстоятельства нашего с тобой знакомства и своё поведение в доме, но мне не хочется этого делать. Потому что тогда я буду неправа. Маленький каприз, — она кокетливо взмахнула длинными ресницами. — Мы с сыном повздорили в его прошлый приезд из-за взглядов на жизнь, и этот несносный мальчишка не соизволил извиниться! Теперь я его простила, пусть и не сразу. Материнское сердце отходчиво.

— Поздравляю. Какое отношение этот факт имеет к моему вопросу? — кажется, я догадываюсь, что пытался втолковать этой пластиковой красотке товарищ и почему он так настырно игнорировал её очередного любовника. Но пусть их... сами разберутся.

— Самое прямое, — женщина словно не замечала звучащего недружелюбия. — Сын мне рассказал, что вы задумали. Я посчитала нужным принять посильное участие, всецело одобряя его выбор.

У меня в голове будто прожектор зажегся. Псих... он ведь так и не ответил, ради чего связался в эту авантюру, хотя тема поднималась неоднократно. Уклонялся, юлил... Похоже, не с дамой мне надо разбираться, а с первым номером. Пора с тайнами заканчивать.

Повернувшись к товарищу, я настойчиво потребовал, схватив его за рукав рубашки:

— Говори!

— Что? — он недовольно покосился на мою руку, однако дёргаться не стал.

— Почему ты мне помогаешь? Для чего?

— Ты мой друг.

— Мало! Не верю! — при всех возможных отклонениях в развитии, позволяющих человеку законно держать оружие и воевать, сопереживание с преданностью как-то не входят в предполагаемый перечень. Должно быть что-то ещё. Что-то большее, основательное. — Ты скрываешь...

— Он не рассказал? — изумлённо донесся голос Роны. — В тайне держал?

— Мама! — почти выкрикнул Псих, свирепо взглянув на женщину и негодуя засопев. Я заинтересованно выгнул бровь.

— Не перебивай, — мать строго одёрнула разволновавшееся чадо. — Твой друг имеет право знать. Недопонимание ещё никого до добра не доводило. Ты со мной согласен?

— Да, мама...

— Тогда дай мне сказать... Вит, у нашей семьи непростая судьба. У Арти...

— У кого?

— У Арти. Моего сына зовут Артур. Он и это от тебя скрыл, маленький стервец, —

укоризненный взгляд Роны, на секунду отвлѣкшейся от управления, заставил сослуживца потупить. — У Арти была дочь, рождѣнная вне брака. Описание хронологии пресно и прозаично. Вкратце: мимолѣтный роман научного сотрудника с юной студенткой, неожиданная беременность, скандал, много глупости, гонора, обид, взаимных упрѣков, излишней принципиальности, расставание, полная потеря друг друга и случайное сообщение об отцовстве почти через десять лет. Дальний знакомый проболтался... Её звали Логоя, — резко закончила она.

Логоя? Необычное имя. И очень знакомое.

Я его где-то слышал, но где?

Человечки из комиксовых блокнотов затанцевали перед глазами, кружась в мультяшном вальсе и постепенно превращаясь в одно целое, более всего схожее с девичьей фигуркой.

— Ло, Го, Я, — расшифровал я незамысловатый ребус появления детских имѣн. — Ло и Го.

— Да. Ло и Го. Память о Логое, — подтвердила Рона.

При упоминании девушки в прошедшем времени стало ясно, что её больше нет на этом свете, но озвучивать столь очевидный вывод — цинично бить по больному.

— Соболезную.

Только сейчас заметил — Психу материнская исповедь давалась тяжело. Он жмурился, отворачивался, кусал нижнюю губу, сдерживая кипящие внутри чувства. Тряпка отлетела в дальний угол.

Отпустив рубашку товарища, я пожалел, что устроил это шоу с признаниями. Потом бы выпросил, аккуратно. И вообще, мог бы и без ответов прожить.

Женщина, стараясь не смотреть на посеревшего от воспоминаний сына, продолжала делиться семейным прошлым в какой-то отрешѣнной, учительской манере:

— Если коротко, то воссоединения семьи не случилось. Девочка отвергла и отца, и меня с мужем. Причин тому набралось множество, от юношеского максимализма, включающего традиционно-обязательные выкрики: «Где ты раньше шлялся?», до категоричного неприятия её матерью нашей фамилии и соответствующего воспитания дочери. Мы стерпели, понадеялись на то, что после совершеннолетия нам получится наладить контакт без истеричной, — тут Рона поджала губы, — идиотки, портящей своими комплексами ребѣнка. На алименты бывшая пассия сына не подавала, о себе ничего не писала. Знали бы мы раньше... всё могло бы повернуться и по-иному.

— Что потом? — произнёс я, не давая затянуться чужим воспоминаниям.

— Наркотики. Передозировка, — жѣстко вмешался Псих, откинувшись на стенку фургончика и опустив глаза в пол. — На вечеринке у одноклассника попробовала весѣлую таблеточку, потом ещё одну, потом немного выпила и забыла, что вообще принимала химию. Повторила... Ей стало плохо, она поднялась в спальню и прилегла отдохнуть. Остальные решили, что спит... Там все перепились до полубессознательного состояния... Когда проснулись, дочь уже остыла. Врачи сообщили, умерла во сне. Остановка сердца. Отец как узнал — вслед за ней скончался. Мгновенно. Инсульт... Понимаешь, Маяк, он ею жил последние годы. Мечтал о том, как Логоя приедет к нам в гости, и они вместе будут проводить дни и ночи напролѣт. Втайне ездил к школе, подсматривал, как она выходит с подружками, не решаясь подойти, заговорить, и до судорог об этом мечтая. Он хотел внуков... Папа вообще был идеалистом, заочно её обожал. После похорон я уволился, депрессовал, пока не прочёл о зарождающейся добровольческой бригаде. Тогда сбежал

воевать. Хотел подохнуть, а потом понял, что это не выход. К тому же, я оказался нужен парням. Не я, мой дар, — поправился он с горькой усмешкой, — но и так нормально... Остался служить, в свободное время рисовать начал, чтобы наедине с мыслями не оставаться... Когда узнал о твоей истории с пакетами, то решил, что это мой шанс хоть немного искупить вину перед дочерью, — его тоскливо передёрнуло. — Да, и у таких задротов, как я, бывают отцовские чувства и чувство вины! Такая вот мыльная сериальщина из любительского театра... Смешно со стороны, да?!

— Арти, — грустно напомнила о себе женщина. — Успокойся. Не кори себя.

— Ай, мама, — отмахнулся Псих, проводя пятернёй по вспотевшей лысине. — Я тебе очень благодарен за поддержку, но Маяку...

— Виту, — поправила она сына.

— Виту, — выдавливая моё непривычное имя, закончил первый номер, — не слишком интересно вникать в наши извечные перепалки и настроения. Короче, Маяк, — он вернулся к более удобному позывному, — я поставил себе задачу вытащить тебя из этой неприятности. Но после прослушивания записи с коммуникатора, где мои боевые... — голос вздрогнул, не завершив фразы. Судя по всему, называть добровольцев друзьями Псих уже не мог, а врагами ещё не хотел, — обсуждают торговлю этим дерьмом и зачищают хвосты, определился.

— В чём? — брякнул я, находя объяснения и нервному поведению друга перед выездом, и прочим мелким несуразностям последних дней.

— Пошли они в жопу! — взорвался тот, яростно стуча себя кулаком по колену. — Порву! Я! Один! Тебя вывезу, и дам признательные показания на камеру. И дубликаты в сеть вывалю. Я, при желании, многое могу вспомнить! Я им верил, — горечь разочарования передалась даже мне. — Как себе верил, а они... людей травят. Взрослых, молодых... Предатели! Ненавижу!!!

— Мотивация понятна, — мне оставалось лишь кисло подытожить вышесказанное. — Благодарю за откровенность. Отсюда и проистекает твоё рвение в знакомстве с Майклом?

Мой первый номер сделал с пяток шумных вдохов, набираясь сил для продолжения.

— Угадал. Сразу бы нас всерьёз никто не воспринял. Взглянуть непредвзято — перед СБшниками, без всякой на то причины, нарисовался некий Псих. Он добровольно, даже не выпрашивая смазки, готов к ним в очко влезть с желанием настучать на всех и каждого. Подозрительный типчик... Любой толковый силовик такого доброхота за старание, конечно, похвалит, но отнесётся к нему с огромным недоверием. Мы же делаем так, чтобы государственным защитникам стало интересно продолжать общение с Психом. Повышаем собственную значимость, причём своими руками. Эксклюзив предложим. Да.

— Обсуждали. Иначе бы нас тут не было.

— А потом я подумал о маме. При малейшем проколе ей тоже достанется. Начнут таскать, допрашивать, возможно, пытаться... Так что в финале из страны уберёмся все вместе. Далеко. Не найдут. Комиксы прокормят. Авторское право у меня межпланетное, без привязки к конкретному законодательству. Где литераторский патент оформил, там и работает. Дом — плевать. Новый купим.

— Я согласна с Арти, — одобрительно поддакнула Рона. — Мы его таким воспитывали. Честным, бескомпромиссным. Поэтому я здесь, с вами, мальчики. Он мне вчера всё рассказал, и я предложила некоторые поправки к вашему плану.

— Например? — поинтересовался я, совершенно перестав удивляться. — Про такси вы,

помнится, уже упоминали.

— Неподальёку нас ждал автомобиль, за рулём которого, мой, — женщина сделала дурашливую мину, — парень. Ему ничего не известно, но, при неудачном развитии событий, он вполне бы сгодился как дополнительный транспорт. И ты спрашивал, почему я увязалась с Арти, а не сижу дома. Ответ на поверхности — если бы кого-то из вас ранили, то я вполне могла бы вести этот драндулет...

Под такую вот душещипательную болтовню мы и выехали за город, причём гораздо быстрее, чем я ожидал. За какую-нибудь дюжину минут поездки дома сменились промышленно-торговыми постройками, между которыми всё чаще и чаще мелькали стройплощадки и пустыри.

От увиденного осталось лишь разочарование провинциала, впервые попавшего в сердце страны. Казалось, самый главный город Нанды будет тянуться вечно, удивляя и покровительственно демонстрируя свои прелести, а получилось так себе, бедненько. Зрелище закончилось, толком и не начавшись.

Молодой мир. Не успел разрастись.

По словам матери Психа, добровольно взявшей на себя обязанности гида, в столице проживало около шестисот тысяч человек, включая пригороды и приезжих. Так что ждать архитектурного размаха в обозримом будущем не стоит. Лет через триста, по мере увеличения человеческого поголовья, возможно, и появится на что посмотреть, а пока компактность превалирует над масштабностью.

Доехав до указателя «Коттеджный посёлок „Звёздный“», автомобиль свернул с трассы и покотился между высоких, разлапистых деревьев.

— Неподальёку сеть искусственных водоёмов, — прокомментировала Рона, отбарабанив маникюром по пластику приборной панели ритмичное «парам-пам-пам». — Романтическое местечко. Пляжи, уединённые полянки, тишина. Я бывала здесь... как-то. С подружкой, — неизвестно зачем дополнила она ненужный, в общем-то факт.

Какая мне разница, с кем эта женщина тут забавлялась? Да и Психу столь откровенные подробности, как сыну, ни к чему. Вон, у того плешь краснеет от стыда за мамашу.

Дорожное покрытие ушло левее, сменяясь накатанной грунтовкой. Впереди прорезалась водная синь.

— Нам в кусты, — двусмысленно хмыкнула сидящая за рулём, съезжая на еле заметную колею между деревьев.

В салоне началась тряска от колдобин и выбоин, по кузову зацарапали ветки.

— Добрались...

Выполнивший свою функцию автомобиль мы обработали всё тем же сантехническим спреем, извлечённым из-под пассажирского сиденья. Я вообще хотел для надёжности спалить всё к одной бабушке, но Псих высказался против:

— Хочешь пожар устроить? В природоохранной зоне? Сюда же все слетятся и сбегутся. Точно-точно.

— А если упустим что?

— Тебе пшикалки жалко? — ответил он вопросом на вопрос. — Пройдись повторно.

И я, кашляя от разъедающего аромата, продолжил обрабатывать салон и особенно

водительское сиденье, на котором случайно обнаружил длинный женский волос.

Рона во всём этом безобразии участия не принимала, грациозно усевшись неподалёку на какой-то пенёк и скучая.

По завершении, то есть, когда в машине стало невозможно находиться от вони, мы захлопнули двери, давая химии ещё немножко поработать на наше преступное благо.

— Никто ничего не забыл? — поинтересовался я для проформы и, получив утвердительные ответы, взвалил рюкзак на плечо.

Сослуживец проделал то же самое, взяв подмышку скомканную тряпку. Женщина поднялась на ноги, сообщив:

— Туда идите. Никуда не сворачивайте. Выберите к основному водоёму. Обогнёте его по дуге, и дальше держитесь высоковольтной линии. Увидите... Пройдёте до дороги и возьмёте на общественной стоянке мою любимую машинку. Не поцарапайте!

Туда — это в просвет между деревьями, по поросшей травкой колее. А машинка, соответственно, спорткар.

— Вы остаётесь? — троим в двухместной игрушке не поместиться.

— Да, — с улыбкой отмахнулась Рона. — Меня заберут. Не беспокойся, мальчик. Неподалёку пляж для поклонников обнажённых тел, где никто ни на кого не смотрит. Там и встретят.

Кто — не спросил. Наверняка «милого» приспособила.

— Удачи вам, — попрощался я, поворачиваясь к нетерпеливо поглядывающему в небо Психу.

— Ага, — женщина уже стаскивала верхнюю одежду, повернувшись спиной и демонстрируя отсутствие лифчика. — Не подсматривайте. До встречи дома... Арти!

— Что, мама? — откликнулся тот.

— Будь осторожен.

Ну и семейка... Это я ещё Психа странным считал.

Он смеялся. Беззаботно, заливисто, запрокинув голову и держась за живот.

— Мы сделали! Нет, Маяк, ты понимаешь?! Мы — сделали!

Высь мансарды отвечала приглушённым эхом, вторя царящему под её сводами настроению.

— Ты сомневался? — я не испытывал особого душевного подъёма, однако веселье товарища действовала заразительно, подменяя тревожный адреналин в крови освежающими смешинками.

— Что ты... — отмахнулся первый номер. — Верил, как в завтрашний рассвет. Но вот так, внаглую... Я радуюсь, что не стал долго размышлять. Обязательно бы начались сомнения, пустые домыслы... А так нельзя. Я на войне это понял. Иногда нужно действовать быстрее, чем соображать.

— Тем более, при наших скромных возможностях.

— Более чем скромных! — уточнил сослуживец, переходя с громогласного хохота к дробному хихиканью. — Жалко, рассказать никому нельзя.

— Переживём.

— Я бы повторил.

Настала моя очередь истерично ржать, без особых усилий вспоминая все утренние коллизии.

— Без меня. Второй раз можем и не уйти.

— Это да... Будет, что в старости вспомнить, — признал после паузы Псих и спросил, разом уничтожив всё веселье. — Как себя чувствуешь?

Дальше он продолжать не стал, но и так понятно, о чём идёт речь. На Цаха намекает.

— Не знаю, — я искренне пожал плечами. — Меня готовили к тому, что придётся в людей стрелять. Внушали, что идеальных решений не существует и если колеблешься, выбирай то, которое ведёт к цели кратчайшим маршрутом. Довелось в этом убедиться на практике.

Наставник и друг часто закивал.

— Извини, что вновь возвращаюсь к этой теме... В моём случае похоже получилось. Поначалу считаешь себя добрым, возвышенным, свято веришь, что кто угодно способен оступиться или уронить достоинство, но не ты. Праведно убеждён, что смерти достоин только коварный враг. А потом получаешь личное оружие, видишь кровь и кишки всех... и чужих и своих... и осознаёшь, что человеческая жизнь крайне переоценена. Павших быстро забывают, словно их никогда не существовало, а живые превращаются в дикую стаю, мудро направляемую в нужную вожакам сторону. И из башки вылетают все прочитанные книги.

— Угу.

— Ты вызвался стрелять потому, что хотел себе что-то доказать?

— И не помышлял. Моя идея — моя ответственность. Пришло время, я выстрелил. Или ты про внутренние терзания?

— Это тебе ещё предстоит, — невесело усмехнулся сослуживец, ёрзая в удобном кресле. — Вечером. Или ночью. Но ты справишься. Потому что сильный. Ты уже видел смерть, и она для тебя не новость.

— Буду надеяться, что Цах выживет. Он мужчина крепкий. Два выстрела в спину вполне способен пережить.

— Да насрать, если честно, — скривился Псих. — Он — плохой. Мне его не жалко. И, если тебе это поможет, вот моя точка зрения: нельзя убивать безоружных. Не женщин и детей, как принято считать, а безоружных. Женщина или ребёнок способны стрелять не хуже нас с тобой. Цах же — вооружённая личность. Даже если ствола при себе не имел. Он прекрасно осознавал, чем занимается и где служит. Взвешивал риски, осознанно делал то, что делал.

— Вот тут ты не прав. Живым он ценнее.

Сложив губы трубочкой, сослуживец присвистнул и наморщил лоб, переваривая мой довод.

— Согласен. Ценнее. Но всё равно насрать.

— Говно из тебя психолог, — криво улыбнулся я, всей душой ненавидя завязавшийся разговор. — У меня на счету первое покушение на убийство, а ты, вместо успокоения или дружеской поддержки, лекцию для юного киллера устроил.

— Я такой. Потому что Псих, — вернулся товарищ к хорошему настроению. — Это как психолог, только со знаком минус.

— И юморист ты тоже... не очень. Другое скажи. С машиной, на которой мы рывок от паркинга делали, проблемы были?

— Откуда? С ней как по маслу всё устроилось. Высадив тебя у супермаркета, я встретился с мамой и перегнал спорткар туда... где мы его забрали. Мама пошла вдоль берега и увидела двух мужчин. Предложила им... кг-м... поразвлечься. Они согласились.

Тогда я зашёл сзади и обоих вырубил. Меня учили этому. Лейтенант Молот. Он и тебя учил.

— Такое забудешь, — я непроизвольно передёрнул плечами, ощущая, как разом заныли тумачи от батальонных тренировок по рукопашному бою.

— После связал и положил в багажник, а рты клейкой лентой залепил. Мама придумала! — присовокупил он с гордостью.

— Бить людей в затылок?

— Что ты!.. Это экспромт. Она предлагала всего лишь напугать оружием и привязать к дереву. Утром бы их освободили. Я отказался. Туда по ночам парочки приезжают для уединения. Случаются и сердобольные. Отвязали бы и нарушили все наши планы.

— Стоп! — меня осенило. — Так у нас в багажнике лежали люди?!

— Лежали. Но мы же их не испортили. Мы бережно ехали.

Товарищ часто заморгал, пытаюсь понять, чего я взъелся, а я тихо дурел. Ещё и похищение на мою голову... Договаривались же, что Псих авто купит! Он же мне вчера сказал, что нашёл подходящее!

— Не получилось найти, — смущённо сообщил первый номер. — Я не решился тебе об этом говорить. Переживал, что ты передумаешь и что я тебя подведу. Выкручивался, как умел.

— А если бы никто не попался?!

— На парковке бы захватил. Там легко. Выезд автоматизированный, людей внутри почти нет. Нашёл бы, у кого отжать. Это просто. Подходишь к человеку, открывающему машину, делаешь...

— Псих! Ты — дурак! — в сердцах вскрикнул я, не представляя, как донести всю степень своего гнева. — А если бы...

— Но ведь у нас получилось? — не сказал, спросил он жалобно. — Не злись, Маяк. Действовал по ситуации. Хочешь пиццы?

— Заказывай.

Взятка всегда приятна. Даже такая, извиняющая. Однако спускать самовольство я пока не был готов.

— С машиной определились... Следующий этап. Скажи, если бы попались, что бы ты делал?

Несколько запоздалый вопрос терзал меня ещё с автобуса из прифронтной зоны.

— На себя всё взял, — мой первый номер говорил без шуток, как о давно решённом. — Дождался бы тюрьмы, а там торговался бы с безопасниками. Я не боялся последствий. И сейчас не боюсь.

— Ты о том, что нас могут вычислить?

— Такая вероятность остаётся всегда. Вполне допускаю, что где-то мы прокололись. Потому сегодня уезжаем в бригаду, подальше от всех. Там быстро не достанут.

— Тебя — вполне возможно. А меня?

Оговоренный ранее возврат выглядел двояко. Узнай начальство о наших проделках, будет большой шум. Достанется по самое некуда, вплоть до пули в затылок под безымянным кустиком. На гуманный суд со следствием и надеяться нечего. А если мы не появимся — считай, расписались в причастности. Связать стрельбу в столице с парой пропавших бойцов — дело техники.

Однако Псих гнул своё:

— Уезжать следует обязательно. В батальоне попросимся на передовую. На две недели.

Или на четыре. Параллельно выждем, пока шумиха уляжется. Если со всеми технологиями нас не возьмут в ближайшие два дня, потом процесс поисков существенно затянется. Разъяснить, почему?

— Не надо. При условии, что мы обхитрили систему городского наблюдения, установить наши личности можно только... не представляю, как! Разве что сами проболтаемся. Понятного копам мотива у нас нет, привязка к прошлому Цаха почти отсутствует, делить нам нечего. Остаются «титановские» специалисты.

— Подавятся. Они все в одни школы ходили. Что контрразведка, что СБшники, что наши хитрованы. Думают одинаково. Цах грохнул лидера банды. В него стрелял человек с ярко выраженными приметам, причём неумело. Не в голову. Частная месть кого-то из преданных? Месть... Говорю тебе — два дня. Это с запасом. На крайний случай можно в плен сдаться. Только мне не хочется.

— Мне тоже... Кстати! — спохватился я при упоминании карательных органов и упомянутых переговоров. — Майкл на связь выходил?

— Ага, совсем из головы вылетело. Вчера, ты ещё не вернулся.

— И?

— Пустой трёп о возможных перспективах и светлом будущем. Сложилось впечатление, что ему нечего предложить. Высокие начальники сомневаются в полезности переговоров или элементарно не успели определиться. И терять нового агента не хотят. Приказали ему подтвердить намерения, он и подтвердил. Без конкретики. Их структура быстро не работает. Всем обмозговать надо, подводные камешки поискать. К тому же, мы пока не того уровня личности, чтобы с нами носиться как с антикварной вазой.

Базовые прогнозы сбывались. Информация о женщине-наркоторговце мало заинтересовала рыцарей плаща и кинжала, но сработала как крючок. Мы познакомились, прощупали друг друга. Теперь и надо подсунуть тему позабористее...

В расположение нам следует явиться завтра к вечеру, так что заскочить в некое кафе с одиноким барменом минутка найдётся.

— Сам пойдёшь?

— Приличные люди вдвоём к одной даме не ходят, — отшутился сослуживец. — Я же ему братьев по оружию буду закладывать, зачем нам свидетели?.. Усаживайся, приступим к всеобщей чипизации. Вернём на место наши поводки. Предлагаю к пицце дозаказать кофе. Двое суток на ногах. Меня, лично, рубит.

Глава 20 Интерлюдия № 5

... Столичный товарищ перезвонил через сорок минут, что Майкла нисколько не огорчило. За это дополнительное время он успел ещё раз проанализировать свою беседу с Психом и теперь всячески прикидывал, как на этом сыграть поэффектнее.

В высокие кабинеты старый оперативник не рвался, однако предпенсионный возраст, напоминающий о себе ноющими коленками да отвратительным самочувствием по утрам, открыто требовал перемен в образе жизни.

К примеру, сидячей должности заведующего информационно-аналитическим отделом. Как раз кресло готовилось к освобождению.

Вот только непосредственное начальство видело в нём не его, не Майкла.

Так что, самое время подсуетиться и проявить твёрдость, особенно если учесть, что разработка «Титана» ведётся им в режиме строжайшей секретности, втайне даже от местных шишек СБН.

Поэтому пускай старый знакомый из столицы поднапряжётся, вспомнит былое и оплатит добром за добро, тем более что повод намекнуть — идеальный.

— Здравствуй, — начал тот, едва мужчина нажал иконку ответа на входящий вызов. — Что-то срочное?

— Да. Информация по некоему Цаху...

— Кому? — рывкнул далёкий собеседник, обрывая оперативника на полуслове. — Цаху? Докладывай!

От резкого перехода к командному тону Майкла покорило и до зубовного скрежета захотелось напомнить, что он не в прямом подчинении, а помогает в счёт... Шиш ему, утырку министерскому, а не просьба. Теперь требовать нужно. В качестве компенсации.

— Докладываю, — похабно повторил безопасник, издевательски вытягиваясь во фронт. — Неизвестный мне Цах причастен к смерти главаря группировки «Хозяева улиц». По непроверенной информации являлся непосредственным исполнителем заказа. Имею стенограмму переговоров неустановленных лиц...

— Почему неустановленных? — вновь перебил звонящий, и оперативник из далёкой прифронтной провинции позволил себе больше не сдерживаться.

— Да потому что нам не верят! Потому что когда я тебе сообщил о контакте с Психом — ты отмахнулся! Сказал, пусть сам себе награду выдумывает, а мы рассмотрим! И что таких добровольных стукачей надо первыми за решётку сажать, чтобы не мстили своим врагам нашими руками! Советовал взять на крючок самим фактом разговора и впоследствии использовать как помойную шестёрку!

— Обороты сбавь.

Майкл и не подумал этого делать, продолжая разыгрывать плановый спектакль.

— Удивишься, но оригинал аудиозаписи чего-то, да стоит! А ты, как всегда, хочешь бесплатно!.. У меня с ним общаться полномочий не хватает! По твоей, кстати, милости! Организуй мне официальное требование, проводи запрос... Развяжи мне руки, наконец! Без всей твоей секретности от всех на свете. Тогда я зарегистрирую дело оперативного учёта и возьму Психа в законную разработку... А так, из-под полы... Что я могу предложить от себя? Пару марок и байку о вечной признательности?!

Собеседник растерялся.

— Ты всерьёз полагаешь...

— Да! Полагаю! Когда я ехал на вторую встречу, ты что сказал? Напоминаю: «Смотри по ситуации. Слишком быстро всё происходит!» Я посмотрел. Мне дали послушать отредактированную аудиозапись с упоминанием Цаха, без иных имён и прозвищ. Стенограмму на память подарили, заранее предполагая, что мы с тобой — медлительные мудаки. И разрешили более ничего не придумывать.

— Конкретнее, — звонящий подобрался.

— Я когда с Психом общался, тот кивал постоянно, словно просчитывал всех нас одновременно. Я пробую увильнуть — а он и не настаивает на конкретных обещаниях. Я пробую надавить — а он смотрит на меня так... с сочувствием, как на мелкую сошку, возомнившую себя генералом.

— Майкл, оставь эмоции.

Безопасник хитро подмигнул самому себе, чрезвычайно довольный, что его жаркий монолог достиг цели.

— Псих хочет полётное окно для частного авиарейса в нейтральную НьюДанию. Кто с ним полетит — я не знаю.

— Маяк?

— Он при нашей встрече не присутствовал. Складывается впечатление, что его вообще выводят из игры. «Титановец» воспользовался нашим с ним знакомством, вышел на меня, а дальше у него свои планы. Но это не точно, с вариантами...

— Для чего ему это?

— Личное. С его дочерью в прошлом случилась некрасивая история, экстраполировавшаяся на «Титан». Только это долгая сказка. Потом расскажу. Может, из тебя, старого сухаря, слезу выдавлю. Денег Псих не просил.

— Зато попросил беспрепятственный полёт за мелкую услугу... Но, интересно, не спорю. В высшей степени, — звонящий товарищ помялся, решая, стоит ли делиться информацией, однако определился быстро. — Цах в больнице, подстреленный вчера утром. Неудачное покушение. Стрелял человек с бандитскими татуировками. По повадкам — из той самой группировки. И вменяемых версий, признаться, не было... А с твоими новостями будем брать Цаха в разработку. Стенограмму перешлешь? Не постановка?

— Вряд ли... Качество у записи так себе, но на актёрскую игру не похоже. По Цаху... Считаешь, месть кого-то из уцелевших ближников?

— Вероятнее всего.

— Совпадает. Убедительно получается.

В динамике немного помолчали, собираясь с мыслями.

— А не Псих ли его завалил? — осторожно допустил столичный чин. — Смотри. Стреляют в «титановца», и тут же появляется наш добровольно навязывающийся боец с ценными сведениями. Как по заказу. Не верю я в такие совпадения.

— Когда стреляли?

— Сегодня утром.

— Тогда Псих вряд ли имеет отношение к стрельбе. Про стенограмму и аудиозапись он ещё в телефонном разговоре упоминал, до описываемых тобой событий. Без конкретики. Я ему тоже невнятно отвечал. Потому и не договорились.

— О как! — в столице позволили себе слегка изумиться. — Из мелочей рисуется картина. И Псих... ну да, за каким чёртом ему это надо? Тем более, он прекрасно понимает,

что за одного лишь киллера никто из страны не отпустит. Ещё и на его условиях.

— Дезинформационная игра? — в свою очередь, выдвинул версию Майкл. — «Титан» воду мутит, преследуя свои цели?

— Маловероятно, — звонящий уже отмёл первоначальные сомнения. — Умри Цах, я бы, может, и рассмотрел эту версию. Но при том, что он выжил, сдавать штатного стрелка — полнейшая ахинея. Тут, скорее, наш новый стукач начал свою игру. Персональные финты.

— Допускаю. В качестве оплаты он предложил две вещи...

— Излагай.

— Предоставит оригинал записи с указанием имён фигурантов и в полёте даст свидетельские показания прокурору о верхушке бригады. Под протокол. Темы для беседы обязался предварительно согласовать с нами, чтобы без неожиданностей... Точку вылета, правда, не назвал.

— Хм... — задумчиво прозвучало в динамике. — Бартер начинает пахнуть выгодой. Выпустить самолёт с какого-нибудь частного аэродрома не проблема. Но стоит ли оно того? И не треснет ли у него морда?

— Причём частичную предоплату Псих уже готов внести. Тем более, он прекрасно понимает, что самолёт — вещь дорогая и в его случае приобретается путём продолжительного сотрудничества. В общем, вылет не завтра.

— Отличный малый. Я почти в него влюблён.

— Вот и позвони ему, признайся. "Титановец" мне более чем открыто сказал, что желал бы пообщаться с чином повыше. Это будет умнее, чем меня посредником использовать. Ещё и в полной секретности от моего шефа. Речь шла о предоплате...

— Говори! — голос собеседника стал строже. — Что-то ценное?

— Погоди, — Майкл почти парил над полом, предвкушая грядущий триумф. — У нас тут, в глуши периферийной, местечко наклёвывается, и я хотел с тобой... э-э-э... посоветоваться...

Как ни странно, однако вернувшись в расположение и бросив рюкзак у своей койки, я впервые за долгие месяцы почувствовал себя умиротворённо. Скаутский домик, в котором мы с товарищем квартировали, для меня незаметно превратился в дом. Настоящий, в какой-то степени даже свой.

После доклада о прибытии нас по очереди вызвали на приём к замкому, где тот устроил некоторое подобие допроса. Причины столь внезапного интереса к двум рядовым бойцам бригады напрямую не озвучивались, всё преподносилось как отеческая забота о личном составе.

Говорили с нами ласково, задушевно, без давления. Тем не менее, задаваемые в том или ином виде вопросы о моей поездке в столицу с постоянным уточнением хронологии действий, открывали подоплёку яснее ясного.

По Цаху версии отрабатывают. На меня с первым номером особо никто не грешит, но для проформы опросить обязаны.

Я отвечал честно: катался с наставником на машине, бухал, кушал пиццу, по утрам маялся похмельем.

Факт того, что Псих употребляет алкоголь, никого особо не взволновал, хотя к вопросам об этом я был изначально готов. Обычно, общественное мнение глубоко убеждено, что странные люди не пьют, а если и пьют, то обязательно вляпываются в разнообразные неприятности, о которых занятно послушать и посмеяться.

Загулял и загулял. Важно, что без эксцессов. В отпуске имеет право.

К моему отдельному удовольствию, с медицинским осмотром никто к нам не полез. Я всё боялся, что дотошные медики обнаружат свежий след от разреза там, где находится капсула с документами. Медицинские гели с клеями хоть и способны творить чудеса заживления, но и они не всесильны. Перед визитом к начальству первый номер отдельно об этом напомнил, проводя тональным кремом по почти зажившей коже:

— Направят к доктору, улыбайся, кивай и молчи. Тогда быстрее отстанут.

Наука не пригодилась.

Думаю, таким мягким исходом мы обязаны собственной некровожадности.

... Цах выжил. Об этом стало известно из криминальных новостей, где дикторы вскользь, без сенсационной перчинки, упоминали обстоятельства нападения, отведя новости всего лишь около тридцати секунд эфирного времени.

Соцсети же дали несколько больше информации. Я увидел себя со смазанной от скорости и почему-то удивлённой рожей, реанимобиль парамедиков, дюжих мужчин в униформе с красными крестами, укладывающих находящегося в сознании подранка на носилки. Тот держал за руку супругу и что-то ей говорил. Выглядел он откровенно паршиво, но на умирающего нисколько не походил. Крепкий сукин сын.

Некрологов или заметок о том, что раненый умер в больнице, мы также не обнаружили. Меня эта новость обрадовала, а вот Псих отнёсся к ней равнодушно, цинично заметив:

— Повезло. Ты мог и промахнуться. Попасть в голову.

— Тогда бы нас искали с удесятерённым рвением.

— Это да.

Наобщавшись с замкомом, я получил профилактический втык от взводного непонятно за что и вместе с Психом отправился на батальонный полигон, где наши сослуживцы, в поте лица, отрабатывали различные механизмы взаимодействия в боевых условиях.

Отдельные тренировки закончились. Теперь мы проводили дни напролёт вместе с парнями, и привычный ко всему товарищ сообщил:

— Скоро на передок. Ротация.

Его слова подтверждали и стягивающиеся отпускники, и участвовавшие проверки боевых навыков, и засуетившееся начальство. По слухам, отправка бригады на позиции ожидалась через три-четыре недели.

Психа эта новость весьма воодушевляла, выражаясь в повышенной продуктивности рисования.

— Я сюжет придумал, — с горящими глазами вещал он, пока я возился с заменой боекомплекта на пушке. — Ло потеряется в страшном-страшном лесу, а Го будет её искать. А найдёт он сначала солдатскую каску, а в каске волшебный компас, показывающий, где ближайšie живые. И Го обнаружит древний домик, а в домике...

— Злую ведьму? — из меня вырвалась классика жанра, мало уместная среди перепаханной стрельбами местности.

— Не-а... — допущение товарища только раззадорило. — Злая ведьма в этом году была. Найдёт...

— Прекрасного принца, спрятавшегося от папаши короля и постигающего астрофизику!.. Орудие к бою готово! Открывай огонь. Вон, лейтенант уже косится.

Шутка про сбежавшего наследника престола, к моему изумлению, понемногу превратилась в увлекательную графическую историю. Только астрофизику заменили на некромантию. А так — забавно получилось.

Каким образом Псих снова устроил нам две недели на посту перед насосной станцией — для меня осталось загадкой. Когда спросил, он лишь невнятно пробубнил о старых связях и всеобщем нежелании выдвигаться на линию соприкосновения раньше времени. Увольнительные не в счёт. Скоро все будут при деле, когда ещё те увольнительные наступят...

Тут я ему верил. Но сломать армейский график нарядов, разработанный на месяц вперёд — надо умудриться. Мы же во всех файлах уже расписаны, подписи везде поставлены, служебные нагрузки со всеми согласованы. Один раз поменяться с кем-то — допуская, реально; однако устроить подобное дважды за столь короткий срок более, чем круто.

— Там пересидим, — мусолил товарищ давно решённое. — Так что надо перед отъездом подготовиться, видеоисповедь сделать. Пусть готовой побудет... Со мной связался СБшник из столицы, попросил что-нибудь для затравки.

— А взамен?

— Намекнул о равноценном бартере. Я ему — убойную информацию, он мне — всевозможное содействие. Но в перспективе. По сути — больше знакомились.

— Ты ему что-нибудь подкинул?

— А как же! Мы люди безотказные, просят — обязательно делаем. Сначала рассказал о Цахе, как умел. Упомянул о его склонности тереться рядом с начальством, частые отлучки в

тыл. После подтвердил, что пакеты с наркотой принадлежали бригаде. Столичный хмырь, понятное дело, засомневался, но я ему беседу замкома с мозгоправом скинул. По голосам наших заговорщиков, конечно, опознают без задержек, однако вечно таить данный факт нельзя... Не сомневайся, это правильное решение. С ним ты переходишь в разряд полезных свидетелей. О тебе речь ведь тоже шла... Пора приоткрывать карты, тем более что козырных среди них и нет.

— И где ты думаешь недостающие масти добирать? Без королевского флеша(**) партия теряет смысл.

— Не проблема. Воспользуемся естественным хранилищем знаний — мозгом. Для примера: недавно ты на мотоцикле едва не вляпался в крупные неприятности. Тебя спасли Минус и Стан. А я прекрасно помню, кто выезжал из расположения в те дни. Полностью такую информацию скрыть невозможно. Если отбросить частично задействованных отпускников, то получаем готовый список участников разборок с «Хозяевами улиц», — Псих победно подмигнул. — В умелых руках этот перечень станет сильным оружием. Да, игра пойдёт в долгую. Но и фиг с ним! Доигрывать они будут без нас. К тому же, вспомнить я могу и прочие авральные выезды наших специалистов по вооружению Федерации. До тебя они тоже случались... А если плотно посидеть в сети, пошуршать в архивных новостях, то найдётся, с чем их связать. Я просто раньше не интересовался этой стороной здешнего уклада, но на склероз не жалуюсь. Сопоставлю. Некоторые экскурсии в прошлое уже дали результаты. Припомнилось кое-что.

— Маловато, — честно заметил я. — На одних мемуарах далеко не уедешь.

— Так и мы ровно сидеть не будем. Найдём, где хранят наркотики, и в конце используем эту информацию как джокера. Как считаешь, откуда начинать поиски?

Спроси меня об этом другой — в жизни бы не признался, матерно обругав за тупые вопросы. Но первый номер... ему можно.

— На водонасосной станции. Семьдесят процентов из ста. Удобнее не придумать.

— Ты тоже?.. — он не закончил, уронив от удивления челюсть почти на грудь. — Подробнее!

— Охраняемая точка на передовой, максимально прикрытая как официальными, так и кулуарными договорённостями враждующих сторон. Посторонних там не бывает, немногочисленная охрана за этим следит. По военным меркам бесполезный пост. При атаке врага он всё равно ничего не сделает, кроме как героически умрёт. А вот послать куда подальше случайно завернувшего проверяющего или чужого офицера с солдатиками — самое оно. «Титан» фактически никому не подчиняется, и это всем известно. Где сядешь, там и слезешь... Дальше, — меня несло, слова сами выстраивались в предложения, освобождая давно обдуманное из плена разума. — Слишком много запчастей, которые рембатовцы возят с собой. Объяснение, конечно, придумано классное — каждая вахта отвечает за материально-техническое обеспечение своей смены. Только оно бредовое. Я на ферме вырос, без центрального водопровода, и видел, как отец чинит скважинные насосы и обслуживает опреснительно-фильтрационную систему. Так вот, столько добра для этого не требуется. И связь с базой тоже никто не отменял. Перед сменой сконнектились, согласовали необходимый перечень расходников, и перевозимые объёмы уменьшатся вдесятеро. Опять же, в крайнем случае, требуемую железяку можно на машине подвезти. А если учесть, что подавляющее большинство груза у рембатовцев ездит в обезличенных армейских ящиках, то резонно было бы спросить: «Для чего такие сложности? Почему не в

заводской таре? Что секретного в запорной арматуре с прочими железяками?» Ну и так далее... В эту же копилочку можно добавить и подозрительную самоизоляцию на объекте. В прятки от снайперов не верю, уж извини.

— Считаешь, в ящиках реактивы? — прищурился товарищ, до этого очень, очень внимательно слушавший мои разглагольствования.

Я, на всякий случай, уклонился от прямого ответа:

— Проверить надо. Пока это домыслы.

— Совпадающие с моими. Поедем на передок — обязательно проверим. Я с твоими выводами полностью согласен.

— Каким образом?!

— Ты придумал, Маяк. У тебя получается.

Столь наглое спихивание проблемы на мои плечи вызвало всплеск негодования. Гениально выкрутился! И... А ведь это занятная задачка. Любопытная. Хочу решить, подловил.

Но полностью не сомневаться я не умею.

— Что будем делать, если ничего не найдём?

— Дальше искать. Мест, где можно оборудовать лабораторию, не так и много. В твоём бывшем батальоне, при всех его складах и постоянном грузообороте, где бы ты спрятал?

— Нигде, — за это утверждение можно было ручаться смело. — На территории присутствуют гражданские, а куда их не пускают — там бойцы всё излазили. Зато попутками оттуда можно что угодно отправить вглубь страны. Армейские посты пропустят без досмотра.

— Об этом в записи речь шла. Предварительно хозяйственную часть бригады отмечаем. В нашем батальоне тоже прятать негде. Остаётся завод по приёмке металлолома и рембат. Но в рембате я бы поостерегся. Там тоже служат люди с ушами и глазами. И наверняка не все в курсе тёмных делишек. Не-а... Не спрячешь, — бодро хмыкнул Псих, давая понять, что всё не так плохо. — Нас же интересует охраняемое местечко с электричеством, водой, вентиляцией, расположенное в труднодоступной для посторонних местности. Найдём. Подходящие помещения на ближайшие сто километров можно по пальцам пересчитать. Точно-точно... Война везде прошлась.

Нынешний отъезд на передовую ничем не отличался от предыдущего. Погрузка боекомплектов, оружия, провианта, личного барахла. Единственное дополнение — краткое шушуканье Психа с водителем.

Когда выехали, первый номер опёрся о задний борт грузовика и вдумчиво зевнул:

— Действуем по твоей схеме. Забираем рембатовских — ложись спать. Машина тормознёт у регуляров, на том же самом месте, где и в прошлый раз. Все выйдут на улицу. Тогда не зевай. Открой пару ящиков, посмотри, что там.

— А если они из кузова не станут выбираться?

— Станут. Я могу долго со знакомыми трепаться. А тут жарко. Кто без крайней необходимости долго высидит?

Тентованный грузовик к долгому времяпрепровождению действительно не располагал. В кабине ещё туда-сюда, кондиционер есть, а вот в кузове скучновато. Пока едем — терпимо из-за встречного ветерка, на остановках — качественная парилка.

Дальше пошло как по писаному.

В рембате к нам загрузили изрядное количество ящиков, следом попрыгали хмурые от предстоящих перспектив сидеть взаперти парни. Немного поругались с Психом за место у заднего борта, где дышалось легче. Я не вмешивался, забившись в дальний угол и имитируя сон.

К своему стыду, действительно заснул. Тряска по прифронтным ухабам убаюкала не хуже колыбельной, или попросту перенервничал.

Что снилось — не помню, но что-то такое... невразумительное, исчезающее из памяти вместе с пробуждением.

— Я скоро! — заметивший мою отключку товарищ говорил громко, втайне подражая будильнику.

— Предлагаешь нам тебя ждать? — буркнул кто-то из ремонтников, однако без особого расстройства.

— Не ждите, — легко согласился Псих. — Проветритесь. Я минут за десять управлюсь.

— Ноги, что ли, размять? — протянул другой «титановец», ни к кому особо не обращаясь.

Дальше послышались удары ботинок о землю. Как и напрозорчил сослуживец, все бодрствующие воспользовались случаем выбраться на свежий воздух, не желая потеть в разгорячённом кузове.

Приподнявшись на локте, я осмотрелся, отмечая, что далеко никто расходиться не стал. Бойцы перебрались под теневую сторону грузовика и вяло травили бородатые анекдоты.

Вроде бы можно...

Мягко встав на ноги, пробежался пальцами по крепким, внушительным замкам верхнего ящика. Обычные, без ключей или иных хитростей. Выглядят ухоженными. Оно и понятно — в рембате и дрянные запоры? Да их командование сгноит за подобное разгильдяйство.

Прижал ладонь к правой задвижке, чтобы звук щелчка получился тише, открыл. Постоял, затаив дыхание.

Снаружи никто не вскочил, не вскинулся, не поинтересовался у соседа: «Ты слышал?!» Нормально.

Левый запор сработал ещё тише своего собрата. Крышка легко пошла вверх.

Так... Что тут у нас?

Синие пакеты с непонятными знаками и переизбытком маркировок. Много текста мелкими буквами, слабо различимыми в полумраке тента. То, что написано крупными — я прочёл, но не осилил. Сплошная химическая заумь.

Попробовал наощупь — порошок. Чёрт его знает, какой...

В соседнем ящике меня ожидала мягкая, полупрозрачная канистра, принявшая форму тары и отвратительно демонстрирующая сквозь стенки жидкость цвета яркой мочи. Горлышко запечатано фабричной пломбой.

Дальше я рыскать не стал, увиденного хватило с лихвой. Будь это обычные коагулянты для фильтрационной системы — их бы никто не стал прятать от сторонних глаз. Навалили бы кучей, принимая по списку, и повезли.

Так и грузить удобнее, и выгружать.

Закрыв ящики обратно, плюхнулся на бок, подсунув под голову рюкзак с пожитками, однако больше имитировать сон не стал. Долго в такой духоте спать невозможно, ради реализма пора вставать.

Товарищ, словно чуя финал нашей карликовой операции, подошёл к отдыхающим

рембатовцам и принялся трепаться ни о чём, исподволь намекая, что надо ехать дальше, на доблестную оборону финансовых интересов бригады.

— Псих! — принялся я оправдывать ожидания. — Куда все свалили?!

— В тенёчек. Один ты дрыхнешь, как убитый.

— Могли бы и разбудить.

— Мог бы и проснуться, — задиристо отозвался кто-то из бойцов.

— Да пошли вы... — вырвалось у меня столь естественно и обидно, что снаружи разноголосно заржали.

Отдыхающие, понукаемые высунувшимся из своего комфортабельного уюта водителем, забралась в кузов и грузовик, погромыхивая ящиками, покатыл, дальше, на позицию.

После обустройства, перед обедом, первый номер выслушал доклад о моих шпионских потугах.

— Непременно реагенты для наркоты, — заключил он, меняя ботинки на пляжные тапочки. — В открытую везти нельзя. В бригаде много образованных людей, разберутся, что к чему. Это мы тупые в химии... Ты хоть что-то из маркировок запомнил?

— Нет, — признался я, огорчаясь собственной недружбе с длинными наименованиями и формулами. — Какой-то «мудил» вроде встречался. Там в названиях букв полно. И формул.

— Сам ты «мудил», — давась смехом, важно изрёк Псих. — Метил, наверное... или что-то созвучное. Ладно, проехали. Основное мы выяснили — в ящиках химия.

— Сдадим безопасникам?

— Что ты! Будем вечно молчать и не признаемся под пытками... Маяк! Проснись! Это же наш козырь!

Я хмыкнул и пошёл к спальному топчану, прятать свои слегка уменьшившиеся сбережения в давно присмотренный отнорок за щитом, ограждающим земляную стенку нашей огневой точки. После столичных приключений отчего-то казалось неумным хранить наличные в расположении батальона.

Неделя прошла в относительно праздном безделье. Мы посменно дежурили на позиции, обсуждали идеи очередного шедевра для самых маленьких, много отжимались в целях поддержания физической формы.

По вечерам — обязательно трепались. Неспешно, с ленцой, после ужина.

Обсуждали разное, но неизменно возвращались к нашим дальнейшим планам, выискивая в них слабые места или моделируя возможные развития событий.

И этот вечер не стал исключением. Небесное светило ещё не село за горизонт, однако уже усмирило свои палящие лучи, разрешив долгожданной прохладе порадовать двух «добровольцев» на боевом посту...

— Самолёт нам никто не даст, — Псих задумчиво почесал карандашом кончик носа. — Пообещают — да. Но потом костями лягут, чтобы мы остались в стране. Свидетель хорош, когда он под рукой, а не на другом конце планеты. Тогда свидетельство почти ничего не стоит.

— Мы же это изначально предполагали.

Я даже не подумал поворачиваться в сторону сослуживца. Послеужинное лежание на спине и созерцание облаков — занятие увлекательное, требующее максимального

расслабления.

— Это я так... Скучно молчать.

— Понимаю... Мне тоже рот проветрить не повредит.

— Вот-вот. А что ещё делать? Вокруг никого. С противником не поболтаешь, в гости к насосной идти лень... Давай по пунктам пройдемся. Ибо повторение — мать учения!

— Сам придумал?

— Куда мне, — первый номер растянул губы в улыбке. — Древняя поговорка.

— Школой пахнет... Ну, убедил, — от предстоящего умственного напряжения захотелось потянуться до хруста в суставах, и я не стал себе отказывать в такой малости. — Хуже не будет. Давай пройдемся. Итак, в ближайшей перспективе наращиваем обмен информацией с твоим новым знакомым из СБН. Понемногу, по чуть-чуть. Попутно ноем с том, что кольцо вокруг нас сужается и запрашиваем легальные документы, приплетая программу защиты свидетелей.

— Правильно. Новые ID нам дадут без проблем, но, конечно, покочевряжатся для приличия и значимости подачи. О чём не скажут — это об изначально наложенном запрете на выезд из страны и автоматической фиксации места пребывания. Типа, нате, играйтесь. Только далеко не уходите. А сунетесь в космопорт или на пограничный контрольно-пропускной пункт — очень удивитесь. Ну и про самолёт напомнят. Скажут, что в самый важный момент не бросят, спасут. Мы же, скажут, одно дело делаем...

— Враки, — убеждённо подытожил я, свято веря в двуличность любой государственной структуры. — Пока нужны — будут облизывать, а потом выбросят на помойку.

— Конечно. Но они же не знают, что нам самолёт не особо нужен. Это так... дань вечно актуальному постулату «Просите больше, чем хотите получить». Наша цель — склепать тебе легальные документы. Пусть и кастрированные. С ними ты сможешь нормально передвигаться по стране, не опасаясь полиции и не запрашивая командировочные у начальства. Ну, на девять десятых свободно. И вот в один прекрасный день... — Псих замолчал, давая мне продолжить.

— Под благовидным предлогом выбираемся за пределы военно-административной зоны, после чего со всех ног мчимся к побережью, на какой-нибудь курорт неподалёку от НьюДании. Где имеется морская граница.

— Не на «какой-нибудь», а на самый лучший! — возмущённо поправил первый номер. — Город вечного праздника с романтическим названием «Лазурные Скалы». Где сплошь богачи. Морским языком «Port of entry» (*). Там действует упрощённый режим пересечения границы. Пограничники не пересчитывают вилки и ложки, переворачивая яхты от киля до клотика, а таможенники более чем учтивы и ненавязчивы. Потому что публика в тех краях собирается очень денежная и капризная. Простого люда почти нет, разве что местные из обслуживающего персонала. Там кофе в уличной забегаловке стоит как полноценный обед в провинциальном ресторане. И там очень красиво.

— Бывал?

— Куда мне... Смотрел по визору передачу «Светские будни». В ней подробно тяжёлый быт нуворишей показывают. Прямо маются бедолаги, ожидая, пока портовые чиновники на пирсе поклонятся и поздороваются... Не сбивай!

— Твоя мама нас встретит. Она наймёт дорогую яхту с нелюбопытным капитаном... Псих! — вскинулся я. — Ты уверен в этом? Шкипер ведь лицензии может лишиться за перевозку нелегалов. И зачем ему это счастье в принципе?

— Каких нелегалов? — товарищ отложил блокнот, поворачиваясь ко мне. — Ты — легальный. У тебя будут документы. А если тебя не заметят при выходе из гавани, то кто виноват?

— Однако...

— Мама уже в НьюДании. Она написала сообщение. И написала, что нашли подходящего парня. «Милого» и с приличной посудой, — от упоминания очередного ухажёра Роны у него дёрнулась щека. — Он нас и не заметит, тем более аренда плавсредства будет оплачена более чем щедро. Самое сложное — подгадать так, чтобы как можно меньше мелькать в Лазурных Скалах. При всей либеральности портовых порядков, в городишке полно всевозможных служителей разведок и контрразведок с прочими силовиками. Следят за большим бизнесом. Вот они — опасны.

— Чем?

— Своим интеллектом. Обратят внимание на пару ротозеев, неподходящих окружающим пейзажам, и прицепятся. А при запросе на наши новые документы у специального человека в СБН обязательно уведомление выскочит, что мы у порта околачиваемся. И завертится... В любом случае, без отмашки от мамы сидим тут. Ждём.

— Это понятно, — примирительно сказал я, признавая, что на совсем уж детальную проработку плана отхода время ещё есть. — Допустим, мы оказались на территории нейтрального государства. Дальше я бегу в посольство Федерации, а ты поднимаешь шумиху.

— Совершенно верно. Встречаюсь с адвокатами. Тут мой литературный агент поможет. У него знакомые крюкотворы имеются — упоминать страшно. Он с их помощью суды до истерики доводит. Авторское право — оно такое... зубов требует. Один умник Ло как-то видоизменил и на упаковках с соками печатать начал, так эти юристы его в долговую яму загнали. По сию пору должен... Обсудив тонкости с защитой, вступаю в переговоры с безопасниками.

— Требуй прокурора. Для законности.

— Без него никак, — согласился первый номер. — Те ребята обманут — недорого возьмут. Потому нужен гарант. Дополнительно, адвокатская контора выступает поручителем в том, что я прибуду на суд.

— Ты прибудешь? Может, не надо?..

Псих словно не услышал, демонстративно вернувшись к своему рисованию.

— После первых же показаний у СБН не будет другого выхода, кроме как предложить мне вернуться в Нанду для «проведения следственных действий». На этом они будут настаивать, втайне ведя переговоры с властями НьюДании о моей выдаче. Но я откажусь. Возьму время на раздумья. Задержать они меня не посмеют, при таком скопище задействованного народу скандала не избежать. Допускаю, рискнут похитить и впоследствии основательно промыть мозги на предмет полного послушания.

— О чём ты скажешь открытым текстом, нагнетая обстановку и пригрозишь пресс-конференцией...

— Сваливая на орбиту, — разулыбался товарищ. — Там они меня не достанут. Юрисдикция не позволит. Оттуда выбью полноценные гарантии и затребую открытый процесс. Согласятся — вернусь в страну. Не согласятся — вывалю в сеть всё, что знаю. Пусть попляшут, опровергая... Вдобавок, к этому времени я надеюсь восстановить свои гражданские документы. У меня ведь их нет, как и у тебя. Сменял Артура на Психа.

— И вспоминаешь о сослуживце с позывным «Маяк». При таких раскладах устроенная

тобой буча даст мне некоторый иммунитет в общении с чинушами.

— Так точно. Поначалу федеральные дармоеды, конечно, обделаются от твоей истории, а тут ещё и я усугублю скандальчиком... Не посмеют они тебя прессовать. Выпустят с планеты. Тогда ты доберёшься до командования и расскажешь о своих парнях.

— Да, Псих. Расскажу. Я им должен за то, что помогли сбежать, — к горлу подкатил сентиментальный ком, который я без жалости прогнал в область живота. — Дурацкий план. В нём столько переменных, что...

— С Цахом вообще кретинизм творился. И ничего, справились. Верь в себя. В любом случае, пока нам ничего не угрожает. Мы просто помогаем государству в борьбе с преступностью. Глядишь, и раскрутим СБН на самолёт.

Дальше говорить расхотелось. Слишком мажорным вышло окончание, чтобы его портить, и я пошёл спать.

На пост у водонасосной заступили мои приятели — Минус и Стан. К нам они, следуя правилам, не совались, однако потрепаться за жизнь по внутренней связи были весьма не прочь.

Для меня появление старых знакомых вообще оказалось отдушиной. Общество Психа не то, чтобы задолбало, но видеть изо дня в день одну и ту же рожу — напрягает. Ему, похоже, я тоже поднадоел. Тем для бесед становилось всё меньше, а новые мы искали без особого рвения.

Первый номер привычно сосредоточился на рисовании, предпочитая обсуждать не бытовуху, а очередные страницы комикса. Да и то, получалось неуклюже, словно прощание на перроне.

И тут — такой подарок! Мы с парнями трындели ни о чём по несколько часов в день, естественно, когда совпадали графики караульной службы. Обсуждали немногочисленных общих знакомых, травили байки о любовных победах и дамах свободных нравов, строили размытые планы на будущее.

От них я узнавал последние новости в бригаде.

Сегодня первым позвонил Минус, причём в неурочное время — после обеда. Обыкновенно, пара часов после дневного приёма пищи считалась периодом тишины, предназначенным для отдыха и дрёмы.

— Маяк! — торопливо начал он, не здороваясь. — У нас, похоже, проверка намечается. Только что подъехали три грузовика. Пустые, с рембатовцами. С ними наши. Кано, Молот, и трое парней из первого взвода. Нервные. Вы там... — дальше он отключился.

При упоминании проверяющих я по армейской привычке бегло осмотрел наше пушечное гнёздышко. Чисто, скромно, оружие и боекомплект в надлежащей форме, Псих рисует, привалившись к мешкам...

— У нас гости.

— Кто? — лениво процедил товарищ.

— Возможно, Кано с Молотом. К насосной подъехали три грузовика с ремонтниками, и мозгоправ со взводным.

— Сами? — непонятно уточнил он.

— Вроде нет... Минус упомянул, что с ними трое из первого взвода. Имён, правда, назвать не успел.

— Давно?!

Поведение Психа менялось с каждым моим словом. Он становился всё более собранным, лязгающим.

— Наверное, нет. Иначе бы Минус сразу сказал, что к нам направляются. Разговор оборвался. Может, к нему близко подошли и он предпочёл...

— Одевайся! — голос сослуживца превратился в сдавливаемый рёв. — Броник, каска, винтовку в зубы!

Чему меня научили, так это подчиняться. Не рассуждая, я молнией сменил гардероб с пляжно-расслабленного на уставной. Первый номер, однако, собственный приказ проигнорировал, сдёрнув с места пыльный «перископ» и развернувшись с ним на сто восемьдесят градусов, в сторону уходящего вдаль окопа.

— Кого выглядываешь? — тревога передалась и мне, выразившись в неумолимом желании прояснить обстановку.

— Там, — Псих скривил губы, не отрываясь от окуляра, — из насосной ящик несут, торопятся. Сквозь листву почти не видно, но при желании можно рассмотреть. Второй... Мы угадали с местоположением. Они ликвидируют цех.

— С чего ты решил?

Но ответа я не услышал. Отбросив перископ к сортирному ответвлению, сослуживец накинул бронежилет, взгромоздил на голову каску.

— Нам пиздец, Маяк, — сухо, будто обращался не ко мне, произнёс он. — Да-да. Нас вычислили. Кано с группой поддержки с минуты на минуту пойдут сюда. Готовься встречать.

— С какого...

— Я не знаю. Скоро начнут стрелять. Угадай, где?

Регулярно упоминаемое шестое чувство товарища вызывало расплывчатое недоверие. Да, я много о нём слышал, пытался представить, как это работает, но вот так, запросто... Почему-то казалось, что оно больше схоже с внезапным озарением, типа вспышки в сознании.

А может, оно только что и сработало? Без видимых фейерверков и радужных конфетти?

— Здесь?!

— Молодец. Умный. Дай мне коммуникатор и начинай сваливать мешки с песком к сортиру. Задача — построить укрытие. Или ничего не делай. Но тогда умрём оба.

Раздавая указания, товарищ тоже не стоял без дела. С невиданным ранее рвением он, позабыв о правилах оборудования огневой точки, заваливал проход к нашим основным позициям всё теми же мешками, хватая с бруствера ближние и набрасывая их как попало.

— По верху пройдут.

— Не-а... Там прятаться негде. Коммуникатор давай!

Звонилка для связи с противником лежала на лафете.

— Держи.

— Набери последний номер, — куча из мешков выросла уже по грудь. — Порадуем соседей. Они в наших разборках ни при чём, а помочь могут.

— Как?

— Потом! Громкую включи!

На вызов ответили почти сразу. Кто-то хриплый, зычный, бодро гаркнул из динамика:

— Чё?

— Говорит Псих, — сослуживец выхватил у меня аппарат, продолжив общаться по

громкой связи. — Вали оттуда. Возможно, прилетит.

Собеседник не стал рассыпаться в благодарностях, коротко бросив:

— Услышал.

— Отбой.

Разговор окончился, и Псих, не давая мне ни секунды на осмысление происходящего, продолжил нарезать задачи, отшвырнув коммуникатор в сторону:

— Броник не снимай. Каску тоже. Полезные изобретения, — новый мешок плюхнулся к своим собратьям. — И займись, наконец, делом! Потом поздно будет!

Как именно следует укладывать мешки — я не представлял. Санитарный тупичок являл собой накрытую сверху траншеей длиной в пару метров с биосортиром в конце, воспитанно отделённую от основной позиции занавеской.

Наваливать сверху? Разве что на край, дальше надо выбираться из укрытия и кантовать их по всей длине. У входа? Но зачем?

— Делай стенку, — одышливо прозвучало в спину. — Как я. Чтобы получился закрытый окоп.

Замысел сослуживца стал понятнее. Мешки полетели один на другой, перегораживая выход из туалетного ответвления. Будто башенку из детского конструктора собираю, не чувствуя ни тяжести деталек, ни неудобных для строительства форм.

— Готово!

Установленная система оповещения пискнула синхронно с моим отчётом.

— Спустились. Чешут сюда, — зачем-то прокомментировал я очевидный факт.

Псих кивнул. Датчики движения, подключённые к штатной электронике, стоят вокруг нашей позиции, и в окопах тоже. Неизвестно, кто это придумал и зачем, но заочно жму руку. По этим датчикам мы всегда узнавали, что кто-то идёт в нашу сторону. Раньше это были сменщики, сегодня — Кано со товарищи.

— Оружие к бою.

А винтовка уже у меня в руках...

Не сговариваясь, мы затаили дыхание, вслушиваясь в единственный выход отсюда.

(*) Port of entry — порт въезда/входа.

(**) Королевский флеш — в данном случае Вит Самад имел ввиду комбинацию карт «флеш-рояль» из игры «покер», состоящую из пяти старших карт одной масти. Неточность термина обусловлена слабыми познаниями героя в азартных играх.

— Псих! — мозгоправ говорил негромко, уверенно. — Ты что устроил? Проход зачем завалил?..

— Кано, — оборвал его первый номер, морщась, точно вступил в дерьмо, — завязывай. Ты знаешь меня, я знаю тебя. Я тебе не верю. Скажи коротко, что нужно. Да... Не поможет тебе твой диплом психолога. Иногда с людьми следует просто разговаривать, а не изученные методики на них оттачивать. Доходчивей получается.

— Вон ты как... — интонация гостя не изменилась, оставаясь ровной, без агрессии. — Уговорил. Сдавай оружие, разбирай завал, ползи сюда. В штабе к тебе и твоему дружку полно вопросов.

Слушая Кано, сослуживец улыбался, качая головой в такт его словам. Неспешно так, будто комедийное шоу по визору смотрел, оценивая юмор.

Напомнил о себе и Молот.

— Не дурите! Вам же деваться некуда!

— Некуда, некуда, — эхом повторил первый номер, плотнее прижимаясь к мешкам и держа винтовку наготове. Забавный такой: брови домиком, рот приоткрыт — вслушивается. Головы не поднимает, опасаясь пули.

Я хотел составить ему компанию, полагая, что два ствола лучше, чем один, однако выставленная в мою сторону ладонь заставила остаться на месте, сторонним наблюдателем.

Трудно сидеть, не видя говорящего о твоей судьбе человека. Мне нужны его мимика, его жесты, его лицо. По ним я, быть может, увижу свою судьбу, рискну предугадать... что угодно! Пусть ошибусь, пусть сполна рассчитаюсь за ошибку, лишь бы не неведение и глумливо-придурковатая улыбка Психа.

Щелчок пальцев.

— Тихо, — одними губами прошептал товарищ, не отрывая взгляда от тянущегося к водонасосной окопа. — Они скоро уйдут, — и перешёл на нормальную громкость. — Кано!.. Кто? Или как?

К моему удивлению, тот понял, о чём спрашивал батальонный чудик с авторитетнейшей репутацией.

— Командир бригады приказал тебя задержать. Срочно. По непроверенным данным, ты, вроде как, агент безопасников. Больше ничего не знаю. Честно... Это правда?

— Правда, — отозвался сослуживец.

— Почему?

— Из-за наркоты. Тебе не понять. Личное.

— Узнал, получается, — в голосе мозгоправа проскользнуло замешательство. — И про производство?

— В насосной станции?

Вдали засопели, досадливо сплюнули.

— Куда же ты влез, Псих... Выходит, не договоримся?

— Нет. Потому прошу, уходи. Я не хочу тебя убивать.

— Не могу, — донеслось из глубины траншеи. — Приказ чёткий. Живого или

мёртвого... Псих, пацана пожалей. Маяк и не жил толком.

Поразительно, но мозгоправ не давил на жалость. Он просто разговаривал со старым знакомым, оказавшимся по ту сторону баррикад и не перечеркнувшим общее прошлое.

Первый номер кинул выразительный взгляд на меня, как бы предлагая обдумать намёк Кано. Я отрицательно хмыкнул. Вместе так вместе. До конца.

А ещё перед глазами встал призрак Ежи Брока. Циничный, жёсткий, хищный, несколько не испорченный врождённой лопухостью. Он словно сбросил опостылевшую маску заучки, вздохнул полной грудью, позволяя себе стать самим собой.

На меня бывший товарищ смотрел с несвойственной ему жалостью, как бы осуждая за наивность и желая вдолбить в несмышлёную голову сослуживца азбучную истину бытия: «Люди умеют врать, и убедительно — в том числе. Так-то, придурок».

Да, Брок, ты снова прав. Никто меня не отпустит, потому что мы — проиграли.

Такое случается.

— Не пойду никуда, — ответил я на немое предложение друга. — Мне здесь нравится.

Это слышали и гости.

— Маяк! Не будь идиотом! — вмешался с увещеваниями взводный. — Пообщаемся — и вали на все четыре стороны.

— Боюсь в пути потеряться... До какого кустика доведёте? Лоб дезинфицировать? Или затылок?!

Рассказывать, что я всё не так понял или убеждать меня в обратном никто не стал.

— Ну, как знаешь, — донеслось из окопных глубин. — Предлагаю без глупостей. Гранат у всех полно. Начнём бодаться — поляжем. Мы отойдём, у вас пятнадцать минут на раздумья. Последние!

Обозначив отведенный срок, гости свалили, по-военному отказавшись от долгих прений. Нет — значит нет, и нормально. Результат получен: батальонный художник и его ученик взбрыкнули, поругавшись со здравым смыслом. Можно переходить к следующему этапу.

Прекрасно понимая спокойствие прибывших, я разложил ситуацию по виртуальным полочкам.

Куда отсюда можно уйти, если идти некуда? Впереди — враг с минным полем, сзади — команда по усмирению взбунтовавшихся бойцов, и, опять же, минное поле. Справа и слева — тоже ничего хорошего. Ловушка чистой воды. Посади снайпера повыше да жди, пока головы над мешками покажутся. Никаких рисков.

— Не будут они ждать, — опытный Псих развернулся ко мне полубоком. — Стрелять побоятся. Оттуда, — кивок в сторону вражеских позиций, — ответка себя ждать не заставит. И скандал может случиться. У нас вроде как договорённость о перемирии.

— Тяжёлых пришлёт? В десантной броне?

— Минут через пять. Им пофиг мины. Идти далеко не надо. Метров с двухсот забросают слезоточивым газом — сами выползем. Не сомневайся, припрутся. Детекторы помогут дотопать. По окопу в такой махине не пройти, габариты не те. А побеседовать с нами начальнички, как ты уже догадался, очень хотят. Буквально мечтают узнать всевозможные подробности.

Я, припомнив почти квадратные фигуры Стана и Минуса в битве «при заборе», как

прозвал для себя ту провальную операцию, тут же согласился, что в траншее таким махинам не развернуться. Разве что бочком пробираться, попутно выламывая ограждающие проход строительные щиты.

— Тогда почему сразу не пригнали?

— Светить запрещённое оружие без крайней необходимости? Эти комплекты вроде как под санкциями. Сам же слышал — Кано для начала пытался миром решить... Ты молитвы знаешь?

— Нет.

— А я забыл, — вздохнул первый номер. — Грустно. Нам бы не повредила помощь высших сил. Ладно... запоминай. Вдоль траншеи, слева, имеется полоса шириной в метр. Сапёры оставили на случай, если стенки при обстреле обвалятся, а драпать придётся срочно. Про неё все знают. По ней и убежишь.

— Вдвоём рванём, — угрюмо воспротивился я, переполняясь решимостью.

— Молчи! Доберёшься до насосной, никуда не сворачивай, чеши исключительно по дороге. Зигзагом, приплясом... Дальше сам определишься, как поступать. Наших тут почти нет, позиции вояки держат. Пока разберутся, кто да что — имеешь реальные шансы проскочить. Когда выберешься, в сети войди в облачное хранилище. Логин АртиПсих, без пробелов. Пароль Логоя. Там все файлы, что я назаписывал, пока ты в домике отсыпался по ночам. И номер мамы. Она поможет. Скажешь ей, что я её очень люблю... Держи мой боекомплект.

Он отстегнул от бронежилета штатные магазины, протянул мне.

Я не взял.

— А ты?

— Буду расчищать тебе дорогу. Возможно, умру. Я не боюсь. В конце концов, я на войну за этим и припёрся. Рассказывал же. Не переживай, — Псих попытался говорить мягко, однако получалось у него так себе, на «удовлетворительно» с большой натяжкой, — выжить я всё же попробую. Недаром ты укрытие строил. Если повезёт — отсижусь.

— Допустим... Дальше?

— Не знаю. Так далеко я не заглядывал. Ты о себе думай. Как проскочить, куда спрятаться. Основная цель — добраться до тыловых позиций регуляров. Там затеряешься.

— Оптимистично... Извини, дружище, но сам не пойду. Только вдвоём с тобой. В задницу такое самопожертвование.

В этом я готов поклясться. Не пойду.

По физиономии сослуживца пробежала тень.

— Включи мозг, Маяк! Из нашей пушки я отработаю на «отлично». Накрою по всем правилам — носа не высунут. Тебе проход...

— Нет! — демонстрируя упорство, я уселся на землю и всем видом показал — не сдвинусь.

Псих закусил губу, напряженно о чём-то размышляя. Потом цыкнул с несвойственной ему лихостью:

— Эх... попробуем. Может, на что и пригожусь. Но на многое не рассчитывай.

— Вдвоём нас больше. Вдвое.

Примитивная арифметическая тавтология заставила наставника и друга обозначить слабую улыбку.

Едва я заткнулся, система наблюдения, замерцав сигнальным диодом, вырубилась.

— Псих!

А дальше разверзлись страх и ужас.

Весь мир вздрогнул, возмутился нашей беспардонной пальбой, одновременно ударив в неисчислимое множество барабанов и наковален, но это ему почти сразу надоело.

Играть вразнобой оказалось увлекательнее. Каждый инструмент перешёл к своей, неповторимой партии вселенской какофонии, стараясь выделиться на фоне других собратьев.

Стены тряслись, сверху сыпалась земля, пыль словно материализовалась из ниоткуда, в одно мгновение покрыв спасительный кусочек огневой позиции пыльным туманом.

В горле запершило, дышать стало нечем. Язык будто высушило под здешним злым солнцем. Безудержно тянуло свернуться в три погибели и выхаркать, вырвать из себя саднящее горло.

— Бойся! — через мешки прямо в меня влетел Псих, неудачно впечатавшись каской в мои зубы. Чумазый, с раскрытым ртом, на скуле — кровь.

Я не обиделся. Зубы — это чепуха. Новые можно вставить.

— Цел?!

— Цел!

Облизывая хрустящую от пыли, солёно-вязкую кровь, отполз вглубь, к коробочке биосортира. С тревогой прислушался.

Грохот сменился шелестящими завываниями чего-то, связанного с «залповым огнём». Откуда летит, куда — не поймёшь. Зато с общей топографией — полный порядок. Мы посередине.

Над головой дробно, сливаясь в один непрекращающийся поток ударов, застучали молоточки войны.

Удар — звон в ушах — земля за шиворот, скрипуче стонущие щиты стенок, уют биотуалета, невозмутимо покоящегося на своём месте и будто подмигивающего: «Ну, кто первый не выдержит?»

Прорвавшийся наружу кашель, сопровождаемый грязными, плотными комочками мокроты. Прижатая к себе винтовка, подрагивающий от взрывов земляной пол...

Мою щиколотку дёрнуло — первый номер, не пытаясь перекрыть царящий вокруг апокалипсис, хотел мне что-то сообщить.

— А?! — проорал я, разворачиваясь к Психу и пуча глаза от абсурдности происходящего. Тут смерть вокруг, тут...

В ладонь мне ткнулся влажный, измятый кусок ткани, бывшей в недалёком прошлом майкой товарища, а палец другой руки указал на подобие платка, защищающего его дыхательные пути.

Дошло!

Сложив пополам, набросил пахнущую потом и гарью тряпку на рожу, упрятав под неё нос и рот. Дышать стало тяжелее, но рассудок подсказывал: лучше стабильно-тяжело, чем вновь полное горло пыли.

Шарахнуло совсем рядом. Мешки, закрывавшие вход в убежище, подпрыгнули вместе с нами, запахло горелым, слух исчез, пугая до жути ватной тишиной и сменой восприятия.

Что могло гореть в нашем изуродованном обстреле обиталище — я и близко не представлял. Может, какая-то проводка?

Псих показал на уши, после развязно взмахнул ладонью, рекомендуя этим жестом

«забить и не париться по пустякам».

Внезапная неполноценность показала мне во всей красе, что бывает, если человек лишается одного из органов чувств. Глаза, привыкшие работать в неразрывном тандеме со слухом, почти ни на чём не могут задержаться, постоянно перемещая фокус зрения в хаотичном порядке. Словно утерянное ищут, и никак не найдут.

Похожее я уже испытывал. Давно, в столовой, вместе с Ежи, Сквочем и Чжоу... Не разница есть. Теперь я боюсь, по-настоящему боюсь, а не трясусь от страха.

Наверное, с возрастом и таким ненормальным образом жизни я постигну секрет, как вообще не бояться. Научусь контролировать себя, усилием воли подымать с душевного дна отвагу и смелость, максимально корректно вздрагивать при очередном разрыве, не истеря и не царапая ногтями грунт.

Наверное... Но пока всё, на что меня хватает — бояться молча, не позориться перед товарищем и не скатываться до постыдного паникёрства.

Прогресс налицо, биосортир тому свидетель. И контузия. Лёгкая.

Я попытался встать на четвереньки, чтобы осмотреться и оценить возможные повреждения нашего укрытия.

— ... баный в ро... — пробилось сквозь заложенные уши, а мощный удар в челюсть, сопровождающийся прыжком Психа прямо на меня, окончательно помог вернуться из внутренних дебрей подсознания в санитарный тупичок.

Он навалился сверху, со всей дури прижимая пятернёй мою голову к своей груди, точно заботливая мать, стремящаяся уберечь ребёнка от неминуемой угрозы.

Взрыв, на ноги падает что тяжёлое, нечленораздельный крик Психа, более походящий на завывание сумасшедшего, пробившийся сквозь накат столб света с танцующими в нём пылинками, кусок чего-то тяжёлого, рухнувшего сверху почти у моей шеи...

Почуял, значит, куда прилетит. Полезный талант. Вот и убедился.

— Двигаться можешь? — проорал в ухо первый номер.

— Могу!!!

— Тогда готовимся!!!

— Куда?!

— Скоро затихнет!!! Командование порешает!!! Попробуем проскочить в окошко! Пока там ещё не определились, а наши с позиций не высунулись! У насосной будем прорываться!

— Встретят!

— Обязательно! Но тут нам не пропетлять!!! Противник по пристрелянным квадратам отработал, позиция у здания в приоритете! Если тебе станет легче, то у насосной дела похуже!

— Мне ноги придавило!

— Мешок упал! Нормально! Спихнёшь!!! Гранаты при тебе?!

Пальцы пробегают по кармашкам на бронежилете.

— Комплект!

— При приближении к позиции готовься применить! И делай, как я!

— Ясно! Башку отпусти!

Псих, обернувшись к выходу, наконец-то сваливается с меня в сторону. Отчего-то липкие пальцы нехотя отпускают моё лицо. Н-да... Худой, худой, а тяжёлый.

Глаза слезятся. И до них пыль добралась.

Рукотворный тарарам понемногу шёл на спад. Разрывы звучали всё реже, серая взвесь, заволакивающая небосвод, не смогла устоять против природы и нехотя рассеивалась под порывами жаркого ветерка.

— Вроде стихает, — неуверенно сказал я, сомневаясь.

— Стихает, — подтвердил первый номер, поправляя повязку на лице. — Нам пора. Пересидим лишнего — верхи окончательно разберутся, что к чему, подкрепление подтянется. Наше солдатское счастье — мы как бы на выступе. Позади — пост бригады. А уж за ним официальный передок... Слава большому бизнесу! Бабло даже географию войны способно менять.

— Нам на пользу.

— Должно же хоть где-то повезти?

Он встал, осторожно выглянул за мешки. Понюхал воздух и довольно кивнул, приставляя винтовку к стене.

— Выходим? — предположил я, наблюдая за действиями товарища.

— Вылазим... Первым пойдёшь! — сосредоточенно выдал тот, подставляя сложенные «лодочкой» ладони в качестве дополнительной опоры для старта.

Мешки, обзаведшиеся множеством дыр с просыпающимся сквозь них песком, выглядели ненадёжно. Осколки и многочисленные ударные волны будто встряхнули их, сместив центры тяжести относительно друг друга.

Щель между разлохмаченным перекрытием и верхней границей мешочного бруствера тоже смущала неправильной голубизной неба, пробившейся сквозь оседающую пыль. Ошмётки травы, земли, коптящего сизым окопного щита, холмик чего-то обгрызенного холодно очерчивали нижний небесный край, рисуя удивительно завораживающее полотно, основанное на контрастах.

Названия этой картины у меня пока нет, но оно появится. Простенькое, маловразумительное для несведущего, и моё, только моё.

Выберемся — попрошу сослуживца нарисовать. В подробностях. Для памяти. Повешу... там, где будет мой дом. И стану смотреть на неё всякий раз, когда захочется прихвастнуть прошлыми впечатлениями перед приятелями.

Ведь у меня будут приятели?

И буду молчать, слушая чужие байки и истории. Притворюсь до мозга костей штатским, никогда не видевшим всего этого кошмара. А потом, разгоняя депрессивность паузы после последнего слова, обязательно стану поднимать рюмку или пивной бокал, неуверенно произнося какой-нибудь скромный тост о тех, кто ушёл навсегда. Или смеяться — в зависимости от сюжета с финалом.

Додумывал я уже приземляясь на перепаханное, бугристо-отвратительное дно огромной воронки, бывшей ещё недавно самым спокойным местом на всём театре боевых действий. От навеса с топчаном — одни руины. Хана моим сбережениям... Да похер! Вперёд!

Перекатился, вскочил, схватил протянутую руку товарища и выдернул его из санитарного тупичка будто пробку из винной бутылки.

С приземлением ему повезло меньше. Псих упал на колени, разодрав костяшки пальцев

о присыпанную землёй железяку, в которой я без проблем опознал искорёженный пушечный ствол.

— По окопу! Сколько пройдем! Не бежать! Я замыкающий! Дальше по ситуации. Увидишь наших — падай. Но не стреляй первым, иначе обнаружишься. Выжди. Может, и проскочим без драки, — не теряя присутствия духа, распорядился первый номер, целеустремлённо уставившись в полуосыпавшийся проход к бывшим «своим».

В знак согласия меня хватило лишь на то, чтобы сплюнуть скопившиеся на языке горечь и грязь. Неудачно. Намотанный на лицо кусок майки исправно работал в обе стороны, отчего слюна, вместо положенного полёта вдаль, оказалась на подбородке.

Тьфу ты... Слиско.

Провёл рукавом по физиономии, размазывая тёплую жижу, перехватил винтовку поудобнее, согласно методике упражнения по «действиям в ограниченном пространстве в составе группы», и, полусогнувшись, засеменял в указанном направлении.

Окопу тоже досталось неслабо. Местами приходилось прыгать через завалы, местами проползать под отслоившимися и nepocтижимо не рухнувшими пластами земли, довелось неоднократно колотиться о поразительно острые ошмётки щитов.

Псих не отставал.

Ни я, ни он и не подумали сетовать на изменённый, труднопроходимый рельеф. Лучше так, чем поверху, в открытую.

Без приключений удалось пройти не более сотни метров. Уткнулись в холм. Конический, почти правильной формы, с рыхлыми, изборозждёнными склонами и вершиной повыше естественного уровня земли.

Как он здесь появился, какими баллистически-огневыми причудами возник — оставалось только гадать.

Края траншеи выглядели хоть и вязкими, но проходимыми.

— По левой? — осведомился я у сослуживца?

— Пробуем, — холодно отрезал он. — По очереди. Пробегаете пять шагов — падай, прячься в землю. Потом ползком. Эта горка не может длиться вечно... Далеко не отбегай. Смотри под ноги. Помни про мины. Могло что-то не разорваться и упасть на пути.

— Пять... Под ноги... Мины, — повторил я за товарищем, собираясь с духом. — Не перепутаю! Но переменных много! В следующий раз задачу упрощай! У меня же образование базовое, без научных степеней!

Тупая шутка, сорвавшаяся с языка, была призвана подбодрить нас обоих. Психу нужна вера в меня, вера в то, что у его единственного подчинённого ум не зашёл за разум и он ещё вполне способен действовать самостоятельно, без дополнительного понукания.

— Постарайся, — с издёвкой прилетело в спину. — Иначе тебя больше не будет, а я «незачёт» поставлю.

— Сурово!

Пробравшись по постоянно осыпающейся земле почти до бывшего верхнего края окопа, я закусил губу, сам себе скомандовал: «... Алле-Гоп!», и выскочил наружу. Туда, где открытое пространство и летает смерть.

Раз!

Ботинки вязнут, обрывок майки лезет в рот, вокруг пятна зелени и коричнево-чёрные щербинки боя.

Два!

Под ногами не разберёшь, где что. Сплошь вывернутые куски дёрна с перемешанным грунтом.

Три!

Холм заканчивается!!! Он — короткий! За ним...

Четыре!

Щиты, ограждающие стенки прерванного окопа, практически не пострадали, а утопанное дно так и манит своей основательностью, удобством. На мой неискушённый взгляд — это почти проспект. Или...

Небо устало наблюдать за мной. Оно подумало, и вновь обиделось на устроенный беспредел. Вычислило виновного, взорвавшись свистом, треском, даже отдалённым шипением, призванным наказать своенравного, стремящегося улизнуть от ответственности человека, посмеявшего уродовать смертоносными играми её обожаемые пейзажи.

Пять!

Прыжок вниз, в нежное окопное нутро!

Не достанешь!

— Беги! — завопил товарищ, перекрывая расходившийся грохот обстрела.

И спорить не буду! Тебе тоже место для приземления надо! Бегом! Со всех ног! Нас засекали, потому начнут шмалять не по площадям, а по конкретной точке!

Ноги едва не путаются от скорости. Каска куда-то делась, позволяя встречному ветерку трепать отросшие волосы. Голове хорошо... Винтовка по-прежнему в руках.

Чем не жизнь?! А дальше — посмотрим!

И новый завал. Почти до подбородка. Но перебраться можно, только сначала выгляну, что там, дальше. Теперь пусть наставник стартует, его очередь.

— Псих!

Молчание.

— Псих! — повторно позвал я и обернулся.

Никого. Не понял...

Особо удачливый снаряд рванул совсем близко, заставив втянуть голову в плечи и пакостно швырнув сверху землю, осточертевшую за этот день. Не поспешил, отсыпал изрядно. И снова за шиворот, в уши, густым градом по затылку.

Сука... В груди ёкнуло. Мой первый номер, мой друг мог отсутствовать только по одной причине. Паскудной. А значит, ему наверняка нужна помощь. Немедленно, срочно.

Другие идеи, из разряда «присел отдохнуть» или «пошёл погулять», я отмёл сходу.

— Псих! — отчего казалось важным орать его позывной не переставая, как спасительную молитву или мантру. — Псих! Псих!!!

Но я не слышал себя. Начиналась очередная серия набившего оскомину ситкома: «Артобстрел и неудачники». (*)

Комедия положений, бля... Неинтересная. В умиралки играем.

До приснопамятного холмика возвращался перебежками, регулярно пережидая новые взрывы. Наши бьют, или со стороны посёлка — по-прежнему не представляю. А может, и те, и эти. Мстят за испорченную синекуру с выплатой боевых, оптимистично объединившись по столь вескому поводу.

На этой стороне Психа нет. Рухнув на брюхо и, загребая ботинками рассыпчатое

крошево, ползу ввысь, забирая вправо, к ранее левой части дорожки по минному полю.

Осторожно приподнимаю голову, старательно игнорируя окружающий мир.

Э-э-э...

Тело товарища лежит за холмиком, там, где мы планировали старт нашей пробежки. На краю окопа, присыпанное коричневатого-серым. Обездвиженное, обмякшее, являя худые, бледные конечности, прикрытое бронезиловым туловищем, его любимые шорты. Винтовка валяется впереди, строго перпендикулярно плечам, точно преграждающий путь шлагбаум.

— Это как?!

Наверное, я проорал своё неверие вслух, достучавшись до сознания Психа. Иначе объяснить, почему первый номер не поднял, полуповернул голову, не могу.

— Бе-е-г... — тусклые, резиновые губы выдохнули так просто расшифровываемый набор неслышанных из-за канонады букв.

Из-под каски на меня смотрел скорбный, влажный глаз со стеклянной пустотой в зрачке. Вокруг глаза — кожа, бумажная, неродная, словно её одолжили у трупа. Нос с запачканным кончиком, подбородок — неумелая работа начинающего скульптора, прячущего отсутствие таланта и врождённую лень за модным нынче авангардизмом с его гротескной свободой пропорций.

Закрывающая лицо повязка сползла на шею, обнажая тонкогубую щель рта.

— Бе-е-ги!

Он пока жив. И он знал, куда будут стрелять.

Потому и пустил меня первым, давая проскочить. Сам не успел. Грёбанный талантище, будь ты... не хочу за чужой счёт!

До пяти! Теперь обратно!

Пять!

Отпускаю ненужную винтовку. Побегали, подружили — хватит. Мне руки свободными нужны. Расходимся...

Четыре!

Не выпрыгиваю — переваливаюсь на этот проклятый метр вдоль окопа.

Три!

Вскакиваю, бросаюсь вперёд, точно в воду с самой высокой вышки.

А дальше считать не буду! Тут рядышком.

Человеку, чтобы полностью потерять себя, надо сделать всего два шага.

Первый шаг — отойти от привычного окружения цивилизации с её законами и ценностями. Недалеко, можно даже на обочину, где размываются врождённые и навязанные правила.

Второй — стать зверем, поддавшись инстинктам, созданным эволюцией ради выживания.

Выживание — оно вкусное, манящее, заставляющее видеть шкурой и слышать затылком. Оно — природное, родное, впитываемое с самого рождения и неуклонно зовущее туда, где не стреляют.

Всего два шага назад...

И я вновь окажусь в окопе, наедине с эфемерной возможностью выкрутиться из всей этой заварушки. Свалить все грехи на товарища, обелить себя, рискнуть прорваться, если сложится так, как мечталось совсем недавно.

Или отказаться от шанса спастись, не предавая последнее, что осталось на этой сраной планете у рядового первого года службы Виталиса Самадаки — дружбу.

Что-то я расфилософствовался...

Боец Маяк!

Не спать! Бегом! Зачёт по выжившим!!!

Геройствовать и пытаться оказать первую помощь вне укрытия я не стал. Заденет осколком или приголубит пулей — какой из меня тогда спаситель? Вдвоём здесь ляжем.

Не замечая ничего вокруг, прыгнул в окоп с той, прикрытой от позиций условно «наших» холмом, стороны, и, схватив Психа за шорты и бронежилет, потащил его за собой, под ненадёжную защиту земляных стен.

Любой медик приговорил бы меня к расстрелу за подобное обращение с раненым, но делать было нечего. Или так, или никак.

Тело товарища, безвольное, неожиданно окрепло, пытаюсь ударить меня кулаком по носу.

— Беги, — хрипело оно, не находя в себе сил поднять голову и посмотреть в глаза. — Пока обстреливают — имеешь шанс прорваться! Брось! Вдвоём не уйти... Брось! Мне не страшно.

— Пасть захлопни, — поражаясь самому себе, я не орал от переполняемых эмоций, а действовал точно на учениях. — Я тебя отсюда уберу. Осмотрю. Перевяжу. Дальше разберёмся.

Правая рука первого номера намертво сжала ремень винтовки, а та, в свою очередь, зацепилась за вывернутый корень толщиной с запястье.

— Вот зараза! — на мгновение я позабыл о наших пререканиях, проводя филигранный трюк по удерживанию раненого на весу и освобождению личного оружия, для чего пришлось частично высунуться над уровнем поверхности планеты.

Еле смог. Лишённый «якоря» Псих обмяк, зажатый между стенкой окопа и моим брюхом. Винтовка, издеваясь, выпала из его ослабевших пальцев.

— Куда укусило?! — пришлось рычать во всю мощь глотки, перекрывая окружающее светопредставление.

— У позвоночника... Ливер тоже задело. Брось!

Вот почему крови не видно... Под броником она, если вообще есть, а не вся хлынула внутрь.

— Отвянь, зануда! На спине поедешь, — пристраивая раненого на загривок, огрызнулся я. — И постарайся ботинками не цепляться за всё на свете!

— Маяк, не пори чушь, — продолжал упрямять тот. — Куда мы денемся? Скоро всё успокоится, и нас зачистят.

Я знаю, дружище. Знаю... Но дать тебе подохнуть, как последней твари, выше моих сил. Мне тоже уже не страшно. Вернёмся назад, закроемся в родном тупичке, повоюем, сколько сможем... Куда я отсюда пойду? Снова скрываться, пугаясь каждой тени до трясучки? В жопу. Хватит. Надоело. С тобой я — человек.

А вслух громко сказал:

— Давай о смерти потом поболтаем?! Тема скучная.

— Придурок...

— Не придурок, а второй номер. Кано не ошибся с назначением... Ты ругайся. Можешь

даже плевать мне в затылок. Только не молчи, тогда мне станет тоскливо, одиноко и вообще, я остановлюсь, чтобы посмотреть, живой ты или не очень. И-и-эх! Побежали!!!

Не выпуская рук сослуживца, я носком ботинка подцепил винтовку и подкинул железяку вверх, второй раз за сегодня проявив чудеса ловкости. На лету зацепил пальцем ремень, перехватил его зубами, ближе к прикладу. Оружие мне понадобится, а другого поблизости нет.

— Эй... Би... Си... — сквозь сцепленные зубы чёткость звуков давалась трудно, но на произношение я чихать хотел. Лишь бы Псих не отключался. — Фомохай! (трансформировалось обычное «помогай» из-за засаленного брезента в зубах, но товарищ об этом догадался)

— Ди...

— И дальфе, по алфафиту...

— Е...

— Эф... Дши...

— Поиграть-ка выходи... (***) Стой...

Замерев, я без лишней впечатлительности пронаблюдал, как метрах в десяти, за очередным фортификационным изгибом окопа, взлетел грунт от прямого попадания в нашу тропку. Забарабанило комьями, запылило.

— Аш...

И так шаг за шагом, не особо прячась и почти не кланяясь порхающему металлу.

Пока мы отсутствовали, на передовой позиции «Титана» многое изменилось. Обстрел повторно переработал рельеф бывшего полевого укрепления, за исключением санитарного тупичка. Его почти не коснулось, лишь в мешках добавилось новых дыр да край наката опасно обвис тёмными от грязи лохмами.

Не рассуждая, я перекинул почти потерявшего сознание сослуживца внутрь, перебрался сам.

— Ну, вот мы и дома.

— Ага, — блаженно улыбнулся тот, не поднимая век. — Дома... Толчок не украли?

— Пусть попробуют. Порву.

Биотуалет на нашу перепалку вежливо промолчал.

— Дай гранату, — попросил лежавший поломанной куклой Псих и повернул ладонь вверх. До кармашка на бронежилете он дотянуться не смог, не хватило сил.

— Держи.

Ощувив в пальцах тяжеловатый кругляш, раненый улыбнулся ещё шире, почти до ушей, как тогда, при первой нашей встрече.

— Друг — это хорошо... Друзья нужны...

— Повернись, посмотрим, что там у тебя.

— Пустое. Доктор не приедет.

Ну да...

— Тогда к бою! — скомандовал я, проверяя винтовку и пересматривая прикреплённые к бронежилету магазины. Комплект. — Пока ждём гостей, расскажи-ка о Логое.

Бог войны расходился во всю, круша мир направо и налево.

(*) Ситком — разновидность комедийных радио и телепрограмм, с постоянными основными персонажами и местом действия.

(**) — Вит использует старую английскую считалку:

A, B, C, D, E, F, G Поиграть-ка выходи. H, I, J

Не жалея K, L, M

Поскорей N, O, P

Рядом иди Q, R, S, T, U, V Как же счастливы мы W, X, Y, Z Мы играем, водишь ты!

Глава 23 Интерлюдия № 6

В это же время...

Президент не любил, когда его рабочий график нарушают без веской на то причины. Сопровождения, встречи, заседания, интервью, изучение документов, важные переговоры по защищённым каналам связи — всё это сжирало невероятное количество времени, оставляя лишь несколько часов на сон.

При этом, служба, ответственная за распорядок главы государства не бездельничала, выкраивая такие важные мгновения для краткого отдыха везде, где могла. Когда пять, когда десять оборотов минутной стрелки на старомодных часах творили чудеса, одновременно помогая и расслабиться, и собраться.

Вот и сейчас давно немолодой, усталый человек просто сидел в кресле, откинувшись на спинку и закрыв глаза. Он только что вернулся с очередного заседания финансового комитета, где вдоволь наслушался о проблемах в экономике.

Как будто это секрет! Да последний клерк из государственного банка знает состояние казны. Она пуста. Не помогают ни займы, ни кредиты. Федерация, ранее многословно обещающая помощь и всячески намекающая на окончание войны, с недавних пор молчит, отделяясь общими фразами.

Обиделись на отказ.

Президент поморщился.

За показной дипломатичностью далёких воротил с их демонстративным нейтралитетом крылось большее, чем равнодушие к задворкам космоса. Они ждали сильнейшего. Того, кто будет способен удержать власть в ближайшее десятилетие без великих потрясений.

Его и станут укрощать, подсаживая на финансовую иглу дотаций и безвозвратных кредитов, впрочем, особо не балуя. А пока — высокие сферы лишь созерцают, чем закончится маленькая грызня за право занять этот кабинет.

Им от личности победителя ни холодно, ни жарко. С любым станут работать по обкатанным методикам.

Да и он, действующий президент, согласился бы прыгать вокруг Федерации на задних лапках ради мира и спокойствия!

Но проблема кроется не в его желании или нежелании. Ему не доверяют. Причина примитивна, обоснована, и, как признавался сам себе хозяин кабинета, проста: государство стоит на краю необратимого дефолта. Притихшая было оппозиция всюду шушукается по углам, и появление у неё нового сильного лидера — вопрос времени.

С точки зрения далёких воротил — он всё проиел и теперь использует последний шанс не опростоволоситься, удержаться, показать, что ещё может держать всех в кулаке.

Если не справится, то тогда... снесут, как поезд зеваку.

А уходить на покой ой как не хочется. Тем более, без гарантий личной безопасности. Сложи он полномочия сейчас — громкий процесс с последующим пожизненным заключением и полной конфискацией обеспечен. Согласись на прямое озвучивание того, о чём давно шепчутся на всех уровнях — марка, как денежная единица, рухнет в бездну. Дальше — печатный станок, новые нули на ценниках, проблемы с взаиморасчётами между производителями и покупателями, скандалы, бунты, продуктовые карточки... Аналитики

подробно расписали последствия этого шага. Ещё и свои исподтишка укусят, спасая собственные капиталы и шкуры.

Единственный выход виделся главе государства в том, чтобы петлять до последнего. Благо, война в некоторой степени облегчает эту задачу. По данным разведки, в Розении ситуация аналогичная. Почти. Их президент тоже далеко не дурак и мечтает умереть в своей постели, а не на тюремных нарах.

И что, теперь из-за чужих интересов отказаться от цели всей жизни? Забыть, как карабкался в это кресло с самых низов? Ну уж нет.

Самое обидное, что лично его упрекнуть в коррупции нельзя. Не воровал, не брал, однако... короля играет свита. А свита чрезвычайно, до неприличия прожорлива. За право влезть в военные поставки просить приходили даже те, на кого бы никогда не подумал.

Все предчувствуют неизбежную развязку, мечтая выжать из имеющихся возможностей по максимуму и после, разумеется, поделившись наворованным с победителями, перебежать в их лагерь.

Расстрелять бы всех прихлебателей с лизоблюдами и министрами...

Скопом, на стадионе. А нельзя. С кем тогда останешься? Новых где взять, честных и работоспособных? Их, наверное, в природе вообще не бывает... Каждому хочется взять от власти всё и сразу, чтобы детей выучить в престижнейших университетах Федерации, обезопасить себя и потомство от любых финансовых потрясений, а старость лет провести на курортных планетах в полном удовольствии, имея под боком все современные достижения медицины.

Понять их можно. Простить или заменить — нельзя. Такое положение дел — бич любой галактической периферии. Все мечтают отсюда сбежать, и непременно с полными карманами.

От таких размышлений хозяин кабинета ослабил галстук. Дышать стало легче.

В дверь постучались.

— Входи, Ивар! — кроме личного секретаря, никто другой не осмелился бы беспокоить президента в минуты отдыха. — Огорчай.

Давний соратник тихо прошмыгнул в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Как обычно — собранный, с папкой для особо важных документов, и лицом, по которому никогда нельзя было понять, что он думает или ощущает.

— Новости, господин президент. Ко мне, около четырёх с половиной часов назад, неофициально заходил глава СБН. Рассказал, как бы мимоходом, что в его ведомстве один из подчинённых, желая выслужиться, завербовал бойца «Титана», от которого получил некоторые важные сведения. Информация, во избежание утечки, собиралась тайно, по инициативе того самого подчинённого.

— Что, своим не верит? — понимающе усмехнулся хозяин кабинета.

— Я не уточнял. Возможно, боялся делиться из-за конкуренции, мечтая о новой ступени в карьерной лестнице. Вполне могло бы получиться, повод благодатный, особенно с соблюдением полной секретности... Простите, выясню.

— К чему копать в пустяках? Мотивы понятны, а с остальным в СБН без нас разберутся. Продолжай.

— Данные сведения ретивый офицер после всесторонней проверки и перепроверки донёс до высокого начальства, ходатайствуя о санкции на полноценную оперативную разработку руководства бригады.

— Почему сообщили тебе? — перебил Ивара сидящий в кресле. Детали внутренней кухни силовиков его интересовали мало.

— Дело скользкое. Глава СБН хоть и наш человек, но умеет держать дистанцию и лавировать там, где нужно. Он прекрасно знает, кто стоит за «Титаном», поэтому не желает осложнений в будущем.

— Ты ему почти оду поёшь.

Секретарь пожал плечами.

— Я говорю, как есть... Узнал, обдумал, решил не идти на конфронтацию, воспользовался принципом «передачи сведений через третье лицо», чтобы избежать неудобных вопросов от вас или не перегнуть палку с демонстрацией осведомлённости.

— Проще, Ивар.

— Он сделал вид, что ничего не знает.

— О чём?

— О производстве на насосной станции, расположенной у самой линии соприкосновения и находящейся под крылом бригады.

— Ты про нарколабораторию? — наедине с помощником глава государства предпочитал называть вещи своими именами.

— Да. Завербованный боец с позывным «Псих» поведал очень любопытную историю про обнаруженные в казарменной душевой пакеты с готовой продукцией. Так же он предоставил аудиозапись разговора двух командиров среднего звена, где косвенно упоминается причастность бригады к производству. Оба говорящих опознаны, экспертиза показала подлинность записи... Вдобавок, там промелькнули кое-какие обстоятельства, связанные с переделом рынка сбыта.

— Болтали о «Хозяевах улиц»? Кретины... Они бы ещё рекламный баннер заказали с признанием. Дальше!

— Этой записи умному достаточно. И автоматически возникают вопросы: кто ещё знает об этом, имеются ли дубликаты аудиофайла, каким образом получен компромат, имеются ли сообщники...

— Направление понятно. Эффект кругов на воде от брошенного камня. Действия?

— Я немедленно передал информацию командиру бригады. Он обещал разобраться и перевезти цех в более безопасное место. Простоев не будет. Задействованы резервные лаборатории.

— Одобряю, — помедлив мгновение, вынес вердикт глава государства. — Мы получили добротный урок в новой для нас сфере. Можно сказать, сбиты на взлёте. Что же... Придётся учесть ошибки и сделать верные выводы.

Ивар промолчал, так как прямого ответа не требовалось. И, как всегда, оказался прав. Президент просто захотел выговориться:

— Чёрный нал Федерации, как и обезличенные кошельки в инопланетных банках — кровь политики. Все хотят сладко кушать, все продают лояльность без скидок, дорого. Так что пусть производство старается. Мы на эти доходы будущее государства создаём. Спасаем от развала... — короткий взгляд на часы оборвал его речь, подчиняя желание излить накопившееся суровому распорядку. — Это всё?

— К сожалению, нет. На передовой — обострение ситуации. Пока непонятно, что и как, но я распорядился подготовить два обращения к нации. На случай победы или...

— С фамилиями павших не спеша, — мелочно посоветовал хозяин кабинета. — Семьям

компенсации положены. Немалые! Потом разберёмся, кто герой, а кто не заслужил, — выразив столь экономную мысль, он вернулся к государственным масштабам. — Держи меня в курсе ситуации на линии соприкосновения и докладывай обо всех изменениях. Поражение нам сейчас совсем не к стати.

В верхах, похоже, не договорились.

Артобстрел то утихал, то вспыхивал с новой силой, привлекая всё новых и новых участников. Локальная стычка, развязанная одной-единственной пушкой, неумолимо перерастала в общевойсковую мясорубку со всеми вытекающими.

Я не льстил себе рассуждениями, что вся эта карусель завертелась из-за двух бойцов, по собственной инициативе нарушивших все возможные договорённости. Мы, скорее, стали катализатором активных действий, которых участники конфликта давно ждали.

Как в Нанде, так и в Розении.

Да и в нейтральной НьюДании наверняка уже придумали, как погреть руки на новом витке вооружённого противостояния соседей.

Про наш уничтоженный пост словно все позабыли. Залпы грохотали с обеих сторон, часто докатываясь эхом откуда-то совсем уж издалека. В воронку, бывшую некогда позицией пушечного расчёта, больше не упало ни единого снаряда.

Похоже, драка разворачивалась по-взрослому. Противоборствующие силы перешли к методичному взаимоуничтожению.

А мы с Психом сидели посреди всего этого, в своей норке, и коротали время за разговорами о разном. О чём угодно, кроме войны. Вернее, говорил больше я, тормоза и беспокойя товарища.

Состояние раненого ухудшалось. Мне удалось убедить его стянуть бронежилет и осмотрел рану. Продолговатую, с рваными краями, в поясице. Кровила она не очень, однако, это скорее, напрягало, чем настраивало на позитивный лад.

— Осколок, — сказал Псих, получив укол обезболивающего из индивидуальной солдатской аптечки. — Мне в ближайший час-два надо или на операционный стол, или к похоронному распорядителю. Да. Больше на меня лекарства не трать. Себе оставь.

У меня оставалось ещё три шприц-тюбика с убойным коктейлем, призванным облегчить страдания пользователю. Два моих, один товарища.

— Всем хватит, — солидно отверг я предложение и обработал рану по всем правилам, зазубренным на занятиях по санподготовке.

Первый номер смотрел на мою возню с неодобрением, как на ненужную суету, но молча. Укол помог почти моментально, хотя мы оба знали, что ненадолго.

Сквозь дыру в перекрытии промелькнули крылатые силуэты, узкие и стремительные.

Ударные беспилотники...

Они прошли над нами, встречаемые частым стрекотом комплексов ПВО.

Новые разрывы. В основном, позади.

Рокот тяжёлой техники, харкающие очереди крупнокалиберных пулемётов, неповторимый звук отвала сапёрной машины, басовитое требование кого-то невидимого:

— Выходите! Иначе зачистим!

Голос мне показался знакомым, но в этом шуме кто его разберёт?

Псих сжал в ладони гранату, готовясь к худшему. В том, что у товарища хватит смелости подорвать нас обоих — сомнений не возникало. Да оно и к лучшему будет. «Титан» двух предателей однозначно не выпустит, так что, граната не такой уж и страшный финал.

— Кто?! — отозвался я, приготовив винтовку к бою и посматривая то в проём между

мешками и перекрытием, то в дыру над нами.

— Добрые феи, ёпта... — заржали снаружи.

— Спроси, это Длинный? — негромко обратился ко мне первый номер, не имея сил на крик.

Перед глазами возник образ коммуникатора, озвучивающего просьбу нарисовать портрет жены... Ага, припоминаю, был такой гражданин, ещё присматривать за нами обещал.

— Длинный?! — я немедленно сработал рупором, придавая интонации максимум вопросительности. Тут важно все тонкости соблюсти. Позывной у человека... скользкий, на двусмысленность напрашивается. Длинный он, или у него? Не ошибиться бы. Обидится — и конец переговорам.

— Он самый, — проорали снаружи. — Добровольческая бригада «Юг». Сдавайте оружие, парни... В плен пойдёте.

Ну, в плен так в плен. Всё лучше, чем на удобрения.

— Зато живые, — устало пробормотал Псих, в неизвестно какой раз угадывая мои мысли. — А там видно будет. Да.

Конец второй книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net